

Дмитрий Матяш Выход 493

«Дмитрий Матяш. Выход 493»: Крылов; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-4226-0128-8

Аннотация

Долгие годы они считали, что после ядерной войны уцелели, не утратив человеческий облик, только они — те, кто оказался в Укрытии. Но вдруг странный... очень странный гонец доставляет послание из другого города. Отправившие послание люди утверждают, что знают, как оживить мир. Но им самим не хватит на это сил — их осталось слишком мало.

Что делать? Покидать Укрытие или нет? Поверить в призрачный шанс на спасение верхнего мира? Неужели и в самом деле еще есть выжившие?

Или к ним попало послание мертвых? Или это чья-то хитрость и их пытаются заманить в ловушку?

Узнать правду можно лишь одним способом — преодолеть 493 километра, разделяющие города. 493 километра по аду. По зараженным землям, через разрушенные населенные пункты, по территориям, заселенным неизвестно кем. И поисковая группа, в которую вошли лучшие из лучших, отправляется в путь.

Однако знай они, что ждет их на этом пути, еще сто тысяч раз подумали бы, стоило ли покидать убежище...

Дмитрий Матяш Выход 493

Глава 1

*Мы здесь одни, среди тысяч заплаканных глаз,
Это они смотрят в прицел на нас,
Слышишь все ближе мертвых собак лай,
Целься чуть ниже... Стреляй!!!*
Дельфин «Нечестно»

Стахов как раз подкладывал в костер сухие поленья, в надежде отогреть заглодевшие руки, когда привычную тишину заставы нарушил сначала едва различимый на фоне душевного потрескивания костерка, но постепенно все нарастающий шум. Это возвращался с ночного рейда вояжерский грузовик, один из немногих, оставшихся в Укрытии на ходу. Узнать по звуку, чей именно экипаж возвращается, для Стахова не составляло никакого труда. Он с завидной легкостью, даже сквозь два металлических заслона, ограничивающих тридцатиметровый промежуточный шлюз, определил, что это возвращался с рейда «Монстр» — уж его-то его рев, когда вояжеры выжимают из двигателя последние силы, спутать с чьим-то другим мог либо неопытный новичок, либо совсем уж невнимательный вояка.

Поэтому еще до того, как тот успел подкатить свои шесть колес к наружному заслону шлюза и подать сигнал о прибытии, комбат нехотя поднялся от костра, похрустел шеей и, подойдя к откинувшемуся на мешки новичку, опустил свою тяжелую руку ему на плечо.

— Просыпайся, боец, — сказал он, с трудом подавив в себе желание, схватить новичка за шиворот и как следует его встряхнуть.

Парень, имени которого Стахов так и не запомнил, встрепенулся, будто получил пощечину и вскочил на ноги, по привычке вцепившись обеими руками за автомат.

Мысль, что его подняли не по боевой тревоге, пришла не сразу. А вслед за ней в опьяненный сладким, необычайно цветастым сном мозг ворвалась и другая, от которой у него вмиг все сжалось внутри, похолодело, а кадык запрыгал как заводная игрушка: он заснул на посту!

Нет, нет, только не это, — возопил протрезвевший разум парня, все еще не веря в то, что это произошло, — я не засыпал, не мог... Черт, одолело наваждение!

— Простите, Илья Никитич... товарищ командир, вторые сутки на ногах, — виновато вскинув глаза на Стахова, оправдывался юноша. — На минутку присел, и... — он развел руками, не в силах добавить что-то еще.

Лицо командира на мгновение просветлело, как-то по-отцовски тепло блеснули глаза, даже подумалось, что он сейчас искренне улыбнется и скажет что-то успокаивающее, вроде: «да все нормально, малый, с кем не бывает». Но его колючие брови тут же обратно поползли к переносице, глаза заблестели бесчувственной сталью, а лицо возвратило себе прежний, бесстрастный, хладнокровный облик, став словно неживым. Не могли оживить его и задорные отблески языков пламени, воодушевляющие своим пылким, неповторяющимся танцем даже, казалось бы, бетонные стены.

— Сто раз, — тихим, изможденным, но не лишенным власти голосом сказал он, глядя куда-то поверх белобрысой макушки. — На кулаках. А в следующий раз получишь еще один наряд. Понял?

Парень, пятнадцати лет отроду, браво вздернул подбородком и даже удовлетворенно улыбнулся, будто ему приказали не отжиматься на твердом бетонном полу, а как минимум пойти и продолжить свой сон. Тут же, отложив оружие в сторону, он упал на протянутые кулаки и с выталкивающимся из легких, ритмичным «уф-уф», принялся отрабатывать наложенную на него епитимью.

На самом деле Андрей в душе был рад, что именно такое наказание выбрал ему начальник заставы. Впрочем, его юношеский энтузиазм не был безосновательным — о Стаховских методах «наушения» новичков, о его свирепствованиях в случае невыполнения уставных инструкций, особенно имеющих прямое отношение к несению службы на заставах, ходили разные слухи. Быть выброшенным в промежуточный шлюз и оставаться там, в полнейшей темноте, смраде гниющей плоти и по колена в грязной воде, из которой то и дело показывались толстые, скользкие, червеподобные существа, на протяжении хотя бы десяти

минут полностью хватало для того чтобы обдумать свой проступок и сделать надлежащие выводы. Именно поэтому сотня отжиманий на кулаках новичку была не страшнее штопанья старых портянок — трудно, разумеется, особенно когда заходит где-то за восемьдесят, но зато цел и в тепле.

Илья Никитич извлек из костра тлеющую головешку, подкурил самокрутку и посмотрел в противоположный конец заставы. Там, на горе из мешков, выложенных почти до потолка, размещался второй пулеметный расчет.

— Эй, на точке! — выкрикнул он, выпустив изо рта плотное облако сизого дыма. — Вы что там, тоже заснули нахрен?!

Из-за наваленных мешков тут же вынырнули две фигуры: одна повыше и покрупнее, а другая тощая, с копной неухоженный волос. Их лиц не было видно, свет от разложенного внизу костра туда не доставал, но даже неопытному новичку было понятно, что эти двое «на точке» спали точно также как и сам он еще минуту назад.

— Никак нет, товарищ командир батальона, — как можно бодрее ответил звонкий юношеский голос, принадлежавший тощей фигуре.

— Чай хлебаем, Илья Никитич, — дополнил второй, принадлежащий человеку постарше. — Не желаешь? Из термоса только, горячий еще.

— Из термоса? — голос Стахова заметно подобрел. — Можно и похлебать, если из термоса. Вояжеров только впустим сначала, — и, выдержав короткую паузу, добавил: — Коран, ты там за новичком следил бы лучше, а то дрыхнете небось оба.

— Не, не дрыхнем, — заверил его Коран. — А что, уже пришел вояж?

— Я ж говорю, блин! Чай они хлебают. — Стахов выпустил изо рта струю густого сизого дыма. — Хаким, обещаю — по тоннелям бегать будете, со всей раскладкой и в противогазах!

Эхо его хриповатого, прокуренного голоса отразилось от голых бетонных стен, и тут же, будто в ответ на вопрос Корана, снаружи донесся мощный звуковой сигнал: два коротких гудка, один длинный. Машина подошла к первому, верхнему заслону.

— Давай, подымайся на точку, — скомандовал Илья Никитич Андрею, прищурившись то ли от дымящей в зубах самокрутки, то ли чтобы внимательнее рассмотреть прыщавое лицо подчиненного. Затем причмокнул, будто в зубах застрял кусок мяса, недовольно качнул головой и сплюнул — резвость молодого бойца, по его мнению, оставляла желать лучшего.

Парнишка, на ходу растирая оковевшие кулаки, вскочил по выставленным в виде ступеней мешкам вверх и оказался в укрепленном гнезде, где его уже ждали разложенные на специальных подставках ящики с боеприпасами и неизменный компаньон — станковый пулемет Калашникова, безвольно вперивший свое черное дуло в холодную, серую твердь потолка. Там было темно и зябко, костер с недавно подкинутыми в него дровишками остался внизу, и новичку его теперь чертовски не доставало. Еще недавнее ощущение домашнего уюта и спокойствия, которое так ненавязчиво поспособствовало его кратковременному отходу в мир грез, испарилось, оставив вместо себя удручающее чувство тревоги и все разрастающееся беспокойство. Впрочем, это обычные переживания для тех, кто заступает сюда в наряд.

Сюда, на северную заставу.

И хотя в самом слове «застава» таилось что-то такое важное, угрожающе-суровое и внушающее уверенность, при котором воображение рисовало могучий, неподступный передовой пост, вставший на рубеже между жизнью и смертью, на самом деле северная застава представляла собой всего лишь ржавые двустворчатые ворота да пару пулеметных гнезд, прикрытых стеной из наполненных песком мешков.

А оттого и страх нелюдской брался, что хлипкая застава держалась на честном слове, штопанные мешки то и дело рвались, просыпая на землю ценный песок, ворота слетали с петель, пулеметы клинили в самый неподходящий момент, а разное тварье с поверхности почему-то именно ее избирало для самых своих яростных, неистовых нападений. Ведь кто его знает, почему они с куда меньшим рвением и частотой атаковали южную или юго-

восточную заставы, а будто им поделано, перли на северную? Может, чувствовали, что ее состояние близко к самораспаду, а, может, и еще что — кто ж разберет? Но зачастую нападали даже не для того, чтобы прорваться внутрь, а именно с целью уничтожить тех, кто стоял на ее защите. С небывалой жестокостью они расправлялись со взводом охраны лишь затем, чтобы потом... просто уйти через открытый шлюз обратно.

Да, покуда все спокойно, покуда не поднят заслон — металлическая плита с непонятной обычным солдатам аббревиатурой N.P.S., отделяющая заставу от промежуточного шлюза — могло казаться, что так тихо тут будет всегда. Что ничего страшного в несении службы на северной нет и волноваться не о чем. Что стена мешков выдержит натиск и сотни озлобленных валебрисов... но стоит заслону приподняться хоть немного, и бывшее затишье превращалось в беспощадный шторм.

Потому и неудивительно, что желающих попасть в наряд на северную и днем с огнем не сыщешь, а тот, чье дежурство подходило по графику, шел на нее как на войну, прощаясь с родными и близкими. Исключение составляли юнцы, желавшие доказать всем, и себе в первую очередь, что они «тоже могут», ну и непосредственно начальник заставы — командир батальона охраны Стахов Илья Никитич и его заместитель — Хаким Коранов. Им помимо воли приходилось заглядывать смерти в глаза в десять раз чаще остальных. Не зря же кто-то давно дал северной заставе прозвище «смертная»...

Стахов закрыл за собой скрипевшие старыми, несмазанными петлями ворота и поднялся к новичку.

Сигнал снаружи повторился. Ох, уж этот длинный... Это значило, что «Монстр» притянул за собой «хвост». Явление, конечно, отнюдь не редкое, особенно в последние дни, когда вояжеры делают по два-три выезда за ночь, но Стахов был почему-то уверен, что чаще всего эта махина тащит на себе всякую нечисть именно в понедельник и четверг, будь они неладны, в дни его дежурства на заставе. И сейчас, услышав этот длинный финальный сигнал, он ничуть не удивился. Странно было бы слышать только два коротких, но такого подарка от судьбы ждать было бесполезно. Особенно под утро.

— Тьма бы их поглотила, — зло прошептал Илья Никитич, доставая из ящика пулеметную ленту. — Каждый раз волокут на себе какое-то дерьмо, соплежуи хреновы! Патроны они берегут!

Новичок, имя которого было Андрей, украдкой взглянул на начальника заставы и пришел к выводу, что к концу смены тот уже выглядел не ахти. И хотя сегодняшнее дежурство выдалось даже чересчур тихим, Стахов выглядел так, будто единолично отбил наступление орды зомби. Сказывались то ли изнурение от последних дней, то ли еще что, но комбат сейчас казался ему совсем не тем человеком, с которым он заступил на дежурство двадцать часов назад. Еще бы, ведь тогда он величаво прохаживался по заставе длинными мерными шагами, не давая уснуть ни ему самому, ни тем двоим, что боролись со сном на другой точке. Подбородок приподнят, плечи расправлены, спина прямая как гладильная доска, а глаза — лишь узенькие щелочки, следящие за каждым движением, за каждой тенью, возникшей в пределах заставы. Теперь же его лысая голова плотно припала пылью, как у того бюста вождя из прошлого, которого однажды ради шутки прихватили с поверхности вояжеры, изуродованное шрамами лицо перекошилось в ядовитой ухмылке, навевающей страха больше, чем приоткрытый заслон в шлюз, а во взгляде вместо привычных требовательности и бдительности, читалась усталость и плохо скрываемая тоска.

Ему не мешало бы отдохнуть, — подумал Андрей, подсчитав в уме, сколько же суток Илья Никитич ходит в наряды: — Вчера на восточной, позавчера на юго-западной... Дня три точно, может даже и все четыре, хотя должен был лишь дважды за неделю».

Смысл этих изнурений Андрею не был ясен, понял он лишь одно — долго тот так не протянет. А Стахов, будто услышав о чем думает его малолетний подчиненный, приложил последние усилия, чтобы согнать с себя явные и так неприсущие ему симптомы усталости. Провел ладонью по лицу, закрыв глаза, встряхнул головой, потом быстро заложил ленту в пулемет и, клацнув затвором, повернулся к салаге прежним, строгим видом.

— Стрелять из этой штуковины умеешь? — указал он на пулемет.

— А то, как же, Илья Никитич, — обиженным голосом ответил новичок. — Не первый раз в наряде на заставе.

— Во как? Это куда же ты в наряды ходил-то? — насмешливо прищурился Стахов.

Андрей посмотрел на висящую за спиной комбата карту Укрытия, наклеенную поверх никому не нужной живописи в деревянной раме. Там была схема Укрытия, издали напоминающая нарисованное двухлетним ребенком солнце — неровный круг и отходящие от него шесть лучей. Это были тоннели с промежуточными шлюзами, из которых три жирных луча — это транспортные: северный, восточный, и юго-западный, и три тонких — узкие штольни: северо-западный, западный и юго-восточный. Последние раньше служили вентиляционными шахтами, но когда фильтры убрали за ненадобностью, их стали использовать как дополнительные выходы наружу.

— Да только на «юзу» уже раз десять с начала лета в наряд ходил, — как можно бойче ответил Андрей, предполагая, что дежурство в юго-западном кордоне послужит для Стахова отличной рекомендацией. — А на восточный и «юву» раз двадцать, наверное.

— И что? Хорошо на «юзе» спится? — ужалил его ветеран. — Ты только мне не рассказывай по чем в Одессе рубероид, ладно? Знаю я эти ваши дежурства на «юго-западке»: две машины в сутки впустите-выпустите, а потом Тромбон спит, и вы все спите, аж опухнете. Дозвониться к вам все равно, что на тот свет, — отмахнулся Стахов, затаившись дымом. — Сколько раз стрелял по живым целям-то? Два, три?

— Ну если на заставе, то раз сто наверное, — упорно не желая упасть в грязь лицом, легко солгал Андрей, удвоив свои истинные показатели.

— Сто, говоришь? — вдумчиво повторил комбат. — Значит, вот что. На пулемет тебя пока не поставлю, подстрахуешь если что со своей «пшикалки», — кивнул он на Андреев укороченный АКС. — А придет «Резвый» где-то часа через два, тогда может и постреляешь. Понял?

Андрей нахмурился и, отложив свой автомат в сторону, облокотился на мешок, давая понять, что ожидал-то он от первого своего наряда на «северке» немного больше, чем просто «подстраховать со своей «пшикалки», ведь сделать он это мог и на любой другой заставе. Но сказать об этом, конечно же, не посмел. Тем более, нагнать после того, как проштрафился, уснув на посту, испытывая на прочность «доброту» Стахова явно не было необходимости. Ведь кто его знает, какие мысли ходят в его голове? Передумает, и все. Потом лишь отпишется в рапорте, мол, боец уснул на посту, был наказан, выдворен, с целью отбывания наказания за заслон и там... Кто же думал, что так получится — пропал!

А ведь что самое главное, Стахову-то ничего не будет, его даже судить не станут — таких не судят, а его, Андрея, сожрут те черви, что пожирают трупы расстрелянной на заставе нечисти — их же просто в шлюз выбрасывают, трупы эти, а через час от них уже ничего не остается... И представив себе, что, подняв заслон, его могут не найти, Андрей весь скукожился и громко засопел, всячески пытаясь отогнать от себя дурацкие мысли.

Илье Никитичу было уже за сорок. Он, конечно же, был строгим, а иногда и не в меру жестоким в отношении воспитания юных военнослужащих, не скупясь при этом на изощренные наказания, но большинство из тех страшных слухов, что о нем ходили, были всего лишь выдумками, сочиненными как раз для таких случаев. Выбрасывал бойцов он в промежуточный шлюз всего лишь несколько раз, и это было уже так давно, что и сам он толком не помнил кого и за что наказывал таким образом. В основном, он мог врезаться по шее, или схватить новичка за шиворот и швырнуть куда подальше. И как бы там это не называлось, но оно действовало.

В следующий раз они сто раз подумают, — утверждал Стахов, — прежде чем присесть у костра и начать мечтать черт знает о чем. На кордонах для них нет ящика с мечтами, только с патронами, дровами и продпайком.

Большую часть своей жизни Илья Никитич провел на заставах Укрытия. Так уж тут заведено, в этой подземной империи выживших, что перед каждым трудоспособным

мужчиной предстоял выбор: либо военное ремесло, либо «научка» — если есть задатки для изучения точных наук и дальнейшей работы в лабораториях, либо «гражданка». Но последнее, несмотря на свое мирное название, вовсе не работа в теплом офисе или вращение баранки. Это обработка земли, это ежесекундный тщательный уход за едва продирающимися из грунта чахлыми, бледными растениями, это рутинная работа на фермах, в металлургических цехах, это адский труд шахтера. Другого здесь не было дано. А Стахову, как потомку военачальников в третьем колене, даже в страшном кошмаре не могло привидеться, что он вспахивает землю, ухаживает за скотом или работает на фабрике, изготавливающей топливо для машин. И дело вовсе не в том, что он боялся труда, презирал хозяйственную работу или чурался провонять коровьим дерьмом, нет. Просто видел он всегда себя другим. И даже родословная, о которой он, по сути, так мало знал, здесь была ни при чем. Призвание свое он почувствовал еще тогда, когда впервые взял в руки оружие. Вот оно — его рало и его молот, его хлеб и его суть.

Нет, он не видел себя славным воином, завоевавшим мир, не мечтал стать притчей во языцех, не грезил о подвигах и геройстве, как другие, не думал о репутации или, Боже упаси, об условиях жизни лучших, чем заслуживает обычный работяга. Илья Никитич самоотверженно считал себя лишь маленькой боевой единицей, ставшей препойой на пути нежити к миру, в котором еще теплится жизнь. Видел себя эдакой спичкой, воткнутой в желоб, по которому стекаются в их жилище всяческие нечистоты. Вот он, а вот его дружина — такие же спички, десятки, сотни спичек, которые стоят в ряд, плечом к плечу, готовые грудью принять все те напасти, что ниспошлет на них немилосердная судьба. Готовые сломаться, лишь бы не пошатнуться, не быть снесенными тем потоком грязи, что несется со сточных труб протравленного мира в их дома, к их больным детям, изможденным тяжелой работой старикам и женам, в чьих глазах больше не находилось места для надежды, любви, огня. В которых уже много лет лишь потухшие поленья и пепел.

Его удел был предопределен еще с того самого дня, когда его, десятилетнего, родители, находясь уже здесь, в Укрытии, передали пожилой паре и попросили присмотреть, пока у них не закончится совещание... Но совещание тогда закончилось стрельбой. Из администрации в тот день, под простынями с бурными пятнами, вынесли множество трупов, среди которых были и его родители.

А спустя шесть лет Стахов получил свой первый, самый глубокий шрам, тянущийся от левой брови через все лицо и до мочки правого уха. Это было его первое дежурство на северной заставе.

— Поднимай первый заслон, — будничным тоном скомандовал Стахов и юноша с многозначительным видом ткнул пальцем в большую прямоугольную кнопку с цифрой «1» на контрольном блоке, прикрепленном к стене за их спинами.

— Катится! — услышав нарастающий шум скатывающейся вниз по шлюзу машины, радостно доложил Андрей, чувствуя как его пробирает мелкая дрожь.

Он ждал этой минуты целые сутки. Как назло, сегодня в северном направлении не выезжала ни одна машина, а две приехавшие перед «Монстром» были пусты в том плане, что ничего занятного не привезли. Для Корана и Стахова это было нормально, а вот Андрею и Рыжему — тоже впервые попавшему в наряд на северную, становилось скучновато.

Андрей был весьма наслышан о творившихся здесь ужасах, однако застава влекла его к себе неудержимо, как тянет к спрятанному на чердаке сундуку, в котором находится то нечто, о чем и спрашивать-то запрещено, не говоря о том, чтобы посмотреть. Но как же оно к себе манит — запретное! И страшно, и есть шанс схлопотать по шее, но сил сопротивляться этому зову, идущему из недр любопытного естества, нет. Ноги сами ведут, разум словно отключается, глаза застилает туман и в непроглядной серой зыби видно лишь одно — сундук! Такой яркий, такой четкий, светящийся изнутри. Кажется, протяни руку и дотянешься к нему, прикоснешься пальцами, схватишь за подковообразную рукоять и... Тяни... Открывай... Смотри!

В детстве разные страшилки об этой заставе ему рассказывала бабушка, дабы он, играя,

не приближался к тоннелю, обозначенному магической буквой «С». Но это, конечно же, не действовало, и к тоннелю он таки подходил, дабы хоть в полуха послушать те таинственные звуки, которые из него долетали. Иногда там стрекотал пулемет, иногда кто-то протяжно скулил, иногда ревел голодным медведем, иногда кричал от боли, а иногда даже тишина была такой осязаемой, такой натянутой, такой липкой, что больше не нужно было никаких звуков чтоб почувствовать дыхание смерти.

Позже бабушкины страшилки уже стали больше походить на правду, особенно когда рассказчиком был его школьный друг Олег, отец которого сам заступал в наряды. А повзрослев, Андрей понял, что они и вовсе не выдумки. На северную заставу, как на самую излюбленную, постоянно нападали всевозможные твари: и хорошо знакомые, и совсем неизвестные, как отдельные особи, так и целые стаи. Часто после таких атак приходилось собирать чудовищно изуродованные, нередко начисто лишившиеся конечностей, тела, а то и вовсе, сгребать в целлофановые мешки кровавое месиво.

— Закрывай и приготовься поднимать второй. Порядок помнишь? — Глаза Стахова холодно сверкнули, лоб рассекла глубокая морщина. — Повтори.

— Когда раздастся сигнал, приподнять заслон на четверть, посчитать до трех и включить сначала передний прожектор, затем боковые. После чего занять боевую позицию и действовать по обстоятельствам, — с готовностью пионера ответил Андрей давно заученными фразами.

— Считать быстро, — напомнил ему Стахов.

«Монстр» был уже близко, о чем свидетельствовали плесканье разбрызгиваемой воды и усиленное бетонными стенами резонансное клокотание мотора. Наконец двигатель заглох и раздался короткий одиночный сигнал.

— Эй, на точке! — выкрикнул Стахов. — Полная готовность!

— Есть полная готовность! — ответил тот же юношеский голос.

— Стрелять только по движущимся целям! Патроны попусту не тратить! Увижу лишнюю дыру в стене, сделаю в ваших головах точно такую же! — Потом повернул голову к Андрею и сказал почти шепотом: — Ну, с Богом. Открывай.

Андрей нажал на кнопку с цифрой «2». Отпустил. Нажал еще раз. Заслон, как и положено, поднялся на полметра.

В свете угасающего костра, ворвавшиеся в тоннель твари чем-то отдаленно напомнили ему тех, что были нарисованы совсем бездарным, видимо, художником на плакатах в учебке. На самом деле они оказались совсем не такими миролюбивыми и забавными, как выглядели на бумаге. Это были собаки. Вернее, это когда-то давно был вид млекопитающих под общим названием собаки.

Сосчитав до трех гораздо быстрее, чем это нужно было, Андрей толкнул пальцем тумблер и сверху, над его головой, щелкнуло реле огромного прожектора. Свет яркой внезапной вспышкой накрыл плац вплоть до приподнятого заслона, застав четырех тварей, несущихся по направлению ко второму пулеметному расчету, на полпути. Но на них включенный яркий свет не повлиял никоим образом — они не остановились, как это было задумано, продолжая свой четко скоординированный бег навстречу пулемету.

Лишенные кожного покрова, с раздвоенными, будто от удара топором, мордами, гниющим обрубок хвоста и с дырами на месте глаз, из которых постоянно сочилась беловатая слизь, эти твари были самыми уязвимыми из всех, кого можно было встретить на поверхности. Даже несильный пинок причинял им столько боли, что на какое-то время скулящее, агонизирующее существо становилось поистине жаль. Но, вместе с тем, любой сталкер с уверенностью скажет, что собаки — это самые коварные и самые хищные создания, которых только могла породить зараженная неизлечимым вирусом, больная природа, со странным видением красоты и незаурядным чувством юмора. Опытные вояжеры подтвердят, что уж лучше повстречать в городе пять озлобленных банкиров, чем одну собаку.

И не мудрено — псы обладали развитыми телепатическими способностями,

прекрасным, гораздо более чутким нежели у их предков, обонянием, а также очень хорошо умели действовать сообща. Они всегда ходили стаей. И если речь идет о нападении на заставу, первую партию они неизменно направляли, что называется, на убой, заранее зная, как именно поведут себя люди, стоящие за пулеметами в своих хорошо укрепленных гнездах. У них была своя стратегия, и каждый раз в ней что-то менялось. Они пока теряли слишком много своих бойцов, но неизбежно то время, когда по их трупам остальные дойдут до забравшихся под потолок пулеметных расчетов всех застав одновременно. И вот тогда...

Первый залп, как это делалось по правилам, прозвучал, когда первая четверка псов уже была в готовности сделать прыжок. Короткая пулеметная очередь, коричневая кровь брызнула на мешки с песком. Ни одного патрона мимо, как и приказывал Стахов.

В проеме под заслоном показалось еще несколько раздвоенных морд. Следующая партия. Эти разделились. Трое бросились на штурм той же точки, под которой уже дергались в предсмертных конвульсиях их собратья, а двое метнулись к Стахову и Андрею. И за мгновение до того, как Стахов успел нажать на курок, в проем из шлюза прошмыгнуло еще около десяти особей. Эти действовали согласно какому-то высшему, понятному только им одним плану: разделившись примерно восемь к двум, они сначала кинулись в обе стороны, но потом, спутавшись и заставив стоящего за пулеметом Корана сделать дюжину дырок в бетонном полу, ломанулись на точку Стахова. Пока первые из них получали свою порцию свинца из щедро раздающего пулемета, казалось бы, вполне предвиденную неким Собачьим Разумом, управлявшим этими тварями, трое самых отважных прижались к земле в готовности сделать прыжок. Апорт! Стахов, насмотревшись дрессированных псин за свои годы, не обратил на это никакого внимания, но для Андрея это было что-то из ряда вон выходящее. То, как они прыгнули, словно по команде, словно в них сработал какой-то единый механизм. Да, Илья Никитич их сразу же их срезал, отбросив назад струей из задыхающегося пулемета, но следующей паре это едва не удалось — по крайней мере, их ужасные морды мелькнули в каких-то двадцати сантиметрах от испуганного лица Андрея.

Не растерявшись, он дал по атакующим псам очередь, потом еще раз, и еще, не отпускал курок пока в его рожке не стало пусто. Пять секунд на перезарядку, и снова в бой!

Но даже несмотря на его помощь, сколов от промахов в бетонном полу становилось все больше и больше. А из темного проема хитрых тварей все прибывало и прибывало, будто за «Монстром» в шлюз ворвались все столичные выводки. Партия за партией, и каждая особь имела, казалось, свою первичную директиву — действовала обманчиво, резко меняя направление движения. Некоторые из них, по крайней мере так показалось Андрею, сознательно отвлекали огонь на себя, давая возможность другим подобраться к возвышениям из мешков поближе.

— Ч-е-е-ерт!!!! — завопил Коран, видя, как в безумном темпе подпрыгивавшая у его ног лента становится все короче и короче.

Времени на то, чтобы снабжать магазины патронами нет. Если прекратить стрельбу хотя бы на минуту, они обязательно допрыгнут! Допрыгнут. Господи, они же только этого и ждут! Ждут, когда у нас закончатся патроны, чтобы вывести из тени свои основные силы! — От этих мыслей Андрею стало не по себе, его затошнило и от прежней уверенности в себе, гордости за то, как он умело валил псов, не осталось и следа. Он впервые осознал всю опасность и близость смерти. Такой клыкастой, такой страшной, безглазой смерти.

Инстинктивно в его голове мелькнула мысль: нужно схватить чертову трубку с настенного аппарата и выкрикнуть, что у них код «один-семь»! Нужно запросить подмогу, ведь всего в тридцати метрах дальше по тоннелю размещена вторая северная заставка! Один звонок, и помощь прибудет. Обязательно прибудет...

Нет. Они отступают. Слава Богу, они иссякают. Их сил не хватило совсем чуть-чуть для того, чтобы осуществить свой зловещий план.

— Прекратить огонь! — закричал Стахов у него над ухом, но для Корана этой команды и не понадобилось — пустая лента бесполезно лежала на полу, в груде пустых дымящихся гильз, а в рожке его автомата оставалось не больше пяти патронов.

— Штаны не намочил? — лицо Стахова искривила скупая улыбка.

— Да они же... чуть не допрыгнули сюда, — переводя дыхание, Андрей безвольно опустился на мешок и, расстегнув верхние пуговицы на кителе, опустил автомат на пол.

— Они всегда чуть не допрыгивают, — успокаивающе ответил Илья Никитич.

— А если патроны кончатся?

— Если не палить куда попало, то патронов хватает, и перезаряжаться успеешь. Пока заслоны работают, можешь не дрейфить, сынок.

— А если перестанут работать? — не унимался Андрей, сверля глазами деревянный пол.

— Не перестанут, — заверил его Стахов, не отягощая себя подробным объяснением почему, и оценивающе посмотрел на корчащиеся тела собак. Потом сплюнул в сторону и недовольно покачал головой: — А дыр-то понатыкали. Снайперы, м-мать...

«Монстр» выкатился из шлюза в тоннель, давя еще живые, беспомощно подергивающиеся тела тварей, и остановился перед ржавыми воротами заставы, заглушив двигатель.

Мало кто уже вспомнит, за что именно этот образец военной автомобильной техники, предназначенный для перевозки людей и имевший достаточно мирное название «Урал», обрел свое прозвище. Наверное, причина скрывалась в его внешности. Она действительно могла нагнать страху на кого угодно. Достаточно было одного взгляда на этот огромный клин впереди, которым он, подобно ледоколу, расчищал себе путь, зачастую пробиваясь сквозь стены живых масс, пулеметы на крыше фургона и на боевом прицепе — Базе-1, — чтобы уже понять — это не гражданский грузовик.

Укрепленный дополнительными листами металла кузов вместе с забранными решетками стеклами и фарами, делали облик машины еще более грозным. Все это искусно превратило обычный «Урал» в железного монстра с выпученными глазищами — ошетилившегося, опасного, злобного, готового смести любую преграду на своем пути. Истинно настоящий монстр о шести колесах!

Водительская дверца со скрипом отворилась, и из кабины показалось расплывшееся в довольной, лучезарно сияющей белоснежными зубами улыбке лицо. На голове от ярко-оранжевой шевелюры водителя остался лишь жесткий гребень. Этот чудаковатый водитель «Урала», а по совместимости «дальний» сталкер и вояжер был личностью неординарной и даже не совсем, на первый взгляд, нормальной.

О, Андрей был наслышан об этом человеке. И, в частности, о его гребне, который тот именовал прической и называл замысловатым словом «ирокез». Что сие слово значило, для многих было загадкой, как и то, откуда он его позаимствовал, но людям, подобным этому, в Укрытии уже никто не удивлялся — семь лет постоянных вылазок не могли не сказаться на психике человека. И хотя, находясь в Укрытии, он появлялся на людях чрезвычайно редко, из дому практически не выходил, Андрею все же доводилось несколько раз видеть этого человека на улице. Но детально разглядеть его было невозможно: тот всегда одевался в черный брезентовый плащ и вечно нахлобучивал на голову капюшон, из глубины которого практически не было видно ни его лица, ни его глаз, ни этого дивного гребня.

Вот никогда не перестаешь удивляться этим людям — сталкерам. Возвращаются с поверхности — светятся от счастья как дети, вернувшиеся из Диснейленда с мешком сладкой ваты. А побудут дома дня два и начинают чахнуть, увядают как вырванные с благодатной почвы растения. Говорят, что сталкером стать нельзя. Как нельзя овладеть каким-либо талантом в результате обучения. Можно стать стратегом, что называется, от Бога, опытным командиром, разведчиком, вояжером, метким стрелком, но стать сталкером — никогда. Это как карточный шулер. Есть люди, которые во что бы то ни стало, стремятся ими быть: тренируют память, руки, тратят все силы на изучение всевозможных карточных комбинаций и способов смухлевать, учатся понимать психологию и логику игрока, да что там говорить — у некоторых на это уходит полжизни! А есть люди, которые этим даром просто обладают. Заложено это в них, как бывает заложен в человеке музыкальный слух, благодаря которому

можно распознать утонченное звучание небесных флейт на фоне урчания десятка экскаваторов.

Но там, на поверхности, не достаточно быть просто одаренным шулером — нужно быть фантастически одаренным шулером, чтобы, поставив на кон свою жизнь, уметь так намахивать собственную судьбу, как это делает этот чудила с гребнем и его друзья. Так мухлевать, чтобы повесить дьяволу шестерки на погоны и незаметно подложив себе пики в прикуп, оставлять смерти саму шваль. Уметь сохранить свою жизнь и еще сорвать банк!

— Здорово, Илья Никитич! — весело выкрикнув приветствие, «ирокез» прыгнул на землю и Андрей заметил, что странная у него не только прическа, но и одежда. Если это можно было назвать одеждой вообще — красные широкие штаны из блестящей атласной ткани со свисающими лоскутами белой бахромы по бокам и широкий черный пояс в несколько раз обмотавший талию. Выше — голый торс, какие-то разноцветные повязки на руках и шее, татуировки с мудреными узорами на груди и правом плече.

Андрея, при виде этого полунагого человека передернуло, словно он нюхнул нашатыря. В тоннеле, конечно, не было настолько холодно, чтобы надевать бушлат, но снять с себя китель и майку он отказался бы даже под угрозой расстрела.

— Здоров, Бешеный, — безо всякой радости в голосе, ответил Стахов, свесившись своим массивным телом с гнезда. — Ты это что за собачье кодро притащил? Патронов может, пожалел? Или мне решил подарок преподнести?

— Да что вы, Илья Никитич, — развел руками названный Бешенным чудак, — какие подарки? У нас патроны закончились еще часа два назад. Обстреливали этих гадов пока все запасы не истратили.

— Обстреливали? — скептически сожмурив правый глаз, переспросил Стахов. — Зачем? На «Монстра» вашего кидались небось?

— Все вы Илья Никитич, не верите. Все считаете, что мы за ваш счет отдуться хотим. Думаете, мне в радость пускать эту гадость в шлюз? Да была б возможность, я своими руками их передушил бы всех. Они же, гниды, нам прохода не дают. Вон с Почтовой площади еле ноги унесли. И то, твари, со всех сторон обкладывают! Так хитрят, сучары!

— Ладно, ладно, своими руками он... — отмахнулся Стахов и вытащил из кармана еще одну аккуратно склеенную самокрутку. — Ты лучше скажи, что на Почтовой делал-то, вас ведь вроде как на тот берег отправляли.

С другой стороны машины открылась пассажирская дверь и над кабиной показалась крупная лысая башка. Лицо у этого типа было отнюдь не таким открытым и дружелюбным как у Бешеного, а черные, дерзкие, хитро прищуренные глаза свидетельствовали о том, что личность он неординарная, опасная, нетерпящая развязности и душевных бесед, а также до оскомины не привыкшая отчитываться перед вояками. На его голове не было «ирокеза», как у напарника, но и быть ему там, даже при всем желании, негде — шов на шве, шрам на шраме, будто кожу на череп сшили из неровных лоскутов ткани телесного цвета. А жилистая шея и мощная трапеция, выглядывающая из-под расстегнутого защитного костюма, красноречиво намекали на то, что обращаться с этой одиозной личностью рекомендуется очень деликатно, не повышать тона и не задавать лишних вопросов, дабы не потревожить его внутреннее равновесие.

Впрочем, это все показуха для обычной солдатни, на Стахова же, не привыкшего лебезить ни перед кем, эти понты уже не распространялись.

Его звали Тюремщик.

Никто и не помнил уже, как он, безотцовщина, не потомок ни олигарха, ни политика, ни, на худой конец, звезды эстрады, оказался в Укрытии. И уж только единицы знали, что этот громила, начиная еще с двенадцатого года жизни имел серьезные проблемы с законом, стоял на учете в так называемой «детской комнате» милиции, а в тот день вообще направлялся в колонию для несовершеннолетних. Лишь по воле слепого случая вместо тюремной клетки он попал в Укрытие, но так за тридцать лет, проведенных в ее стенах, никому и не рассказав, за что именно был осужден.

Вот это — настоящий сталкер, — восторженно рассматривая груды выпирающих из-под одежды мышц, подумал Андрей. — Как же он похож на того актера с обложки диска, что Олег выменял у какой-то девчонки в школе... Как ж то он назывался? «Хроники Риддика», во! Как две капли воды. Вот бы уж посмотреть то кино, — продолжал мечтать Андрей, — ну точно, наверное, не отличишь одного от другого.

— Никитич, хорош допросы устраивать, без тебя есть перед кем отчитываться, — буркнул он, склонив голову набок и скорчив кислую рожу. — Сам знаешь, как бывает: туда отправили, а сюда приехали. Чего тут непонятного-то?

— Ну да, ну да, пути вояжерские неисповедимы, — понимающе закивал Стахов.

— Ладно тебе там ворчать, Илья. — Подмигнул он и спрыгнул с подножки в громко хлюпнувшую лужу крови. — Спустись-ка лучше сюда, я покажу тебе кое-что. А после будешь свои вопросы задавать. — И добавил тихо, почти неслышно: — Это если не забудешь, о чем спросить хотел.

Стахов очередной раз затянулся, выпустил облако сизого дыма и, важно покачиваясь со стороны в сторону, направился к ступеням. Так уж повелось, что если Тюремщик говорит «кое-что», то это значит, что посмотреть будет на что. Об этом знал также и Андрей, однажды услышав историю о том, как этот сталкер доставил в лабораторию чей-то глаз, размером с колесо «Монстра», озадачив почти всех профессоров в «Бионике», уж до чего те были привыкли ничему не удивляться. А на прошлой неделе, когда он сказал «кое-что», в кунге его машины оказалось ящиков десять пятизвездочного коньяка, один из которых благополучно осел здесь, на северной заставе, и был добросовестно уничтожен (без ведома Стахова, разумеется) в течение нескольких дней, за что вечная слава доблестному сталкеру!

Но видеть самого Тюремщика Андрею приходилось очень редко. Он, так же как и его странный друг с не менее странным прозвищем «Бешеный», в людных местах появлялся в исключительных случаях, в основном пропадая в самостоятельно вырытом подвале на дальней окраине Укрытия, где был и его дом, и тренажерный зал. Такой уж народ, — эти сталкеры, — стеснительный и робкий.

Поэтому когда Андрей услышал опять это «кое-что» из уст Тюремщика, он тут же, почти не контролируя себя, забыв обо всех своих страхах, о допрыгивающих собаках и усталости, свалившейся на его поникшие плечи полными мокрого песка мешками, понесся вниз вслед за Стаховым. Оставил наверху даже свой автомат, за что уже имел все шансы схлопотать оплеуху. Но думать об этом он уже не мог.

— Снова набрел на водочный Клондайк, Тюремщик? — в предвкушении очередного сюрприза, спросил Стахов, распахивая стонущие старыми петлями ворота.

— Е-если бы! — протянул тот. — Больше такого Клондайка не сыщешь. А в подвалы лезть без лишней надобности отчего-то, батенька, не очень-то и хочется. Вот если бы убрать бутылку сначала для храбрости, тогда может и быть. Глянь-ка лучше, что мы нашли сегодня на Почтовой.

Стахов, осторожно переступая через трупы собак, подошел к Тюремщику, взглянул внутрь фургона, и на его лице тут же отразилась непонятная улыбка. Словно ему представили старого знакомого, с которым бы триста лет не видеться: одновременно и разочарование, и удивление с примесью отвращения.

— И на что мне смотреть? — Повел рукой Стахов и уставился на Тюремщика. — Ты приволок сюда дохлого проклятого? И что?

Из-за его плеча заглянул в фургон и Андрей. И хотя его лицо не выразило удивления, разочароваться он успел не меньше Ильи Никитича. Проклятый? И все?

Протянув вперед, словно защищаясь, когтистые полужвериные, получеловеческие руки, на полу кунга недвижимо лежало скрюченное, тощее как тарань, заиндевевшее серое тело, покрытое плотным слоем пыли и грязи. Оно было сплошь изрезанно чьими-то острыми клыками и когтями. Глаза выцарапаны. Его лицо, или же морда — черт поймешь как правильнее — почти ничего не выражающее при жизни, сейчас вообще было похоже на засохшую, а перед этим повядшую тыкву с круглым провалом рта и отверстиями для глаз.

Череп был в одном месте продавлен, в другом зияла дыра величиной с кулак. Вокруг рта черная кожа потрескалась, будто проклятый кричал не один час, зовя кого-то на помощь. Своих, чужих, без разницы. И хотя известно, что проклятые никогда не зовут на подмогу — их загробный вой может означать что угодно, только не призыв о помощи, — смотря на этого, нельзя не предположить, что он все же звал. Его тело выглядело таким истерзанным, таким несчастным, таким жалким, каким еще ни разу не видели трупы проклятых. Да, их находили на поверхности, да, они могли пасть в неравной битве с собаками, да, их могли убить банкиры, да, они могли попасть в аномальные поля, да, их, в конце концов, могли застрелить сталкеры, но, черт побери, их никогда не видели мертвыми в такой жалкой позе и с таким множеством ранений. Они всегда умирали, как бы это безумно не звучало, с достоинством, не становясь на колени, никогда не прося о помиловании, не закрываясь руками, не пряча голову, не проявляя ни страха, ни страдания...

Но, в общем-то, для Ильи Никитича этот фактор, равно как и наличие самого высохшего тела проклятого, не представляли никакого интереса: ну, сдох так сдох. Мало ли что на поверхности происходит? Вон ученые заявляют, что в мире каждый день природаматушка создает какие-то новые жизнеспособные образцы флоры и фауны, полностью приспособленные к условиям существования в нестабильной среде, и в разы мощнее тех особей, что есть сейчас. Так чему удивляться, что этого бедолагу кто-то заставил упасть на колени и закрываться руками?

Стахова сейчас больше занимало другое: опытный сталкер, конечно же, не стал бы тащить в Укрытие просто так тело мертвого мутанта, — к нему ведь и прикасаться-то лишний раз неохота, — а, значит, он еще чего-то недопонял. В чем-то здесь крылся подвох, но в чем? Илья Никитич беглым взглядом окинул еще раз скрюченное тело и посмотрел на Тюремщика, пытаясь разгадать, в чем же тогда секрет этого чуть ли не брызжущего искрами взгляда.

— Ты что, не видишь этого, Никитич? — спросил он.

— Не вижу — что?

— Ну, вот же, глянь! — Тюремщик потянулся к мертвому телу и выдернул с-под него клочок синей материи. — Видишь?

— И что? — все еще находясь в блаженном неведении, улыбнулся Стахов. — У нас одетый проклятый?

— Не в этом дело, — терпеливо качнул головой сталкер. — Но подумай: ты выдели раньше, что-либо подобное? Только честно?

— Постой, постой, — захлопал ресницами Стахов и встряхнул в воздухе указательным пальцем. — Ты же не будешь мне сейчас рассказывать, что проклятые начали эволюционировать, превращаясь обратно в людей? Сегодня они в одежде, а завтра они будут пользоваться расческой? Скажи, что нет!

— Ты так и не понял, — коротко качнул головой Тюремщик и протянул Илье Никитичу другой клочок материи, такого же синего цвета, только побольше. Сомнений не было — это была та же ткань, что и выдернутый из-под проклятого клочок. Но на нем имелось еще кое-что. То, что заставило Стахова действительно забыть обо всем остальном и, вперившись полными изумления глазами в темный прямоугольник, аккуратно пришитый к материи серыми нитями, самозабвенно водить по нем пальцами, будто определяя подлинность древнего гобелена.

Это была нарукавная нашивка, шеврон, с изображенным на нем выезжающим из тоннеля поездом, а сверху была надпись: «Харьковский метрополитен».

Стахов поднес его к глазам, внимательно рассматривая каждую букву и пытаясь привести в порядок взбудораженные мысли, вмиг вспорхнувшие в его голове, как стая напуганных ворон на городской площади.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он, наконец, подняв на Тюремщика полные недоумения глаза. — Что этот проклятый притащился сюда из Харькова?

— Из Харькова? — переспросил рыжеволосый напарник Корана. — А где это,

Харьков?

— Я ничего не хочу сказать, но думаю, что да, — проигнорировав вопрос Рыжего, нахмурился Тюремщик, и пошарил рукой за закрытой створкой фургона. — Вот.

Он протянул Стахову зеленый армейский вещмешок. Или, точнее, то, что от него осталось. Изодранный весь, дырявый, с одной только целой шлейкой, тем не менее, он не был пуст. В нем что-то было, небольшое и не грузное, что-то, что принадлежало мертвому проклятому. И это обстоятельство настораживало еще больше, придавая итак обескураживающей ситуации еще большей загадочности. Ведь они, уподобившись зверям, не нуждались больше ни в одежде, ни в ручной поклаже.

Наблюдая за Стаховым, словно в замедленной съемке, осторожно запускающим в мешок руку, взбудораженная фантазия Андрея нарисовала перед его глазами удивительную картину. Илья Никитич из обычного вояки в затертой военной униформе, словно по взмаху волшебной палочки, превратился в чародея, завернутого в длинный шелковый халат, синий с золотыми звездочками. В нижней части лица вдруг проросла белоснежная борода, а на голове возник конической формы колпак. В руке чародей держал Мешок Желаний, из которого вот-вот должен был извлечь прибор, выполняющий заветные желания.

Андрею так в это хотелось верить, что он даже не стал делать других предположений. Его еще, по сути, детская, не успевшая зачернеться беспросветностью подземного бытия, не протравленная отчаяньем душа еще наивно верила в чудо. И образ волшебника, отпечатавшийся в его памяти из какой-то пожелтевшей детской книжонки, казался ему таким реальным, таким возможным, что даже зияющие сквозь него шрамы на лице «чародея», черная, вся в заплатках, грубая униформа и торчащий из-за спины ствол «калаша» не могли его исказить.

Стахов пошарил в мешке и вытащил... Нет, к сожалению, это был не прибор, исполняющий желания. А всего лишь ветхий, округлой формы аппарат с ручкой для ношения, посеребренными кнопками и крутилками разной величины. Своим появлением в руках командира батальона, он развеял волшебный образ, вернув Стахову прежний вид, не имеющий никакого сходства с загадочным ликом чародея в синем, усеянном желтыми звездами, халате и остроконечном колпаке.

И хотя воображаемый образ рассыпался, интерес в глазах Андрея от этого лишь усилился. Он еще не знал, что это за вещь у Стахова в руках, но оторвать от нее любопытствующего взгляда уже не мог.

— Что это? — первым нарушил тишину он, в десятый раз перечитав ничего не объясняющее название странной вещи: Panasonic.

— Проигрыватель, — ответил кто-то из-за спины.

— А что такое «проигрыватель»? — почесал за ухом Андрей, не оглядываясь.

— Штука такая, диски играет, — ничего не проясняющими терминами, сказал тот же голос.

— Ты включал его? — спросил Стахов у Тюремщика.

Тот кивнул.

— Разок только, и то не до конца, — ответил Бешеный. — Боялись повредить, его и так собаки по всей улице мотлошили... вещмешок этот...

Стахов аккуратно, будто держа в руках хрупкую статуэтку, повертел проигрыватель, осмотрел его со всех сторон, особенно приглядевшись к железному набалдашнику, примотанному к отсеку, где должны были быть батарейки, и затем так же аккуратно, словно тот вот-вот мог рассыпаться, поставил его на металлический пол фургона.

Откуда-то из глубины его естества, из дна колодца памяти всплывали какие-то пузырьки с застывшими в них размытыми фрагментами. Цветными, но расплывчатыми, словно смотришь на них через рифленое стекло. И лица там были какие-то не настоящие: румяные, загорелые, со странным оттенком кожи, не таким белесым, как у него и у всех людей подземелья, и улыбались они как-то по-другому, и смеялись не так, и звучала там удивительная музыка. Живая, дышащая, заигрывающая.

Музыка...

Впрочем, он видел такую вещь и раньше, еще при той жизни, но пользоваться ею не умел. Когда-то ему отец подарил ему ай-под — он это помнил хорошо, — но тот был совсем не таким, у него не было сверху отсека для дисков, кнопки были другими, не такими большими, и звук регулировался не такой огромной болванкой как в этом аппарате.

Стахов вытащил очередную самокрутку, нервно потеребил ее пальцами и поднес ко рту. Чиркнул от воротника спичкой. Затянулся.

— А это точно было у него в рюкзаке?

— Да, — кивнул Тюремщик, — рюкзак был недалеко от этого бедняги, когда мы его нашли.

— Толком можешь рассказать, как именно это произошло?

Тюремщик огляделся, будто проверяя, никто ли посторонний их не подслушивает, почесал заросшее щетиной лицо.

— Как, как... Музыка, значит, играла у нас в машине и тут помехи пошли. Я сразу смекнул, что это радиомаяк. Помнишь, лет десять назад у нас такие тоже были? — Стахов кивнул. — Так вот они всегда звук гасили. Бывает, включишь что-нибудь послушать, а оно как заскрипит! Аж в мозгах эхом отдаст! Так же и сегодня: едем, значит, возвращаемся по проспекту, и вдруг как завизжит эта хрень! Ну, мы и поняли, что где-то поблизости кто-то пеленгует. Начали искать, и нашли этого, — он кивнул на труп, — у входа в подземку... на почтовой. Бедолага, хотел прорваться в метро, а там же сам знаешь — заслон. Так он в двери колотил, руки вон до костей посбивал, там вся дверь в засохшей крови. А рядом маяк на автопеленг выставлен. Мы, значит, его взяли, а тут это собачье полчище... Еле оттуда ноги унесли. Ну а по пути уже увидели этот рюкзак, поняли, что это его. Пришлось отбивать у собак.

— Понятно, — настороженно продолжая оглядывать аппарат, сказал Стахов. — Как думаешь, сколько он там пролежал, у Почтовой?

— Ну, судя по тому, что он уже высох, думаю, не меньше трех месяцев. Солнце туда не доставало, тенек там, потому и не сгорел. А хотя... черт его знает, как там на них солнце влияет, их вроде и днем видели прогуливающихся. Может, и не берет вовсе?

— М-да. — Стахов озадаченно потер припыленную лысину. — Три месяца провалялся, это срок ничего. Что ж, посмотрим, за какие грехи умер этот дальний странник.

Он поводил над проигрывателем рукой, словно пытался его загипнотизировать, и ткнул на кнопку с изображенным на нем треугольником. В углу загорелась красная лампочка, что-то внутри загудело и белый диск под прозрачной крышкой, закружился. Сначала динамик исторгал из себя только шум помех, какой-то шорох и стрекотание, но потом из него зазвучал голос. Мужской, ровный, спокойный.

Здравствуйте, дорогие братья и сестры из Киевского метрополитена! Мы верим, что вы слушаете эту запись, а это значит, что мы не напрасно надеялись и уповали, возлагая молитвы к Господу, что вы есть и вы живы! Это голос ваших братьев из Харьковского метро и если наш посланник донес его до вас, то это значит, что мы не единственные выжившие и теперь у нас появится Великая Надежда! Да будут пророчеством мои слова!

Дорогие друзья, мы — братство Христиан, последние жители станций Советская, Проспект Гагарина и Спортивна. Мы из последних сил отбиваем атаки врагов, удерживая оборону нашего дома. Мы нуждаемся в защите, у нас заканчиваются боеприпасы и лекарства, одежда и питание, у нас остался всего один работающий фильтр для очистки воды и один генератор. Братья, — голос вдруг понизился, дрогнул, возможно, по лицу оратора потекли слезы, — братья, мы умираем. Еще в прошлом году нас было больше двух тысяч, сейчас же нас осталось всего шесть сотен. Наши силы иссякают, мы голодны и больны, мы лишены возможности подниматься на поверхность. Нам нужна ваша помощь. И у нас есть, что предложить вам взамен.

Мы наладили отношения с этими созданиями, братья, у нас есть проводник, который может с ними общаться, мы больше не враги! Мы знаем, что делать, чтобы оживить мир —

мы знаем, как вернуть почве жизнеспособность. Мы придумали экран, под которым могут жить растения днем и даже вырастили первый плод! Братья, мы смогли избавиться от многих мутировавших видов, в частности от собак и можем вам в этом помочь.

Эти существа могут быть нашими почтовыми голубями. Они не боятся солнечного света, они могут идти в зной и в снег. Они согласны быть нам опорой и подмогой, верьте!

Если вы не отвергнете наше предложение, мы вместе сможем выжить! Мы вместе вернем себе верхний мир! Пускай на это уйдут года, пускай мы уже до того момента и не доживем, но хотя бы ради наших детей, ради следующего поколения, ради наших правнуков! Мы должны попробовать! Даже если есть один шанс из миллиона, даже если надежда столь призрачна, что ее и не видно — мы должны рискнуть!

Не отвернитесь от нас! Мы в вас верим! Вместе мы сможем! Вместе мы найдем ВЫХОД!

Диск начал медленно останавливаться, динамик умолк. Тихо стало и в тоннеле. Пораженные, зачарованные записью, голосом страждущего харьковчанина, все стояли, погружившись в глубокие раздумья, не сводя глаз с остановившего свой круговорот диска и даже не смея пошевелиться. Не отваживаясь и заговорить.

Тишина длилась еще час, а после Укрытие превратилось в жужжащий улей.

Глава 2

— Владимир Иванович, наши голоса разделились поровну. Так мы ни к чему не приходим, — устало проговорил седой старейшина с генеральскими погонами, все еще величественно смотрящихся на старом, потрепанном, но в то же время чистом и выглаженном мундире. — И спор здесь, я считаю, бесполезен. Когда-то нас в Совете было двенадцать, тогда можно было о чем-то говорить, соперничать, настаивать, доказывать свою правоту. Можно было в итоге и преломить чье-то решающее мнение, перетянув оппонента на свою сторону. И такое случалось. Сейчас нас четверо; остались одни старики с устоявшимися взглядами на мир, и поменять здесь у вас вряд ли что-то получится. И хотя я не совсем понимаю, чем руководствовался уважаемый всеми нами Василий Андреевич, встав с вами под одно эклектическое знамя, его мнение я уважаю, и, заметьте, не делаю попыток перетащить на свою сторону. Зачем же вы пытаетесь? Тем более, вы еще молоды и, смею сказать, мало знаете, о чем говорите и чего требуете.

— Но это же неправильно, товарищ генерал, — возразил Владимир Иванович, поднявшись из-за стола. — Там же лю-юди... Вспомните, как наши всегда говорили, что если бы мы знали, что хоть где-нибудь кроме нас еще кто-то выжил... А теперь вы не даете возможности выслать даже разведывательную экспедицию?

В тусклом желтом свете настольной лампы, лица трех стариков казались вылепленными из воска. И хотя они думали по-разному, выглядели они совершенно одинаково: безучастно и равнодушно. Так могли выглядеть только старики после долгих часов жаркой дискуссии, которая зашла в тупик, показав, что победивших и проигравших в этом бессмысленном бою нет.

Они были похожи на одетые в военные мундиры соломенные чучела. Их руки, одинаково сцепившись пальцами, неподвижно лежали на столе, бесцветные глаза были устремлены вдаль и вглубь себя одновременно, и только подрагивание век и вздымающаяся грудь говорили о том, что в этих старых оболочках еще теплится жизнь.

— Да. Мы не вышлем экспедицию, — оборвал затянувшуюся паузу властным голосом генерал. — Мы не можем так рисковать.

— А разве мы не рискуем, сидя здесь? — встрял лысый старый полковник, сидящий по правую руку от генерала и разделивший мнение молодого, но одаренного стратега Владимира Ивановича Кольцева. — Вы считаете себя в безопасности, товарищ генерал?

— Не считаю, Василий Андреевич, и, разумеется, сидя здесь мы рискуем тоже, — согласился генерал, — но представьте вы себе хоть на минуту, что вся ваша эта экспедиция

может накрыться медным тазом, не выехав даже за пределы Киевской области? Или хуже того, где-то на полпути до Харькова? В двухсот пятидесяти километрах отсюда. Кто вернет экипаж? Кто вернет машины? Что вы скажете семьям, чьих мужей вы отправили на верную смерть? Если вы уже запамятовали, то я вам напомним — нашей технике в среднем сорок лет! Не питайте иллюзий. Она уже собрана-пересобрана по сто раз и все из подручных материалов и разных запчастей, которые только удалось достать вояжерам. Вы на самом деле считаете, что она способна пройти такое расстояние? Речь ведь идет о пятистах километрах в одну сторону, не так ли? Думаете, Василий Андреевич, это ей под силу, такой бросок?

Да поймите вы, это же все равно, что заставить вас сейчас пробежать стометровку! Выполнить норматив молодого бойца, — генерал встал из-за стола, задвинул стул и оперся на его спинку, обхватив ее тощими, костлявыми пальцами. — И с чего вы вообще взяли, что этой записи можно верить?! Ее принес сюда проклятый... Или вы забыли, кто такие проклятые? Напомнить?! — Его голос сорвался в крик, а лицо исказила внезапно нахлынувшая ярость. — Напомнить, как они уничтожали наши разведотряды, стаскивая потом к шлюзам головы бойцов?! Напомнить, как они прорывали заставы, живьем пожирая всех, кто там был?! Или как пробрались через вентиляцию в госпиталь? А теперь они — там, в Харькове — братство Христиан, нашли общий язык с проклятыми, подружились, мать их, и нас приглашают дружить. Красота! Возможно, скоро они приручат собак и мы будем ездить в Харьков в собачий цирк? А что, это вполне реально. Они же вырастили на поверхности плод! Только какой это плод?! — Прокричал генерал, свирепо вытаращив глаза. — Почему? Почему они не сказали, какой именно они вырастили плод, а? Почему, они не сказали, что вырастили на поверхности помидор или топинамбур, или картошку, или у них принялось дерево? Почему они упомянули только это ничего не значащее слово — «плод»? А какой же плод можно вырастить на поверхности, вы не задумывались, Василий Андреевич? Что может вырасти в мертвой, прокисшей вглубь на десять метров, пропитанной как губка кислотными дождями, почве? Не на метр или два, и даже не на пять. На десять! И как ее можно после этого оживить? Ну, как?! Дух Святой сойдет? Или снимать лопатой шар земли? Какие у них варианты? Почему они умолчали о деталях, обойдясь лишь общими фразами и этими пафосными: «мы можем», «вместе», «выход»...

Я хочу сказать одно, Василий Андреевич, — успокоившись после некоторой паузы, продолжил старейшина, — если мы сейчас вышлем экспедицию и предоставим для этого лучшую технику и лучших людей, мы останемся здесь такими же беззащитными, как сейчас они там. А даже если бы и так, даже если бы наша экспедиция добралась бы до Харькова и, — кто знает? — даже вернулась бы обратно — что это даст? Чем мы им поможем? Повезем им патроны, пищу? Хорошо, добрые самаритяне из Киева, вы им поможете. Но вот вопрос: на сколько нас хватит? Один рейд, два, три? А потом что? Ну что потом? Чего вы молчите? — Буравил своими вопящими глазами окружающих старшина. — Чем вы — потопавший корабль, собираетесь помочь такому же потопавшему кораблю, да еще и находясь в другой широте?! Чем? Чем один нищий поможет другому? Отдаст свою одежду и замерзнет сам? Дадите им боеприпасы, чтобы они продолжили свое существование еще на полгода и вырастили еще один непонятный плод?

Наступила тишина. Генерал прокашлялся, отодвинул стул и бессильно плюхнулся в него, обхватив голову руками. Даже Владимир Иванович, сидевший по другую сторону большого стола, слышал, как участился пульс старика и как задрожали его руки.

— Мы прожили здесь тридцать с лишним лет, Василий Андреевич, — не поднимая головы, сказал генерал, набравшись сил. — Вы помните не хуже меня, что это было за время. Помните, что творилось вначале и какие времена мы переживали двадцать лет назад. А кто скажет, как прожили они это время там, у себя — в харьковской подземке? — Он поднял голову и вопросительно посмотрел сначала на Владимира Ивановича, потом на Василия Андреевича. — Кто даст гарантию, что там вашу экспедицию встретят нормальные люди? Может, они давно мутировали до неузнаваемости, может, у них крышу сорвало и выросло

трое рук. А запись эта... Когда она была сделана? Может, три месяца назад, а, может, и десять лет назад, а то и все двадцать. Сколько ваш проклятый сюда шел? Год, два? Не задумывались? А мы, по вашему решению, отправим туда лучших своих людей и технику. И даже если все-таки я ошибаюсь, и экспедиция вернется — ну, чем черт не шутит? — мы лишь удостоверимся, что кроме нас где-то есть еще такие же полумертвецы, выживающие в подземельях... Или, может... — на его лице заиграла ироничная улыбка, — вы и вправду поверили, что мы можем вернуть себе верхний мир?

Василий Андреевич заерзал на стуле, неопределенно качнул поникшей головой.

Совет длился уже больше пяти часов, а в его семьдесят шесть просидеть в одном положении столь длительное время было уже чрезвычайно утомительно. Но поник Василий Андреевич не потому, что просидел достаточно долго, не меняя позы, а оттого, что генерал Толкачев, несомненно, говорил правду. И ведь стыдил он себя, что отделился в своем мнении от генерала и полковника Никитина, уподобился молодому Владимиру Ивановичу, надеясь непонятно на что. И ругал себя за такую, неоправданную, на первый взгляд, легкомысленность и чувственный порыв. Но ведь не любил он лгать, ни себе, ни кому-то еще. А если говорить правду — то верил же! И Владимир Иванович верил, всем сердцем верил, он это чувствовал. Но, с другой стороны, Василий Андреевич знал и сам все то, о чем Толкачев говорил! И действительно, если экспедиция погибнет, он себе этого не простит. Никогда не простит, что пошел на поводу у призрачной надежды, отклонив такие же явные, как черные тучи на ясном небе, позывы трезвого разума, излучающие предосторожность и рационализм. Но, вопреки всему этому, что-то другое, давно забытое, а теперь вновь пробудившееся рвалось из его груди наружу, и остановить эти сначала почти незаметные, но с каждой минутой все усиливающиеся и усиливающиеся поступательные толчки он не мог. И не пытался.

Надежда. Как давно он не испытывал ничего подобного. Последняя надежда.

Василий Андреевич тяжело вздохнул, поднялся из-за стола и отошел в дальний угол комнаты, где на маленьком столике стоял графин с водой и стакан.

— Вы правы, Сергей Сергеевич, конечно же, вы правы, — не поворачиваясь, сказал он настолько тихо, что после громогласного генерала, казалось, будто его слова долетают из другой комнаты. — Как всегда, в ваших словах присутствует истина. Раньше я безоговорочно поддержал бы ваше мнение... Ведь на протяжении всех лет, что я являюсь членом Военного Совета, у меня не было повода не доверять вам и ставить под сомнение ваши решения. Да и, впрочем, сейчас нет.

— Так о чем тогда речь, Василий Андреевич? — Приподнял брови генерал. — Если вы сами понимаете, что я прав, то зачем вы продолжаете вносить в совет диссонанс?

— Вы спрашивали, помню ли я, что было пятнадцать лет назад и в самом начале? — продолжил Василий Андреевич, никак не отреагировав на слова генерала. — Я помню больше. Помню зеленый трехметровый забор в центре Киева и вывеску о возведении новой станции метро. — Его голос задрожал, то ли от боли, то ли от нарастающей ярости, но он упорно не хотел поворачиваться лицом к столу. — Помню, как каждую ночь вывозилось за город сотни тонн накрытой брезентом земли, дабы простые граждане не поняли, что строится в центре Киева какое-то метро...

— Василий Андреевич! — Перебил его генерал. — Это не относится к теме!

— ... а Укрытие, — снова не придав словам генерала значения, продолжил Василий Андреевич, — на случай возможной — еще тогда ведь никто не знал, что она очевидна, — он понизил голос, проговорив следующие слова почти шепотом, — ядерной войны. А она еще как была возможна! Помню, масс-медиа во все горло кричали, что угроза есть, а вы... — Он резко обернулся и вонзился взглядом в ошарашенного генерала Толкачева, прищипив его к спинке стула, как бабочку для коллекции. — Вы, будучи министром обороны, утверждали, что ее нет! Я помню это! Я помню, как вы, сидя в своем кабинете, опровергали слухи, говоря, что конфликт улажен и беспокоиться не о чем!

— Что вы себе позволяете?! — Вскочил генерал, опрокинув стул. — Немедленно

прекр...

— Вы утверждали, что угрозы нет, и войны не будет, тем временем внаглую вырывая под жилыми домами ни о чем не подозревающих людей многоуровневое противорадиационное убежище, именуемое не иначе как «Укрытие-2»! Со всеми удобствами, с вип-квартирами, фонтанами, парком, электронными библиотеками, десятилетним запасом продовольствия...

— Заткнитесь!!! — взревел Толкачев.

— А для кого строилось это Укрытие, уважаемый Сергей Стахович, для кого?!! Вы забыли? А я помню! Я помню как эти заживевшие политики и прочие сливки общества, миллионеры, мать их, втихаря стаскивали сюда свои вещички. Как они покупали у вас места, места для своих родственников — места, предназначенные для профессоров и ученых-физиков, докторов медицины и биологов, инженеров и конструкторов, в которых мы сейчас так нуждаемся! Вы расквартировали здесь упитанных ублюдков, толстых, разбалованных детей олигархов, для которых были завезены сюда игровые приставки и тысяча дисков с играми, дабы они благополучно переждали пока наверху пройдет истребление остального человечества! Для них построили даже танцевальную площадку, — старый полковник ударил себя кулаком по лбу, — о, Боже, подумать только — танцевальная площадка!!! Они здесь собирались развлекаться, в то время как их друзья и их семьи, уцелевшие после атаки, превращались в безобразных существ!

— Заткнитесь, — прошипел, побелев лицом, генерал, но с места не сдвинулся.

— Да нет уж, — неожиданно донесся голос из глубины комнаты, куда незаметно ушел до сих пор молчавший полковник Рокотов, — теперь пускай говорит. Имеет право.

Генерал заглянул в его потемневшее лицо, и неожиданно для себя понял: это конец. Людей, которые поддерживали бы его независимо от своего мнения больше не оставалось.

— Я выполнял инструкции, — сиплым голосом сказал Толкачев. — Не забывайте, что я, как и вы, человек военный. Я ничего не делал от своего имени, у меня на все были соответствующие приказы.

— Приказы? А как же метро? — шагнул на свет Василий Андреевич. — Кто отдавал приказ? На то время уже некому было давать вам инструкции. Вы сами себе были командиром, не так ли, Сергей Стахович?

Генерал весь задрожал, будто под ним созревал, готовый взорваться в любое время, вулкан, глаза стали как две черные пуговицы, а пальцы то и дело сжимались в кулаки. Если бы у него было оружие, оно несомненно уже было бы направлено в лицо Василия Андреевича, но оружия у него не было. Поэтому он, сраженный и беззащитный, лишь опустил голову и закрыл глаза, готовясь услышать то, о чем пытался забыть на протяжении многих лет.

— Может, вам тоже напомнить, как вы решили, будто все, кто нашел свое убежище в метро, уже «мутировали», перестали быть нормальными людьми? Напомнить? Это же вы решили судьбу сотен тысяч человек, укрывшихся в городской подземке. Да, они были больны и голодны, да, они оказались не приспособлены к подземной жизни без газа и электричества, да, они зверели от отчаянья и поэтому нападали на ваших сталкеров и вояжеров наверху. Но они были нормальны! Нормальны, черт вас дери!!! А у нас было два склада медикаментов, семь складов продовольствия, не считая вещевых и прочих запасов, и мы им ничего не дали! Мы им ничем не помогли, кроме как умереть, взорвав выходы из метро или установив занавесы. Кого вы обманываете — это же вы их всех убили! Вы!!!

Последние слова Василий Андреевич прокричал так, что его слышали и на дальних заставах, не говоря уже о том, что почти весь их разговор, начиная с самого начала, был слышен всем, кто находился неподалеку от дома Советов. Без преувеличения, под двухэтажным зданием, упирающемся крышей в бетонный потолок, стояло едва не четверть всех, кто проживал в Укрытии, поглощая каждый звук и каждое слово, долетающее наружу сквозь приоткрытые окна и тонкие стены.

— А теперь, когда мы знаем, что кроме нас на нашей земле есть еще люди и эти люди

нуждаются в нас, умирают от голода, вы опять взрываете выходы и ставите занавесы. Вы уподобили меня потопляющему кораблю, который хочет помочь такому же несчастному, находясь в другой широте? Так вот знайте — так и есть! И я, будучи нищим, предоставлю свою одежду и свой кров над головой тому, кто испытывает в этом нужду, не задумываясь, что будет дальше. И если уж мне уготовано сдохнуть, то я сдохну поделившись с кем-то последним ломтем хлеба, а не давясь крохами, пожирая его втихаря, из-за пазухи. Таков я есть, товарищ генерал, таким меня учили быть моя мать и мой отец, таким я и сдохну. А вы...вы даже сейчас думаете лишь за себя и упорно не хотите видеть, что смерть дышит вам в лицо. Она настигнет вас не сегодня, так завтра. А вы считаете себя защищенным...

Я выхожу из совета, я больше не желаю находиться здесь ни минуты. Это место для трусливых, утвержденных в самообмане убийц, вроде вас, генерал, и даже находиться мне здесь теперь... противно.

Усталой походкой он прошел к дверям, затылком испытывая застывшие на себе взгляды: восхищенные и униженные. И не было у него тогда желания большего, чем придти домой, поцеловать в лоб всегда волнующуюся жену, сказать ей как он всю жизнь ошибался в людях, не раздеваясь лечь на кровать и умереть. Покинуть свое дряхлое тело, прекратить свое жалкое существование, забрать с собой все несказанное за многие годы, исчезнуть из этой жизни, потеряться в памяти тех, кто останется, всех, кроме одной Софьи Николаевны, второй, но не менее любимой жены.

Но прежде возникло еще одно желание. Он задержался в дверях, весь исполненный печали, до смерти утомившийся и словно разочарованный сам в себе, но уголки его уст вдруг слегка приподнялись, словно он хотел улыбнуться, а глаза приняли смиренное выражение. Он окинул прощальным взглядом теперь уже опустевший для него зал совещаний — большую квадратную комнату с отсыревшими стенами и круглым дубовым столом посередине, за которым неподвижно сидела, вперив в него пустой взгляд, одинокая фигура, потоптался на пороге и сказал:

— Вы можете, конечно, мне и не поверить... но я еще до сих пор способен пробежать стометровку. И в удачу я еще тоже — верю!

На улице его ждала торжествующая толпа. А часом позже, народ на всеобщем голосовании, устроенном полковником Рокотовым, преобладающим большинством высказался «за». Добровольцев хватило бы и на десять экипажей.

* * * *

Две недели спустя «Монстр» стоял в юго-восточном тоннеле в полной боевой готовности, с перебранным двигателем, полностью замененной ходовой частью и еще больше усиленным кузовом. Сзади к нему, кроме его обычной Базы-1 — крытого прицепа, в котором вояжеры хранили всякую всячину, начиная от ящиков с боеприпасами, брикетов сухого топлива и заканчивая надувными женщинами — была присоединена еще и База-2 — такой же крытый прицеп, также оборудованный под смотровую точку, предназначенный для перевозки «Разведчика» и части криокупола.

Впереди «монстрообразного» автопоезда недовольно урчал гусеничный броневик, когда-то давно носивший обыденное имя боевой машины пехоты, или же сокращенно БМП-1, но, попав в руки к острым на язык сталкерам, стал кликаться не иначе, как «Бессонницей». Прозвали его так за то, что он, работая даже в нескольких километрах от шлюза, своим лязгом и скрежетанием траков не давал ребятам на заставах спокойно спать. Это не говоря уже о том, что когда он спускался вниз по шлюзу, от вибрации расползались и заваливались мешковые стены, а в Укрытии от его грохота просыпались дети. Да, даже после максимального облегчения, сбросив тонн семь в пользу повышения скорости, «Бессонница» прожигала топлива вдвое больше, чем тот же «Монстр», была более сложной и требовательной в обслуживании, однако при всем этом она имела огромное для экспедиции огромное значение. Неприхотливость к дорожным условиям и наличие стомиллиметровой

пушки говорили сами за себя. Возле нее сутились с десяток механиков, проводя заключительные работы по доводке систем охлаждения двигателя.

В голове коллоны громоздился «Чистильщик». Смешно сказать, бывший трактор Т-150 о котором нынче напоминала в общих чертах только форма кабины. Нагоняющий ужаса клин был шире и острее, чем у «Монстра», стекла также забраны под решетки, с крыши всматривался вдаль, слегка покосившись, ствол пулемета. Но главное назначение самой большой машины кортежа, заключалось в том, чтобы тянуть за собой так называемый «Форт» — некогда обычный пассажирский вагон, которого, разумеется, полностью переделали для дальних рейдов. Вместо железнодорожных колес поставили шесть пар тракторных громадин, стекла зарешетили, купе с раскладными койками убрали, разделив освободившееся пространство на семь отсеков, в которых хранились и склад боеприпасов, и топливо, и провиант, а также разместили мед- и ремблоки с кое-какими запчастями ко всем машинам.

Без преувеличения можно было сказать, что эта машина, с четырьмя пулеметами на крыше, являлась наиболее укрепленной передвижной цитаделью из всех, что до этого были и, наверное, будут в Укрытии. Конструкторы потратили не один год, превращая громоздкий образец сельхозтехники в самую мощную боевую единицу. И можно с уверенностью заявить, что им это удалось — «Чистильщик» тянул многотоннажный «Форт» с такой легкостью, будто тот весил не больше пуховой подушки, и при этом мог развивать скорость до восьмидесяти километров в час. Что правда, брикеты сухого топлива при такой скорости в его топливной системе испарялись как газ из разбитой зажигалки.

На крыше «Чистильщика», свесив ноги и уже ни от кого не скрывая своей оригинальной прически, сидел Бешеный. Перед ним, внизу, собралось в общей численности где-то около двадцати человек, начиная с Андрея, две недели назад впервые заступившего в наряд на северную заставу, и заканчивая семидесяти шестилетним Василием Ивановичем, бывшим членом военного совета.

— Э-э, мужики! Значит, слушай меня сюда, — обратился Бешеный к утихшей при его возникновении гурьбе. — Обращаюсь к молодняку, у кого это первый вояж. Готовность двадцать минут. Проверьте экипировку, проститесь с родными стенами, поцелуйте на прощание родителей, напишите завещания, — толпа ожила, улыбнулась. — Начальник экспедиции, многоуважаемый товарищ Крысолов, проведет с вами последний инструктаж через пять минут. Хотя от себя я, пожалуй, тоже скажу кое-что. Старайтесь запомнить все с первого раза, чтоб потом не переспрашивать и не тормозить по ходу дела. Итак, первое, — он загнул мизинец на растопыренной ладони, — неукоснительно слушать приказы старшего на борту. Каждый знает, кто у него старший? — Все одобрительно закивали. — Не самовольничать, не делать шагу даже без соответствующего приказа. Второе, — загнул безымянный палец Бешеный, — во время движения находиться на своем месте. Боевой пост — кто будет у орудий — не оставлять ни при каких обстоятельствах, а те кто не на посту, по борту просто так не шариться. Время для отдыха — отдыхайте, цените каждую свободную минуту, не занимайтесь херней. Третье. Стрелкам — палить только по мишени и только наверняка, с ближнего расстояния. Патроны с целью «отпугну, может, убежит само» не расходовать! Замечу, что расстреливаете небо или землю, пеняйте на себя! Четвертое, — он загнул указательный палец, — при вынужденной высадке, четко следовать инструкциям и приказам. Шаг влево, шаг вправо — прикладом по затылку. Это как минимум! Пятое, — правая рука сжалась в плотный кулак, — и самое главное — не тупить. Это не экскурсия в ботанический сад.

Бешеный поводил головой, пытаясь заглянуть в лицо каждому присутствующему. В целом, набранная команда ему нравилась. Ясное дело, что лучше было бы набрать отменных здоровяков, опытных, смекалистых сталкерюг, с которыми не нужно было бы цацкаться по ходу дела и каждый раз говорить куда не следует лезть, чтобы не остаться без ноги, и от чего держаться подальше, чтоб не вскипели мозги. Взяли бы хотя бы команду Топора или взвод вояк майора Семенова — у бойцов приличный стаж, с оружием всех типов знакомы, хоть то

древний револьвер, хоть гаубица, тактикой борьбы с разным тварьем владеют, но... как объяснил Стахов, проводивший отбор вместе с Тюремщиком и Крысоловом — молодых тоже учить нужно. К тому же Укрытие нельзя оставлять на салаг или, как военные сами их называли, «средняков». Родине, как говорится, нужны сильные.

— И вот еще что я хочу сказать, — Бешеный спрыгнул с крыши кабины на капот, блеснув атласными красными штанами, как-то по-обезьяньи зацепился за крепление для зеркала и соскочил на землю. На фоне невыразительной, серой толпы в поизносившихся, штопаных комбинезонах с кое-какой самодельной защитой, как всегда голый по пояс, с устрашающего вида татуировками, торчащим на голове ирокезом, он был похож на вырезанную из книжки яркую иллюстрацию, брошенную в дорожную пыль. — Даже не смотря на то, что у меня за спиной семь лет постоянных подъемов на поверхность, я не могу с уверенностью сказать, что там нас ждет в этот раз, — он прошелся вдоль строя, вернулся обратно. — Каждый раз там что-то меняется. Каждый раз что-то происходит не так, как это было в предыдущий. Наружный мир живет своей жизнью, нестабильной, изменчивой. Никто вам не даст гарантию, что то место, где мы легко прошли вчера, мы сможем запросто пройти сегодня. На эту тему можно говорить долго, но я не стану. Из меня вообще плохой оратор. К тому же только каждый из вас для себя знает, за каким чертом он записался в эту экспедицию, денег ведь вам за это никто не даст. И почетный титул не получите. И в случае смерти, мало кто оплакивать вас будет. Да и кто узнает? Эта хрень, — он постучал пальцами по обшивке кабины, — успеет отвезти нас на достаточно далеко, прежде чем мир начнет нас забирать один за другим! Посему у меня к вам один единственный вопрос: вы готовы к этому?!

Реакция была однозначной.

Бешеный довольно кивнул, отвел руки за спину и вытащил свое оружие. Подняв вверх обе руки с зажатыми в них огромными ножами с прямыми лезвиями, он, словно выполняя заключительную часть ритуала, перекрестил их над головой и, сделав ужасную гримасу на лице и обнажив в зверином оскале свои белые зубы, выкрикнул:

— Кай-йа-а-а-а!!!

* * * *

Так уж выпала карта, что в состав экипажа «Монстра» попали и Стахов, и Коран, и Андрей со своим рыжим напарником. И если у последних просто грудь распирало от гордости за себя, и глаза горели в предвкушении новых открытий и новых постижений, Стахову с каждой секундой становилось все тягостнее, все тоскливее на душе. Будто покинул он не самую опасную заставу, из которой ему часто приходилось выносить трупы сослуживцев, не зная как после этого смотреть в глаза их семьям, а блаженное место под солнцем, райский уголок с белыми барашками набежавшего прибоя, морским песком, пальмами и танцующими мулатками. Как на том рекламном буклете, что тридцать лет назад его в сердцах выбросил в урну какой-то полнотелый политик, осознав, видать, что в то счастливое место ему уже попасть не удастся. Но к которому будет тянуть всю оставшуюся жизнь.

Примерно то же переживал и сам Стахов, задержавшись у трапа, изо всех сил борясь с непреодолимым желанием обернуться, взглянуть на тех, кто провожающе смотрит им в спину. Попрощаться бы...

Нет, никто не прощается, никто не рыдает, никто не говорит никаких слезных речей...

Но сердце у Ильи Никитича отчего-то сжалось. Вспомнилась вдруг Ольга, такая милая, такая нежная, такая красивая, и голос ее мелодичный вспомнился. Она бы не разрешила ему конечно. Да и сам он не смог бы ее оставить. Но ее ведь уже давным-давно нет, он иногда и как выглядела она с трудом припоминал, а сейчас вот вдруг вспомнилась. Так четко стали видны ее черные, цвета воронова крыла волосы, собранные сзади синей лентой, более светлого оттенка, чем ее униформа, серые глаза, излучающие доброту и радушие, и ее

улыбка, искренняя, открытая... Так вспомнилась, будто он только что ее видел, будто присутствовала она где-то здесь, среди провожающих людей, стояла позади и молча смотрела ему вслед радостно и печально одновременно, не скрывая боли и переживаний.

С тех пор, как ее не стало, смысл его жизни сосредоточенно замкнулся на заставе. Там был и его дом, там он надеялся найти и свою смерть. Но в тот день, когда Тюремщик сказал свое последнее «кое-что», кое-что поменялось и в жизненном устое Ильи Никитича. И с этим он не смог бы больше жить, отправься экспедиция без него. И вот теперь он здесь.

Экипаж «Монстра» состоял из шести человек, четверо из которых находились в самой машине, включая Бешеного и его напарника Тюремщика, один дежурил в Базе-1 и один в Базе-2 — на «хвостовом» пулемете. И хотя все базы между собой были соединены, «одиноким стражникам» — так называли дежуривших в базах — по инструкции запрещалось покидать свои посты и даже разговаривать между собой.

Как раз на Базу-2 и был на первых двенадцать часов выставлен «одиноким стражником» Стахов. Он вызвался туда сам, подумав, что одиночество на какое-то время спасет его душу от ненужных бесед и избавит от назойливых перешептываний и любопытных взглядов юнцов, впервые покинувших подземелье.

Зайдя в прицеп, он окинул лишенным всякого интереса взглядом закрепленный тросами узик, гордо носивший имя «Разведчик», посмотрел на кресло, повернутое к заднему борту, большая часть которого была сделана из бронестекла, и закрыл за собой дверь. Постоял с минуту, потом присел, заглянув под машину. Под ней, в разобранном виде, лежала гордость подземных лабораторий — часть криокупола, похожая на сборный из металлических пластин и стропов парашют, компактно поместившийся между осями «Разведчика».

В задней части прицепа к потолку была прикреплена напоминавшая формой большую таблетку выдвижная капсула, в которую ему нужно будет влезть, если поступит команда «К орудию!» Рядом свисал шнур, разворачивающий «таблетку» в капсулу и раскрывающий люк, через который стражник имел доступ к орудию.

Обойдя узик, Стахов, провел рукой по пыльному, цвета хаки, борту, вернулся в заднюю часть прицепа, подошел к панорамному бронестеклу и коротко махнул рукой перед сгрудившимися перед заставой людьми. Затем опустил ролет — как раз, чтобы он скрыл от публики его лицо — и бухнулся в кресло, подняв в воздух целое облако пыли.

Здесь был его дозорный пункт. Ему предстояло быть глазами на затылке «Монстра», как сказал Тюремщик, по-дружески подмигнув ему перед посадкой.

Поискав глазами, на что бы переключить свое внимание, Стахов уделил минуту прочтению инструкции, приклеенной к борту. Там было указано, что и как нужно делать в случае боевой тревоги. Разложить кресло, дернуть шнур, поместиться в капсулу, открыть люк, извлечь из ящика пулемет...

Чепуха для юнцов, — подумал Илья Никитич, вздохнул, уронил голову на руки.

Двигатель взревел, над ухом затрещала рация.

— Одинокий два... как слышь, Никитич? — прозвучал голос Тюремщика из покрытой плотным слоем пыли рации.

— Одинокий два, — нехотя поднеся рацию к щеке, ответил Стахов, — слышу хорошо.

— Как самочувствие, Илья Никитич? Чего-то мне видок твой не понравился.

— Все нормально, дружище, — соврал Стахов, откинув голову на спинку кресла.

— Ты закрыл задний иллюминатор? Не хочешь никого видеть что ли?

— Я не закрыл, — возразил Илья Никитич, — я его просто прикрыл. Не хочу, чтоб меня видели.

— Правда? — удивился Тюремщик. — Да ладно тебе, ты так переживаешь, будто на край света собрался. Что там до того Харькова — всего четыре дня ходу, максимум пять. Через полторы недельки снова будешь любоваться своей «северкой», обещаю.

— Ты так говоришь, будто я не знаю, что самый дальний твой выход, это сто шестьдесят, — иронично улыбнулся Стахов.

— Ну и что? Я что, когда-нибудь не возвращался? Никитич, для меня что сто шестьдесят, что четыреста девяносто три — разницы никакой. Нам с Бешеным вот похер куда, лишь бы ехать. И никто, елки-палки, никогда не оказывал нам такой почести — скажи, Беш? — а тут, блин, как на фронт отправляют. Только цветы еще не бросают вслед... — засмеялся Тюремщик. — Никитич, все будет отлично!

— Ладно, поехали уже, фронтовик, поехали...

«Монстр» въехал в шлюз последним. Вся застава стояла как по стойке смирно, с торжественными, немного грустными лицами, с приставленной к виску ладонью, выпущенной вперед грудью и застывшим в глазах восторгом. Когда грузовик пошел по шлюзу в гору, и замерших у открытого заслона бойцов не стало видно, Стахов с горечью отметил про себя, что это было последнее прощание с Укрытием. И хотя в его сердце действительно мнительности раньше не находилось места, сейчас он чувствовал себя раскисшим и подавленным юнцом, вырванным из родительского дома, вмиг лишившемся материнской ласки и заботы.

На часах мерцали цифры 17.54. На улице, должно быть, вечерело.

Андрей сидел на жесткой, для близира обшитой линолеумом, скамье вместе с новым рыжеволосым напарником Сашкой в фургоне, обложенные со всех сторон ящиками с продпайками, разбросанными брикетами сухого топлива, оставшегося с предыдущих выходов, пустыми и полупустыми коробками патронов, а также прочим бытовым мусором, который вояжеры подбирали на поверхности и, не находя ему применения, забрасывали в фургон. Здесь валялись и канцелярские принадлежности, как то дырокол, карандаши, линейка, и разбитый радиотелефон, и тележка из супермаркета, наполненная вздутыми банками тушенки, и связка железнодорожных костылей, и табличка с цифрой 275 и надписью «Мемориал Освобождения — Ботанический сад», и набор рождественских свечей, и распахнутая СВЧ-печь — в общем все то, что вояжеры, что называется, захватывали с собой, а потом вместо того, чтобы выбросить за борт, так как никакой пользы в нем не было, замусоривали фургон.

Но не над этим размышляли пассажиры фургона, прильнув к боковым иллюминаторам и стараясь не упустить ни малейшей возможности рассмотреть в слабых, изредка мелькавших отблесках света, потрескавшиеся то ли от старости, то ли от давних ядерных содроганий темные, покрытые какой-то драглистой слизью, стены шлюза.

Сверху донесся сигнал.

— Сейчас подымут верхний заслон, — с благоговением прошептал Саша.

Круглый люк, соединяющий кабину «Монстра» с фургоном, сдвинулся и в проеме показался сначала встопырившийся ирокез, а затем и вечно улыбающееся лицо его владельца.

— Ну что, пацанва, с почином вас, потомки великого Тавискароны!

— Кого-кого? — переглянулись между собой ребята, наморщив лбы.

— Атефобией никто не страдает? — снова задал вопрос Бешеный, не обратив внимание на округлившиеся глаза юнцов.

— А что это?

— Вот и чудно, — кивнул Бешеный и, напоследок подмигнув им, исчез в проеме.

На вопросительный взгляд Саши, Андрей лишь повел плечом, дав понять, что реплика Бешеного всего лишь одна из сотни непонятных экивоков этого странного человека, и особого смысла разгадывать ее нет — все равно никогда не разгадаешь.

Семь лет постоянных подъемов на поверхность, вспомнилось Андрею. Как же тут без своих «фишек»?

Шлюз посветлел. Это значило, что верхний заслон поднят. Вниз, к Укрытию, просунулись несколько темных, тучных, приземистых фигур с опущенными головами и широкими плечами. У одной из них что-то выпало из рук, она остановилась, подняла с земли блестящие медяки, оглянулась на Стахова, наградила его презрительным взглядом и побежала вниз. Банкиры... Очень похожи на людей, очень. Легко ошибиться. Бегут вниз,

хотят попытать счастья прорвать кордон. Что ж, имеют полное право.

«Монстр» выкатился из шлюза, подал длинный сигнал, и массивная металлическая плита с неизменно большими буквами N.P.S, усеянная множеством маленьких вмятин — следов бесчисленных соприкосновений со свинцовыми посланниками, сразу же начала опускаться, закрывая вход в Укрытие. Вся стена вокруг нее была сплошь облеплена бурыми, черными ошметками существ, оказавшихся в неподходящее время возле заслона. Независимо от преследуемых ими целей исход был один. Пулеметы подъезжавших к шлюзу машин без разбору припечатывали «гостей» к стенам и заслону шквальным огнем, разрывая чью бы то ни было плоть на куски и проделывая на поверхности плиты миниатюрные кратеры.

Стахов поднимался наверх много раз, но первое место соприкосновения с наружным миром, место, где заканчивается подземный мир и начинается мир наружный, — вестибюль разрушенной станции метро «Университет», — всегда оказывало на него какое-то особое впечатление.

Практически лишенный купола, вестибюль был мрачен и холоден, впрочем, как и всегда в это время суток. Некогда украшавший стены, коричневый мрамор почти полностью облетел, обнажив нутро отсыревших стен, но еще цепко держался у входа и возле продырявленных ржавчиной турникетов, напоминая о былой красоте станции и изысканных вкусах метростроителей. С проломленного купола, покачиваясь на ветру, свисали нерукотворные ламбрекены, неподражаемо сотканые из многолетней паутины, за долгие года не прожженные солнечными лучами, не поврежденные кислотными дождями и злыми зимними ветрами.

Сердце у Андрея чуть не вырывалось из груди. Выпустив из памяти, что покидать место во время движения нельзя, он соскользнул со скамьи и встал на колени перед прямоугольником иллюминатора, голодными глазами поглощая остатки цивилизации, силясь не упустить ничего, что появлялось за бортом «Монстра». Заворожено, как ребенок в кукольном театре, он любовался бликами заходящего солнца, игриво скачущими по мраморным плитам, заискивающе отражающимся в рассыпанных бисером осколках стекла, подмигивающих ему, заставляя жмуриться и радостно улыбаться, позабыв обо всем на свете.

Он настолько ушел в себя, настолько отключился, упиваясь тем, чем мечтал всю свою сознательную жизнь — посмотреть каков он, этот верхний мир, — что даже не понял когда алая штанина и сделанная из кожи туфля оказались возле его лица.

— Что, боец, любишься?! — На лице Бешеного не оставалось и следа от лучезарной улыбки, и Андрей вдруг понял, что ошибочно принимал этого чудаковатого сталкера за добряка. — Ну-ка сядь!

Черт, а умело прикидывался дружелюбным, — подумал Андрей.

— Так я ж это... — послушно сядя на место, выдумывал оправдание он. — Веду наблюдение.

— Наблюдение вести с места! — сердито ткнул пальцем в приклеенную к борту инструкцию Бешеный. — К иллюминаторам не приближаться. Что еще не понятно?!

— Да все понятно, товарищ Бешеный, — украдкой заглядывая в манящий иллюминатор, объяснялся Андрей, — но мы же... первый раз. Интересно же.

— Еще раз подойдешь к окну — получишь по башке, — бесцеремонно отрубил сталкер. — Усек? А вообще, вы еще не на дежурстве, какого бы лёва вам не отбросить на этой скамье костыли и подрыхнуть пока есть такая возможность?

— Как ж тут уснешь, товарищ Бешеный? — Округлившимися глазами замерил его рыжий. — Мы же никогда еще не видели...

— Еще насмотритесь, — перебил его сталкер. — Было б на что смотреть. А ты, — он ткнул пальцем в сторону Андрея, — выучи инструкцию наизусть, понял? Я позже спрошу.

Андрей кивнул головой и, проследив как тот с какой-то нечеловеческой, звериной гибкостью, проскользнул обратно через люк в кабину, с досадой стукнул кулаком по подлокотнику. Черт, как же жаль, что этот необычный человек без имени (а, может, у него и

было имя, но никто его не знал) не всегда такой улыбчивый и добрый. Хотя говорили, что он был таким всегда. Станным. Будто скрывался под его оболочкой и не человек вовсе, а существо какое-то несусветное, умело выдающее себя за человека. Но думать о нем сейчас Андрею не хотелось.

— Глянь, — подбил его локтем Саша, кивнув в иллюминатор с его стороны.

Андрей взглянул в его сторону и едва сдержался, чтоб снова не прильнуть к запыленному иллюминатору, забыв о предостережениях Бешеного и рискуя схлопотать по башке.

На его лице растянулась широкая глупая улыбка. Там, на краю, как ему казалось, земли, где бесконечные руины города сменялись небесным навесом, сквозь сизую пелену косматых, рваных туч, бегущих, словно наперегонки друг с другом, пробивалось необычайное сияние. Не яркое, но достаточно сильное, чтобы дырывать непроглядную, грубую серизну разложенным веером багровых лучей и разорвать ее по живому, открыв темно-красную горбатую рану на горизонте.

— Солнце, — протянул Саша, не в силах оторваться от чарующего явления.

— Закат, — уточнил Андрей.

— Вот ведь здорово, да? Так бы и смотрел на это всю жизнь, — вздохнул Саша. — Жаль, что из Укрытия этого не увидеть. Брату показал бы.

— Да. Жаль.

Машина набирала скорость. Выбравшись на одну из главных улиц Киева, улицу Богдана Хмельницкого — чистую, проезженную, свободную от ржавых остовов автомобилей и бетонных обломков (заслуга «Чистильщика»), Тюремщик прищипорил «Монстра», наслаждаясь тем, как охотно тот реагирует на его потяжелевший ботинок. Стрелка спидометра плавно подползала к отметине «60». Это был его любимый отрезок пути: прямая как стрела дорога, так и подстегивала вдавить педаль акселератора поглубже, обойдя семенящую впереди «Бессонницу», грозно шествующего во главе «Чистильщика», и сломя голову ринуться в сгущающиеся сумерки, удирая от смертоносных лучей заходящего солнца. Но, к превеликому сожалению, правила движения в колонне, о которых Крысолов напомнил перед выездом, это запрещали: никаких обгонов, никакого лихачества.

За что я и ненавижу эти гребанные кортежи, — подумал Тюремщик. — Никакого мастерства. Посади медведя, покажи ему как нужно ехать, и он поедет не хуже.

Закат, во всей своей угрожающе-восхитительной красоте, переливающейся, пульсирующей пунцово-багровой россыпи остался позади, постепенно сдавая позицию неизбежным сумеркам, открывшим ворота для ночи.

— Что б такое включить? — поинтересовался Бешеный у небрежно держащего руль одной левой Тюремщика, выложив себе на колени с десятков плоских пластмассовых коробочек.

— На твое усмотрение, — отмахнулся Тюремщик. — Мне сейчас все будет по душе.

— Ладно. Тогда что желаем больше? Поплакать? — он взмахнул перед лицом Тюремщика коробочкой с надписью Within Temptation, насколько успел прочитать Андрей. — Посмеяться? — Мелькнули надписи «Король и Шут» и «Сектор Газа». — Может, покричать? — Остроконечные буквы «Ария». — Или по тяжелячку пройдемся? — Задумался Бешеный, рассматривая рисунки на коробках с надписями Fear Factory, Marilyn Manson и Soulfly.

— Давай по тяжелячку, ди-джей, — определился Тюремщик, доставая тем временем из нагрудного кармана аккуратно склеенную самокрутку. — Будешь? Петрович подсуетился, говорил, цепляет с первой тяги. Проверим?

Андрей заинтересованно, будто за зверем в клетке, наблюдал за Бешеным. Как тот извлекает из плоской коробочки диск с зеркальной поверхностью, прокручивает его в руках, вставив указательный палец в отверстие посередине, обдумывает предложение Тюремщика, а потом всовывает диск в какой-то прибор у себя над головой. Тот сразу засветился синими диодами, на экране появились буквы Sepultura и после этого бегущей строкой прошло:

Refuse-Resist.

— Петрович, говоришь? Надо попробовать, раз сам Петрович подогнал. В прошлый раз было... — И он довольно присвистнул, сделав головой несколько круговых движений и сведя глаза к переносице. — Улет!

— О, а композиция в тему, — подметил Тюремщик, когда из подкрепленных усилителем динамиков задребезжала музыка.

Затем Бешеный резко оглянулся назад, заставив следящего за ним Андрея подпрыгнуть на месте и заморгать часто-часто, будто застуканного за рукоблудием церковного служителя. Какое-то время огненный гребень был нацелен в его сторону, в какой-то мере поменяв их с Андреем местами. Теперь Бешеный наблюдал за тем, как поведет себя под прицелом его сурового, из-под сдвинутых бровей, взгляда Андрей. Но потом его лицо расплылось в улыбке, он снова подмигнул молодому, а затем громко стукнул закрывающимся люком.

Фургон «Монстра» начал наполняться странными звуками. Не сразу Андрей понял, что этот нарастающий шум и есть музыка. Странно, ведь в его понимании музыка была совсем не такой. Он слушал в последний раз ее очень давно, еще когда подача электричества в дома не была ограничена несколькими часами утром и вечером. Музыка хранилась у матери в ноутбуке вместе с необходимой для ее работы медицинской информацией.

Так вот, музыка там была разная, но в основном русские песни, на понятном языке. Некоторые из них Андрей заучивал наизусть, некоторые он не любил за банальность текстов или просто за неуклюжее, по его мнению, исполнение, но то, что он слышал сейчас, больше походило на звуки, доносящиеся из металлокомбината, когда там пускали под резак очередную партию притащенного снаружи железа. А этот голос... Разве это голос? Это же крик дежурного заставы о том, что кордон прорван очередной волной прущей с поверхности нечисти! Да еще и с попыткой сделать это в ритм «завывающему» резаку и в такт грохоту десятка молотов в кузнице! Сашка даже демонстративно закрыл ладонями уши, покрутив пальцем у виска.

— Ненормальный какой-то, да?

— Не то слово, — улыбнулся Андрей, — бешеный! И музыка у них такая же.

Саша хмыкнул, почесал затылок.

— Слышь, а ты как отбор прошел? Ну, для экспедиции?

— Как и все, — нахмурившись, ответил Андрей. — Подал ротному заявление, тесты сдал — поспрашивали там кое-чего, так и взяли. А что?

— Да ничего, просто некоторые удивляются, мол, что шпану взяли — тебя, меня, Лека, а старшаки остались наряды тянуть и в патрулях ходить.

— Ну так и что? Мы ведь тоже не на прогулку собрались.

— Оно-то так, — согласился Сашка, — но вояжерской романтики нигде, кроме как в пути, не ощутишь. В нарядах скучно, а тут, — он обвел глазами борта фургона, — что не говори, а интереснее. Едешь, что-то новое видишь, а не только сырые стены и потолок над головой. Знаешь, сколько желающих было в экспедицию? Наш замкомвзвода говорил, человек сто, не меньше. А тут нас с тобой взяли...

Андрей, отчего-то вдруг погрузневший, будто только после Сашиных слов осознавший, что в экспедицию он попал по дикой случайности, по чьему-то недосмотру, из-за ошибки в записях или тому, что его просто забыли вычеркнуть из списка кандидатов, насутился и громко засопел.

— Меня еще и отец отпускать не хотел, — устроившись поудобнее, протянув ноги и заложив руки за голову, сказал Саша. — Даже командира моего просил, чтобы похерили меня. Все надеялся, что не возьмут, что не пройду отбор. Он, знаешь, из тех, кто считает, что лучше до старости гнить в Укрытии, чем раз увидеть мир. Я же наоборот, как в том древнем девизе: живи быстро — умри молодым. А как твои отнеслись к этому?

— К чему? — потеряв ход мысли, поднял голову Андрей.

— Ну, что тебя приняли в экспедицию?

— Мать... как мать. — Он прищурился и развел руками. — А отец когда мне еще два

года было умер... По крайней мере, с города точно не вернулся.

— Он у тебя что, сталкером был? — в Сашиных глазах вспыхнул огонек.

— Да нет, не сталкером, — вздохнул Андрей. — Биологом, но часто работал на поверхности. Однажды не успел до восхода солнца найти себе убежище — проводники заблудились и... — он громко выпустил через ноздри воздух. — Только через неделю один из проводников добрался до Укрытия, но и тот умер так и не сказав, где остальные. Меня воспитывали бабушка, земля ей пухом, и мать, она — хирург, в больнице работает, хотя уже плохо видит и слышит. Заменить ее некому. Надеялась, что я смогу стать достойной заменой, а меня вот, на военщину потянуло...

— Постой, постой, — на Сашином лице вдруг заиграла загадочная улыбка. — Дай-ка я угадаю — ты сбежал! Да?

— Ничего я не сбежал, — зардевшись, что его раскрыли, попробовал опровергнуть догадку Андрей. — Говорю тебе — сам пошел.

— Не ври! — довольно прищурился Саша. — Сбежал.

— С чего ты взял? Я что, по-твоему, не могу сам за себя решить, что мне делать?

— Можешь, конечно. Но если у матери ты один, то никуда она бы тебя не отпустила, я уж точно знаю. А значит, ты сбежал.

— Хватит тебе! — Сердито осек его Андрей. — Сам пошел, говорю. Матери записку оставил только. Не мог я ей сказать раньше, понимаешь? Не мог!

Снаружи становилось все темнее. От багряных лучей, кровеносной системой пронизывающих мертвенный горизонт, на фоне переливающихся, свинцовых туч остались только тающие розоватые лоскуты, проглядывающиеся словно сквозь толстый слой снега. На смену красочному закату пришла закономерная сумрачная угнетенность.

Глава 3

Руины за окном смазывались, таяли, теряя четкость очертаний, растворяясь в темноте, а вместе с тем за ними все чаще начали мелькать мягкие, крадущиеся тени. Ранее мертвые улицы начали шевелиться, оживать. Вот, игриво пронеслись по тротуару несколько собак, еще малые совсем, щенки, можно сказать, треплют какую-то тряпку. На обломках бетонной стены, насторожив уши и поджав хвосты, сидят две зрелых особи, принимают, водят по ветру раздвоенными носами.

Дальше щенков и их родителей становилось больше. Одни просто сидели, провожая коллону своими невидящими глазами; другие бегали, склонив морду и ища чей-то след; третьи лаяли на нарушителей вечерней тишины, пробежав за ними для гонимых с десятков метров.

Сейчас они не опасны, за ними можно понаблюдать или даже полюбоваться, если угодно. Сейчас они просто резвящиеся животные, проснувшиеся после дневного сна, безобидные и несчастные уродцы, радующиеся наступлению темноты. Но стоит одной из машин остановиться, как их поведение сразу же поменяется. И не позавидуешь тому, кто волей случая останется здесь наблюдать за сменой их поведения вне металлических стен.

— Сколько же вас здесь развелось-то, а? — качнул головой Стахов, рассматривая через заднее стекло непомерно разросшееся семейство четвероногих.

И тут его слух уловил посторонний шорох. Как когда в спешке напяливать на себя ОЗК. Затем к нему добавилось слабое скрежетание. Стахов тихо поднялся с кресла, внимательно оглядел трясущийся в прицепе багаж и, не определив источник звуков, перетянул автомат со спины на грудь. Скрежет повторился. Держась за поручни, протянутые вдоль борта, Илья Никитич сделал пару осторожных шагов, опустился на колени и заглянул под днище «Разведчика». Кроме сложенного в несколько раз криокупола, теперь больше похожего на накрытый плащаницей труп, там больше ничего не было. Внутреннее освещение он еще не включал, а фонарик остался висеть в углу противоположного борта и теперь Стахов бранил себя за такую непредусмотрительность.

Внезапно за заднее колесо ухватила чья-то костлявая рука, заставив Стахова отпрянуть, вскочить на ноги и в мгновение ока направить на нее черное дуло автомата.

— Э-э, полегче там, — донесся из-под уазика знакомый голос.

Ствол Илья Никитич опустил, но всматриваться в темное пространство под задним мостом УАЗа все же не прекращал. А потом, поняв наконец, кому принадлежит этот с хрипотцой голос, недовольно сплюнул и забросил автомат на плечо.

— Коран, ты что, дурак? Ты зачем пост оставил?

— Не ругайся, Никитич. — Из люка в полу, о существовании которого Стахов успел напрочь забыть, показалось узкоглазое лицо его напарника по заставе. — Помоги лучше вылезти, а то эта соединительная «кишка» рассчитана на каких-то тощих малолеток. Я в ней как колобок в желудке удава.

Илья Никитич выругался, снова сплюнул, но все же протянул руку напарнику, помогая ему выбраться из плотного резинового рукава, протянутого между двумя прицепами и машиной. Он был предназначен для экстренных случаев, как об этом упоминалось в инструкции, которую, впрочем, ни Стахов, ни Коран не читали.

— Хаким, ты зачем пост оставил, балда? — рассматривая гостя, усердно стряхивающего с комбинезона пыль, повторил вопрос Стахов.

— Блин, там пыли — задохнуться, — словно не услышав вопроса, поведал Коран. — Представляю, как по нему продираться в этих самых экстренных случаях, да еще и с боеприпасами под руку. Погодь, Никитич, а ты что, не рад меня видеть?

— Какого черта ты оставил пост, я спрашиваю?!

— Чего ты, Илья Никитич? — виновато вскинул на него глаза Коран, прекратив вытряхивать куртку. — Я же думал...

— Думал, думал, — перебил его Стахов. — Сказано же было, не покидать боевой пост во время дежурств!

Коран был, конечно, славным парнем. И хотя лет ему было около тридцати пяти, ребячества в нем оставалось хоть отбавляй. Шутник, бретёр, раздолбай, балагур — все это было о нем. Он соткан из этих ниток, как говаривал старый Юхха, пропитан горючим черным юмором, присыпан ветреностью и завернут в саван дурачества. Никто еще не знал Корана, философски размышляющего о жизни и о той канаве, по которой она стекает в бездну небытия. Для всех он был воплощенный в человеческое тело, ходячий заряд оптимизма и жизнелюбия, от чистого сердца раздающий ее тем, кто нуждался. Вот уж, кто мог вселять веру в тех, кто ее потерял. А еще он отлично играл на гитаре, которую повсюду таскал с собой, а песни у него были все как на подбор: о жизни, дружбе и любви.

Стахов его любил как брата. И песни его слушал с удовольствием, когда имелась свободная минута. Но в то же время, Илья Никитич был одним из тех уставных зануд, для которых понятия «служба» и «дружба» находились в разных углах ринга, причем боец под именем «служба» выглядел как раздутый супертяж, а его соперник походил на щуплого, прыщавого старшеклассника, попавшего на ринг по глупой случайности, проиграв друзьям в карты. Зачастую, они так и топтались, разминаясь в своих углах, но удар в гонг мог прозвучать когда угодно. Вот хотя бы сейчас, когда Стахов пытался определить, на кого же делать ставку, тем временем буквально вдавливая Корана тяжестью сурового взгляда в землю.

— Ладно, — Илья Никитич остыл, остановив внутри себя бой, — раз пришел... приполз, проходи.

— О, это совсем другой разговор, — обрадовался Коран, продолжив вытряхивать свою одежду на ходу, следуя за Стаховым к его наблюдательному пункту. — Хорошо ты тут устроился, вид — что надо! Не то, что мне — крутить головой в обе стороны. Кстати, Никитич, видел, сколько собачья расплодилось в городе? Я прозрел!

Хаким запрыгнул на капот уазика и вольготно там разлегся, протянув ноги чуть ли не до кресла Стахова, опершись спиной на лобовое стекло и заложив руки за голову. Как деревенский парень на стоге сена. Разве что еще только соломинку в зубы, да бутылку спирта

в оттопыренный карман.

— Видел. У них как раз период такой. — Стахов щелкнул тумблером на контрольном пульте слева, возле рации, и тут же сверху, над прицепом, вспыхнул прожектор, пролив на убегающую дорогу широкую полосу желтоватого света. — Сейчас их больше, чем у нас есть патронов. Но ничего, за зиму их численность сократится.

— Ага, а до зимы еще как пешком до Харькова. Еще дадут они, сволочи, нам жизни.

— Тебе бы отчаиваться, — кинул на него косой взгляд Стахов. — Тебе же всегда море по колено?

— Да море-то морем, но вот все равно как-то кисло в последнее время на душе. А еще кислее становится, когда вижу это собачье кодро!

— Тебе кисло? — удивился Стахов. — Не смей меня, Коран. Если б я тебя не знал, может и поверил бы. Тебе ж кисло бывает, только когда последние медяки просадишь в карты?

— Не веришь. А я, между прочим, правду говорю. Вот как покинул Укрытие, так и совсем... — он отчаянно махнул рукой. — Дурное предчувствие у меня какое-то.

— Зачем же тогда записывался в экспедицию? Сидел бы себе дома, в наряды ходил. И Укрытию пользу приносил бы, и никакие предчувствия не посещали бы.

— Скажешь тоже. Как ж то я сам на заставе останусь? Вы все, значит, на «большую прогулку», а я так сиди с новичками? — Он сухо засмеялся, но в глазах радости не было. — Нет уж, я как все.

— Как все? Странно. Раньше, если мне не изменяет память, ты назвал бы это «стадным инстинктом». Так что же заставило тебя пойти за стадом, Коран? Поддался все-таки?

— Называй это, как хочешь, Никитич. Я просто знаю, что больше нужен здесь. Тем более с Укрытием тоже что-то недоброе происходит. Вот чувствую я. — Он ударил себя кулаком в грудь. — И там хреново, и впереди беду чую. Вот как будто в тиски попал.

— Во как? — на лице Стахова застыло удивление. — Ты просто меняешься на глазах, друг мой. Еще вчера ты пил спиртягу в «Андеграунде», бабам песни посвящал, кадрил их там по полной, и вообще — радовался жизни. А сегодня тебе уже стало кисло, одолевают какие-то дурные предчувствия и с Укрытием нелады. В тисках его уже зажало. В «Андеграунде», небось, не зажимало?

— В «Андеграунде»... — хмыкнув, потер щеку Коран. — Скажешь тоже. Когда Петрович нальет первосортной, сам знаешь, как понести может.

— Хочешь сказать, что Кондратий к тебе зашел еще раньше? — улыбнулся Никитич.

— Все шутишь? А я тебе по правде говорю, что давка там какая-то, прямо шкурой чувствую. Вон, Шиш перед смертью все твердил, что видит как над Укрытием какой-то шар навис, и все снижается и снижается.

— Шиш на свою же мину наступил, Коран. Его контузило на всю голову, а заодно, вижу, и тебя. Какой еще к черту шар?

— Ну, а Ветер? Он-то на мину не наступал, а перед тем как окончательно с катушек съехать, тоже твердил о какой-то силе, давящей извне, и что выживет она нас всех из ума по одному. Или, думаешь, сговорились? И я вот чувствую, Никитич, честное слово чувствую.

— Да что ты несешь, Коран? — В голосе Стахова послышалась раздражительность. — Какая еще давка? Какой шар? В гробу я видел ваши эти проповеди. Знаешь, сколько, таких как ты уже было за тридцать лет? Предсказателей, оракулов и прочих, на кого сходили откровения небесные? Некоторые даже конкретно называли день, когда Укрытие должно пасть. И что? Умерли все? А ни хрена. Так что не забивай себе голову всякой ерундой. В тисках его зажало! И придумает же.

— Ну, хорошо, — согласился Коран после некоторых раздумий, — пусть будет по-твоему. Ответь мне тогда на другой вопрос: ты сам-то веришь в успех этой экспедиции? Ну в то, что мы сможем помочь тем людям из Харьковской подземки.

— Помочь? Не знаю, как на счет помочь, думаю, на месте сориентируемся. Если им нужны только боеприпасы и еда, то, думаю, на пару месяцев мы их точно обеспечим. Не

забывай, наша основная цель — разведка. Прибудем на место, посмотрим, может, и поддержим чем.

— То есть, мы едем не помочь людям, а только посмотреть на них, так получается?

— Коран, не задавай глупых вопросов! — вспыхнул Никитич. — Ты помнишь нашу с тобой первую спасательную операцию? Как мы пытались помочь людям из «Дружбы народов»? Забыл? Так вот кто даст гарантию, как говорил наш старейшина, что подобное не произойдет в Харькове?

Мысли Корана всколыхнулись, словно давно никем не тревоженная вода, завертелись, раскручивая катушки памяти в обратном направлении, разматывая многолетние пленки пережитого. На пять лет назад, десять, двадцать...

Ему недавно стукнуло четырнадцать. Все выходы из метро на то время уже были либо взорваны, либо наглухо забаррикадированы, либо запечатаны железными заслонами, двери на которых открывались только снаружи. Внутрь подземки уже лет семь как никто не входил. И не потому, что не нужно было, а потому что боялись. Разные истории рассказывали сталкеры, которым приходилось приближаться к закрытым заслонам. Одни говорили, что за ними до сих пор слышатся нечеловеческие крики боли и стенания, другие говорили, что слышали, как там играет какая-то музыка, третьи уверяли, что слышали скрежет с той стороны занавеса, будто кто-то скреб ногтями по дверям. И уж почти всем, кто прикладывал ухо к холодной металлической стене, если долго прислушиваться, удавалось распознавать на фоне давящей тишины голоса. Тихие, порой только шепот, порой словно чтение молитв, порой успокаивание, порой зов...

Двадцать третьего августа две тысячи двадцать шестого года Коранов третий раз в жизни поднялся на поверхность. «Монстра» тогда еще не было, его только годом позже притащат вояжеры с какого-то подземного бункера, где он простоял, что называется «в масле» последних двадцать лет. На развозе тогда был старенький ПАЗик, который также был обшит легкой броней и использовался как боевой транспорт. В тот день вояжеры, в числе которых были Коран и старший его на семь лет Стахов, возвращались назад не с пустыми руками. В намеченном сталкерами месте, они нашли почти новый генератор. Поход был более чем удачным, ведь кроме нового генератора, им удалось обзавестись еще и нужными деталями к тем генераторам, что стояли у них в Укрытии и уже дышали на ладан.

Возвращались под утро, так как работы было много, погрузка заняла почти всю ночь. И вдруг заметили, что двери на заслоне одной из станций сорваны с петель, а над зияющим чернотой проходом огромными буквами было написано «Помогите!»

Сама мысль о том, что там, в изолированной от внешнего мира среде мог кто-то выжить, заставила вояжеров забыть о том, что скоро рассвет, что нужно убираться с города как можно скорее, что спасательные операции следует проводить вовсе не средневооруженным вояжерам, а специально подготовленным для этого сталкерам. Надежда увидеть живого человека, пусть нелепая, пусть бездумная, вовремя не разглядевшая, что смола, которой были нанесены буквы, уже стара как свет, и даже успела местами отвалиться, становилась сильнее инстинкта самосохранения.

Их не остановило и несчетное количество иссохших от длительного времени человеческих останков, усеявших собой пол вестибюля и коридор к эскалаторам. Они шли вниз по ржавым ступеням эскалатора, не сообразив, что люди, которым принадлежат те останки, бежали как раз на поверхность, бежали из бесконечных глубин тоннелей в последней надежде спастись. Не поняли они и того, что здесь же их настигла страшная смерть, разметавшая их тела на части, разорвавшая, пропустившая сквозь себя словно через огромный измельчитель. Ослепленные идеей повстречать живого человека, вояжеры спускались и спускались вниз, осматривая забрызганные багровыми пятнами стены, не обращая внимания на дышащую в лицо угрозу, заглушая крик «Беги!», эхом звучащий в одичавшем мозгу.

И только когда по платформе с застывшим посреди нее изъеденным ржавчиной поездом, пронесся звук, низкочастотный гул, будто по тоннелю пролетел невидимый

сверхзвуковой самолет, и фонарики у вояжеров погасли, они вдруг поняли, что попали в западню. Вдогонку ко всему, где-то сверху скрипнула ржавыми засовами дверь.

Их закрыли.

Первым вышел из состояния ступора командир. Он выкрикнул что-то вроде «Уходим!», но тут же какая-то невидимая рука подхватила его и бросила об землю, так, что было слышно, как хрустнули ребра. Кто-то хотел ему помочь и приспел к его распластанному телу, но и сам взмыл к потолку, а затем громко шлепнулся обо что-то металлическое, возможно, о неподвижный состав на платформе. Загромыхали автоматы. В кромешной темноте, при свете брызжущего огня, не было видно ничего, они расстреливали темноту, но, вместе с тем, темнота брала их поодиночке, одного за другим, и отбрасывала назад, на платформу. Забирала себе.

Коран со Стаховым выжили только благодаря тому, что сразу же бросились наверх, не тратя времени на обстреливание невидимого врага. Побежали сами, не дожидаясь приказа командира. Они уже успели преодолеть половину расстояния, когда крики и стрельба внизу стихли. Бросив всю снаряду, зажав в руках только оружие, они сломя голову понеслись наверх. Это их и спасло. А также случайно попавшие в дверной проем кости, не позволившие дверям заслона защелкнуться полностью, закрыв молодых вояжеров там навсегда...

И пусть при этом они проявили крайнюю трусость, так и не сделав ни единого выстрела, за что их позже неоднократно потом грызла совесть, но зато выиграли жизнь...

Где-то слева затрещала рация, прервав в мозге Корана воспроизводимую с точностью до мелких деталей пленку памяти, напомнившую даже о том, какой там был воздух: тяжелый, смердящий сухими костями и влажными стенами тоннелей.

Раздался искаженный радиоволнами, но все же вполне узнаваемый голос Бешеного.

— Никитич, а где одинокий один? Что-то мы с ним связаться не можем, он не у вас там случаем?

И еще до того, как Стахов поднес рацию к щеке и нажал на кнопку связи, Коран понял, что врать комбат не станет. Слишком хорошо он его знал.

— Бешеный, он здесь, — доложил Илья Никитич, стараясь не смотреть в сторону напарника. — Я его позвал.

Рация молчала пару секунд, затем затрещала снова:

— Илья Никитич, берешь грех на себя? — самодовольный голос Тюремщика.

— Беру, — решительно сказал Стахов, оглянувшись на Корана. — Чего уж мелочиться-то? Одним больше, одним меньше.

— Хорошо, — смеясь, сказал Тюремщик. — Я просто хотел предупредить вас, что мы спускаемся на воду. К вашим услугам, прогулки на речном трамвайчике, аттракционы и множество других развлечений.

А уже в следующий миг машины замедлили ход, и пошли по наклонной.

Впрочем, никакого всплеска не слышалось.

Когда-то здесь была река, настоящая, широкая, полная чистой, живительной воды. Река — жизнь, река — гордость, река — предание, воспетая народными песнями и окутанная древними легендами. Днепр.

Сейчас уже трудно поверить, что этот широченный ров, кривой и ухабистый, был раньше весь до краев заполнен водой, что здесь обитали рыбы ценных пород, водную гладь бороздили пассажирские теплоходы, бурлящими «расческами» возвышались плотины электростанций, а у причалов сияли, озаряя ночь тысячами разноцветных лампочек, плавучие казино и рестораны. Невозможно было и представить, что летом эти корявые берега превращались в место отдыха для тысяч горожан, детей, плескающихся в теплой воде, возводящих дома из песка, визжащих от переполняющей их радости и удовольствия, а на Венецианском острове, ныне больше смахивающем на астероид, наполовину ушедший в дно высохшей реки, когда-то располагался развлекательный комплекс Гидропак с множеством пляжей, аттракционов, ресторанов и лодочных станций. Теперь же ржавеющие остатки

каруселей в отблесках света фар выглядели как протянутые к небу кисти рук, обглоданные и иссохшие, просящие о помиловании, о спасении.

Легендарная река давно превратилась в пар, поднялась в атмосферу лишь для того, чтобы выливаться обратно, щедро орошая мертвой водой проклятую земную юдоль и трепыхавшихся в ней, в стремлении выжить, существ.

— Чего-то затишье подозрительное какое-то, — выбросив окурок через приоткрытое боковое окно и прикрутив громкость, сказал Бешеный. — Давно такой ночи не было. Одни собаки.

В еще не выветрившихся клубках дыма, разъедающих глаза, его физиономию ошибочно можно было принять за новый вид мутанта, с торчащим остроконечным гребнем для испарывания животов несчастным жертв. И название ему подходящее нашлось бы без проблем. Канибизавр или еще что-то в этом роде.

— Не каркал бы ты, а? — прищурился Тюремщик. — Вечно тебе не хватает острых ощущений! Кого тебе еще надо-то?

— Ну, хоть бы пару летунов для разнообразия... — Он рассмеялся и хлопнул Тюремщика по спине, зная, как тот до одурения ненавидит шутки подобного рода. Особенно на поверхности.

— Чего несешь, балбесина?! — раздосадовано просипел Тюремщик. — Вечно ты должен накликать беду своей болтовней!

— Релакс, бой, — многозначно протянул Бешеный и опять хлопнул друга по плечу, — все под контролем. Если будут проблемы — папуля все уладит. — Он стукнул себя кулаком в голую грудь. — Я не дам тебя в обиду, малыш.

— Слушай, ну помолчи, а? До чего же ты бываешь редкостным занудой! Иногда так и хочется взять твое мачете и обрубить этот твой чертов язык!

— Язык??? — шутливо изобразив на лице глубокое удивление, подпрыгнул на месте Бешеный. — Тюрьма, как ты можешь такое говорить? Линка меня сразу же бросит! Лучше уж отруби мне яйца!

И он протянул ему один из своих громадных ножей.

— Отстань, — отмахнулся Тюремщик. — Линка тебя все равно бросит, хоть ты с языком, хоть без.

— Это еще почему?

— Потому что ты ее не удовлетворяешь за свои пять минут дерганья! — с лицом, готовым вот-вот растянуться в улыбке, ответил Тюремщик.

— Это она сама тебе сказала?!

— Да, когда я ей вот на днях...

— Ах, ты ж сучонок! — выкрикнул Бешеный и, выкрикивая ругательства и брызжа слюной, набросился на него, схватил за барки и принялся колошматить. С таким дерзновением, будто пытался вытрясти из него последнюю монету. — Я тебе покажу «на днях»!

Тюремщик сдерживаться больше не мог — загоготал во весь голос. Практически не оказывая сопротивления и не в силах прекратить смеяться, он забрал руки с руля и сполз на пол. Сверху его своей массой придавил Бешеный, не переставая испытывать на прочность его бока, в частности, печень, не всерьез лупя по ним кулаками и коленями.

— Слезь с меня, ты, извращенец! — Закричал Тюремщик, не находя в себе сил чтобы остановить смех. — Она говорила правду!

Машина пошла змейкой, то притормаживая, то наоборот, разгоняясь. Случайно придавив педаль газа в пол, они едва не наскочили на мерно шествующую впереди «Бессонницу». Вывернуть руль удалось лишь в последний момент, когда своим клином «Монстр» чуть не поддел ее за гусеницу. А в следующую секунду они уже на всех парах мчались навстречу догнавшему остову катера, разлегшемуся посреди русла реки, и в этот раз столкновения избежать не удалось. Куски обшивки взмыли в воздух, закружились над кабиной, разлетелись в разные стороны, ржавый остов прогулочного катерка преломился

пополам, безоговорочно пропустив сквозь себя грозную машину со своим немалым багажом. «Монстр» при столкновении лишь слегка покачнулся, будто легковушка, попавшая в зону высокого давления с сильным встречным ветром.

Затрещала рация.

— Э, братишки, вы там чего? — прозвучал подсевший голос Крысолова, командира «Чистильщика», а заодно и начальника экспедиции, как всегда суровый и насмешливый одновременно. — У вас там все нормально? Или решили порезвиться немного?

— Все нормально, кэп, — ответил Тюремщик, влезая обратно на сиденье и схватив рацию как гранату, у которой выпала чека. — Немного отклонились от курса, сейчас все выправим. — Затем, отпустив кнопку связи, повернулся к Бешеному и замахнулся на него зажатой в руке рацией: «У-у, балбесина!»

Бешеный смеялся, его еще здорово держало выкуренное зелье, подогнанное любезным Петровичем, который, что называется, «держит бренд и херни не подсовывает». Суеверный Тюремщик постукивал по деревянной дощечке, специально припасенной для такого случая, мысленно прося Бешеного, чтоб тот больше не трындел о летунах и прочей нечисти. Андрей все еще обижался на своего рыжеволосого напарника, практически повернувшись к нему спиной, но в то же время с любопытством слушая его рассказы о том, как проходил отбор и как его едва не отсеяли, сказав, что у него есть пара болезней, с которыми нежелательно...

Как вдруг кабину «Монстра» не сотряс крик, вмиг оборвав и музыку, и раздумья, и смех, и пустую болтовню. Крик из рации, над которой загорелась цифра «3», вывел всех из инертного состояния, словно впрыснув в сердце конскую дозу адреналина.

— Одиноким два... — догадался Бешеный, согнув руку в локте и указав большим пальцем на заднюю стенку кабины. — Стахов...

Что именно он прокричал, с первого раза никто и не расслышал, настолько громким, внезапным и резким был его окрик. Тюремщик потянулся было к рации, как снова внезапный вопль заставил его вздрогнуть и похолодеть. Голос Ильи Никитича, обычно такой спокойный и уравновешенный, был полон тревоги и испуга. Даже со второго раза непонятно было, что он хотел сказать.

Интуитивно, правая нога Тюремщика вдавилась в пол, заставив машину мчать во весь опор, не обращая внимания ни на оставшуюся позади «Бессонницу», ни на приближающуюся громадину «Чистильщика».

— Стоп машина, идиоты!!! — наконец удалось разобрать слова Стахова. — Мерзлые!!!

В следующий миг «Монстр», подобно адскому носорогу, всеми колесами вгрызся в заглубелую глинистую поверхность дна, задрожал весь, заскрежетал старыми суставами, заскрипел тормозами, поднимая за собой песчаную бурю.

Бешеный, краем глаза заметив, как Тюремщик отдергивает ногу от гашетки акселератора, будто от раскаленной поверхности утюга, и вжимает в пол педаль тормоза, вытянул вперед руки, дабы не врезаться головой в лобовое стекло. Тряхнуло здорово, База-2, со Стаховым и Кораном на борту, едва не опрокинулась, колеса заскользили со стороны в сторону, а мгновение спустя прицеп уже начал неуправляемый занос, закидывая «хвостом» влево. Любая кочка, любая, даже совсем безобидная выемка могла сыграть роковую роль в судьбе Базы-2, опрокинув ее на бок и оторвав от основного состава.

— Тормози-и-и!!! — снова закричала рация голосом Стахова.

Тюремщик, проклинавший себя за идиотскую свару с напарником, понял, что если сейчас же не отпустить тормоз, База-2 догонит его, и убрал ногу с педали. «Бессонница» мелькнула где-то справа; слава Богу, ее не зацепит.

Не проиграть бы Базу-2...

Бешеный машинально схватил рацию, ткнул пальцем в кнопку на пульте с надписью «внешняя связь» и, приложив микрофон к губам, выкрикнул примерно то же, что и Стахов, в безумной надежде, что остальные расслышат его с первого раза, поскольку повторять эти слова дважды ему совсем не хотелось.

«Монстр» наконец остановился, заглушив двигатель. За ним тянулись вспаханные

колесами глубокие борозды, а в воздухе застыло целое облако пыли. Свет погас одновременно во всех машинах, как в упавших на дно океана подводных лодках.

Люк в фургон распахнулся, словно глаз громадного чудовища.

— Мелкие, запомните, — впопыхах прошептал Бешеный, — Что бы вы ни увидели — не кричите. Закричите — подпишите всех. Если они войдут, не шевелитесь, не дергайтесь, не дышите, мать вашу, не хлопайте даже ресницами, а главное — не бздите. Если они вас учуют, вам не жить, ясно? И никто вам не поможет. Никто.

Они оба затрясли головами, побледнев и выпучив глаза, словно две выброшенных на берег рыбы. В мозгу Андрея лихорадочно начали всплывать какие-то незаконченные фразы, какие-то слова, прочитанные или услышанные, мутные картинки с жуткими изображениями. Что оно такое, это мерзлое? Он начал с жадностью выхватывать каждое вынырнувшее из глубин памяти слово, глотать их вместе с повлажневшим воздухом, ища, вспоминая какие-то объяснения, выискивая в обрывках чьих-то высказываний хоть какую-нибудь подсказку, проливающую свет на это страшное слово.

Но вдруг понял, что все тщетно, что ему никогда не найти ответ на этот вопрос. В голове стало пусто и свежо, как в расколотом сосуде после многочасовой бури. Не стало содержимого, не стало ни вопросов, ни причин... Все обтянула гулкая пустота и холод.

Холод. Вот в чем причина. Холод отовсюду. Холод пробирается под одежду, сковывает грудь, покалывает лицо, оседая инеем на бровях и ресницах, превращает выдох в белый пар. Холод, постепенно превращающийся в мороз. Укутывающий мохнатой, белой шерстью красный плафон дежурной лампы, едва тлевшей под потолком фургона; рисуя вычурные узоры на стекле неподвижно закрепленного «Разведчика»; пуская пушистые «трещины» на лобовом стекле «Монстра»; инеем оседая на брикетах топлива, на ящиках с патронами, на панели приборов, скрывая из виду все показатели, на фиолетовом дисплее проигрывателя, на руле, рычагах... Все неживое побелело, обзаведясь щетинистой, искрящейся коркой, а живое стало синим и дрожащим.

Бешеный медленно, словно боясь укуса, дотянулся до рации, дрожащими пальцами ткнул на радиомодеме цифру 3, и поднес рацию до уровня груди.

— Ил-л-ль-я Ник-к-китич, — не попадая зуб на зуб, выговорил Бешеный, — а м-мы не мог-г-гли прос-с-скачить?

Некоторое время в радиоэфире, как это и должно быть в таких случаях, соблюдалась тишина. Бешеный знал наверняка, что Стахов, неукоснительно соблюдающий все инструкции и предписания, не станет нарушать этот пункт, и опустил руку, поймав на себе презрительный, чуть ли не озлобленный взгляд напарника, в котором так и читалось: «Ну что, доволен? Тихая ночь, говорил? Скучно было? Держи теперь, урод!» Но рация, вопреки всем предсказаниям, зашипела и в ней послышался дрожащий голос Стахова.

— Н-нет, с-с-слишком пл-л-лотное ... ес-с-сли бы ехали м-м-медленнее, м... м... черт, как хол-л-л-лодно... может и про... проск-кочил-ли бы... А т-так, пот-т-тянули за с-с-собой... к-к-ак ш-ш-шаровую мо-о-олнию...

Шипение прекратилось, индикатор с цифрой 3 погас, тут же обрастая белой, колючей шерстью.

Тюремщик потянулся к рулю, трясущейся рукой провел по его поверхности, сгребая посиневшими ногтями иней, дотянулся до радиомодема и щелкнул красным тумблером, тем самым поставив крест на дальнейших переговорах.

Если бы в машине был градусник, ртутный столбик уже добежал бы до отметины в -15, но это еще был не предел, и все, за исключением новичков, знали об этом. Ожидать нужно было худшего. Последние еще ни разу в жизни не чувствовали на себе такого перепада температуры. В Укрытии климат был всегда одинаковым, 16...18 градусов, иногда повышался до двадцати, когда комбинаты работали на полную мощность, но ниже нуля температура в подземелье не опускалась никогда.

— Мерзлые, — вытаращив глаза и почти не дрожа, будто на него не распространялся этот душащий холод, сказал Саша. — Аномальные облака...

...И никто вам не поможет... — эхом отдались в глубине слова Бешеного.

Невзирая на то, что света в фургоне почти не было, внутри стало ясно, как днем. Это благодаря светлыни инея, заманчиво блестящего, необычайно яркого для привыкших всматриваться во тьму людей, преобразившего мрачную окраску предметов, покрыв их сущей белизной — необыкновенно ярким, чистым белым напылением.

Андрей, сам не помня как и когда оказался в дальнем конце фургона, забившись в угол возле клеток, в которых «Монстр» доставлял с поверхности всякую живность для исследований, и обхватив руками колени, услышал булькающий звук, исходящий сзади, откуда-то из-за его спины. Там кто-то был, в клетках... Кто? Или же, правильнее — что?

Моментальный порыв, жгучее желание оглянуться вмиг овладело им. Руки инстинктивно сжали автомат, да так сильно, что, казалось, не выдержит каленое железо такого давления. Но в следующий миг другая мысль, черным вороном кружившая в его голове, камнем понеслась вниз, гулко шлепнувшись о дно его повергнутого в ужас сознания. Нет, не бежать, не надеяться на оружие... опустить руки.

... Если войдут, сидеть тихо, не шевелиться, не моргать... Да...

Как же холодно, — дрожа всем телом, думал Андрей, — как же не шевелиться, если так холодно...

Но он не шевелился. Не повел головой и когда булькающий звук, будто кто-то вытягивал через трубочку со дна стакана воду, приблизился и стал теперь похожим на выдох. Не дыхание, а именно выдох, постоянный выдох, хриплый, пробивающийся наружу словно через заполненное, истекающее мокротами горло.

Не шевелиться... Не шевелиться...

Искрящаяся, прозрачно-белая сфера, проплыла по воздуху прямо у него над головой, пройдя сквозь стену фургона, будто ее и не было, опустилось, поравнявшись с одичавшим от страха Андреем, помимо воли уже забывшим о дрожании и шевелении, не моргающего глазами и даже не помышлявшего о том, чтобы дышать.

Аномальное облако... Еще одно появилось в передней стене, пройдя сквозь соединяющий кабину и фургон люк, приблизилось к первому, проскользнуло через него, ушло в боковую стену. Первое продолжало висеть на уровне Андреевой головы. Всматриваясь немигающими глазами, Андрей сумел разглядеть внутри полупрозрачной сферы человеческие контуры. Быть может, это только мерещилось, потому как замерзший мозг давал повод усомниться в своих выводах, но то, что он видел казалось ему реальным — внутри сферы был четко виден абрис человека, со сложенными по швам руками, нагнутой вперед головой, натянутой шеей, с открытым в безмолвном крике ртом, но почему-то без ног и весь во льду. Обмороженные, мертвые члены не двигались, глаза неподвижно устремлены вдаль, в одну точку.

Это души экипажей судов, — пронеслась безумная мысль в его обмерзшей голове, — души тех, кто утонул в этой реке.

Еще один мерзлый выплыл из темноты, клокоча проеденным червями (по крайней мере, такую картину нарисовало ему ошеломленное воображение) горлом, и медленно проплыл к кабине. За ним появился еще один, в облики женщины. Отвратительное, жуткое лицо, словно замороженное на предпоследней стадии телесного разложения, вдруг с треском то ли обсыпавшегося льда, то ли ломающихся позвонков, повернулось к Андрею. Наклонилось набок для того чтобы лучше рассмотреть его застывшее в позе эмбриона тело, и в его черных глазных ямах что-то сверкнуло. Нет, черт возьми, ничего там не сверкнуло, они смотрели на него двумя темными безднами, и не отражалось в них абсолютно ничего.

Андрей медленно, будто опасаясь спугнуть присевших на покрывшиеся инеем ресницы бабочек, сомкнул веки. Сначала он приказал себе не дрожать, и это почти получилось, затем приказал не дышать, и это оказалось не так уж и сложно, но, черт подери — как заставить сердце прекратить этот оглушительный раш?!!

Почему я не могу его остановить? Почему я могу заставить руки примерзнуть к холодному полу, почему могу заставить свои легкие перестать втягивать в себя воздух и не

могу заставить прекратить сердцу стучать?! Почему я не могу приказать себе сдохнуть?!

Глоточное бульканье приблизилось, кто-то вдыхал холодный воздух дырявым горлом совсем близко. Немыслимый, панический ужас заставил Андрея закусить губу и сомкнуть веки еще сильнее, до появления перед глазами белых кругов.

В следующую секунду его сознание заполнила другая, совершенно новая мысль, от разумения которой к горлу подкатил густой ком. Эти облака могут сновать здесь вечно! Кто сможет заставить их теперь уйти отсюда? Они могут облюбовать это место и остаться здесь навсегда. Кто-то говорил раньше, — теперь Андрей это вспомнил очень четко, будто помнил всегда, — что мерзлые месяцами могут обитать на одном и том же месте. Кто-то видел эти айсберги обмороженных руин и автомобильных каркасов в груди сизых облаков, которые не таяли даже днем. А также снежные столбы в человеческий рост на тех местах, где обитали мерзлые. Много столбов, незаконченными крестами торчащих из земли. И чем больше Андрей думал об этом, чем красочнее и реалистичнее представлял себе эти облака, взявшие в плотное кольцо все три машины, тем больше узнавал в одной из двух десятков снежных фигурок себя: с распахнутыми во всю ширь глазами, бегающими в немом ужасе зрачками и двумя протаявшими ручейками слез...

Он хотел кричать, ему даже показалось, что он уже кричит, безудержно, во весь голос кричит, будто зная, что это последнее, что можно сделать, прежде чем отправиться в мир мерзких, заколеченных теней, выпучив глаза и хватая ртом воздух. Но он не кричал, и ни один мускул на его лице не дрогнул. В его глазах, отразившись ночным северным небом, утонуло жуткое облако и тут же пропало под закрытыми веками. После этого наступила тишина...

— Э-э, очнись, — кто-то тряс его по очереди то за одно плечо, то за другое, шлепал по щекам, приподнимал веки, но все это доносилось к нему как бы посредством звуков. Чувства все еще оставались в глубокой заморозке, хотя по лицу словно кто-то проходил паяльной лампой. — Малой, ты чего? — Потом, обратившись к кому-то другому: — Бешеный, он вообще живой или я пытаюсь воскресить жмурия?

— Да живой он, прикидывается, — заверил его голос Бешеного. — Сейчас я его отогрею. — И вслед за этим послышался звук расстегиваемой молнии.

— Ты чего, одурел?! — спохватился тот, кто тряс его за плечи.

— Да шучу я, Тюрьма, — сквозь смех проговорил Бешеный. — Сейчас сам очнется. Дай ему нашатыря.

Но очнулся Андрей не сразу. И даже нашатырь не помог привести его в чувства. Ощущение, будто какая-то невообразимая сила толкает его наружу, сквозь толщу воды, к свету, к воздуху, длилось, пока его, словно гигантскую медузу, не выбросило на сухой и светлый берег. Он не знал, сколько времени прошло, но все это время слышал, как его пытаются привести в чувства, матерятся, хлопают по щекам. Потом опять стало светло перед глазами, опять снежная белизна. Нет, не белизна, свет уже другой, не такой яркий, не такой насыщенный. Размытые контуры окружающих предметов темнеют, обретают четкость, пока не становится очевидным, что свет явно не снежный, а форма людей черна как эбеновое дерево. Рядом, присев на корточки и проверяя пульс у него на шее, вращал гребнистой головой как всегда полуобнаженный Бешеный.

— Тюрьма, с тебя бутылка, я же говорил, что он живой. — Потом снова оглянулся на Андрея, прищурился, словно смотрел на него через щель в стене. — Мнительный ты, парнишка, оказался. Как зовут-то тебя?

— Андрей, — ответил он и заметил еще одного человека в черной одежде, стоящего позади всех них, скрестив на груди руки и с иронической улыбкой поглядывающего в его сторону.

Черт, Крысолов... Вот уж перед кем-кем, а перед этим человеком Андрею меньше всего хотелось выглядеть перепуганным мальчонкой, упавшим в углу в обморок при виде замороженных облачков. Никогда не разберешь его взгляд: то ли серьезный, то ли шуточный. Иногда думаешь, вот, улыбается, сейчас скажет что-нибудь эдакое смешное,

сострит, как он умеет, задев за живое, заставит зарумяниться, красно забухтев щеками. Ан нет, не шутку, оказывается, задумал — молча подойдет и как врежет по затылку своей огромной ручищей, так и перекрутишься раза три в воздухе, прежде чем поймешь что к чему... И не спрашивай за что — еще раз отхватишь, как пить дать.

Все говорили, что Стахов строг, так вот этот во сто крат Стахова похуже будет. И если тот только на заставе своей мог воспитывать юнцов в духе «отцов сизой давности», то для этого, пожалуй, территориальный признак вообще не имел ограничительного значения. Другими словами, влепить затрещину он мог где угодно, и пожаловаться за это на него можно было разве что лишь одному Господу Богу. Он был Учителем. А на учителей в Укрытии никто не имел влияния, даже Военный Совет, хоть он и был наделен и законодательной и исполнительной властью, и, в теории, мог бы установить общие рамки поведения для этой категории населения. Но учителя были отдельной фракцией, они не вмешивались во «внутригосударственную» (если ее так можно назвать) деятельность, не участвовали в политических движениях и не были заинтересованы в общественных делах — прямо как церковная парafia в прежние времена. Разве что только существовали они не за счет подати и приношений, а все же беря свою нескромную часть средств из общей казны. А что поделать? Ведь они воспитывают тех, кто в ближайшем будущем встанет на защиту Укрытия, как Стахов, или пойдет наружу как Бешеный с Тюремщиком, или же с точностью до миллиметра в скудно освещаемых цехах будут выстрагивать гильзы для патронов, как покойный — царствие ему небесное — старик Юхха.

Именно учителя распределяют юношей и девушек, оценивая способности и возможности каждого, дабы в полной мере раскрыть, на что способен будет тот или иной абитуриент, вчера закончивший обычную школу и сегодня готовящийся получить свою путевку в жизнь.

Андрей проходил школу выживания именно у него, у легендарного учителя Крысолова, и хотя за все восемь месяцев им приходилось видиться всего несколько раз, именно он поставил в его деле свою широкую, властную подпись под штампом «готов» напротив графы «пригодность к военной службе».

А теперь я распластался перед ним, весь мокрый, разлегшись то ли в луже растаявшей мерзлоты, то ли обоссавшись от страха, — обругивал себя Андрей, — а он, небось, уже триста раз пожалел, что взял меня в экспедицию... если не вообще о том, что подписал на военную службу!

Но Крысолов, или же Кирилл Валериевич, как кому положено его называть, похоже в эту минуту думал вовсе не об Андрее и не о его слабости перед аномальными облаками. Он улыбался, но улыбка его была словно реакцией на просматриваемое кино, демонстрируемое с невидимого полотна только для него.

— Все нормуль, Андрюха, — хлопнул его по-дружески Тюремщик, заметив, как тот сконфузился при виде Крысолова. — Все через это проходят. Давай-ка, подымайся. И, раз ты уж малёхо отоспался, заступишь на первое дежурство. Пойдешь в напарники к своему комбату, — с ехидцей, в своем стиле, он осклабил только правую часть рта и еще раз хлопнул новичка по плечу. — К Никитичу. Возражений, думаю, не будет?

— Нет, — Андрей резво поднялся с мокрого пола, испытывая на себе неприятный взгляд начальника экспедиции, поднял с пола мокрый автомат и иступленно принялся вытирать его рукавом.

Ему хотелось выглядеть как можно стойче, а, при возможности, и не подать виду, что его резанули по живому, поддев этим дежурством со Стаховым, но скрыть недовольства он не мог. Черт, значит, разболтал Никитич о том, что он заснул на посту. Небось, во всей красоте преподнес. Так как они умеют, старики. Мол, вот такая нынче молодежь пошла, и двух суток без сна продержаться не могут! Вот мы-то в их года... И давай вспоминать о былых подвигах, что да как было и кто по сколько суток без сна и пищи, с десятью патронами в магазине, за семь кварталов от Укрытия и несколькими минутами в запасе до восхода солнца, в окружении обозлившихся мутантов и тварей безобразных. Но это было

тогда... А сейчас дряхлые молодые все — не мужики, а мешки с тряпьем. Всучили им по автомату и по два рожка, вот они и думают, что все им по фигу и спасет их оружие от всех бед. А вот только черта с два! Если в башке ветер, в сердце гордыня, а в руках вместо мышц вата, никакое оружие не поможет. И понять-то это не всем дано. Талдычишь, талдычишь им, а все равно как горохом об стену. Пока сами лоб в лоб не столкнутся с чем-то таким, от чего волосы дыбом встают, не поумнеют. А поумнеют — так иногда поздно уже.

Все это Андрей знал, слышал не раз. И пускай Стахов, в силу своей неразговорчивости, выражался другими словами, суть от этого вряд ли менялась. Так всегда говорят. Так говорят старшие, когда новички не справляются с заданиями, засыпают на постах или не угождают им в чем-то еще.

— Ну, и ладушки, — Тюремщик зачем-то поправил нож на поясе и повернулся к Крысолову: — Купол растягиваем?

— Уже растянули, — не мигая, ответил Кирилл Валериевич. — Давай ко мне на совещание.

И сам поспешно скрылся в дверном проеме. За ним прошмыгнул, словно черная тень, и Тюремщик, оставив Андрея в залитом ярким солнечным светом фургоне одного.

Глава 4

Андрей вышел из машины и зажмурился от больно резанувшего по глазам яркого света. Он слышал, что солнце — это мощный источник энергии, в одночасье накрывающий светом большую часть планеты, но что будет так ярко, так ослепительно больно для глаз и не упасет даже темный материал криокупола с вшитыми в него пластинами из огнеупорных сплавов, он предположить никак не мог. После стольких лет пребывания во тьме, его глаза, никогда не видевшие иного освещения, кроме лампового, не могли привыкнуть к естественному, природному свету.

И зачем только в нем окон еще понаделали, недоумевал Андрей, ведь и так просвечивается как марля?

Он стоял, держась за поручни трапа, минут пять, рассматривая за закрытыми веками разноцветную мозаику и почему-то вспоминая безразлично-отвлеченное выражение лица Крысолова, когда тот стоял за спиной Тюремщика.

— Сейчас привыкнешь, — услышал он знакомый голос. — Я тоже долго привыкал.

Сашка.

— Где все? — уловив лишь отзвуки шипящего пылью ветра, спросил Андрей, опустив голову и часто-часто захлопав ресницами, словно от попавшей в глаза мыльной воды.

— Старшаки на совещании у Кирилла Валериевича. Другие отсыпаются. Я вот тоже иду — заступаю через три часа, сразу после тебя.

— Слышь, — прекратив моргать и чуть приоткрыв глаза, несмело позвал Андрей, когда Саша уже собрался уходить, — а как эти мерзлые... ну, в общем, когда они покинули нас?

— Не знаю, я ведь тоже вырубился, — понизил голос Саша, будто поведал о чем-то крайне постыдном. Андрею даже показалось, что щеки у того зарумянились, как у смущенной непристойным вопросом девицы. — Эта бредятина прикоснулась ко мне. Почти прошла сквозь меня, представляешь? Просто очнулся я на минуту раньше тебя, вот и не засек меня Бешеный.

Андрей осторожно, но в то же время с некой решимостью приоткрыл глаза еще и посмотрел на своего нового друга. Совсем как на кровного брата, отхватившего у отца таких же люлей за вместе содеянное преступление. Ему хотелось с облегчением вздохнуть или даже броситься к нему с объятиями, найдя утешение в том, что не один он оказался таким «мнительным», как окрестил его Бешеный, но делать этого не стал. И не потому, что в последний миг почувствовал, как скупая на эмоции мужицкая жилка стянула его чувства в тугой кулак, полностью уничтожив сопливые сентименты, а потому, что вдруг показалось ему, что рассмеется сейчас Сашка. Прямо в лицо ему рассмеется, не воспримет его эдакую

своенравную дружескую участливость. Он ведь другой совсем, Сашка, не такой как он.

Андрей всегда знал его как шалопутного, хвастливого раздолбая и хулигана. Подчас ему даже сложно было понять, как так получилось, что этого абсолютно не поддающегося воспитанию заядлого спорщика, до посинения готового отстаивать свое нередко абсурдное мнение, доводящее некоторых педагогов в школе до бешенства, вообще приняли на военную службу? А уж то, каким чудом Саша умудрился пройти отборочные тесты, озадачивало не только Андрея — ведь не скрывай он присущей всем малолетним хулиганам дерзости, излишней уверенности в себе и склонности к фолу, ни один проводящий отбор учитель не поставил бы штамп одобрения в графе «военная служба». Ведь было много случаев, когда боец посредством лишь понтливости и напускной смелости заверял учителей в своей готовности к строевой службе, а в самый ответственный момент покидал заставу, бросив оружие и оставив товарищей на растерзание прорвавшихся в шлюз тварей. А на поверхности? Туда же выходят, в основном, малыми группами — два, три, четыре человека. И если один из них окажется психически нестойким в условиях постоянной и явной угрозы. Что тогда? Что делать, когда он с перепугу начнет палить во что попало и бежать куда глаза глядят?

Именно для того, чтобы подобных случаев можно было избежать, были написаны десятки разнообразных тестов, чтоб как можно скрупулезнее выбирать тех, чья нервная система способна будет справляться с той жуткой дозой адреналина, что будет впрыскиваться в кровь чаще, чем способно биться сердце.

Хотя, если говорить начистоту, Андрей, вспоминая крайний наряд на «северке» и аномальные облака, в последнее время себя считал тоже не особо стойким, а потому сомнения относительно Рыжего как-то затерялись в его собственных.

— Я это... — выдавил он из себя, наконец раскрыв веки полностью и почувствовав, что свет уже не так больно режет по глазам. — А где мы сейчас?

— Березань. — Саша потоптался на месте и уселся на железную ступень, многозначительно цокнув языком.

Андрей последовал его примеру и также опустился рядом, обняв гудящую голову руками.

— Далеко от Киева?

— Да не-е-ет, — отмахнулся он и, выронив на ступень какие-то деревянные бусы, нанизанные на короткую нитку и пошарив свободной рукой у себя за пазухой, достал сложенную в несколько раз карту. Старую, затертую, обкусанную по краям, выпачканную грязью и местами сбрызнутую мелкими коричневыми пятнышками. Словно не карту киевской области, а карту, на которой отмечено месторождение золота, за которую люди готовы резать друг другу глотки. — Смотри, здесь вот мы, — он ткнул пальцем в неправильной формы оранжевый овал, изрезанный белыми полосами вдоль и в поперек. — Вообще ерунду проехали.

— А Харьков где? — пошарив взглядом по карте, спросил Андрей.

— Поди узнай. У меня ж только такая карта есть.

Андрей не спрашивал, откуда тот ее вообще взял, ведь довольно дефицитная вещица. Зная природу такого типа людей, об этом несложно догадаться. Любивший забиваться на спор, играть на деньги в «земли», заранее зная, что так кидать ножом как он никто не умеет, одурачивать нерасторопных одноклассников в «трыньку», Саша добывал все трофеи одним и тем же способом. Выигрывал. Быть может, поэтому он прошел все тесты и сумел обвести вокруг пальца самого Крысолова, уж чей проницательный взгляд, казалось, похлеще рентгеноскопии просматривал насквозь каждую душонку, заглядывая даже в те темные уголки, куда спрятано самое сокровенное. Или, возможно, наоборот — как раз и разглядел в нем Крысолов того шулера, который сможет обмануть смерть, подобно некоторым легендарным сталкерам, годами разыгрывающими с ней одну и ту же партию в покер?

Так это или нет, узнать, конечно же, вряд ли когда-нибудь удастся, да и не об этом сейчас думал Андрей. Больше его интересовало другое.

— Как думаешь, за сколько дней мы до него доберемся?

— Не знаю, говорят все зависит от погодных условий и от того какой путь выберут.

— А что, их есть много?

— Вроде как два, я от Тюремщика слышал. Один типа магистраль через Полтаву, по ней будет быстро, а другой — проселочными дорогами, будет дольше, но вроде бы не так опасно.

— Не так опасно? — отвлеченно рассматривая свои изношенные, припавшие пылью рантовые сапоги, переспросил Андрей. — А разве бывают не опасные дороги?

— Не знаю, — повел плечом Саша, — может, и бывают, раз говорят. Они ведь сталкеры, им виднее.

— Сталкеры говорят? — механически переспросил Андрей и, вдруг сменив тему: — А ты хотел бы быть сталкером?

— Спрашиваешь еще, — горделиво вскинул подбородком тот. — Зачем же я вообще здесь?

— Думаешь, будет тебе тоже так фартить, как этим? — кивнул на кабину «Монстра», спросил Андрей.

— Может и будет, а нет — так нет. Все равно это лучше, чем всю жизнь грести коровий навоз, тягать пропашник или горбатиться вон в цеху.

— Знаешь, мой друг Олег...

— Я знаю, — перебил его Саша. — Он не прошел отбор, завалился еще на втором экзамене. Куда его определили? Хоть не в коровник?

— В литейный, — не подымая головы, ответил Андрей. И хотя ему не понравилось то, как небрежно отозвался о его товарище Саша, он старался сохранять хладнокровие, и лишь плотно сжал губы. Прежнее желание броситься Сашке в объятья как к кровному брату сменилось внезапным желанием врезать ему по лицу.

— Значит, горбатится в цеху, — так же бесчувственно констатировал он. — Хотя это еще ничего. Вон брат мой, Сенька, подрастет, так ему одна дорога — на коровник. Зрения тридцать процентов и с руками нелады: недоразвиты суставы. В общем, даже на нижние уровни, на комбинат никакой не возьмут. А ведь он неплохой парень, забавный, петь хорошо умеет, сам песни сочиняет.

— Я тебе просто хотел сказать, что не всем, кто хочет быть сталкером, выпадает такая возможность, и не всем, кому она выпала, сможет им стать, — отчеканил Андрей.

— Это ты на что намекаешь? — прищурился Саша, пряча обратно разложенную на коленях карту и сгребая в руку выпавшие на ступень бусы.

— Да чего ты напрягся-то так? Ни на что я не намекаю, я говорю, что думаю. А думаю я, что многие из тех, кто, как ты сказал, тягают пропашник, могли бы тоже быть неплохими сталкерами. Уж точно, не хуже нас с тобой. А те, кто поступил на службу, могут так никогда ими не стать.

— Что ты имеешь в виду? — сдвинув брови, наморщил лоб Саша.

— А ты не понимаешь? Вспомни хотя бы мерзлых. Знаешь, они же могли так снова через наш фургон, сколько им вздумается. Обволокли бы машины своими облаками на полдня, и пиши — пропало. Хотя каких там полдня — часок с головой хватило бы, чтоб нам окочуриться. И где был бы твой сталкинг? Что на твоей надгробной плите написать: этого парня не зря отобрали, он был доблестным сталкером на протяжении пяти часов экспедиции?

— А на твоей — что? — в его голосе забренчали недружелюбные ноты. — Он умничал на протяжении пяти часов?

— Так я ж просто рядовой, — словно невзначай ударил он рукой по правому лацкану, к которому был приколот значок с изображением двух перекрещенных винтовок на фоне щита — необязательный атрибут военных в Укрытии. — А ты ж то ста-а-алкер, — последнее слово он специально протянул с напыщенной бравурностью, чтоб как можно более ужалить этого тщеславного огольца.

Некоторое время тишину нарушал только заунывный свист сквозняка, проносающего внутрь «коробки» песчинки пыли, напевая при этом свою любимую мелодию, полную тоски и угнетающего однообразия.

Что несет он с собой? Раздор между этими двумя молодыми людьми? Провоцирует драку? Или же наоборот, успокаивает горячую кровь?

Свистит, свистит, высвистывает свой тягостный, нудный мотив...

— Значит, за друга все-таки обиделся? — понимающе покивал Саша и отвернулся. — Я так и думал. А зря, я же не со зла. Ведь согласись — на счет того, могли бы они стать stalkерами или нет, решать не тебе и не мне, отбор проводит не один человек, а целая комиссия. Не могут же они все ошибаться? А относительно мерзлых... по-моему ты бредишь. Тебе бы отдохнуть не мешало, хочешь, я вместо тебя подежурю сейчас?

— Да нет, спасибо, — польстившись таким неожиданным поворотом событий, очнулся Андрей. — Я в норме.

— Ладно, — Саша поднялся на ноги, расправил плечи, похрустел шеей. — Тогда я пойду, как говорил Бешеный, костыли отброшу. Через три часа на смену. Не скучай здесь.

— Постараюсь, — прозвучало ему в ответ.

Становилось жарче. Стрелки на древних Андреевых часах — бабушкином подарке — указывали только на полдесятого, но снаружи уже здорово поджаривало, воздух становился спертым, влажным, с привкусом плавящейся канифоли. Это включился в работу криокупол.

Криокупол имел удачную конструкцию, благодаря которой полностью накрывал и сами машины, предварительно выстраиваемые в форме прямоугольной коробки, и пространство внутри нее, предназначенное для людей, тем самым становясь зонтом посреди пустыни, защищая всех, кто находится под его накрытием от немилосердно палящего солнца.

Для формирования коробки, «Монстр» становился в форме буквы «Г», выставив Базу-2 под прямым углом относительно своего тела и Базы-1, с другой стороны его продолжал «Чистильщик», тем самым создавая литеру «П», ну а «Бессонница» восполняла собой недостающую перемычку, замыкая круг. Все было просто.

Снаружи машины обкладывались дополнительными металлоасбестовыми щитами, покрывающими колеса, а заодно и лишаящими возможности спасающимся от дневного пекла существам прорваться внутрь коробки, используя ходы под днищем машин и прицепов.

Насколько эффективно это все работало в действительности? К сожалению, стопроцентной защиты криокупол не гарантировал. Если день слишком жарок, он мог в каком-то месте и прорваться, как сказали бы ученые, не выдержав сумасшедшего потока частиц энергии, что ниспосылало на него небесное светило. К тому же все зависело от места для стоянки. Если июльским утром вовремя не найти укромного участка в местном ландшафте, не отыскать какой-нибудь тенистый уголок, в котором можно было бы упрятать совсем нескромную по размерам сборную крепость, до трех дня ее обитатели в ней могут попросту задохнуться.

Андрей расстегнул две верхних пуговицы и поднялся со ступени трапа, когда дверь «Форты» в дальнем конце отворилась, и в проеме показалась знакомая лысая голова. Илья Никитич. Покачиваясь, он спустился по трапу на землю, достал из кармана очередную самокрутку и, чиркнув об воротник спичкой, не спеша раскурил ее, смакуя первыми, самыми, по всей видимости, лакомыми затяжками. За ним из базы вышло еще несколько человек, спустились вниз, сгруппировались возле Тюремщика, продолжая о чем-то тихо беседовать. Предпоследним из совещания вышел Крысолов а за ним, — о, Боже, у Андрея чуть челюсть не отвисла, — грациозно, словно птица, проследовала девушка. Невысокая, но до одурения красивая, на вид лет восемнадцати-двадцати, с короткой черной стрижкой и непривычно темным оттенком кожи, как у тех девушек в купальниках на обложке календаря, нежащихся в солнечных лучах на фоне набегающих морских волн. Возможно, оттого ей так шел этот черный комбинезон, подчеркивающий налитые упругостью полушария груди и

стройную фигуру? А, возможно, и потому, что расстегнутые верхние пуговицы и подкатанные до колен штанины, придавали ее образу такой бурлящей сексуальности, что Андрей едва удержался на месте, чтобы не подойти и не посмотреть ее вблизи, а при возможности, и прикоснуться к этому необыкновенного цвета телу.

— Чего уставился? — знакомый голос мгновенно вывел его из блаженного состояния нирваны.

— Илья Никитич, извините, я...

— Я вижу. Попроще лицо сделай и не пялься на нее так, будто призрак увидел, она этого не любит.

— А кто это?

Стахов помолчал, безразлично окинул взглядом продолжающий спор военный ареопаг, и снова затаился. Он курил постоянно, был закоренелым курильщиком, наверное, лет с семи, но, как ни странно, никогда не кашлял, хотя пальцы и ногти на руках уже из пожелтевших давно превратились в коричневатые, а были бы на голове волосы — независимо от цвета к сему времени стали бы как жмут сена.

— Юля, — ответил он, спустя длившуюся для Андрея вечность минуту.

— Юля, — повторил Андрей, не замечая, как его лицо расплывается в глупой улыбке. — А кто она?

— Девушка, не видишь что ли?

— Я понял, что девушка. Но откуда она взялась здесь? Я никогда раньше ее не видел.

Минуту спустя, пространство внутри «коробки» опустело. Люди, словно испугавшиеся солнечного света, насекомые, скрылись внутри машин, а вместе с ними, будто растаяв в воздухе, исчезла и потрясая Андрея девушка. Он не знал, в какой именно отсек «Форта» она вошла, ему достаточно было зреть то место, где она только что стояла, поглощая глазами вылепленный воображением ее силуэт.

— Ты многого еще не видел. Но это же не означает, что его не было. — Стахов прошелся взад-вперед, то приседая, то наоборот, вытягивая шею как жираф и крутя головой во все стороны. Андрей понимал, что ему следует заняться тем же, а именно проверкой герметизации купола в местах его крепления к машинам, но его взгляд, последним временем такой напряженно-внимательный, вдумчивый, вдруг словно расфокусировался, стал каким-то отвлеченным, погружившимся в прекрасноту, эфирные мечты и настолько влюбленным, что даже Стахов, наступив себе на горло, не стал их прерывать.

Кто знает, возможно, он вспомнил себя в таком же возрасте, когда впервые увидел в школе чудесную девушку по имени Ольга, после сыгравшую в его жизни важнейшую роль и не дав ему умереть в то время, когда он желал этого превыше всего. А возможно, просто не хотел ломать парню момент, когда тот оставил свое брненное тело и вознесся в сферу чувств, ловя на ходу удивительные, неведомые ему доселе сигналы, доносящиеся из глубины сердца, опьяняющие, словно разлитое в обилии благовонное миро. А возможно и знал, что больше такой возможности у парня не предвидится, так пускай помечтает вдоволь хоть сейчас, раз выпал такой случай.

И определенно в чем-то был прав.

— Товарищ командир батальона, — поднял на Стахова глаза Андрей, лениво перемешивая ложкой в армейском котелке совсем не аппетитное на вид, пахнущее вареной древесиной хлёбово, похожее на болотную жижу, — можно вам задать вопрос?

— Андрей, кончай ты паясничать, — скорчил кислую гримасу Стахов. — Какой я тебе командир батальона? Где ты его видишь, батальон этот?

— Простите, — втянул шею тот, и извинительно улыбнулся, — по старой привычке.

— Здесь мы все на одной должности, Андрей, — напомнил Стахов, облизнув губы, а потом добавил голосом Джона Сильвера из мультфильма «Остров сокровищ»: — Собирище смертников.

Он отложил в сторону пустой котелок, затем, немного повозившись, достал из своего вещмешка алюминиевую кружку, бросил туда щепотку сушеной травы из бумажного

свертка, похожего на тот, в котором он хранил табак для своих самокруток, и залил в нее кипяток.

— Чай пить будешь?

Андрей покачал головой. В такую жару о горячем чае ему думать совсем не хотелось.

— И напрасно. — Илья Никитич поднес кружку к губам и легонько подул на парящую жидкость. — Это специальный набор трав, помогает лучше перенести жарынь. Таки не хочешь?

— Нет, спасибо. — Андрей выставил вперед руку с растопыренной ладонью, будто сидящий напротив Стахов, собирался его насильно залить своим чаем.

— Послушай, — Илья Никитич отставил кружку на круглый раскладной столик и, понимая, что Андрей все еще ждет от него ответа, пристально заглянул ему в глаза, словно пытался угадать, какие именно разгадки тайн бытия он хочет в нем найти, — я уже говорил, мы здесь все наравне, между нами теперь нет старшего и младшего по званию, кроме, естественно, Кирилла и старших по борту... хотя эти так, для галочки. То есть, я хочу тебе сказать, что не обязательно каждый раз спрашивать, можно ли задать вопрос, потому что — конечно, в чем проблема? Валяй, но ты ведь умный парень, Андрюша, и должен знать, что есть много вещей, о которых мы с тобой никогда не сможем поговорить по душам. Как друг с другом. Ты меня понимаешь?

Пляясь в котелок с остывающей в нем жижей, именуемой не иначе как завтраком, Андрей все не мог переварить в себе услышанное. Неужели Стахов умеет говорить? Ведь кроме необходимых команд, изредка и только по необходимости слетающих с его уст, на заставе тот всегда словно играл в молчанку. Да, многие военные командиры предпочитают держать язык за зубами, используя лишь самое необходимое из своего итак весьма скромного словарного запаса, но Стахов по части молчаливости, наверное, переплюнул их всех. А, может, это он только на службе такой? Возможно, в жизни он приятный и интересный собеседник?

В любом случае, такая открытость не могла не радовать Андрея, враз почувствовавшего себя на короткой ноге с бывшим комбатом. Стало быть, кое-какие секреты все же для него теперь откроются, но, — как бывает всегда, когда желаемое приходит неожиданно раньше, чем ожидалось, — в голову словно кто-то вставил клин и расщепил его ударом молота.

— Так что ты хотел спросить-то?

— А... так какой дорогой решили ехать? Узкой или мастиралью? — наконец определился с вопросом Андрей, сдвинув пальцами набок спадавшие на глаза пряди.

— Магистралью, — поправил его Стахов. — Решили, что магистралью, хотя мне эта затея не очень-то по душе. — Он поднес кружку к губам и немного отпил своего чудотворного чая. — Они думают, что так будет быстрее. А по мне, так оно куда не поедешь, везде весело будет. Хоть по магистрали, хоть по проселочной.

Наступила пауза. Стахов хлебал свой чай, а Андрей в уме материл себя за то, что из множества вопросов, что одолевали его почти всю сознательную жизнь, в момент, когда можно было прояснить для себя хоть что-то, он не может вспомнить ничего достойного. О чем же спросить? Относительно Укрытия? Что именно? Ворошить историю? Так наслышан вроде бы. Слухов предостаточно, причем в желании прилгнуть многие рассказчики преуспевали настолько, что иногда невозможно было отделить правду от выдумки. Так о чем же спросить? Может, о нем самом, о Стахове? Да, есть несколько интересных моментов, но спрашивать о них как-то сразу в лоб тупо, что ли? О других сталкерах? О ком, например? О Крысолове? Считай, так уж и расскажет.

Черт, как же он мог забыть — о Юлии!

Но едва Андрей открыл рот, чтобы поинтересоваться личностью поразившей его девушки, как эту мысль решительно смела другая.

— Илья Никитич, а вы отца моего знали? Юрий Иванович Чекан его звали.

— Чекан? — Лоб Стахова рассек глубокий вертикальный ров. — Так ты сын Юры

Чеки?

— Да... — пожал плечами Андрей.

— Занятно. — Стахов отставил осушенную кружку, заглянул молодому бойцу в глаза, пытаясь, наверное, отыскать общие черты с давно пропавшим биологом, удивленно хмыкнул. — Так ты, стало быть, Чека-младший? Занятно, занятно. Вот уж не думал, что повстречаю его потомка столько лет спустя.

— Так знали?

— Знали, — вздохнул Стахов и, пошарив в кармане штанов, вынул другой сверток, в котором хранилась махорка, — отчего же не знать? Не вплотную сотрудничали, конечно, профили, сам понимаешь, у нас разные: я на заставе, он — в лаборатории. Но общаться приходилось, и стрелять в тире его я учил. Бездарный из него был стреляка, скажу тебе, — Стахов улыбнулся, снова всего лишь на мгновение, точно как в тот раз на заставе, но сейчас Андрею показалось, что эта улыбка хоть и длилась жалкую долю секунды, но все же была непритворной, искренней. — Мог три рожка высадить, и все куда-то мимо. Все палил в стену. Меткости в глазу, как и у Бешеного — ноль. А вот человек был душевный, умный, пообщаться можно было.

— А о том, что с ним случилось, вы что-нибудь знаете?

Некоторое время Илья Никитич сосредоточенно, привычными движениями пальцев, мастерил себе самокрутку. Андрей даже успел подумать, что тот не расслышал вопрос, и хотел было уже его повторить, как Стахов, проделав снова фокус с поджиганием спички от воротника, раскурил самокрутку и сказал:

— Поверь мне, парень, не больше, чем ты. Гребешков, тот сталкер, что сопровождал группу твоего отца, пробыл больше недели на поверхности. Он вернулся практически без одежды, обгоревший весь, израненный. Голова раздута, — Илья Никитич выставил руки, будто держа в них невидимый огромный мяч, — что твой глобус, череп просмотреть насквозь можно, мозги как мутная вода. Что он мог рассказать? Не укрылись от солнца, все умерли, он один выжил. Вот и все, о чем мы узнали перед тем, как он скончался на заставе. Поисковых групп никто не высылал, к тому же, пойми правильно, куда высылать, в каком направлении? В общем, давно это было. Сколько ж лет уже прошло?

— Двенадцать, — твердо ответил Андрей.

— Двенадцать, — вдумчиво повторил Стахов. — Твой отец был славным парнем, и это самое главное. Мне он лично как человек нравился, а тебя, не сомневайся, больше жизни любил. Да вся биологическая лаборатория тебя тогда на руках носила — одного из первых младенцев, родившихся без патологий. Но что случилось, то случилось. Твой отец был слишком предан работе, она его и погубила. Много людей, Андрей, вышли на поверхность и не вернулись. Слишком много.

— Знаю, — рассеянно сказал Андрей, свесив голову. — Я его и не помню совсем; мать лишь иногда расскажет что-то о нем, а фотографий так и вовсе никаких не сохранилось. Был отец, и как будто и не было его никогда.

— Мои родители были членами Военного Совета, — вдруг сказал Стахов, выпустив дым через ноздри. — Полгода уже как в Укрытии жили, мне было тогда десять лет. Творилось в Укрытии чёрт-те что! Повстанческие движения, бунты, а свободный доступ до оружия делал свое дело. Стреляли, как в тридцатых годах. Там, в зале совета, где проводятся совещания, краска уже в двадцать слоев, наверное, нанесена, а пятна крови все равно проглядывают. Хотя уже три десятилетия прошло.

— Ваших родителей убили?

— Знаешь, кого называли «толпой»? — задал встречный вопрос Стахов.

— Знаю, — кивнул Андрей, — это те, кто вначале попал в Укрытие не запланировано.

— Да, тогда вместо шести тысяч человек, в него натолкалось почти восемнадцать. Случайные граждане, оказавшиеся в нужное время и в нужном месте. Это было неуправляемое стадо, озверевшее, полное отчаяния. Попав в Укрытие, они убивали всех без разбору, начиная с тучных олигархов, для которых были построены специальные пентхаусы,

вырезая их целыми семьями, и заканчивая мелкими политиками, выкупившими, так называемые, «докторские» квартиры для своих огромных семей.

С другой стороны их можно было понять: у них под домами строили убежище, а их самих хотели бортануть, мол, извините, ребятки, для вас здесь мест нет. Вот они и мстили... В тот день, так уж получилось, ранили только нашего старейшину и уважаемого всеми нами Василия Андреевича, всех остальных убили, в том числе и моих родителей. Иногда мне кажется, что лучше бы они ушли на поверхность и не вернулись. Хоть умерли бы за дело. А так... постреляли как уток на воскресной охоте.

Стахов вздохнул, погладил рукой щетину на подбородке, сплюнул.

— Могу с уверенностью сказать, что тебе повезло, парень, родиться не в те времена. Мало того, что радиация проникает внутрь — Укрытие ведь изначально задумывалось для длительной консервации, то есть все входы-выходы были опечатаны, и открывать их следовало не раньше, как через двадцать лет! — так еще и эти каждый день укорачивали жизни сотням людей.

— А для чего же их открыли, эти выходы?

— Так это они и открыли. Придурки! — Стахов поморщился и снова сплюнул. Самокрутка дотлела до середины, но он о ней напрочь забыл, погрузившись в пучину воспоминаний. — Ломанулись за своими родственниками и вещами, что забыли! Дурачье. Оно же все светилось, барахло это, «гейгер» трещал как сумасшедший, мотивы выдавал, а они все тащили, тащили... Деньги, украшения, провиант, одежду, даже кошек, с которых шерсть слезала как парик, мать его! Каждый хотел взять самое ценное из дому, в надежде, что оно еще пригодится.

— Зачем же вы их впускали?! — округлил глаза Андрей.

— Нас, — Илья Никитич ткнул себя в грудь большим пальцем, — еще не было. Я же говорил: никаких застав, никаких патрулей. Каждый сам за себя, к тому же их было больше.

— А как все закончилось? Ну, потом же все улеглось, ведь так? Куда делась эта «толпа»?

Стахов пожал плечами, сунул в зубы самокрутку и сделал последнюю затяжку, прежде чем бесшумным щелчком отправить окурок под машину.

— Естественный отбор, наверное. Большинство смирилось с предложенным военными порядком, кто-то не вернулся с города, кто-то, получив приличную дозу облучения, умер в изоляционных камерах, а самых яростных бунтарей со временем удалось обезвредить...

— Убить?

— Да, Андрей, убить. Никто не играл в милицию и судей. — Стахов поднялся, достал из нагрудного кармана платок и протер им лоб.

— А почему для них не было убежища, для простых граждан? Ведь все бы обошлось, если бы они знали, что у них есть свое убежище.

— Почему ж не было? — Стахов будто бы удивился. — Было.

Он отошел в сторону, присел на ступень трапа «Монстра», где еще недавно сидели Андрей с Сашей, и принялся расшнуровывать свои ботинки. В его поведении больше не усматривалось того Стахова, что был начальником на своей заставе. Господи, да ведь он даже не разрешал расстегнуть верхние пуговицы на кителе!

— Можешь тоже разуться. В это время суток, — словно прочитав мысли Андрея, сказал он, для уверенности еще раз взглянув на часы, — ничто не будет нас беспокоить. Вся тварь по закуткам, сейчас слишком жарко.

Это было как нельзя кстати. Сапоги стали горячи, будто вот-вот собирались расплавиться, а портянки уже давно сползли, натерев раны на ногах, и поэтому большего удовольствия, чем сбросить эту надоевшую кирзу, в эту минуту нельзя было и придумать.

Стахов бережно отставил свои ботинки в сторону, с неким наслаждением пошевелил набрякшими пальцами, после чего его лицо приняло выражение глубокого удивления.

— Ты что, ничего не слышал про Укрытие-1? — Андрей отрицательно покачал головой. — Ну, в принципе, это и понятно. До твоего рождения там уже никого не осталось,

хотя о нем предпочитали помалкивать и раньше. Гражданским знать о его существовании не нужно было, а кто знал, тот особо не распространялся на эту тему. Это как раз для них, простых смертных, и строилось то убежище. Только ты ж ведь сам понимаешь: сроки строительства, качество материалов и прочее, что имело отношение к выживанию после ядерного удара — фильтры, генераторы, склады провизии, одежда, медикаменты — все было для них совсем другим. Да и место расположения... За городом, в поле, почти под Васильковым. Кто туда успел бы добежать? Хотя по размерам оно было гораздо больше нашего, которое строилось исключительно для VIP-персон и «нужных» людей, вот вроде твоих родителей.

— И что?

— А то, что это Укрытие-1 до момента начала военных действий... — Илья Никитич внезапно прыснул со смеху, словно психопат, вспомнивший забавный момент из прошлой жизни. — До момента военных действий... — смеясь, повторил он, оскалив пожелтевшие зубы. — Ну и слово придумали! Какие же, на хрен, действия? Летящая ракета — это разве действия?

Угомонился он не сразу. И даже взгляд Андрея, в котором читались смешанный испуг и смятение, не мог вывести его из этого припадочного состояния.

— Так что до начала войны? — напомнил ему Андрей, заменив «смешное» слово на более, как ему показалось, уместное.

— Ладно, Андрюха, — Стахов прекратил смеяться, поднялся со ступеней, потянулся, широко раскинув руки. — Хорош трендеть, а то уже голова от всего этого болит.

— С чего это? Сказал «А», говори «Б», — прозвучал сзади чей-то мягкий, но в то же время повелевающий голос, не подчиниться которому было просто невозможно.

Стахов с Андреем оглянулись одновременно. На ступенях «Форта» сидел, горделиво расправив старческие плечи и вытянув тощую гусиную шею с натянутыми, словно мачтовые тросы, прожилками, Василий Андреевич. На его лице играла улыбка. Когда он там появился и как много успел услышать из рассказанного Стаховым, ни один из дежуривших представления не имел и это обстоятельство, без сомнений, не могло не тешить старика. Андрея во внимание он не брал, — молод тот еще совсем, — а вот Никитича он знал достаточно хорошо. Знал, старый волк, что тот небось уже проклинает себя в уме за то, что во-первых, не сумел вовремя заметить постороннего движения, ведь старик не призрак, вышел, стало быть, через дверь; а во-вторых, и это хуже всего, за то, что поймали его с поличным за распространение секретной информации. И, главное, перед кем распространялся-то? Перед мальцом, у которого еще молоко на губах не обсохло? Не удержался — протрепался?

Андрей решил для себя, что сегодня день познаний. И познаний даже не тех, что волей-неволей отнеслись к истории Укрытия, хотя спрашивать о нем он и не думал, а познаний человеческой сути. Вот, например, взять того же Стахова: оказывается, и он покраснеть от стыда может. Кто бы мог подумать? Вот, рассказать бы Олегу, так не поверил бы. Говорящий Стахов? Ты бредишь! Стахов, который снимает ботинки во время дежурства и предлагает это сделать своему подчиненному? Чистая ложь! А тот Стахов, что таращится с изумлением на Василия Андреевича, застыв, как первоклассник под окном раздевающейся девицы, не зная, что и сказать? Друг, ты спятил?

— Это сын Чекана, — объяснил Илья Никитич, найдя наконец хоть какие-то слова.

— Я знаю, — кивнул Василий Андреевич и перевел взгляд на Андрея. — Юноша, тебе было интересно?

— Да, товарищ полковник, очень. — Андрей встал, словно по команде «смирно».

— Брось, — Василий Андреевич отмахнулся, и по этому жесту Стахов понял, что самые худшие его опасения сбылись — полковник был здесь все время с самого начала. — Илья Никитич объяснял же тебе: никаких званий, никаких должностей. Садись. К тому же, если тебе действительно было интересно, можем попросить Илью Никитича продолжить. А уж если у него вправду от этих разговоров мигрень — что ж, я могу предложить себя в

качестве рассказчика. Если ты, конечно, не против.

— Не против, — растерянно развел руками Андрей, переводя взгляд со Стахова на Василия Андреевича словно кукушка в настенных часах.

— Илья Никитич, простите уж старика — боль в суставах практически лишает меня сна. Да и спать мне как-то не хочется, уж недолго ждать, выплыву еще. А относительно того, что вы здесь толковали этому юноше — что ж, считаю это абсолютно правильным. Согласен с каждым сказанным вами словом. — У Стахова после этих слов будто камень с плеч рухнул. — А чего? Парень — военный, и, думаю, вправе располагать теми сведениями, что ему необходимы. Я даже как-то продвигал этот вопрос на совете, чтобы на учебных курсах ввести дисциплину «История Укрытия». По-моему, это важно. И пускай бы лучше молодежь всё узнавала из официальных источников, чем самостоятельно слагала бы разные слухи в одну бредовую галиматью.

— Я рад, что вы так думаете, — сказал Илья Никитич и присел вслед за Андреем, принявшись напяливать на ноги ботинки. И даже если Василий Андреевич не обратил бы на это внимания или, кто знает, поощрил бы такое неуставное явление, Стахов все равно не смог бы находиться в присутствии старшего по званию (да и младшего, пожалуй, тоже) босым. Исключение составил только этот малый, Чека-младший. И хотя объяснения этому Стахов так найти и не смог, но к парню он относился с явным благорасположением или даже... (о, Боже, неужто такое может быть?) испытывал к нему приближенные к отцовским чувства?

— Так на чем вы остановились? — полковник подошел к Андрею и мягко опустился подле него на разложенный стул Стахова, повернувшись так, чтобы находиться к ним обоим лицом. — Насколько я помню, Илья Никитич собирался вам рассказать о Укрытии-1 и начале войны, так?

Остановился, если не ошибаюсь, на том, что Укрытие-1 до начала военных действий оказалось недостроенным? — Андрей кивнул. — Да, так и было. Строительство ПРУ общего назначения под названием «Укрытие-1» велось действительно не такими темпами, как наше, и совсем по другой системе. Там не предусмотрено было ни отдельных квартир, ни админзданий, ни лабораторий, ни цехов, ни комбинатов с необходимым оборудованием, ни, понятное дело, ферм. По сути своей, оно было всего лишь вырытой ямой под бетонным перекрытием, диаметром в два километра. Все дело, как понимаешь, в финансировании. Наше укрытие финансировалось хорошо — для себя же строили, а первое так, когда лишние деньги были. Потому и не достроили. Да и рабочих рук не хватало, строили же военные.

— А почему же не привлекали самих гражданских — ведь для них строили-то? Глядишь, и быстрее закончили бы?

— Нет, Андрей, гражданским туда допуска не было. Укрытия были секретными объектами, работы в них велись исключительно ночью, поначалу и земля вывозилась либо далеко за пределы города либо высыпалась в реку.

— Но потом ведь о них все же узнали? «Толпа» ведь не случайно попала в Укрытие?

— Не случайно, конечно, — кивнул полковник. — Ведь в строительстве только нашего Укрытия участвовало больше тысячи человек, а потому сколько угодно можно было ставить на папках гриф секретности — на скорость распространения информации это не влияло. Время-то уже было неспокойное. Люди в большинстве своем — не глупцы, они понимали, что необоротная реакция, начавшая менять и без того последнее десятилетие сходящий с ума мир, рано или поздно уничтожит все живое на планете. А потому и к грузовикам, курсирующим между возникшим под столицей подземельем и наружным миром, присматривались с подозрением. Возможно, они не в полной мере осознавали масштаб подземной постройки, но уж для чего она сооружалась, было ясно как Божий день.

К тому же многие догадывались о том, что происходит на самом деле. Что ни президента, ни большинства министров, ни прочих «пухлых» политиков в стране уже нет и все «обращения к народу» и публичные заявления — ни что иное, как заблаговременно смонтированные на телевидении ролики. Как и речи гаранта державы в «свежих» выпусках

новостей о том, что война невозможна, что конфликт между Россией и США улажен. Ведь слухи о том, что власть имущие мужи продавали свое имущество, дома, автомобили по «бросовым» ценам, параллельно скупая валюту, картины, драгоценности, ходили не один год. Они ведь поначалу тайком, а потом, когда большинство европейских аэропортов либо закрывались, либо отказывались принимать наши самолеты, в открытую, ничего не стыдясь, драпали с Украины кто куда мог и какими только мог способами. Не принимает Европа, значит в Америку; не в Америку, так в Австралию. На худой конец в Африку, на Индонезийские острова — там их точно никто беспокоить не будет.

— Хм, а почему бы тогда всем остальным не покинуть страну? — удивился Андрей. — Зачем было строить Укрытия, если можно было просто попросить убежища у какого-нибудь государства?

Полковник горько усмехнулся, надвинул косматые брови.

— Вот как ты считаешь, Андрюша, если бы сегодня всем, кто живет в Укрытии-2 сообщить, что завтра все взлетит на воздух, потому что где-то на нижних уровнях заложена ядерная бомба, местонахождение которой обнаружить невозможно... — полковник снова усмехнулся и развел руками. — Ты думаешь, много народу покинет родные стены? Вот вы, Илья Никитич, — он повернулся всем телом к сидящему на нижней ступени трапа Стахову, самозабвенно перекидывающему нож из одной руки в другую, — вы уйдете?

— Никак нет, товарищ полковник, — тихо, но все же с четко слышимой нотой армейской отчетности, ответил комбат, задержав нож в одной руке.

Андрей посмотрел на Стахова и буквально ощутил исходящий от него, как от вросшего в дорогу камня, холод несокрушимости. Он вдруг четко понял: такого человека как Стахов нельзя подкупить, запугать, заставить поменять мнение, отречься религии или предать друзей. Его можно либо обойти, либо разрушить, если зубы выдержат, но сдвинуть — никогда. Если он уж что-то решил — его легче убить, чем пытаться переубедить.

Желание во что бы то ни стало быть похожим на комбата настолько пленило разум парня, что он и сам того не заметив, потянулся к своему штык-ножу. Заораживающее поблескивающее лезвие Стаховой финки, коими в пятидесятые награждали наиболее отличившихся сотрудников НКВД, метавшегося из руки в руку, действовало как гипноз. Готовность следовать за своим отцом командиром след в след, готовность перенимать его опыт, становиться его тенью, чтоб в том случае, если его спросят: «Вот вы, Андрей Юрьевич, вы покинете родное Укрытие под угрозой смерти?» со всей определенностью ответить «Никак нет!» сейчас просто перла из парня, но интерес к рассказанному полковником брал свое. Он не без труда отдернул руку от ножен и перевел взгляд на Василия Андреевича, а тот, поняв, что прежде всего, парень жаждет услышать от него продолжение, заговорил вновь:

— Потому, Андрей, и не покинули, что уходить-то было некуда. Правительство свалило — Бог им судья. У кого еще была возможность выехать всей семьей, тот тоже незамедлительно покидал страну, и никто их за это не судит. Но это были единицы. Чтобы выехать из страны целой семьей и хотя бы с кое-какими пожитками, нужны были большие деньги. А ехать куда-нибудь одному, оставив семью, дом ради того чтоб провести остаток жизни в бродяжничестве, прослыть изгоем в чужой стране... — полковник скривил губы, повел плечами. — Да и верить в то, что когда-нибудь над нашими головами из одной стороны мира в другую полетят ракеты, как-то вовсе не хотелось. Мы надеялись, что они там попугают немного друг друга и обойдется всё, ведь не раз такое было. Но возрастающая агрессия между военными США и России красноречиво намекала, что в этот раз дружеским похлопыванием по плечу не обойдется. Последних пять лет каждая из сторон настойчиво требовала от Украины принять решение, под чью «крышу» она, в конце концов, пойдет. Конечно, если бы мы еще до середины девяностых не лишились ядерного оружия, — пожалуй, единственной дубинки, которой любая страна может отбиваться от мировых агрессоров, — вопрос стоял бы совсем по-другому. А так, знаешь ли, наличие ржавых танков или рассыпающихся на ходу самолетов, керосина в случай чего которым хватило бы разве

только на взлет, никак не стимулировало у сторон чувства консолидации с нами. Никто не прислушивался к нашему мнению, да и в планы не особо посвящал, они просто ставили вопрос — на чьей мы будем стороне в день Икс? Это была попытка аннексии в чистом виде, но официальный Киев, как, впрочем, и раньше, на все эти попытки привлечь к содействию той или иной стороне, клал с прибором. Они называли свою позицию нейтралитетом, но на самом деле это называлось: «Мы подождем результатов драки в нашей хате с краю, а там либо шах умрет, либо ишак околеет». Еще бы, ведь с территории Украины их след простынет задолго до того самого Дня Икс.

Безусловно, перед тем, как навсегда покинуть Батькивщину, правительство объявит всеобщую мобилизацию, частям внутренних войск прикажет патрулировать города, отбирать у гражданских огнестрельное оружие, введет комендантский час. Но даже ребенку станет понятно, что все это делается скорее ради того, чтобы морально подготовить народ к худшему, к неизбежному будущему, нежели с целью сохранить порядок и защитить граждан. Они назвали это мерой превентивного характера, приказав ввести в Киев и почти все областные центры войска, но это лишь породило массовые беспорядки; нашу страну захлестнула волна убийств, насилия, грабежей и мародерств задолго до того, как одни ракеты полетели навстречу другим. Правителям Украины к тому времени уже на все было наплевать — они позаботились о себе, не желая становиться заложниками ситуации: у кого хватало денег на покупку островка где-то в Атлантике или особняка на Новой Зеландии, укатили прочь. У кого не хватило чуть-чуть — купили себе места в Укрытии-2. А тем, у кого денег не было вовсе или было ничтожно мало — оставалось лицеизреть начало конца из окон своих жилищ.

— Нас все равно бомбили... стало быть, нейтралитет не прокатил? — с грустью в глазах, Андрей не столько задав вопрос, сколько осознав, как много от него было сокрыто и о скольком бы он еще не знал, если бы по воле случая к ним не примкнул бывший член Военного Совета.

— Нет, Андрей, не прокатил, — мотнул головой Василий Андреевич. — Возможно, если бы враждующих лагеря было всего два... Но Америка никогда не умела сражаться честно. Вся ее показная мощь строилась на хитрости и подлости. Штатам кровь из носу нужно было решить вопрос с направившей на статую Свободы ракеты Россией, но шанс оказаться в нокауте после первого же раунда был достаточно велик. Никто ведь уже не знал толком, до каких чисел дошла гонка вооружений за последние годы, а о том, что Россия по количеству единиц ядерного оружия явно превосходила штаты, последним было хорошо известно. Поэтому глава США предложил Китаю, имеющему великий интерес к территории матушки Руси, помочь убрать конкурента: нанести ядерные удары по европейской части России, а также по важным объектам Сибири взамен на всю дальневосточную часть федерации после раздела ее территории. Украину же пообещали в качестве бонуса, поскольку Китай не скрывал, что видел в ней исключительно благодатную почву для размещения рисовых плантаций. Но случилось то, что случилось, и после того, как Петербург, разбитый ядерным грибом, практически утонул, а Москва превратилась в город застывших теней, кто-то из двух союзников, не сдержав обещания, шарахнул и по нам. А, может, и оба, кто ж знает? Ведь после того, как объята пламенем атомного пожара Россия в последнем акте отчаянья открыла все шахты и направила оставшиеся ракеты и по Китаю, и по Америке, и по странам Европы, которые оказывали содействие последней, им уже было все равно кого бомбить, а кого оставлять. Двенадцать грибов взросло на нашей земле, Андрюша, двенадцать...

Внезапно лицо у Василия Андреевича исказилось в гримасе боли, он умолк, отвернулся от стола и зашелся сухим кашлем, приставив ко рту сложенную ладонь. Илья Никитич тут же подоспел к нему, на ходу свинтив крышку с фляги, но полковник замотал головой, достал из нагрудного кармана потрепанного костюма платок и протер им губы, вспотевший лоб. Длительное пребывание под палящими даже сквозь криокупол лучами солнца ему было

противопоказано, но старик явно не собирался сдаваться. Он кивком поблагодарил комбата, повернулся к Андрею, и вместо выражения глубокой почтительности за то, что несмотря на огромную разницу в возрасте и служебном положении, забыв об элементарной субординации, открыл ему глаза, в деталях поведав о всем том, что долгое время так бередило юную душу, он застал там подозрение и даже... угрозу?

— А где же были вы, товарищ полковник? — зная, что явно перегибает палку, но не в силах сдерживать прущий из него поток слов и эмоций, с неким дерзновением в голосе спросил Андрей. — Вы ведь не скажете, что ничего не знали, верно? Что попали в Укрытие по дикой случайности, вместе с толпой?

Стахов поднялся со ступени, его глаза, сосредоточившись на фигуре молодого бойца, округлились и остекленели, лоб пересекли сразу три глубоких борозды.

— Эй, попридержи-ка язык! — рявкнул он. Но тот даже не посмотрел в его сторону.

— Кого вы называете «они»?! — лицо Андрея исказила маска злости. — Почему вы говорите «знающие» с таким отвращением, будто не были в их числе?! Почему вы ничего не предприняли, если знали, что дети в тот день не вернутся со школ?

Глаза полковника прониклись грустью, потускнели, черты лица опустились, а обтягивающая череп кожа так и вовсе приобрела коричневато-желтый, болезненный оттенок. Единственное, что, казалось, не померкло в это мгновение полковнике — это его седина, по-прежнему ослепительно-белоснежная, искрящаяся в проникающих сквозь сетчатые круги в криокуполе лучах солнца.

— Ты меня слышишь? — процедил сквозь зубы Илья Никитич, скалой нависнув над сидящим за столиком Андреем. — Что ты себе позволяешь, щенок? Ты что думаешь, раз тут с тобой...

— Не нужно, Илья Никитич, — успокаивающим голосом промолвил полковник Щукин, и комбат тут же умолк. — Молодой человек правильно вопрос задал. Это значит, он умеет думать. А то, что импульсивен, так это потому что молод еще. Все мы такими были, вспомните себя.

Тем не менее, гримаса злости не сошла с Андреева лица. Не действовали на него ни авторитет Стахова, которому он еще пару минут назад принял решение слепо подражать, чтобы стать таким как он, ни слова старого немощного полковника, у которого лоб вновь покрылся испариной, а во рту будто появилось что-то лишнее. Андрей ждал, когда тот заговорит, ждал несмотря на то, что старик из последних сил сдерживался, чтобы вновь не зайтись в приступе сухого кашля.

Стахов же не понимал, почему до сих пор не дал малому оплеуху, чтоб тот пришел в себя, или хотя бы не схватил его за шиворот и не встряхнул как полагается, заставив извиниться за свою выходку, ведь он и для сына своего розги не пожалел бы за подобное нахальство. Но наказывать мальчика Илья Никитич все же не спешил. Он решил, что уж если — не дай Бог — малец проигнорирует его и выкинет еще что-нибудь, он незамедлительно преподаст ему урок, научит вежливости и покажет как нужно вести себя со старшими. Но пока тот ограничивается лишь нервным сопением и сосредоточенно буравит взглядом седину полковника, Стахов решил не трогать парня.

— Хорошо, я тебе отвечу, — наконец сказал Василий Андреевич, и напряжение, стальным тросом стянувшее троих военнослужащих в одно тугое кольцо, ослабло. Андрей обмяк, будто кто-то вынул у него из спины железный стержень, полковник Щукин, заклившись, наконец выплюнул сдавливающий легкие воздушный ком, а комбат медленно отошел назад и опустил на ступень трапа.

— Простите вы меня, товарищ полковник, — Андрей оперся локтями на стол, запустил пальцы в волосы. — Нашло что-то... Простите.

— Я понимаю твои чувства, — ответил полковник, на мгновение встретившись с полными искупления глазами юноши. — У всех нас есть за что ненавидеть виновных в гибели мира. Все мы потеряли дорогих сердцу людей. А потому и осознание того, что рядом с тобой находится тот, кто бросив всех и вся бежал к подземелью, а после еще и пытается

изобразить из себя страдальца способно толкнуть на безумие. Ну да ладно. Было и забыли. — Он улыбнулся и будто бы ожил. — Ты хотел знать, где я находился на момент атаки? Что ж, это вполне разумный вопрос, думаю, в уме его задавали мне все офицеры. Не так ли, Илья Никитич?

Но Стахов не ответил. Вновь достав свой штык-нож, он принялся отвлеченно вытирать о рукав блестящее в полуденных лучах солнца лезвие, хотя ни в какой чистке оно не нуждалось.

— В тот день, Андрей, я, как и множество других сохранивших честь мундира офицеров, до последнего момента выполнял приказ. Мы не задумывались над тем, насколько он ужасен и бесчеловечен. Тогда я еще не знал, что отданный приказ будет моим последним долгом умирающему народу, которого я клялся защищать. И впоследствии — моим проклятием, — он горько улыбнулся, часто замигав повлажневшими глазами. — Я был как тот офицер на «Титанике», который рассаживал пассажиров лайнера в спасательные шлюпки. Но моя миссия заключалась в обратном — я должен был пускать на корабль только тех, кого было нужно. Пресловутый приказ об обеспечении безопасности и свободного трансфера лиц, внесенных в регистр Укрытия-2, поступил мне, командиру президентского полка, которому, впрочем, к тому времени охранять уже было некого, ранним утром. Ровно через двадцать минут после того, как из достоверных источников стало известно, что Россия одновременно с двух фронтов подверглась атаке с применением оружия массового поражения, и за восемь часов до того, как Киев официально перестал быть столицей Украины. Господи, если бы мы знали... Но мы не знали, и к превеликому бесчестию всех нас, тех, кто доблестно оборонял входы в Укрытие — неприметные металлические двери в вестибюлях известных тебе станций метро — что принесением в жертву сотней тысяч загубленных душ, мы помогали... — голос Василия Андреевича стал тише, поджилки на шее, прежде твердые как спицы, задрожали. — Мы помогали спастись бездарным и бесполезным толстосумам и их капризным детям, воротившим нос даже от запаха свежей древесины, коей были отделаны их пентхаусы. Мы спасли человеческие отбросы, совершенно непригодные для выживания в новом мире, привыкшие все делать чужими руками, и кроме как ворочать денежными переводами не умеющие делать абсолютно ничего. Мы спасли тех, кто не был способен ни держать в руках лопату, ни автомат перезаряжать, ни картошку чистить. Мы были теми глупцами, которые по чьему-то приказу из большого пожара вынесли только никому не нужный мусор. И поэтому у всех нас руки по самую шею в крови, которую никогда и ничем уже не смыть.

— Вы... — Андрей поднял на полковника раскрасневшееся лицо, и впервые за все время беседы в его лице отразилось понимание. Не участие, не соболезнование, не жалость, не уважение к человеку, пережившему тот ад не помутившись рассудком, а именно понимание. Он вдруг понял то, о чем седой полковник никак не хотел говорить. Понял, в какие подробности он не хотел даваться, чтобы не придавать и без того жуткой картине еще большей красочности. Понял, почему воспоминание о выполненном приказе исказило его лицо как внезапная расщелина, вдруг возникшая на городской площади. Понял Андрей и то, что под термином «обеспечить безопасность» в городе, который уже несколько месяцев кряду был залит кровью, обозначало любой ценой не дать никому постороннему проникнуть в Укрытие. А «любой ценой» могло значить только одно — каждого, кто нарушал бы порядок трансфера, следовало безжалостно уничтожать.

А что уж творилось возле тех самых дверей, о которых сказал полковник, Андрею было не сложно представить. Он знал, о каких дверях речь, и, конечно же, знал на каких станциях метро они находились — это были двери в заслонах, тогда еще тщательно замаскированных «под стену» с такой дотошной скрупулезностью, что лишь наметанное око начальника станции по пятнам свежей штукатурки могло распознать истинные размеры входа в Укрытие-2. Там из земли, вокруг вестибюлей станций, до сих пор торчат почерневшие кости тех, кто без всякой надежды пытался прорвать оцепление и попасть в спасительное

подземное царство. Тех, кого без предупреждения расстреливали, дабы они не препятствовали заживевшим VIP-персонам благополучно добраться к шлюзу...

И полковника Щукина Андрей увидел. Настолько четко, как бывает виден серебряный диск луны тихой безоблачной ночью. Как он, такой еще молодой, а уже командир полка, подтянутый весь, гладко выбритый, с дерзко вскинутым подбородком и острым, как у высматривающего в поле мелких грызунов орла, взглядом, стоит на некоем возвышении вроде трибуны, и глядит на беснующуюся на мостовой толпу, взятую в плотное оцепление. Как он поднимает руку и отдает команду перепуганным и растерянными перед лицом беснующейся от ужаса толпы солдатам срезать каждого, кто прорвет окружение. У ступеней уже лежат сотни две остывающих трупов: мужчины, пожилые женщины, дети. Среди них много детей, ведь им гораздо проще проскочить между удерживающими щиты и умело орудующими кийками бойцами и проскользнуть под днищами бронемашин... Но их никто не жалеет. Дети — уже не будущее, не цветы жизни. Будущего нет, и поэтому они — лишь препятствия, которые следовало незамедлительно удалять. А прибывших под сопровождением конвоя «спасшихся», рискуя попасть под камнепад разъяренной «толпы», самоотверженно прикрывали, взяв в плотное кольцо, солдаты элитных подразделений президентского полка...

— Но почему вы не пускали людей? — наконец озвучил вопрос Андрей.

— Потому что места и припасов в укрытии все равно на всех не хватило бы. Если бы мы пустили их, они бы погибли от удушья или голода уже через пару месяцев. Тем более, кроме «VIPов» места в укрытии резервировались для специалистов, а среди толпы большинство не имели нужных для выживания знаний и навыков.

— А «толпа»? — впервые проявил интерес к беседе Стахов. — Как она оказалась внутри?

— «Толпа» — это всего лишь остаток от той массы людей, которую мы сдерживали. Это сложно, Илья Никитич — убивать своих: рвущихся к спасению мужчин, беспомощных стариков, рыдающих женщин и перепуганных насмерть детей. Мы больше не могли... Я отдал приказ поднять заслон и пустить хоть сколько-то, кто успеет. Это все, что мы могли сделать для людей. Убитые до сих пор сняты мне, это мой груз на сердце, нести который мне пришлось всю оставшуюся жизнь. Я все отдал бы, чтобы искупить вину перед ними.

Стахов замер, прекратив полировать лезвие ножа о свой китель, и стал похожим на самоубийцу, задумавшегося кончать ли ему с жизнью именно вскрывая вены в локтевом изгибе или, может, выбрать какой-нибудь менее приятный способ. По его спутанной реакции было понятно, что услышанное из уст полковника было для него внове. Он знал, что многотысячная толпа в какой-то момент прорвала оцепление и смела заградотряды, он знал, что это все равно случилось бы, потому что не могли три сотни солдат сопротивляться озверевшей, многотысячной толпе. Но что это произошло преднамеренно, что полковник сознательно допустил, чтобы толпа прорвалась в Укрытие и там еще много лет подряд продолжался тот же хаос, что был на поверхности...

Илья Никитич вспомнил родителей. Строгого отца, начштаба округа, всегда немногословного, пунктуального, требующего от матери чистых рубашек, смотрящего только первую половину новостей и ненавидящего говорить по телефону, но в то же время любящего, заботливого отца и преданного мужа. И мать вспомнил...

Он почему-то подумал, что узнай он эту информацию раньше, да хотя бы в тот самый день, когда его родителей вынесли под простынями, полковник уже был бы нежилец. Но сейчас в его душе уже не пылал огонь мести, скорее это было похоже на давно потухший вулкан, из которого вдруг повалил дым. С другой стороны, нельзя было сказать, что он не оправдывал действий полковника, ведь расстреливать детей ради такой низменной цели, ради прикрытия толстобрюхих ничтожеств, и не сломаться было невозможно. Зная себя, Стахов решил, что он и вовсе отказался бы выполнять такой приказ, приказав своим бойцам отойти. Но кое-что все же засело тупой иглой у него в груди. Почему Щукин молчал?

Почему не признался, что добровольно впустил горожан в Укрытие? Ведь те, кому тогда повезло войти, считали, что они сами прорвали оборону. Что пулеметчики прекратили огонь, потому что не могли сдерживать все возрастающую толпу... Как он мог жить, зная, что впущенные им звери убивают, насилюют и грабят сами себя?

— Илья Никитич, — хрустя старыми суставами, Василий Андреевич поднялся и подошел к задумавшемуся комбату, мягко положил руку ему на плечо. — Вы знаете, сколько бы раз я не возвращался к тому дню, в надежде, что хоть в уме попробую сделать что-нибудь не так... и знаете, ничего не получается. Не могу допустить, чтобы заслон закрылся перед теми людьми. Возможно, будь на моем месте кто-то другой...

— Он бы поступил так же, — сказал Стахов, кивнув поникшей головой.

— Да... — полковник на мгновение показался растерянным. — Спасибо, Илья Никитич. Иногда я думаю, что всего этого мог бы избежать, если б за неделю до тех трагичных событий сел на самолет и вместе со своей женой, двумя детьми и внучкой улетел бы на Тринидад. Но верите, снова — нет. Никуда бы я не полетел. Здесь моя земля, здесь я должен быть, здесь я должен умереть какую бы смерть мне не уготовила судьба.

Какое-то время внутри «коробки» было тихо-тихо. Даже ветер с наружной стороны утих.

— Вот так все и произошло для меня, — с грустью сказал Щукин, став между чинящим самокрутку комбатом и упершим над столом в лоб кулаки Андреем. — Каждый несет свой крест, мужики, каждый отвечает за свои грехи по-разному. Кто-то сходит с ума, кто-то вставляет голову в петлю, кто-то ведет себя так, будто ничего и не случилось, а у кого-то либо осечка, либо отсыревший патрон, либо затвор заклинило. Вот и живет с этим. А ведь хуже наказания и не придумаешь.

Сколько времени прошло как полковник стих, Андрей определить не мог. Обняв голову, он просидел так неведомо сколько; солнце изрядно припекало затылок, жгло тело сквозь черную форму, но он этого не замечал. Он будто попал в песочные часы и, уставившись вверх немигающим взором, следил, как струятся песчинки, бегут вниз по матовому стеклу, сыплются ему в глаза, застилая свет и в открытый рот, высушивая безжизненный язык.

Сыплются, сыплются...

— Эй, братишка, чего ты здесь разлегся на столе? Иди в кунг, ляг по-человечески. Твоя ж смена давно закончилась.

Андрей поднял со стола голову и, жмурясь от яркого света, посмотрел на склонившегося над ним бородача. Голова раскалывалась, кровь в висках пульсировала с такой силой, будто там качали вмонтированные гидронасосы, перед глазами проплывали, подпрыгивая разноцветные круги, и Андрею вдруг показалось, что он падает назад.

— Перегрелся, что ли? — с изумлением наблюдая, как Андрей ухватился за края стола, будто тот собирался от него удрать, снова обратился к кому-то бородач.

— Наверное, — послышался знакомый звонкий голос юного сталкера. — Андрюх, ты это чего?

Настороженно оглядевшись, подобно телопортированному из другого места подопытному кролику, Андрей ослабил хватку, отпустил стол и провел рукой по лицу.

— Я в норме, — сказал он, окончательно придя в себя. — А где полковник?

— Какой полковник? — не понял бородач.

— Щукин.

— Не знаю, у себя, наверное. А зачем он тебе?

— А Стахов где?

Бородач повернулся к Саше, но тот лишь пожал плечами.

— Точно перегрелся, — подытожил он. — Иди, отдыхай, боец. Так и мозги сварить недолго.

Он уснул тут же, едва раскалывающаяся голова прикоснулась к подушке, даром что твердой, дурно воняющей перегаром и немытыми волосами. Приятная прохлада внутри

фургона, словно целебная живица уняла боль в теле, остудила разгоряченные легкие, успокоила кипящую голову. Сначала Андрей подумывал снять с себя одежду, хлопбытнуться в простыни голышом, но ощутил, что смертельная усталость свалит его с ног раньше, чем он успеет расстегнуть все пуговицы. Уже в полудреме, перед тем, как полностью отключиться, в его мозгу громадным белым бум всплыло: ты забыл на улице свои сапоги и автомат... Хотя автомат это уже вряд ли...

И, погрузившись в сон... он проснулся.

Странно было находить себя словно в чужом теле, сильном, здоровом, дышать во все легкие, не закашливаясь, не чувствуя на языке неприятный металлический привкус. Странно было смотреть на проникающие сквозь огромные стеклопакеты, заменяющие стену, солнечные лучи, и не бояться, что свет выжжет тебе глаза. Странно было находиться в тонких, легких, приятных на ощупь простынях, уснув в лохмотьях и на смердящей потом подушке. Странно было видеть чистые стены с нанесенными на них синевато-лиловыми разводами, овалами, замысловатыми тетраэдрами, а перед кроватью, аккуратно посреди стены, в вычурном обрамлении одинокий парусник на фоне темно-синего волнующегося полотна. Странно, но он не чувствовал тревоги, не бился в мысленных конвульсиях, пытаясь угадать, где находится, и вообще, не испытывал ничего, кроме спокойствия. Так, будто проснулся дома, в той же кровати, где уснул накануне, где прожил все пятнадцать лет...

Привычная картина с двухмачтовым парусником, привычные обои с геометрическими фигурами, привычный шкаф в углу, привычный письменный стол, книги на полке, вращающийся стул, над столом постеры со звездами кино и эстрады. Он даже откуда-то знал, что в первом выдвижном ящике под кипой учебников лежат журналы с позирующими девушками. А в телевизоре — вон той штуковине, из которой вещает о нестабильности межгосударственных отношений дядька в строгом костюме, все время поглядывая куда-то налево (в надежде, наверное, что это никто не заметит) — можно найти и чего похлеще, чем в тех журналах...

Андрей поднялся с кровати и, к превеликому своему восторгу, обнаружил себя совершенно голым. Постоял с минуту возле зеркала, покрутившись и, не без восхищения, тщательно осмотрел свое совершенное, здоровое тело. После чего окинул беглым взглядом комнату. Ничего, что напоминало бы его сложенную одежду. Он всегда ее укладывал на табуретку — привычка с учебки — но табуретки в комнате не было, а те одежды, что лежали на полу у кровати, совсем не были похожи на его военную форму.

Вдоволь налюбовавшись собой и осмотрев комнату, Андрей подошел к окну и, отодвинув занавеску, открыл фрамугу. Сначала верхнюю ее часть, затем нижнюю. В ноздри ударил едкий запах гари, так привычный ему с Укрытия, и от которого, оказывается, так быстро можно отвыкнуть. Так смердело возле комбинатов на нижних уровнях, и Андрей всегда поражался тем людям, что могли там жить и работать. Но здесь не было видно труб комбинатов, — наоборот, стену многоэтажного дома с той стороны улицы украшали цветные щиты с красочными надписями и изображениями, вдоль улицы пышно зеленели деревья, и еще...

...о, Боже, сколько же там людей...

И одежды у всех какие... цветные, легкие, изящные, совсем не похожие на те, что выдают в Укрытии военным или шьются обычными работягами из расползающегося под руками лохмотья. Нет ничего общего с убогими власняницами укрытских граждан. И на лицах многих людей улыбки, в отличие от тех, на которых кроме усталости и изнеможения, пожалуй, ничего другого и не отражается.

А эти все довольные, словно беспокоиться не о чем, словно ничто им не угрожает. Идут, разговаривают с кем-то, заглядывают в киоски с газетами; толкая турникеты, заходят в здания; выходят с полными пакетами продуктов из магазинов, группируются под накрытиями остановок и ждут когда к ним подкатит троллейбус или маршрутка.

Андрей удивился тому, как эти машины могут быть такими незащищенными: никаких решеток, никаких клиньев спереди, никаких щитов и пулеметов, а окна — что вход в их

лачугу, где они жили с матерью. Их же дыхарю выбить — раз клешней взмахнуть.

Люди еще беспечны. Они еще живут на всю. Работают, отдыхают, мечтают...

От ворчливых стариков, — не военных, а простых гражданских, — которые обычно только и зудят о своем «было» будто от этого им становилось легче, часто можно было слышать это выражение — жизнь бурлила. Раньше Андрей не понимал, как жизнь может бурлить? Как вода в котле? Эта ассоциация ему тогда казалась не вполне удачной, но теперь он понял, что тот, кто придумал это словосочетание, был прав на все сто, ибо более точного определения происходящему внизу и не сыскать. Жизнь бурлит, кипит, бьет ключом, а не копошится червями в теле дохлого животного по имени Укрытие.

Но вот, нарушая благодатное человеческое снование, громко завывая сиреной, по проспекту пролетела какая-то легковушка с включенными на крыше мигалками, заставив остальных участников движения прижаться к обочине, а за ней, держась на почетной дистанции, прошмыгнула большой черной крысой другая машина, отличающаяся особым лоском и изяществом.

Лимузин — пришло на ум малопонятное слово.

Андрей еще пытался привести в покое всколыхнутые громкими завываниями сирены мысли, как на дороге появился еще один такой же кортеж, только легковушек с мигалками было уже три, а черных лимузинов — пять. Один за другим, они проехали у Андрея под окнами и скрылись за поворотом. На этих уже, похоже, мало кто обратил внимание, люди шли по своим делам, все так же заходили в магазины и дожидались огромные усаые машины. Но когда минуто спустя показалось еще несколько кортежей, численностью лимузинов около десяти штук, по людям прошла волна беспокойства. Что это? Куда они так спешат? Почему их так много?

Андрей почувствовал, как в груди тревожно забилося сердце. В голове на фоне облака сизого неведения возникло слово «эвакуация». Что это значит, Андрей точно не знал, но неприятное предчувствие тупой иглой кололо внутри, оно звучало словно предупреждение. Эй, братишка, давай-ка побыстрее убирайся отсюда! Живо давай! Ну, не стой, как истукан! Ведь, знаешь, эти на лимузинах уже опоздали.

... уже опоздали...

Дважды полыхнуло на горизонте, а потом вдруг взорвалось солнце. Ярко-ярко, до ослепления. Где-то натужно взвыла сирена, но ее вой тут же поглотился глухим раскатом грома, таком долгим, таком невообразимо долгим и близком. Он звучал не в небесах — этот гром поднимался от земли. А потом поверхность сотрясли мощные толчки, так, словно исполинский кузнец, на миллион лет прикованный к ядру земли, вдруг разорвал удерживающие его цепи и, решив пробить кувалдой путь наружу, долбит... долбит... долбит...

И огонь, отовсюду огонь, всепожаряющий, всепожаряющий, истребляющий все живое на своем пути. Он испепелял людей и впившись когтями в небеса, с неистовой яростью раздирал его на кровавые лоскуты...

Пламенная волна подхватила Андрея и с неимоверной скоростью понесла вглубь комнаты. Так, словно он встретился с поездом. Боль, жгучая боль, пронзила все тело миллиардом раскаленных осколков, опалила перекошенное в немом ужасе лицо, выдавила глаза.

Но он не погиб. Лишь брeнная плоть обратилась в пепел, а сознание уцелело, оставшись на прежнем месте у несуществующего теперь окна, несуществующего дома на несуществующей улице ...

Глава 5

Стахов склонился над извивающимся, как угорь на сковородке, юношей и несильно похлопал его по щекам. Глаза парня под сомкнутыми веками продолжали свой безумный бег, дышал он часто-часто, будто задышался, лицо лоснилось от мельчайших капелек пота, а

руки подрагивали, так, словно через них проходил ток.

— Да-а, пробрало тебя, однако, — протянул Илья Никитич и присел рядом, положив ладонь парню на лоб. Тот был горячим и омерзительно липким, но отвращения комбат не испытал, лишь еще раз бережно похлопал его по щекам.

Андрей открыл глаза. Резко отняв голову от подушки, испуганно осмотрелся вокруг, сглотнул застрявший в горле ком и уставился на Стахова, будто тот перенесся в мир яви из его сновидений.

— Кошмары мучают? — полюбопытствовал Илья Никитич.

— Взрыв, — прямо ответил Андрей, спустив с кресла ноги и испытав дикое облегчение прикоснувшись ступнями к холодному железному полу.

— Какой еще взрыв? — нахмурил брови Илья Никитич.

— Не знаю. Наверное, первый. Я видел людей, машины, дома, все еще было целым, как на тех фотографиях из прошлого. А потом завывала сирена и... Взрыв. Но не в самом городе, а где-то на окраине. Такое впечатление, будто специально бомбили так.

— Как «так»? — вопросительно повел бровью Стахов.

— Чтобы не умерли все сразу, мгновенно. Сбросили б на Киев — и все, все трупы. А так специально ложили по окраинам, чтобы те, кто уцелел, еще мучились, глотая радиационную пыль...

— Мнительные вы — молодые, — заключил Стахов, дослушав Андрея. — Психоблок хлипкий. Стоит узнать чуть больше, чем нужно, так сразу и кошмары сниться начинают. Вот потому я считаю, что рано вам открывать всю правду. Уж поверь, иногда преизбыток информации куда хуже недостатка.

Андрей остыл, но щеки по-прежнему полыхали. Пропитанная горячим потом «белуга» неприятно прилипла к спине, ощущение мокрых от пота ладоней стало до ужаса противно, а по затылку, изначально такой благодатный, а теперь пронизывающий до костей, холодной струей скользил сквозняк.

Но гораздо хуже ему было от того, что вдруг вспомнилось все, о чем они говорили, о чем поведал ему Василий Андреевич, и то, как он потом незаслуженно сдержал ему...

Но Стахов, догадавшись, отчего Андрей вдруг поник и спрятал за длинными пасмами глаза, поднялся, похрустел шеей, и повернулся, чтобы идти на выход.

— Ты это... не болтай никому. То, что тебе рассказал Щукин, должно в тебе умереть, понял? Такой дисциплины, как «История Укрытия» не будет. По крайней мере до тех пор, пока живы наши старейшины и все, кто имел отношение к маю шестнадцатого года. — Стахов прошел к ступеням, оглянулся, словно для того, чтобы убедиться, что Андрей уразумел сказанное. — Ты сейчас заступаешь стражником на дежурство в Базу-2. В одиночестве оно думается лучше, но ты не сильно забивай себе голову. От этого с ума сходят.

Стахов вышел из фургона и сбил пепел с истлевшей за половину самокрутки. Махорка сдымилась зазря, и Илья Никитич мысленно выругал себя за такую небывалую расточительность: его кисет опустел почти на четверть, а пути пройдено как кот наплакал. Придется немного завязывать, а то, упаси Господи, придется «стрелять» табак у новобранцев.

Это обстоятельство, конечно же, не могло не огорчить итак озадаченного неординарностью сегодняшнего дня Илью Никитича, но и волновать его бралось где-то далеко-далеко, как малюсенькая тучка на фоне всеобщей благодати.

Первый день экспедиции хоть и был относительно спокоен в отношении соприкосновений с наземным миром, но зато изобиловал внутрикомандными открытиями, в первую очередь, для самого Стахова. И хотя он старался не подавать виду, некая задумчивость в его глазах все же читалась. А как же иначе? Не каждый день приходится слышать такие откровенности из уст полковника военного совета. Да и что там говорить — кое о чем даже он, Илья Никитич, ни сном, ни духом, а что знал, после услышанного казалось какой-то плохо сказанной небылицей. К тому же прав был полковник — вопросик-

то каверзный, многих волновало прошлое людей, ныне возглавляющих совет. Но задавать его не решались: военные привыкли верить своим командирам. А Чека-младший? Уже сон видел, как ракеты в округи приземляются. А приснится еще какая хрень, так и вовсе к этим придуркам шаманам, наверное, подастся, в бубен стучать и траву курить.

Эх, молодой да ранний этот Андрей, подытожил Стахов и вздохнул. Сколько уже таких было? Сто, двести, триста? Скольким из них были видения, скольким давались откровения? Сколько считали себя избранными, баловнями судьбы, умеющими быстрее учителей заряжать оружие и точнее бить в цель? Э-э-э... было их, было.

Илья Никитич еще раз вздохнул, через квадратное окошко в куполе посмотрел на тающее на горизонте небо, и в последний раз затаился, пропустив в легкие ядовито-приторный дым.

Крысолов сидел у маленького костерка, над которым была протянута жердина для котелков, повисшая муж двух рогаток по краям и, держа перед собой раскрытую примерно на середине книгу, читал вслух. Вероятно, какое-то художественное произведение, поскольку читал выразительно, с чувством, стараясь речь каждого персонажа произносить другим голосом и интонацией, а слова автора — легким, воздушным тоном. Вокруг него расселись, сложив по-восточному ноги, с десяток сталкеров, и внимательно прислушивались к каждому слову Кирилла Валериевича.

О чем именно он вещал, собрав подле себя свободных членов экспедиции, Андрею узнать, отнюдь не удалось. Во-первых, он заметил, что слышимые им слова как-то не вплетаются в общую картину, не создают единого сюжета, будто в руках у Крысолова не художественная книга, а собрание каких-то бессмысленных реплик и цитат из разных рассказов, не имеющих друг к другу абсолютно никакого отношения. А во-вторых, Крысолов, — Андрей даже подумал, что это как-то связано с его появлением, — прекратил читать, и последние его слова утонули в неожиданно громких аплодисментах, смехе и свисте.

Мимолетная улыбка блеснула и на лице полковника Щукина, одиноко восседающего на той же верхней ступени в «Форт», что и в тот раз, когда он ошарашил своим присутствием Стахова.

— Давайте еще одну главу, Кирилл Валериевич, — попросил кто-то из сталкеро-слушателей.

— Да, Валериевич, хотя бы несколько первых абзацев, — присоединился к просьбе еще кто-то.

Крысолов посмотрел на часы, постучал пальцем по стеклу, подкрутил стрелку, а потом взглянул через окно в куполе на нахмуренное небо и покачал головой.

— Не, мужики, сворачиваемся. Барометр показывает, дождь навинчивается.

И хотя сам купол демонтировался при помощи десяти соответствующих рычагов, чтобы полностью разобрать «коробку» и развернуть машины в походную колону, уходило не меньше двадцати пяти — тридцати минут. Поэтому, как бы не тщились сталкеры успеть собрать купол сухим, первая молния, преломившая небо с запада на восток, блеснула гораздо раньше, чем они могли этого ожидать.

— Быстрее, быстрее! — подгонял метущихся сталкеров Крысолов. — Секач, помоги им со щитами... Никитич, Коран, прикройте со своих точек, вдруг что... и осторожно там, в героев не играть... Змей, снимай подпорку... Давай я здесь подержу... так... так... опускай! Берите следующую... Да окна же, аккуратнее!!! Лек, ровнее угол держи.

Первые тяжелые капли загрохотали по крышам машин, как раз когда уже велись заключительные работы.

— Быстрее!!! — орал Крысолов. — Чего вы там елозите, как хреновы клоуны?!

Не понятно, почему Крысолов считал, что клоуны медлительны, — сам-то он никогда их вживую не видел, хотя и был рожден еще когда мир принадлежал людям, — но для того, чтобы в порыве гнева титуловать кого-то хреновым клоуном ему не требовались никакие

толковые словари и разъяснения.

Крысолов был немного старше Тюремщика и Стахова, но, тем не менее, ему ни разу в жизни не приходилось бывать в цирке и видеть живых клоунов. Одни говорили, что он потерял своих родителей во время эвакуации, другие, что он был из приюта. Правда это или нет, проведать так никому не удалось — странный паренек предпочитал умалчивать о своем происхождении, как и о том, каким путем попал в Укрытие, ведь его, безродного, явно никто туда не приглашал.

Поначалу, когда править бал брались каждый день сменяющиеся представители озверевшей «толпы», до беспризорников никому не было дела. Они праздно шатались по Укрытию в поисках пищи или высматривая где бы что украсть, но потом, когда все утряслось и в Укрытии стало более-менее спокойно, его даже пытались отправить на работу. Сначала в разные цеха, потом на водоочистную станцию, а позже и на самые нижние уровни — рыть котлованы для отходов. Но со временем люди поняли, что проку от этого мало — малец был словно с другой галактики: ни с кем не разговаривал, постоянно искал места для уединения, и читал не по возрасту заумные книги, которыми, кстати, в основном разжигали костры на кордонах, а возложенные на него обязанности выполнял кое-как, нередко вовсе сбегая с рабочего места.

То, что парень «немного того» со временем поняли все. Да и, собственно, небеспричинно. Его образ жизни отщепенца наводил на мысль, что у мальчишки не все в порядке с головой: спал он на генераторах, питался отходами и не боялся бродить по вентиляционным шахтам, играя с разными животными, забредшими туда. Иногда его поведение вызывало вопрос: а зрячеслышащий ли он вообще, этот парень, кроме того, что окончательно слетел с катушек? Он нежно поглаживает облезших щенков, дает облизывать себя их раздвоенными языками, разговаривает с птицами, ловит мух для разводимых им пауков ...

Потом к нему привыкли. Стали кормить его человеческой пищей за то, что он отлавливал в шахтах крыс — те постоянно перегрызали проводку. А позже стало известно, что парень неплохо ладит с представителями наружной фауны: собаки, даже взрослые особи, его не грызут, плеста он может погладить, а дыхари, так те вообще берут мясо у него с рук, не говоря уже о давидглотах и печерниках, которые обходят его, как чумного, стороной. И все это происходило не в шахтах — на поверхности. Стоп. Что же получается, мелкий Кирюха не боялся радиации? Выходил наружу через свои вентиляционные шахты без специальной химзащиты? Именно так, и черт его знает, как ему это удавалось — ни один биолог и физик-ядерщик не взялся объяснить этот феномен. Радиоиммунитет? Звучит как бред, но, похоже, так и было. Если, конечно, облучаться, в разумных, как ни дико употреблять этот термин, пределах.

Опытные сталкеры сразу смекнули, что парнишка-то на вес золота оказался. И побоку, что многие принимают его за шизофреника, и что читает он всякую муру на тему биологии-анатомии в свободное время, и что он упорно продолжает жить в коллекторах и разводить там своих пауков. Взамен они получали универсального сталкера, как раз такого, который и нужен им на поверхности — чтоб и с тварями разными ладил, и радиации не боялся.

Так Кирилл Валериевич стал сталкерским проводником. Существа наземные, даже самые хищные и яростные, его почему-то не только не трогали, а едва лишь учуяв его запах, либо отходили на безопасное расстояние, смиренно опустив голову, либо дружелюбно мели хвостами (у кого они были), высказывая свое почтение. Почему так? Почему голодные твари не набрасывались на него, не разрывали в клочья, как они это делали с другими? Что они в нем чуяли? Кого они в нем видели? Вряд ли кто-то дал бы внятный ответ. Думается, даже сам Кирилл не смог бы объяснить этот феномен ни тогда, ни уж тем более, сейчас. Все, что было тогда важно, что вместе с ним, с Кириллом, «бесплатным проездным» пользовались и ведомые им группы сталкеров, беспрепятственно проходя у собачьих выводов под самым носом. И это было важнее всего.

Оракулы даже успели рассмотреть в юном сталкере так называемого Неочеловека —

творенье Высшей Силы, из потомства которого произойдет новый вид людей, способных жить при радиации и в гармонии с видоизменившейся биосферой.

Что правда, продлилось такое сталкерское счастье недолго, как и не смогла, естественно, подтвердиться теория оракулов о нечеловеке.

Парня, по возвращении с поверхности, постоянно предавали разным изучениям, пытаясь найти ответ, почему критические дозы радиоактивного излучения не оказывали воздействия на структуру его ДНК, и почему всего несколько раз пописав, его организм полностью освобождался от накопленных радионуклидов. Не раз ему приходилось слышать восклицания докторов типа «так почему же он не умирает?», «любой другой умер бы» или «он пока жив, но как надолго это?»

И пришел день, когда место бесстрашия вполне логично занял страх. Кирилл наотрез отказался подыматься наружу без необходимой защиты. И все упрасивания, переубеждения и просьбы не возымели нужного результата — парень понял, что даже при всей его инаковости, при всем его иммунитете рано или поздно без необходимой защиты ему придет конец.

Ничего не оставалось впадшим в отчаянье сталкерам, как просить мастеров создать подростковый костюм, напихав в него — по желанию самого подростка — дополнительных свинцовых пластин и создать специальный шлем. Но даже после этого ухищрения сказать, что выход из сложившейся ситуации найден, можно было лишь с существенной оговоркой. Представители новых видов фауны, ранее принимавшие Кирилла за друга и привыкшие к его запаху посредством своих детенышей, более не чувствовали в облаченном в толстый защитный костюм человеке «своего». Они бросались на него, больше не распознавая ни его запаха, ни его голоса.

Это был конец «золотого» сталкерского проводника, но не конец самого Крысолова, как его уже давно называли.

Да, контакт с живыми существами на поверхности был безвозвратно утерян, но набранный им за время пребывания снаружи опыт подтолкнул Кирилла к занятию аналитической работой. Теперь выходя на поверхность исключительно в исследовательских целях, он старательно расписывал поведение каждого изучаемого им вида: повадки, привычки, часы активности, тактику нападения. Именно он, а не все эти заучки из лабораторий, открыл тайну о телепатических способностях собак и их Общем Разуме, как он это назвал, который управлял ими и разрабатывал стратегии боев, причем каждый раз отдельные, особенные, с учетом локальных особенностей местности.

А со временем Крысолов принялся и за людей. Сначала он отбирал самых толковых, тех, кого стоило посвящать и обучать таинствам общения с природой. Тех, кто внимал бы каждому его слову, а не ходил бы на занятия просто для галочки, как на курс лекций «Как выжить на поверхности и сэкономить боеприпасы и время». А позже появилась им же основанная школа выживания, прозванная простолюдинами не иначе как «учебка», где Кирилл разрабатывал особые методики обучения, проводил изнурительные тренировки с курсантами и писал специальные тесты для них, выбирая из общего их числа самых способных.

А сам он стал тем, кем является сейчас. Учителем Крысоловом.

Дождь бил все сильнее. Дворники даже на максимальной скорости не успевали сметать хлыщущий по стеклам водный поток, вынуждая Бешеного всматриваться сквозь зарешеченное лобовое стекло с особой внимательностью, дабы не упустить из виду тлеющие в густой тьме габаритные огоньки идущей впереди «Бессонницы». Тюремщик мирно похрапывал сбоку, разлегшись своим громадным телом почти по всему сидению. На его лице застыла ангельская безмятежность. Раскаты грома и время от времени озаряющая черные тучи молния, похоже, его нисколько не волновали, как и все остальное, что осталось по эту сторону его отключенного сознания.

В кабине было темно, подсветка приборной панели работала с перебоями, мерцала попеременно с полыхающими над крышей молниями (эх, Тюрьма, Тюрьма, когда еще ты

обещал проверить контакты?), и единственным постоянным источником подсветки оставался дисплей включенного mp3-проигрывателя. Правда, громкости в этот раз Бешеный решил не добавлять, так, оставил чтобы фонил привычный «трэш». Настроение у него было явно не музыкальным.

— Одинокий два, как обстановка? — взяв в руки рацию, спросил он. Не столько ради того, чтобы узнать о положении дел у стражника, как чтоб хоть как-то отвлечься.

— Все нормально, — незамедлительно ответил Андрей, заступивший стражником. — Видимость, правда, желает лучшего.

— Опустить прожектор ниже, — посоветовал Бешеный, — будет лучше дорогу видно.

— Понял, сейчас попробую.

— Одинокий один, не спишь? — клацнул Бешеный тумблером под цифрой 2.

Стражник ответил, но не сразу. Вероятно, все же спал.

— А? Не, не сплю, просто в капсулу влезал... это... проверить...

— Рыжий, ты там смотри у меня! Уснешь — прибью. Понял?

— Да не сплю я. Говорю же, в капсулу забраться хотел.

— Совсем одурел? Может, еще и люк откроешь?

— Товарищ Бешеный, а что это за уроды за «Бессонницей» увязались? — вдруг сменив тембр голоса, спросил Рыжий.

— О, черт!!! Борода! — переключив радиомодем на общую волну, завопил Бешеный. — Борода!!! За тобой хренова куча мизерников! Твою мать, откуда они здесь?

— Я вижу, — раздался из динамика спокойный голос командира БМП. — Хрен его знает, сначала один бежал. Думал, отстанет чучело, а оно чего-то увязалось за мной.

— Валить их? — Бешеный вопросительно посмотрел на радиомодем, и, не дожидаясь ответа от Бороды, щелкнул кнопкой над «внешней связью» и цифрой 1: — Крысолов, мизерники надели на «Бессонницу». Что делать будем?

— Пока не стрелять, — раздался холодный голос Крысолова. — Надолго их не хватит, постараемся уйти.

Мизерники были похожи на сгорбленных пигмеев. Когда-то они были людьми. Сейчас же, эти существа, ростом всего около метра, лишь отдаленно напоминали человека. Они жили в городских канализационных коллекторах, избегая поднятий на поверхность, и в основном, питаясь тем, что ползает и растет в земле, они покидали свои насиженные места очень редко. Когда их оттуда кто-то изгонял или когда иссякали запасы пищи.

Сразу же стоит оговориться, что сами по себе мизерники не представляли никакой опасности. И даже если на вас набросилось десятка два этих маленьких человекоподобных мутантов, чревато это было бы лишь ушибами и синяками даже в самом худшем случае. Их тупые когти и зубы не способны были прорвать плотный материал «защитки», да и надоедало им это занятие достаточно быстро, особенно если не оказывать никакого сопротивления.

Бояться, причем бояться очень сильно, стоило тех летающих паразитов, без которых не обходился ни один мизерник. На стенах в учебке, где висели плакаты с самыми распространенными мутантами, они выглядели, как согбенные старцы, с потрескавшейся кожей на лице, будто кора на ветхой иве. Без отличительных черт, они все были как один: посаженные глубоко глаза, вместо носа две каплеобразные дыры, а вместо рта — лунообразный вырез, всегда в одном и том же положении, с черными пням зубов. Ну, и неотъемлемый атрибут всех мизерников — рой крылатых насекомых, живой тучей нависший над покрытой скудными клочьями волос головой.

Даже просто смотря на тот плакат, можно было услышать, как отвратительно жужжат эти адские мошки — сикулосы.

Говорят, эта летающая мразь, иногда размером с крупного таракана, существовала и до катастрофы, причем где-то далеко-далеко от наших земель. Как она оказалась здесь, черт ее знает. Но факт остается фактом — опасность эта членистоногая гадость несла еще ту. Один укус — и то место на теле покрывалось болезненными водянистыми волдырями. Несколько

укусов в одну и ту же часть тела, например в руку, уже грозило долгим онемением. Которое приходилось очень некстати, особенно когда приходилось еще на ходу отстреливаться и от более опасных существ.

Человеческая кровь для сикулосов была не вкусной едой. Природа, как это ни странно, позаботилась о том, чтобы эта быстроразмножающаяся беспозвоночная мерзопакость не покушалась на кровь всех живых существ планеты, приспособив их вкусовые рецепторы именно к крови мизерников, но когда теми управлял не голод, а пчелиная злость — под раздачу мог попасть кто угодно.

— О, ш-шайтан, они уже здесь! — выкрикнул Коран, схватившись за рацию и отмахиваясь ею от проникших в базу насекомых. — Валериевич, они влетят к нам по любому! Надо валить мизеров! Валерич, слышь?!

— Внимание! — властный голос лидера. — Здесь затор, много помех. Замедлиться и приготовиться к бою. Всем немедленно одеть «защитку»! Повторяю, замедлиться и приготовиться к бою...

— Одинокие один — два, — передал дальше Бешеный, встряхнув беззаботно спящего Тюремщика за китель. — Форма одежды номер четыре, быстро! Занять боевые позиции! Быстро, быстро!

Ну наконец-то, — с радостью подумал Андрей, дожидаясь этого приказа еще с той минуты, когда услышал о наседающих на хвост «Бессоннице» мизерниках. — У-у, омерзительные твари! Надумали нам скинуть своих насекомых? Хренушки!

В свою «защитку» за время экспедиции Андрей еще не одевался. Вообще он, как и многие другие курсанты, избегал лишний раз облачать себя в неудобный, как ему казалось, сковывающий тело и ограничивающий подвижность суставов костюм. В учебке, конечно, доводилось ходить в нем постоянно (Крысолов строго наказывал даже тех, кто после сдачи зачета по «физо» поднимал забрало чтобы отдышаться), но вот при несении службы на заставах спецкостюм одевать было необязательно, потому как в уставе было четко написано: при боевой тревоге. Но при наступлении оной все забывали и об уставе, и о нормативах по одеванию СЗК-5656М. А потому и отвык Андрей от него, отвык и теперь уже не понимал, как в нем можно двигаться быстро и аккуратно? Ведь это все равно, что пытаться устроить вечернюю прогулку по парку на «Бессоннице»!

Презрительным взглядом Андрей окинул напоминавший сделанный из ткани и металла бесствольный танк — свернутый вчетверо лежащий на полу костюм с неудобным шлемом наверху, и с отвращением отвернулся.

Заскрипели тормоза, «Монстр» останавливался. В боковом окне сверкнули огни «Чистильщика». Между ними маленькой козьявкой пробежала вперед «Бессонница».

Андрей нажал ногой педаль в полу, и кресло тут же, бренькнув растягивающимися пружинами, перевернулось вверх дном, приняв форму ступеней. Затем ухватился за свисающий с потолка шнур и потянул на себя. «Таблетка», прикрепленная к потолку раскрылась, растянулась вниз.

Капсула готова.

С дурацкой улыбкой на лице, Андрей вскочил на верхнюю ступень, влез в капсулу, сдвинул люк и впервые за всю свою жизнь вдохнул насыщенный озоном и послегрозовой свежестью воздух. А также впервые в жизни почувствовал на себе, что такое дождь. Да, гроза уже, к превеликому для него сожалению, закончилась, но и того остатка, что орошал его разгоряченное тело было достаточно, чтобы испытать что-то наподобие легкого оргазма.

Со знанием дела, он схватился за ручки ящика, в котором находился пулемет, и потянул их на себя. Черная громадина пулемета выпрыгнула из него, как черт из коробочки, вложившись аккуратно Андрею в руки.

— Мать — моя женщина!!! — закричал он от распирающего грудь восторга.

Из «Чистильщика» кто-то открыл огонь. В два ствола — нет, в три. Затарахтел пулемет и позади: короткими очередями, прямо как по инструкции. Андрей не мог не оглянуться. Да,

так и было — это Сашка! Ха-ха, до чего же неуклюже на нем сидит этот, казалось бы, на размера два больше костюм.

— Привет! — выкрикнул Андрей Сашке и помахал рукой.

В ответ тот ударил себя кулаком в грудь и указал в него пальцем.

— Да нафиг он мне?! — поняв смысл вопроса, ответил Андрей. — Без него прикольной.

Затем развернулся в обратную сторону и, покрепче ухватившись за пулемет, нажал на спусковой крючок.

Мизерники, итак поредевшие в своих рядах усилиями стрелков из «Чистильщика», под усилившимся градом пуль просто разлетались, брызжа черной кровью по ржавеющим остовам легковушек. Как же это на самом деле просто! Направляешь ствол на эту бредятину и жмешь на курок! О, как они ложатся, расщепляются, словно деревянные игрушки, разбрызгиваются прогнившими мозгами по всему дорожному полотну! Кайф!

— А-а-а! — вопил от удовольствия Андрей, целясь, по возможности, именно в головы. — Твою мать, да я настоящий охотник!

«Монстр» с «Чистильщиком» все замедляли и замедляли свой ход, как можно грациознее лавируя между заметно возросшим количеством брошенных давным-давно машин, усложняющих проезд, словно в той игре на мобильнике, где с каждым новым уровнем, помех вроде этих догнивающих каркасов, становилось все больше и больше. Одногодки Стахова хорошо помнили эту игру — в детстве многие играли ее, пока батареи в телефонах не выходили из строя полностью. Им, щеглам-то что? Толпа — не толпа, война — не война, главное, чтоб было чем заняться!

Мизерники повернули обратно.

Андрей сделал еще несколько выстрелов в темноту, сожалея, что не захватил с собой хотя бы шлем с встроенным НВ-прибором, когда «Монстр» остановился полностью. Радость в его груди потихоньку сменялась настороженностью. Почему так пристально смотрят на него те два стражника из базы «Чистильщика»? И куда девался Сашка? Даже пулемет успел упаковать обратно в ящик.

Дождь практически закончился, тяжелые холодные капли, напоследок долетающие с неба, больше не приносили облегчения, а промокшая одежда неприятно давила на плечи. К тому же становилось холодновато, а поначалу казавшийся ему свежим воздух, теперь отдавал тухлыми яйцами.

— Так, я что-то неправильно сделал, — догадался Андрей в последнее мгновение перед тем, как ступень ушла у него из-под ног и он, больно ударившись локтями о края люка и коротко вскрикнув, полетел внутрь.

Как успел предположить он за время полета, кто-то трансформировал ступени обратно в кресло или вообще разложил его как будто для того, чтобы смог выехать «Разведчик»...

Падать было больно. Но еще большее стало, когда чья-то мощная рука схватила его за шиворот и бросила вперед — прямо на капот уазика. Андрей стукнулся головой в ребристую пластину, заменявшую собой обычную радиаторную решетку, и, тщетно пытаясь ухватиться руками за гладкую поверхность капота, шмякнулся на пол. В заполнивших мозг разноцветных кругах, он не смог разобрать лица того, кто могучей хваткой снова оторвал его от земли и потянул на себя.

Во, хрень, кровь пошла, — только и успел сообразить Андрей, прежде чем его снова бросили вперед и на капоте уазика остались красные разводы.

— Гер-рой! — злобно прошипел кто-то и, снова подняв его обмякшее тело с земли, съездил по скуле кулаком.

Не изо всей силы, конечно же, иначе у Андрея уже никогда не было бы челюсти, но устоять на ногах шанса у Андрея не было.

В голове помутилось, изо рта на пол вытекла лужица крови, но просить прекратить это избиение он и не думал. Попросишь помилования — и все, считай слабак. А к завтраку у всех будет чудесная новость для обсуждения — тот парень, которого зачислили в экипаж

«Монстра», ползал на четвереньках и, раздувая пузыри, просил о пощаде. Нет уж, старшекурсники в учебке научили, как следует себя вести, если не хочешь, чтоб о тебе думали, что ты хренов соплежуй. Молчать. Даже если убивают — молчать. Говорить когда спросят, и, причем, только правду. Лучше уж правду.

Через открытые двери в базу проник, держа снятый шлем в руке, Илья Никитич. Посмотрел на забившегося в угол, харкающего кровью Андрея, и сунул в зубы только что «залеченную» самокрутку. Боя в его душе не было — боец под именем «дружба» даже не вышел на ринг. И, несмотря на возникшую своеобразную привязанность к этому парню, глядя на его окровавленное лицо и словно окунутые в красную краску, слипшиеся светлые волосы, жалости к нему он не испытывал. Еще бы! Сам ведь такой. Был бы здесь шлюз — ей Богу, припомнил бы старую практику — на минут двадцать за заслон!

Крысолов стоял, одетый, как и Стахов, в свою «защитку» без шлема, опершись локтем на дверцу уазика и наблюдал за происходящим. О чем он думал, только Господу Богу известно — помесь легкой улыбки, вдумчивости, удивления и тени прозрения в глазах делали его лицо каким-то неземным, вот точно как начавшая подтаивать восковая маска, одетая на безликий овал пришельца с другой планеты.

— Еще раз выкинешь что-то подобное — скормлю фастерам, понял? — вытирая кулак от крови, сказал Тюремщик. — Понял, спрашиваю?

В первую секунду Андреем обуяло желание наброситься на Тюремщика с кулаками. И пусть у него был бы один шанс из тысячи, что его кулак долетит до лысой, много раз латанной башки раньше, чем 600-килограммовый удар вышибет из него последние мозги, он все равно не преминул бы возможности им воспользоваться. О, с каким наслаждением он ударил бы по этому ехидно скалящемуся лицу! Так чтоб у него аж зубы посыпались, и глаза из орбит повылазили!

Но вместо этого Андрей лишь кивнул.

— С наряда пока снимите его, пусть Коран подежурит, — безо всякой улыбки на лице сказал Крысолов, а потом, обращаясь к Андрею: — А ты дуй ко мне в базу, я сейчас Михалычу скажу, нехай на тебя посмотрит, а то до утра задует глаза — что видеть будешь? Вон и так лицо уже пухнет. Эх, Тюрьма, Тюрьма, жестокий ты все-таки человек, — он перекосил губы, но назвать это улыбкой мог лишь незрячий. — Так, ладно, двигаем.

* * * *

Вопреки всем ожиданиям, что Михалычем окажется добропорядочный, седой старикашка в очках на грубой оправе и чемоданчиком в руках, где он тщательно хранил бы необходимые препараты и инструменты, им оказался небывалых размеров здоровяк с собранными сзади в тугую косичку волосами и прищуренными от заплывших жиром щек глазами. А вместо чемоданчика в пухлой руке, величиной с бычьей ляжку, в подмышке которой, казалось, могла запросто исчезнуть Андреева голова, он держал ржавое, с засохшими потеками, ведро.

На окне, прикрученный изолентой к решетке, играл магнитофон. Из динамика звучало не такое безумие, как у музыкальных «гурманов» Тюремщика и Бешеного, и, слава Богу, не на такой громкости, но все же в привычное для Андрея понятие «музыка» это все равно не вкладывалось. Более-менее приемлемо звучал женский вокал, но текст...

«...полночных звезд холодный свет, в стакане лед замерзших рек

В ее окне сто тысяч лет каждый вечер — снег, снег

И когда метет белых хлопьев круговерть, вновь она не спит и ждет

Что весна придет быстрее, чем смерть...»

Плохое предчувствие накрыло его холодной бурлящей волной. Захотелось вдруг развернуться, и пока еще не поздно, пока еще машины не тронулись с места, бежать отсюда ко всем чертям. И пусть ему до завтра «задует» глаза полностью, пусть его голова распухнет

так, что не влезет в злосчастный шлем, пусть Тюремщик еще раз врежет ему по скуле — да все, что угодно, лишь бы не попадаться в руки этому коновалу Михалычу.

Но, вовремя обуздав свои страхи, Андрей остался стоять на трапе, держась одной рукой за дверную ручку, а второй со сжатым для стука кулаком, и молча наблюдал за неуклюже перемещающимся по отсеку «доктором». А тот, будто не замечая его присутствия, смачно отрыгнул и, поставив ведро на пол, принялся копошиться в большом стенном шкафу, заложенном как полупустыми, так и полными пробирками, бутылочками, колбочками и картонными коробками разной величины.

Андрей с облегчением вздохнул: слава Богу, здесь есть медикаменты.

Михалыч огляделся по сторонам, будто ища что-то, а потом, отодвинув ширму, сказал находящемуся там человеку несколько невнятных слов, испытующе посмотрел на Андрея.

— Приглашения ждешь? Проходи, давай.

Андрей ни разу раньше его не видел — ни в Укрытии, ни, что самое интересное, вчера, перед выездом, когда Крысолов проводил инструктаж... Хотя, пожалуй, не его одного он не видел ни там, ни там, поскольку из-за ширмы, грациозно покачивая бедрами, вышла — о, Боже, та самая девушка — Юлия!

Весь вид ее — ухоженный и аккуратный — говорил о том, что она устроена и независима. Такая девушка если и нуждается в чем-то от мужчины, то разве что в их внимании и уважении, но никак не в покровительстве, поддержке, защите, или — упаси Боже — содержании. Да и уважение к ней у мужчин возникало не оттого, что она принадлежала к слабому полу и всякий, имеющий достоинство мэн должен был относиться к ней с почтительностью. А оттого, что ее наточенный, пронзительный взгляд явно намекал, что за видом нежной, сексуальной киски скрывается хищник, которому лучше угождать, чем пытаться заигрывать.

Задвинув за собой ширму, Юля глянула на него полными равнодушия глазами, лишь на секунду — не более чем из профессионального любопытства — задержав взгляд на разбухающих щеках и растекающихся гематомами надбровных дугах.

— Привет, — соскользнуло у него с языка.

Он не был уверен, но, судя по тому, как заныли натянувшиеся щеки и запекла треснутая губа, он еще и улыбнулся.

Но ему она не только не ответила, она вела себя так, будто кроме нее с Михалычем, в медблоке больше нет ни единой живой души.

— Ложись сюда, — рыкнул Михалыч и указал на операционный стол — приваренную к борту грязную металлическую пластину приблизительно в рост человека, с кровостоком посередине и приделанным у изголовья специальным стеллажом для «медицинских» инструментов: пилы, зубила, комплекта ножей, щипцов, в общем, всего, что раньше входило в стандартный набор автолюбителя.

Андрей хотел было что-то возразить, но потом передумал и, захлопнув за собой дверь, смелыми шагами преодолел путь к операционному столу. Не в последнюю очередь именно из-за нее, — Юлии — уж больно ему не хотелось выглядеть в ее глазах спасовавшим малолеткой.

А то глядишь еще, не дай Бог, подумает, что испугался! А кого тут бояться-то? — успокаивал он себя. — Видели чего и пострашней. Подумаешь, толстяк в брезентовом переднике, забрызганном какой-то бордовой жидкостью... Вот, черт... похоже на засохшую кровь.

— Чего грустный такой? — сморщил лицо Михалыч. — Не стесняйся, чувствуй себя как дома.

Андрей замешкался. От каждого его слова веяло какой-то погребной затхлостью. Доверять себя такому типу — все равно, что доверять собранной ребенком гранате. Но, тем не менее, он послушно прошел к операционному столу и, не раздеваясь, забрался на него.

Юлия приспела беззвучно, как тень. Избегая встречаться с ним взглядами, нацепила

ему на руки чуть повыше запястий кожаные ремни и потуже затянула, так, чтобы он пошевелить мог бы разве что пальцами.

— У меня мать тоже врач, — не зная зачем, сообщил он подошедшему Михалычу. — Она в больнице работает... Хирург... она...

Толстяк хмыкнул.

— А кто тебе сказал, что я — врач? — он опустил руку в прихваченное с собой ведро и прежде, чем до Андрея дошло, каким способом его будут «лечить», вытащил зеленоватое, слизкое существо. Он закричал в тот же миг, но отвратительные щупальца мгновенно обхватили Андрея за шею и все его тело будто сковал паралич. Он закричал еще сильнее, когда мокрое мягкое тело полностью обволокло ему лицо, втянуло в себя, как жадная вагина, и теперь вместо крика из его гортани вырывалось лишь гулкое хрипение, будто с глубины заиленного озера.

Он дергался, извиваясь, секунд десять, а потом стих.

К тому времени возле него уже давно никого не было: Михалыч, прихватив с собой ведро, грузно перекатываясь с ноги на ногу, вышел из отсека, а Юлия, чуть прибавив звуку в магнитофоне, запустив вспотевшие руки себе под одежду и закатив от удовольствия глаза, кивнула пару раз в ритм музыке и скрылась за ширмой.

* * * *

Держась одной рукой за руль, а другой разглаживая перед собой карту, Крысолов пальцем прокладывал путь по красной линии, обозначающей магистраль республиканского назначения Е-40, которая должна была привести их к Харькову. Вот они проехали деревеньку Новояровку с пригорюнившимися у дороги домиками, вот уже слева появились сухие заросли бывшего фруктового сада, вот должны показаться длинные ряды столбов для выращивания хмеля. Но отслеживать местонахождение экспедиции с каждой секундой становилось труднее — на дороге все чаще встречались преграждения в виде опрокинутых грузовиков, сбившихся в кучу легковушек и... о, прими Господи души невинно убиенных! — автобусов с заржавевшими знаками, на которых были изображены бегущие дети...

Дорога становилась неимоверно сложной. Последние километры дались ему с большим трудом — маневрирование большим тягачом в условиях загромождения автострады сотнями брошенных машин, было задачей не из легких. Эта ночь теперь казалась ему самой длинной, а пройденное расстояние — самым коротким. Он догадывался о причине, по которой на всей ширине дороги оставалось так много машин, столкнувшихся или просто опрокинутых, словно с целью преградить движение, но силился о том не думать. Впервые за последние пару часов Кирилл Валериевич засомневался в правильности принятого решения.

Может, все же не этой дорогой нужно было ехать? Может, лучше было бы проселком? Там хоть и полотно поуже, но ведь и напряга такого не должно быть. Проселочные дороги не были загружены никогда, за исключением тех редких случаев, когда магистраль перекрывали в каком-то месте для дорожных работ или когда похоронная церемония тянулась за безвременно усопшим, создавая за собой многокилометровую пробку. Все ведь остальное время она была пуста, как улицы маленького городка в предрассветное время.

Эх, сглупил я, сглупил, — изводил себя Крысолов. — Надо было хоть «Разведчика» послать вперед, что ли...

Начальник экспедиции принялся лихорадочно разрабатывать варианты дальнейшего развития событий. Что он сможет предпринять, если за следующим поворотом трасса будет забита так, что проехать больше не будет возможности? Если исходить из особенностей практики последних лет, варианта есть три.

Уподобляясь ледоколу, вонзиться в препятствие и вжать в пол гашетку газа — вариант номер один. Самый надежный, поскольку раздвинуть истлевшие остовы легковушек не велика проблема для такого крепыша как «Чистильщик». С другой же стороны, все зависит

от их количества и плотности, а потому использовать этот вариант стоит, лишь зная наверняка, что слой преграждения позволит машине сквозь него проломиться. Иначе можно навсегда застрять где-то посередине, упершись в многокилометровый затор... Так что помимо всего прочего, это еще и самый надежный способ потерять машину.

Вариант номер два — объезд по обочине. Обычно, это нормальное решение — если обочина более-менее ровна и отсутствует лесополоса, по ней можно было двигаться довольно длительное время без особого ущерба для психики и техники. Но в том месте, как назло, дорожное полотно шло по возвышению, и отнюдь не пологий переход от магистрали к обочине имел никак не меньше двух метров высоты. Машины могли бы дерзнуть спуститься, но риск перевернуть прицепы зашкаливал за сто процентов. К тому же обочина сразу за плантацией хмеля когда-то была полем, и после прошедшего дождя многотоннажные фуры могли в ней завязнуть. Риск огромный: до утра — Крысолов вскинул рукой, так чтоб свободно болтающиеся на ремешке часы повернулись к нему циферблатом — около двух с половиной часов. Пока «Бессонница» всех вытащит — это при условии, что будет возможность куда вытащить — пройдет никак не меньше часа... А местность, где можно будет упрятать машины от солнца, судя по карте, в двадцати километрах, в ближайшем районном центре — Яготине. Но с той скоростью, что они продвигались в последнее время, на это могло бы уйти много времени.

Поэтому остается третий вариант — попробовать развернуть машины здесь и сейчас. Вернуться в ближайший городок, который они только что проехали — Березань — найти в нем место, где можно было бы пристроить машины, переждать день, а завтра вечером для рекогносцировки сначала выслать «Разведчик», а уж потом проверенным путем выдвигать экспедицию.

Глупо, как же это все глупо! — мысленно ударил себя Крысолов по лбу. — И поздно, ведь чтобы сейчас развернуть «Монстра» нужно или расчищать всю ширину дороги или отцеплять базы, а это все время, время, драгоценнейшее время.

Он все еще водил пальцем по карте, не замечая, что рука его уже не просто дрожит — она шелестит как те ленточки в вентиляционных шахтах, что он ради потехи в детстве цеплял к решеткам вентилятора. Лоб покрылся испариной.

— Может, я поведу? — обеспокоено наклонился к нему Секач, видимо, заметив что-то неладное в поведении своего друга и бессменного напарника.

— Да нет, все нормально. Отдыхай пока.

— Кирилл, — нахмурил лицо Секач.

Крысолов отложил карту и стер рукавом пот со лба.

— Серега, у нас сейчас нет времени на это. Я в норме.

Зашипела рация. Загорелась на модеме цифра 9.

— Валериевич, мы тянемся как черепахи. Тут только что был перекресток, может, попробуем найти другую дорогу?

Крысолов скривился и громко выпустил через ноздри воздух, будто ему нужно было в тысячный раз объяснить каким-то недоумкам, что играть в трансформаторной будке — опасно для жизни. Он бросил на Секача косой взгляд, словно это он заразил радиоэфир пустой болтовней, и поднес рацию к лицу.

— Бешеный, та дорога от перекрестка, что уводила на Переяслав-Хмельницкий, у меня на карте помечена красными иксами... Помнишь, что это значит, вояжер?

— Кирилл, но движение по магистрали реально становится хуже, — послышался встревоженный голос Тюремщика. — Как бы нам здесь не застрять, у меня же тридцать метров хвост? Потом развернуться, если что, сам знаешь...

— Попробуем прорваться, — оборвал его Крысолов и, отключив радиомодем, бросил рацию на панель.

«Чистильщик», стонущим от нагрузки клином упорно прокладывал себе дорогу, сминая, разрезая и раздвигая толщу изъеденных ржавчиной автомобилей, но прореха для проезда неумолимо сужалась, со временем став настолько узкой, что своими острыми

краями грозила порезать скаты и повредить обшивки бортов.

Крысолов же продолжал проламывать путь сквозь стену из сплетенных между собой железяк, не думая, что будет, когда машина — а это было, судя по всему, неизбежно — остановится, не в силах прорываться дальше. Он силился не думать о том, что творится в головах тех, кто следовал по его пути, с надеждой всматриваясь во тьму. Как и о том, чем кончается для таких назойливых испытателей судьбы как он, вариант первый. Угроблением сразу трех машин — вот чем он кончается, суть твою!

Но «Чистильщик», вопреки всем шансам заковязнуть в бескрайнем, казалось бы, море ржавчины, двигаясь на пониженной передаче, подобно отчаянному носорогу, пытающемуся найти выход из непролазных джунглей, вгрызался в кладбище автомобилей все глубже и глубже, вынуждая останки легковушек скрипеть, стонать и запугивающее шипеть.

— Кирилл, — прильнув к зарешеченному боковому окну, полным изумления голосом, окликнул Секач, — ну-ка глянь!

Крысолов толкнул рычаг в нейтральное положение и, нажав педаль тормоза, опустил стекло со своей стороны. Сначала, не особо приглядевшись к четко выделяющимся на фоне сереющей ночи черным контурам, он не мог понять, что именно из окружающего их натюрморта привлекло внимания его напарника, но потом лицо его внезапно повеселело — по обе стороны дороги в ряд стояли танки. В едва достающих туда бликах света фар было видно, что они практически не тронуты ржавчиной.

— Замечательно, — облегченно выдохнув, похлопал друга по плечу Кирилл Валериевич. — Это просто, Серега, замечательно. Значит блокпост уже близко. Прорвемся, а там трасса должна быть чиста, как бульвар Леси Украинки.

Секач хоть и не был вчерашним бойцом, но блокпостов еще видеть ему не приходилось, а посему радость начальника экспедиции была понятной ему лишь отчасти. Да и что тут мудреного, в самом Киеве их уже давно не было, а за пределы киевского района Секач выезжал всего пару раз, и то в тех направлениях от блокпостов остались лишь островки бетонного крошева.

Крысолов же наоборот — знал о них слишком хорошо. Он даже видел однажды, как солдаты их устанавливали, выполняя приказ о введении карантина и временном ограничении миграций. Военные командиры некоторых округов, пребывая в блаженном неведении, надеялись, что Украина отделается одним ударом по столице, и принялись наивно устанавливать на дорогах блокпосты, надеясь в такой способ избежать распространения заразы. Они не знали, что к вечеру по Львову, Днепропетровску и Хмельницкому ударят еще несколько ракет, а ночью целеуказатель «крылатых» переместится на окраины Донецка, Харькова, Симферополя и Одессы, уничтожив там почти все живое и подняв в воздух тонны радиационной пыли, как и видел в своем сне Андрей. Некому ему было об этом сказать, поскольку Стахов, да и не только он, сам этого не знал, но ракеты падали действительно именно на окраины, пригороды. И уже никогда не узнать достоверно о истинных намерениях тех, кто их нацеливал. То ли ими двигала благородная цель сохранить архитектуру городов для инопланетян, тысячу лет спустя решившихся посетить Землю. То ли из соображений гуманизма, чтобы оставить выжившим хоть призрачный шанс на продолжение жизни, ведь в противорадиационных укрытиях наверняка останутся люди. Но большинство из тех самых выживших склонялись к версии, что ракеты умышленно клали в пригороды, сделав при этом точную поправку на направление ветра, именно для того, чтобы сделать смерть человечества в разы мучительнее. Мгновенная смерть — слишком великая роскошь, не так ли?

Блокпост. Бетонное заграждение, через которое суматошные солдаты химвойск пропускают по одной машине в пять минут, кое-как проверяя документы, а медики проводят осмотры, поспешно обмахивая беженцев дозиметром. Их глаза уже не округляются, как тогда — вначале, когда счетчик зашкаливал еще на подходе к машине и безумно начинал трещать внутри нее. И еще никогда до этого времени карманы рядовых медработников не оттопыривались от такого количества бумажек, которые им всучивали и всучивали, дабы только они побыстрее пропускали, поставив в форме штамп «Здоров». Бумажек, которые

пару часов спустя уже не будут абсолютно ничего значить. Как и все те формальности, что они выполняли под густеющими аспидно-серыми небесами.

Крысолов отчетливо помнил, как доведенные до отчаяния люди рвались к блокпосту сквозь стрекот автоматов, как валились под пулями будто скошенная трава. Ясно, будто это случилось вчера, перед глазами вставал, увлекающий на штурм, призывно вскинутый кулак отца и злосчастный миг, когда тот повалился наземь, сраженный в сердце одним из первых выстрелов. За все время Кирилл Валериевич так и не смог забыть этого и вряд ли когда-нибудь у него это получится.

— Что делать будем? — осведомился Секач.

— А? — Крысолов вздрогнул, будто в его голове после многих лет темноты, вдруг зажегся свет. — Да, сейчас...

— Кирилл, у тебя все нормально?

Секач смотрел на него, как смотрят на раненого бойца, которому не хотят говорить, что его ранение смертельно.

— Даже лучше, чем кажется, — ответил Крысолов и заговорщически подмигнул ему.

Затем щелкнул тумблером на радиомодеме и пошарил рукой по захламощенной всякой дребеденью панели, нащупывая закинутую туда рацию.

— Борода, ты там как, с жуками справился?

— Да, блин, справился. Два баллона дихлофоса уже истратили, а им по хрену! — проскрипел из динамика голос командира БМП. — А чего спрашиваешь?

— Посоветоваться хочу. Как ты считаешь, лучше шарахнуть из твоего орудия или взрывчатку заложить?

— Взрывчатку? — удивился Борода. — Во что ты там такое уперся?

— Думаю, метрах в пятидесяти прямо по курсу блокпост, — понимая, что это ничего не даст, но все же наклонившись к лобовому стеклу и вглядевшись в слабо освещаемое вдаль сооружение, ответил Крысолов.

— Во, блин, а я же Змею так и говорил — либо авария как на Ирпеньской трассе, где три длинномера, наехав на ментовские «ежи», поперек дороги легли, либо блокпост блядский! Там что, танки в обочинах?

— Да, тут самое меньшее двадцать «восьмидесятков», почти целые.

— Предлагаешь мародерствовать? — усмехнулся Борода. — Думаешь найти там пару фугасных? Это было бы, конечно, неплохо; у меня и так снарядов не густо, а чтоб блокпост пробить нужно не одним шарахнуть.

— Вот и замечательно. Давай, готовь Змея, он в этих делах лучше разбирается.

* * * *

Коран осторожно открыл боковую дверь Базы-2 и осмотрелся. Первое о чем он подумал, так это о том, что находится в последней базе замыкающей машины, и отделяет его от ближайшего высунувшего на улицу нос живого человека пятьдесят метров в одну сторону и сто с лишним километров в другую...

Рутинная служба на кордонах за долгие годы взрастила в нем ленивого домочадца, привыкшего к хорошо освещаемым холлам застав, чувству защищенности, четко предвидимому направлению и ограниченному времени для нападения разнообразных тварей. Он привык к тому, что отбив налет собак, можно покурить, попить чаю, ведь следующей атаки стоило ожидать не меньше, чем через час-два. Это отнюдь не значило, что Коран стал трусом и выход за пределы базы воспринимал, как ныряние в бассейн с акулами. Просто получив приказ о прикрытии, он напоминал бойца, который полжизни провел в боях посреди среднеазиатских скал и пустынь, а ему вдруг пришла разнарядка о переводе в тропические леса Вьетнама.

Надев на голову шлем, он вышел на продавившуюся под весом его тела крышу покореженной клином «девятки», тихо, до щелчка затворил за собой дверь и включил

приделанный к стволу «калаша» фонарик.

У большинства машин, не считая тех, которых «Чистильщик» превратил в груды раздавленного лома, грязные, практически не пропускающие свет стекла находились на месте, поднятые до упора, и лишь у некоторых они были либо выбиты, либо немного приопущены. Хаким ощутил, что это его здорово раздражает, ведь большая часть столичных машин лишилась остекления в тот самый день — стекла попросту вынесло взрывной волной.

Зашипел вмонтированный в шлем передатчик.

— Коран, ну ты идешь? — послышался в наушнике голос Секача. — Тебя тут заждались.

— Да, — ответил тот, встретившись взглядом с выглядывающим в иллюминатор дежурившим в Базе-1 Рыжим. — Я уже в пути.

Махнув рукой будущему сталкеру, в глазах которого чуть ли не искрилось желание присоединиться, он спрыгнул на землю и, внимательно осветив пространство под днищем баз, усеянное остатками машин, полуприсядью засеменял вдоль борта. Сравнившись с кабиной «Монстра», он встал на цыпочки и заглянул в освещенную кабину, мягко постучал в дверь, но вояжеры, как всегда увлекшиеся «комнатным» реслингом, не придали этому никакого внимания.

Он уже минул «Бессонницу», когда люк в башне издал протяжный скрип и из проема поспешил выбраться, дожевывая кусок хлеба, Змей. По выражению его лица было понятно, что ползать по танкам и искать в них снаряды ему хотелось не больше Коранова, а хотя... довольным этого низкорослого, коренастого парня, в ночное время приходилось видеть редко. Завидев Корана, он даже вроде б как обрадовался, неразборчиво упомянув что-то о старых псах. Затем перекрестился, достал из-за пазухи большой золотой крест, поцеловал его и, убрав обратно, включил примотанный к стволу своего «калаша» фонарь.

— Пошли, — скомандовал он и первым двинулся дальше.

Из экипажа «Чистильщика» им на помощь приставили двух родных братьев-сталкеров: Шпиля и Кирка. Первый был худощавым, с коломенскую версту долговязым и преимущественно молчаливым меланхоликом, обладающим высоким интеллектом, треугольной формой головы и повисшими, чуть ли не доставая колен руками. Второй же наоборот — на добрых пол-аршина ниже, с пивным брюшком, множеством складок на затылке, но зато личностью юморной и харизматичной. Впрочем, несмотря на их диаметрально противоположность, они имели больше полутора тысячи успешных выходов на поверхность и слыли неплохой парочкой, которой сопутствует удача.

Поравнявшись, Змей и Кирк — примерно одинаковые ростом, разве что первый был более сбитым и не обладал выпирающим пузом, — протянули друг другу руки, обменялись парой приветственно-матерных слов, после чего все четверо продолжили путь к блокпосту. Змей лидировал, Коран с Кирком, шепотом насвистывающим какую-то мелодию, стали посередке, замыкающим же, спиной к движению, потянулся Шпиль, сторожко поглядывая по сторонам.

Приблизившись к полуприцепу автопоезда, которого «Чистильщик», останавливаясь, поддел на клин, они огляделись, убедились, что поблизости не слышать ничего дыхания или скобления когтей по асфальту и двинулись дальше. Сопутствовавший им, льющийся из нескольких пар прожекторов яркий бело-фиолетовый свет, поддерживающий чувство прикритости, начал меркнуть стремительно быстро. Чем быстрее они отдалялись от кабины трактора, тем больше казалось, что воздух там не прозрачен, а будто пропитан черными чернилами.

Перед автопоездом с пустующей кабиной, стоял «Икарус», которому так и не удалось вывезти своих пассажиров из Киевской области. Идя осторожным шагом, сталкеры уже почти миновали его, когда Змей вдруг вскинул руку с растопыренными пальцами, и прижался спиной к двери. Остальные, поняв команду, немедленно последовали примеру и прислонились к борту автобуса.

Выдохнув, словно готовясь к бою, Змей выглянул из-за угла и медленно водил лучом

фонаря осветил гладкие крыши пелотона замерших одноцветных легковушек. Он не мог ручаться, что что-то слышал, но интуиция, подводящая его до этого лишь считанные разы, подсказывала, что нужно быть начеку.

Кирк оглянулся на младшего брата, подмигнул ему, но никаких признаков шутливости в этом жесте не усматривалось.

В метрах двадцати впереди, на фоне темно-синего беззвездного неба черной тенью возвышалось ортогональное сооружение с небольшим возвышением посередине, отдаленно напоминающим нагромождение из мешков. Даже в жалком свете фонарей было видно, что возведенному на скорую руку из железобетонных изделий сооружению не хватало нескольких плит в перекрытии крыши. Видимо инженеры пожертвовали ими для перегораживания дороги, поскольку пять из шести полос были заставлены в несколько слоев, будто их должны были штурмовать самые меньшие танки. И лишь по одной полосе к блокпосту вела, зигзагообразно обставленная бетонными блоками одна полоса, прегражденная двумя КПП с пулеметными гнездами.

— Хаким, останешься тут для прикрытия, — подняв забрало и зажав рукой микрофон, сказал Змей. — Если получится, влезь на крышу этого пепелаца, — он кивнул на автобус, затем повернулся к остальным. — Давайте быстрее сделаем что нужно, и свалим отсюда к чертовой матери. Чой-то мне тут немного не по себе. Музыка не играет и сладкое не подают, что ли?

Впрочем, шутка не удалась. Никому из них уже было не под силу растормошить друг друга, понудив послабить хватку на оружии или выдавить на лице скупую улыбку. Особенно Корану, молча наблюдавшему за тем, как быстро удаляются остальные сталкеры, рассекая тьму впереди себя неуверенными желтыми лучами.

Он сглотнул наполнившую рот отвратительно-вязкую слюну, как можно тише передернул затвор автомата и, немного отдалившись, направил свет на его огромные окна. Засохшие потоки стекавшей с крыши ржавчины навеивали ассоциации о поднятом из глубин океана корабле. Свет внутрь салона почти не проникал, но даже сквозь рыже-коричневую пелену можно было разглядеть ряды пустующих сидений и свисающих с окон превратившихся в почерневшую марлю фланелевых занавесок.

Обойдя, похожий на попавшегося в муравьиный плен большого жука, автобус, Коран понял, что ничего более подходящего, чем пикап, с чудом сохранившейся на борту надписью «Развозка товара», нет, а потому он выпрыгнул сначала на него, и уже с крыши его будки перебрался на «Икарус».

— На месте, — доложил Хаким, увидев как в пятнадцати метрах левее, одна фигура с желтым лучом замерла непосредственно перед бронемашинной, а остальные две остались в сторонке, нервно оглядываясь по сторонам.

— Хорошо, — послышался в ответ голос Змея. — Тогда работаем, мужики.

Он испытывал должно быть то же чувство, что и хоккеист, прогуливаясь по незнакомому городу и случайно наткнувшись на здание ледового дворца или катка.

То же самое, которое испытывает заядлый рыбак, проходя мимо магазина спорттоваров с окон которого видны новые телескопические удочки. То же чувствовал и Змей, пройдя мимо двадцати с лишним танков Т-80, и остановившись именно возле единственной, кажущейся в компании старших братьев немного неуместной, БМП-1. Запрокинув автомат за спину, он подошел к ней и легонько, будто глядя зверя, провел рукой по броне, оставив след в пыли. Затем с особой бережностью принялся протирать рукавом фару. Он знал, что ему в спину с явным непониманием смотрят братья-сталкеры, гадая, все ли в порядке у него с головой, но остановиться не мог — все тер и тер, и лишь когда она засияла, словно вскрытая лаком, он вскочил на борт, поднял открытый люк и без раздумий залез внутрь.

Командир экипажа в лохмотьях обычного танкистского комбинезона сидел на месте оператора-наводчика, склонившись на бок. Из-под нахлобученного на глазные впадины тряпичного шлемофона выглядывала лишь небольшая часть пожелтевшего черепа и клочок поседевших волос на затылке. В свисающей на пол правой руке он все еще держал пистолет,

с помощью которого проделал дырку в виске, а в другой — фотографию. Наклонившись, Змей намеревался разглядеть того, кто на ней был запечатлен, но черви, поедавшие тело командира, превратили изображение на фото в неразборчивое, цветастое пятно, проложив по нему тысячи тонких бордовых дорожек. Сохранилась лишь надпись с обратной стороны: «Любимому» и дата — 12 мая 2016 г.

Не полностью отдавая себе отчет в действиях, Змей взял в руки валяющийся на полу шлемофон оператора-наводчика, разгладил, сбивая пыль, и, отложив свой шлем на пол, напялил его на голову. Кажется, его совсем не удивило, что в наушниках привычно послышался писк, обозначающий исправность радиосвязи, а потом послышался голос:

— Я больше так не могу... не могу... — заговорил кто-то на другом конце провода, часто дыша.

— Терпи, сынок, — сказал кто-то другой. — Скоро все закончится.

— Но ведь они... — первый, казалось, едва сдерживался, чтобы не заплакать. — Они ведь ни в чем не виноваты... За что их?

— Терпи, — повторил второй.

Из наушников донесся скрип люка и возня, кто-то кого-то пытался остановить, удержать, на мгновение сталкеру даже показалось, что он услышал щелчок снимаемого с предохранителя пистолета, но попытка была неудачной.

— Да пошли вы все! — закричал кто-то, прежде чем люк скрипнул обратно.

— Сука! — прошипел второй голос. — Наводчик сбежал.

— Товарищ капитан, а может, нам всем? — с брэнчавшей в голосе надеждой спросил первый, и теперь Змей понял, что этот голос принадлежал механику-водителю, его коллеге. — Может нам всем бежать? Мы все равно все уже трупы, так зачем мы это делаем? Это же люди...

В отдалении послышались хлопки выстрелов, много выстрелов, видимо, это открыли огонь с блокпоста, в эфир ворвались крики людей, заглушившие и дальнейший разговор водителя с командиром, и громохание пулеметов. В единую сонорную спираль вплелись и вопль матери, склонившейся над умирающим ребенком, и гортанный рев потерявшего всю семью мужчины, и произносимая старческим голосом мольба о помиловании, и отчаянное воззвание к разуму, но в большей части проклятия... сами проклятия...

А потом все оборвал выстрел, совсем близко. Некоторое время в эфире была полная тишина, и лишь несколькими секундами позже стали слышимыми слова Отче наш. Произносивший не знал всех слов молитвы, а поэтому останавливался и начинал снова, пытаясь говорить без заминок. А когда он закончил, вместо «аминь» в наушниках грянул еще один выстрел.

Кирк с братом уже было решили, что со Змеем что-то неладно, и выбрасывали на пальцах, кто полезет проверить, как вдруг в проеме башни возник торс механика «Бессонницы». В его глазах застыло спокойствие; в охапке он держал снаряды.

Прохаживаясь взад-вперед по крыше «Икаруса» и внимательно поглядывая по сторонам, Коран вдруг услышал тихий всхлип. Встряхнув головой, он остановился и прислушался. И всхлип повторился. А потом появились голоса: приглушенные или шепот. Кто-то тихо с кем-то переговаривался, кто-то плакал, кто-то пытался утешить, подбодрить, кто-то осуждал чьи-то действия, а кто-то тихо матерился, но ему никто не претил. Голоса однозначно доносились из отверстия для люка в крыше. Коран несколько раз проходил мимо него, и даже однажды заглянул внутрь, украдкой осветив салон и убедившись, что кроме лежавших в проходе и сидящих на креслах человеческих останков, в автобусе не обитает никакой мутант.

Но голоса заставили его приблизиться к отверстию в крыше вновь. Встав на одно колено, Хаким направил автомат в салон автобуса. Все оставалось на своих местах, но голоса стали громче. Ничего не понимая, он встал на четвереньки, и хотел было всунуть голову в отверстие, как вдруг тонкий ржавый металл под ним коротко скрежетнул и провалился. Хаким, даже не успев протянуть руки, чтобы ухватиться за уцелевший край крыши,

грохнулся вниз, в лежащие на проходе кости. Тут же вскочил и в панике принялся отряхиваться то ли от пыли, то ли от ощущения, что прикоснулся к останкам, пока не заметил... что на него удивленно глядят пассажиры.

Молодая женщина, что-то шепча, тянула к нему руки. В ее глазах читалось моление о помощи. Пожилой мужчина на соседнем месте, с застывшей в повлажневших глазах грустью отвел взгляд, не желая встречаться взглядами с Кораном. Мальчик, лет пяти-шести, выглядывал из-за подголовника переднего ряда сидений. Он выглядел измученным и уставшим, но на укрытского погранца смотрел с чаяньем, будто тот нес всем им избавленье.

Хаким прошел вперед, стараясь не прикасаться ни к сиденьям, ни к сидящим в них людям, и увидел в лобовом стекле блокпост. До первого шлагбаума и выложенных зигзагом плит, автобус не доехал всего каких-то десятков метров. Впереди — лишь небольшой седан, казалось бы подтолкни, — и ты уже выехал из Киева. Но оцетинившийся пулеметными стволами блокпост, пятью мощными прожекторами заливающий слепяще-ярким, белым светом и машины, и заполнивших пространство между ними людей, навсегда отрезал мысль о спасении.

Люди возбужденно кричали что-то в адрес обороняющих шлагбаум солдат в скрывающих лица костюмах ОЗК, но те застыли безмолвными истуканами, направив на них оружие.

Вот, пронзительно закричал какой-то мужчина, призывая остальных к взятию блокпоста штурмом, и толпа из двадцати-тридцати человек бросилась за ним. Над головой он держал бутылку с торчащей из горлышка зажженной тряпкой, но в то же мгновение грянувший одиночный выстрел свалил его с ног. Выскользнувшая из рук бутылка разбилась о плиту, и та вспыхнула ярким пламенем. Бегущие за ним люди на миг застопорились, будто испугавшиеся огня дикие звери, но потом, грозно закричав, ринулись на пулеметные расчеты.

Стрекот автоматных очередей и звонкое гроыхание пулеметов заставили Корана пригнуться, а потом и вовсе залечь, накрыв голову руками. Пули дырявили громоздкое тело автобуса, по несчастию вставшего перед самым шлагбаумом, словно дробью, впиваясь в тела пассажиров, потроша их вещи, окрашивая салон в красный цвет.

— Какого хера ты тут разлеся?! — закричал кто-то на ухо и Коран только сейчас осознал, что так и лежит, упав с проломившейся крыши. Кто-то, не давая времени на то чтобы окончательно придти в себя, схватил его за руку, поднял и вытолкнул через разбитое окно на асфальт.

— Беги-и-и! — закричал над ухом кто-то другой, таща его, словно обмороженного, за рукав.

Сзади раздался взрыв. Затряслась под ногами земля. Затем еще один и еще. Часть бетонной конструкции, размером с присевшего мизерника пронеслась прямо у него над головой. Дождь из металлических обломков и бетонного крошева загрохотал по крышам машин. Колесо какого-то грузовика с частью полуоси ударилось в клин стоящего в отдалении «Чистильщика» с такой силой, что, казалось, могло оттолкнуть громадину назад.

Но, к счастью — если не считать нескольких ушибов на тощем теле Шпиля и полные пазухи бетонной крошки у всех четверых, — все обошлось. Слегка задурманенным себя чувствовал разве что Коран, но беспокойства он не испытывал. Он словно никак не мог отойти от смыслового сна. А когда Змей предложил ему отхлебнуть из фляги, прошептав на ухо: «Дорога — она ведь живая, она все помнит; это всего лишь воспоминания», на душе его и вовсе стало спокойно.

Глава 6

Андрей снова проснулся нагим и, как ему показалось, в мягкой, белой постели. Нагим! Первая мысль, вспыхнувшая сверкнувшая в затуманенном мозгу как дрожащий луч фонарика, что это происходит снова, ведь не далее, как несколько часов назад он уже

просыпался в белой постели, в комнате с парусником на стене, и обоями с геометрическими фигурами. Что было потом, он помнил слишком хорошо для того чтобы не начать отчаянно хлестать себя по лицу, пытаясь проснуться до того, как ему снова придется пережить ту страшную минуту, когда его тело рассыпается в пыль, навек отделяясь от сознания.

Вскочив с кровати, он продолжил акт самоизбиения, ударяя себя ладонями по лицу, то и дело приседая и вскакивая вновь, будто вытанцовывающая гопак человекоподобная лягушка. Со стороны это выглядело достаточно забавно, но для самого Андрея не проходящий сон был ужаснее самого страшного кошмара.

Но сон, если это был сон вообще, даже и не думал заканчиваться.

Андрей, осмыслив, наконец, что от избиения толку нет, и лицо его только начинает распухать, остановился, прекратив бессмысленные прыжки, поднялся во весь рост и судорожно осмотрелся.

Лишь спустя какое-то время, он понял, что эта крошечная комнатуха не имеет ничего общего с той, в которой он уже просыпался. На стене нет парусника, вместо торжествующего солнечного света над головой «чирикала» и мигала лампа дневного света, а в углу комнаты вместо большого окна лишь два узких зарешеченных иллюминатора, так же как и его постель — серые простыни на старой каталке.

Где я? — ошарашено водя глазами, перебирал в уме догадки Андрей, но в следующую секунду прозрение уже пришло само собой: — В медотсеке!

С минуту он прислушивался к доносящимся снаружи звукам: побрякиванию стекол (возможно, пробирок в шкафчике), шуму ветра за окном, издали, вероятно из другого отсека, доносящемуся дружному гоготанию, и уже решил было, что его вопль оказался никем не услышанным, как вдруг брезентовая ширма с тихим скрежетанием ржавых колец съехала и из залитого бело-фиолетовым люминесцентом отсека показалась стройная фигура в черном.

О, черт!

Вовремя вспомнив о своей наготе, Андрей кинулся обратно к каталке, схватил с них простыню и завернулся в нее по грудь.

Юлия выглядела просто обворожительно. Расстегнутый на две верхних пуговицы китель, мокрые густые пряди черных волос, энигматичная, обольстительная улыбка и огнем пылающие черные глаза скрывали в себе какой-то немой вызов.

Кончики ее волос слегка подрагивали, зрачки расширились, повлажневшими губами она пыталась что-то шептать, а часто вздымающаяся грудь выдавала крайнее волнение, перемешанное с необъяснимым, необузданным, диким желанием.

Господи, если это сон, то пускай он продлится еще чуть-чуть! — думал Андрей.

И Юлия, будто уловив его сигнал, сделала несколько коротких шагов, грациозно покачивая бедрами, и оказалась лицом к лицу с превратившимся в каменное изваяние Андреем. От нее пахло шоколадом, — о, Боже, какой это вкусный запах!

Я хочу ее! Я хочу ее съесть, я хочу ее облизывать, — не стыдясь и не удивляясь исторгаемым возбужденной фантазией мыслям, он разжал кулак, и простынь соскользнула на пол.

— Ты нужен мне, — проговорила она тихо, и вмиг в голове у Андрея стало пусто. Никто еще ни разу в жизни не говорил ему ничего подобного. Он обнял ее, их лица сблизились, и его губы стали искать ее. Он еще никогда в жизни не целовался, да и видел как это делается, только на фотографиях...

Поцелуй принес ему легкость и, одновременно, заставил все тело напрячься, будто он готовился к прыжку. Напрягся так, что задрожали ноги, и чуть не свело судорогой. Андрей почувствовал, как ее рука скользнула по его шее, нежно коснулась груди, страстно скребнула ноготками по боку, затронула пупок и опустилась ниже... Сладострастный вскрик помимо воли вырвался у него из груди.

О, Боже, еще ниже...

Объятый неистовым желанием, он все сильнее стискивал Юлию в объятиях, все сильнее целовал, будто пытаясь втянуть ее в себя. Девушка издала приглушенный сладострастный

стон, не переставая ласкать Андрея. Не в силах более выносить сладкую муку нежных прикосновений ее пальчиков, юноша чуть отстранился и, с утроенной страстью силой рванул на ней китель, так что пуговицы разлетелись по всему отсеку. Оставалась еще майка, покрывающая две полусферы. Андрей ухватился за бретельки, силой потянул на себя и тонкая ткань с треском разошлась. Случайно сорвал с шеи жетон на серебряной цепочке, но она не обратила на это никакого внимания.

Воскликать «о, Боже!» ему хотелось постоянно и безостановочно. Ее грудь, плотная, азартно вздернутая вверх тут же оказалась в его руках и он почувствовал, как ее тело пробивает мелкая дрожь. Он гладил, млял ее, целовал, пока не почувствовал, что она толкает его на каталку. О, да... Не прекращая целовать торчащие соски, он позволил уложить себя на каталку и накрыть себя трепещущим телом.

В какой-то миг он почувствовал, как внизу помокрело, но они не обратили на это никакого внимания. Все это было верхом блаженства, который только можно было себе представить, до тех пор, пока он не почувствовал, что-то лишнее. Что-то щекочет его язык, щеки, не дает открыть веки... Колкий ужас вдруг обуял им и уже в следующий миг он завопил как сумасшедший, принявшись размахивать руками, извиваться. В конце концов ухватившись за какой-то отвратительный, скользкий отросток, Андрей стянул со своего лица ослабевшее, а скорее всего умершее существо — то самое, которое на него положил Михалыч. С отвращением отбросил его в сторону, ощущая дурной привкус во рту. Затем поднялся с операционного стола и посмотрел на свое ложе.

Значит, все-таки сон...

— Очухался? — послышался насмешливый голос Михалыча. — Ну и как?

— Неплохо, — переводя дыхание, опершись на свою каталку, ответил Андрей. Это было поразительное ощущение: его лицо посвежело, мышцы тела набрались новой силой.

— Ну, вот. А ты говорил «врач, врач». Это Юленьке скажи спасибо, когда вернется — последнего «осьминога» на тебя не пожалела. А сны он хорошие подсылает, правда? — заговорщицки подмигнул Михалыч, покосившись на темное пятно чуть пониже ширинки, заставив Андрея густо покраснеть щеками. — Хитрые твари. Мне вон, что не раз, то вареники домашние навевает. Просыпаешься, а в желудке марш. Кстати, есть не хочешь?

Но есть Андрею совсем не хотелось. Он думал о Юлии, все прокручивал в голове видение и чувствовал, как сердце бьется все сильнее и сильнее. Рассеяно блуждавший по отсеку взгляд Андрея вдруг зацепился за что-то блестящее на полу возле колеса каталки. Присмотревшись, парень обнаружил, что это пуговицы с кителя, а рядом с ними обрывок цепочки с кулоном в виде кольца с расплавленными внутри крыльями.

* * * *

Дорожное полотно, успевшее за три с половиной десятилетия отвыкнуть от каких-либо нагрузок и смириться с теми обездвиженными горами железа, что достались ей от «ядерного мая», в эту минуту дрожало и покрывалось паутиными трещинами под весом трех тяжелых машин. Для нее — давно не вкушавшей такого кайфа шестиполосной магистрали, это было сродни массажу, разминающему старые кости и заставляющему кровь течь быстрее.

В прожекторах уже не было никакой нужды — утреннее зарево достаточно освещало дорогу. Отчаянно стремясь спастись, экипажи машин, не сбавляя скорости, мчались сквозь прогнившие остовы легковушек, словно обезумевший бизон, расталкивая, сминая или подкидывая их в воздух.

С открытыми на всю дроссельными заслонками и вдавленными в пол педалями акселераторов, они неслись во весь опор, наперегонки с неумолимо наматывающей круг за кругом злокозненной секундной стрелкой. Неслись как угорелые, выжимая из старых двигателей последние силы.

Но время у них явно выигрывало.

— Елки, ну и где этот Яготин?! — остервенело переключая передачи, прогудел Секач. — Ты же еще полчаса назад говорил, что до него всего пять километров!

— Не мандражуй, Секач, успеем, — уверенно, будто это он решал, когда солнцу взойти и когда садиться, сказал Крысолов. — Если бы не чертов блокпост, давно уже прибыли бы на место — от Березани до Ягодина всего же тридцать километров пути.

— А если не успеем, Кирилл? Может, мы уже его проехали?

— Серега, ты, главное, не наводи тоску, ладно? А то ты как скажешь свое «может», так и жить больше не хочется. Не проехали мы, вон за тем поворотом должен быть перекресток.

Не выпуская из рук карту и силясь не замечать как в бескровном утреннем небе появляются раскаленные цепи, медленно поднимающие из преисподней дышащее жаром солнце, Крысолов вглядывался вдаль суженными от напряжения глазами, выискивая в размытых утренней дымкой темных силуэтах на горизонте хоть какие-нибудь признаки города. Вглядывался до появления искр перед глазами, заставляя самого себя верить в то, о чем только что сказал Секачу. Но кроме давно брошенных заправочных станций, запыленных придорожных кафе и закусовых, некогда стилизованных под старинку — с плетеными заборчиками, горшками и кувшинами на столбах, а на парковках словно с искони стоявшими там деревянными телегами — дорога ничем не подсказывала о приближении к городу.

Лишь по чистой случайности, в бесполезно валявшемся у обочины, насквозь проржавевшем куске жести, погнутом и словно кем-то погрызенном, Кириллу Валериевичу удалось разглядеть несколько не задетых коррозией букв и цифр, изначально не внесших в его мысленную круговерть никаких разъяснений. На нем значилось: ...а... ков 380, П... ав... 288, а в низу — ...оти... 2 и стрелка, указывающая налево.

Он на мгновение закрыл глаза, дабы запечатленная на ходу картинка как можно четче отпечаталась в его мозгу. Особенно цифры, ведь головоломку с недостающими буквами в словах на ржавом указателе он уже решил, это оказалось не так уж и сложно: Харьков, Полтава и Яготин. До последнего, если верить указателю, всего 2 километра.

Это было бы просто замечательно, — думал он, — будь хоть какая уверенность, что этот указатель был установлен там же, где он его увидел.

Внезапно огромная сизая тень мелькнула в боковом окне.

Крысолов, затаив дыхание, прильнул к стеклу и отгоняя дурные мысли, всмотрелся в сосняк, ржавыми гвоздями упиравшийся в утреннее небо. На какое-то мгновение тень снова появилась, плыла рядом с кабиной «Чистильщика», но сколько бы Крысолов не прижимался к стеклу, увидеть то, что откидывало эту тень, ему не удавалось. А в следующий миг она снова скрылась из виду.

Легион или крылач? Господи, легион или крылач?

— Кирилл, — затрещала рация голосом Тюремщика — подавленным и встревоженным: — Берегись, у тебя крылач, чтоб ему пусто было.

— Черт! — не сдержался Крысолов, ударив кулаком по обшивке двери. — Только этого еще не хватало.

— Крылач? — округлил глаза Секач, смотря на зажатую в руке Кирилла Валериевича рацию так, будто переспрашивал у нее.

— О-о-о, хрень, он что-то подымает! — закричал в рацию Тюремщик. — Кирилл, змеись, их там пара!

Крылачей вояжеры ненавидели больше всех остальных ползающих и летающих тварей. Эта перепончатокрылая бестия, получившаяся то ли в результате удачного научного эксперимента, то ли выведенная селекционным способом самой природой, взяв пропорции и форму тела от бурого медведя и обзаведшаяся крыльями размахом до семи метров, играючи могла поднять в воздух обломок бетонной плиты и швырнуть ею по машине. Разумеется, в момент, которого никто не ожидал, и целиться она будет именно в кабину, по этому поводу можно было не питать никаких иллюзий.

Внезапность — их конек. Худо, если водитель не успеет вовремя заметить атаковую

с воздуха громадину и сманеврировать. Сброшенная с двадцатиметровой высоты бетонная глыба, могла запросто продавить даже самую укрепленную крышу. А посему если вовремя не дать перепонкрылу отпор, рано или поздно очередным «авиаснарядом» он расплющит кабину в блин. Во всяком случае, именно к такому выводу пришел Крысолов после многодневных кропотливых исследований образа жизни и действий этих существ. Как и к тому, что выживание многократно усложняется, если крылачи, обычно живущие поодиночке, группировались для достижения общей цели. Например, для уничтожения трех движущихся по шоссе машин.

— Дама пик, — наугад выдернув из колоды карту, почти беззвучно сказал Тюремщик, выключив рацию. — Ёпти, дурная примета.

Бешеный, обычно относившийся ко всем этим Тюремщиковским суевериям с нескрываемым скептицизмом и насмешкой, считая своего друга мнительным и расположенным ко всякого рода заблуждениям, в этот раз посмотрел на карту в руках напарника как на неприятное предзнаменование.

— Всем машинам — боевая готовность, — приказал Крысолов. — Тюрьма, выпускай «Разведчика», город должен быть в двух километрах налево, пусть найдет место для стоянки. Времени... двадцать четыре минуты максимум. Стражникам занять позиции! Вести огонь только с ближних и средних дистанций! И прикрывать, мать вашу, разведку, а не только свои гнезда!

— Ну наконец-то! — радостно воскликнул Сашка, услышав отданную команду. — А я уж думал только вшивых мизерников истреблять будем.

Выполнив норматив по одеванию в защитный костюм, как ему показалось, в два раза быстрее обычного, по-мальчишески задиристо толкнув педаль, превращающую многофункциональное кресло в ступени, Рыжий с готовностью пионера дернул свисающий с потолка шнур. Не дожидаясь, пока капсула полностью растянется, вскочил на верхнюю, самую широкую ступень и, с замиранием сердца, открыл люк.

Горячий поток, ворвавшись в шлем через отверстия в воздухообменнике, обдал жаром его лицо, ворвался в легкие, сбив с ритма дыхание, вынудил закашляться, а глаза неприятно заслезиться.

Сначала Саша иступленно мотал головой из стороны в сторону, пытаясь найти положение, в котором он прекратил бы себя чувствовать, будто всунулся по пояс в гигантский пылесос, но потом понял, что таким способом он вряд ли добьется желаемого результата. На скорости воздушные потоки попросту не могли обойти торчащий над ровной поверхностью крыши торс.

Саша уже даже был бы не прочь опуститься назад в базу, хотя бы для того, чтобы отдышаться и морально подготовиться для очередного поднятия, как вдруг сзади послышалось звонкое стрекотание пулемета и что-то больно хлопбыстнуло его по спине. С такой силой, что он едва не проломил себе грудную клетку о край люка, а головой не пробил доселе не раскрытый ящик с пулеметом.

Первая мысль, опередившая поворот шеи — по мне чем-то бросили. Чем-то увесистым, но не твердым как бетонная плита, иначе с целостностью грудной клетки пришлось бы распрощаться навсегда. Понимание истинности ситуации пришло достаточно быстро: по нему ничем не бросали, его пытались с разгону схватить когтями и вытащить из капсулы, и лишь благодаря бдительности одного из стражников «Форты», крылачу этого сделать не удалось. Он взмыл ввысь.

Однако вид второй пташки с бревном в лапах, метрах в двадцати за плечом, заставил его, позабыв обо всем, поспешно хвататься за рукоятки ящика и дергать на себя с такой силой, что выпрыгнувший на пружинах станковый пулемет едва не отшиб ему руки.

Орудие вставало в специальный паз и могло вращаться на шарнирах вокруг капсулы, обеспечивая тем самым круговой сектор для обстрела. Это был крупнейший плюс данной конструкции, поскольку первые капсулы обеспечивали огневой радиус лишь на 120 градусов, дабы случайно не застрелить стражника из соседней базы, и тем самым

практически лишали возможности оглянуться назад. Теперь же можно было кружиться хоть до упаду.

Один полуоборот, одна короткая очередь... но тварь в последний момент извернулась и трассирующие пули ушли в небо. Сашка обматерил себя и приготовился снова спустить курок, взяв крылача на прицел, но запущенное крылачом подобно бите в городках бревно, вращаясь и подпрыгивая, заухкало ему навстречу по крыше Базы-2. Время для раскрывшего во всю ширь рот и глаза Саши будто приостановило свой ход. Оцепенело уставившись на приближающуюся «биту», он не смог заставить себя даже пошевелиться, уже не говоря о том, чтобы нырнуть в капсулу. Он лишь забвенно смотрел, как выпущенное из лап бревно приблизилось и с завывающим «Ух-х-х» пролетело в нескольких сантиметрах у него над головой, щедро усыпая его трухой и гнилыми ошметками коры.

После того, как бревно скатилось на асфальт, ему захотелось перекреститься и поблагодарить Всевышнего за спасение, но потом понял, что это было лишь вступление к первому акту.

Ведь если ему поначалу и пришла в голову бредовая идея, что раз уж чудище сбросило «бомбу», то оно незамедлительно должно отвязаться от него, то спустя мгновение он понял, что все далеко не так. Разъяренная тварь взметнула вверх и в сторону. Кто-то пальнул по ней с «Форты», но сверкающие пули тоже прошли мимо.

— Ну и живучая же, блин, уродина! — скорчил кислую мину Саша, следя за тем, как крылач, описав над заостренными верхушками деревьев кривую дугу, скрылся за пологим холмом.

Из последней базы, на ходу, громко взревев мотором и брызнув искрами от удара «кенгурятником» об асфальт, выскользнул «Разведчик». Развернулся на месте и с проворством юркого грызуна, обогнав и посигналив «Монстру» с «Чистильщиком», начал быстро удаляться, вертко обходя ржавые препятствия.

Но не успел отъехать и на полкилометра, как из-за раскинувшегося вдоль дороги пригорка, похожего на исполинского ежика благодаря остроконечным шпильям сухих деревьев, показалось сразу два крылача, с зажатыми в когтях бревнами. Судя по размеру бревен, вес они имели не малый, что не сулило ничего хорошего для того, на чью голову должны были падать. Издав пронзительный крик, один из крылачей сбросил свою ношу, целясь аккуратно в кабину «уазика», и бревно немедля начало свободное падение.

— Ха! — выкрикнул Сашка, когда «Разведчик», вывернув в последний момент, вильнул в сторону, и бревно, словно упавший с небес заточенный карандаш, так и осталось стоять, вонзившись в дорогу. — Вот вам гребаные уроды! — Он согнул руку в непристойном жесте.

Второе бревно полетело сразу же за первым, и в этот раз зажатая в руке Тюремщика пиковая дама вздрогнула — часть деревянного ствола ударила «Разведчику» по крыше, и уазик, подпрыгнув словно на пружинах, резко свернул к обочине.

Издали не было видно, куда именно угодило сброшенное бревно, но всем, кто наблюдал за его падением, отчаянно хотелось верить, что пришлось оно не по водительскому месту. Куда угодно, но только не по нему, иначе шансов выжить у лихого татарина практически не оставалось — на вид бревно весило, по меньшей мере, килограмм под триста.

— Господи, Коран!

Поднеся рацию к лицу, Крысолов выкрикивал имя сталкера, приваленного бревном в замершем между опрокинутой автоцистерной, издали похожей на гигантскую сосиску, и изъеденным ржавчиной бульдозером, но в ответ слышался только сухой треск и шипение радиопомех.

Какое-то время он еще тешил себя мыслью, что возможно повреждена антенна на крыше «Разведчика», но чем ближе они подбирались к покореженному уазу, тем яснее становилось, что антенна здесь ни при чем. Крыша в передней части была вмята настолько, что фактически прижалась к спинкам сидений. Поверить, что Коран, если только он вовремя

не заметил атаки и не покинул борт на ходу, мог после такого выжить, было очень сложно. Ведь «Разведчик», в пользу скорости и маневренности, не был укреплен ни каркасом безопасности, ни дополнительными пластинами и решетками. У него даже оригинальные запчасти были заменены на облегченные, в частности крыша...

— Остановишь! — перекрикивая пулеметное стрекотание, скомандовал Кирилл Валериевич Секачу, когда до «Разведчика» оставалось около двадцати метров.

— Но, Кирилл, рассвет...

— Останови, я тебе говорю! — крикнул Крысолов и поднял к губам рацию: — Мужики, мы останавливаемся, а вы продолжайте движение. За тем поворотом будет перекресток, поворачивайте налево. Мы догоним.

— Кирилл, ты...

— Борода, я все сказал! — оборвал командира БМП Крысолов. — Ищите место. Времени около семнадцати минут осталось. Давайте, давайте же, шевелитесь, чертовы клоуны!

Боже, надеюсь этот город не будет так же раскатын, как Березань! — мысленно обратился Кирилл Валериевич к Всевышнему: — Хоть бы в нем было место, куда можно укрыться!

Тем временем первый крылач, чей снаряд остался стоять вертикально в точности на двойной разделительной полосе, словно столб для дорожного указателя, сделал круг над движущимися машинами и, сноровисто уклоняясь от летящих в него пуль, снизился и подхватил бревно, собираясь повторить атаку.

— Крысолов готовится к выходу, — глядя как впопыхах облачался в свою «защитку» Кирилл Валериевич, обратился к остальным членам экипажа по внутренней связи Секач. — Братки, прикройте командира.

— Прикроем, прикроем, не волнуйся, — заверил его кто-то. — Стражники постараются уж.

Нахлобучив шлем, Крысолов выдернул закрепленный в специальном пазу «калаш» и, не дожидаясь полной остановки машины, толкнул дверь, впуская в кабину разогретый воздух.

Пулемет на крыше, бивший до этого короткими очередями, перешел на непрерывный огонь. Крылач с бревном возвращался, чтобы закончить начатое. Крича диким зверем от дырявящих крылья пуль, крылач спикировал над остановившимся тягачом и, более не пытаясь вилить между блистающими на фоне зреющего утреннего неба трассерами, скинул бревно, целясь в узик.

Контрольный...

Крысолов на какой-то миг застыл у трапа в нерешительности. В его голове стало темно и пусто. Если это толстое, имеющее больше полуметра в диаметре бревно рухнет на то же место, что и в первый раз, резон проверять жив ли Коран отпадет сам по себе.

Но время снова как бы замедлило свой ход. Паузы между выстрелами стали удлиняться, крик изрешеченного крылача, становился все басовитее и грубее, будто запись на затянущем ленту магнитофоне, а летящее бревно будто летело не по воздуху, а проридалось сквозь толщу воды.

Когда снаряд приземлился, громко ударившись оземь, Крысолов невольно втянул шею и глупо осклабился.

Можно было вздохнуть с облегчением. Если бы брошенное крылачом бревно, перекувыркнувшись в воздухе, перед самым приземлением приняло бы горизонтальное положение, проверять, что там с Кораном, ему действительно не было бы уже никакой необходимости. Кто-то сказал бы: как такое может быть? Чтоб два раза упасть на торец? Ни за что не поверю. Ну и на здоровье, но у форта странное чувство юмора. Но в этот раз оно раскололось на несколько частей, брызнув фонтаном щепок.

Теперь можно было еще раз вздохнуть с облегчением — расстрелянная стражниками тварь, словно ошипанная курица, вдруг часто-часто замахала порванными крыльями, из

последних сил стараясь цепляться за воздух, но обессилев, камнем полетела вниз. Больше не взмахивая крыльями и не издавая никаких предсмертных воплей, крылач с характерным треском проломил просвечивающуюся от проеденных ржавчиной дыр крышу «Туриста» и вольготно развалился на задних сиденьях единственным пассажиром.

Но Крысолову было не до вздохов. Подобно берущему с авианосца разгон истребителю, он рванул с места, несколькими, поистине громадными шагами он обогнул опрокинутую посреди дороги автоцистерну, и, подскочив к уазику, обеими руками схватился за ручку на покореженной дверце. Несколько раз с силой потянул на себя. Ударил, снова потянул. Дверца не поддавалась.

— Коран! Коран!!! — кричал он, слепо на шаривая ручку задней дверцы.

Все надежды на то, что Коран покинул борт до того, как на него свалилась трехсоткилограммовая тяжесть разбилась в прах при одном только виде забрызганных кровью стекол. Самого же Корана было видно лишь отчасти — крыша спереди была прогнута настолько, что разложила спинки сидений. Из-за руля виднелись забрызганные кровью штаны и подрагивающая рука.

С другой стороны машины появилась темная фигура Секача с выведенной на шлеме красным эмблемой в виде перекрещенных серпа и молота, которая всегда вызывала у Кирилла Валериевича непреодолимое желание окунуть Секача в бочку с черной краской.

— Он жив! — радостно закричал Секач, приподняв край искореженной крыши с пассажирской стороны. Через узкое забрало шлема выражения его лица Кириллу Валериевичу не было видно, но и без того ясно, что тот не просто рад — он весь светится от счастья. Это значило, что Коран жив.

— Я здесь. — Его окровавленная рука слегка шевельнулась.

— Успел, бродяга, залечь! — так же радостно выкрикнул Секач. — У-у-у, водила, мать твою так! Кирюха, тяни дверь, я крышу подержу!

Похоже, что азиат все-таки не так уж и прост, как это могло показаться попервоначалу. Живуч оказался, зараза! И Слава Богу!

И все бы хорошо, все бы просто замечательно, если бы не жгущее головы восходящее солнце и не возникающая где-то на полпути между «Чистильщиком» и ближайшим холмом широкая тень второго крылача.

Первое несло смерть без умысла, ведь, по сути, у него не было выбора — оно выполняло свою работу, как и за миллиард лет до сего утра, и как, вероятно, еще многожды будет ее выполнять с той же неизменной педантичностью. И на то, как пагубно оно влияет на человека, собственноручно сжегшего небеса, ему, по всей видимости, было и будет наплевать. Что касается второго, то тот, по всей видимости, решил во что бы то ни стало завершить дело собрата и уничтожить экипаж хотя бы одной машины.

Подобно летчику-камикадзе он устремился на врага. Понимая, что ему уже все равно не найти укрытия от безжалостно палящего солнца, крылач, с увесистым камнем в лапах, бесстрашно летел навстречу пулеметам. И хотя его яростный вопль звучал уже не так устрашающе, как когда их было двое, тем не менее, по взмокшей от пота спине не может не пробежать холодная дрожь.

Нарушая отданный Крысоловом приказ, стоявшие за пулеметами стражники открыли огонь, не став ждать, пока тварь приблизится на среднюю дистанцию. Первым, кто послушался приказа, был молодой сталкер по прозвищу Лек. И хотя знал, что трепки ему не избежать даже в этой ситуации, казалось бы вполне себя оправдывающей — ведь не иначе как самого Крысолова прикрывал — он не сдержался и нажал на курок. А затем и остальные стражники, подобно спортсменам на беговой дорожке, совершившим фальстарт интуитивно, заметив, что кто-то дернулся раньше, чем прозвучал свисток, также принялись расстреливать порхающую тварь. Большая часть с особым усердием вылитых укрытскими мастерами пуль ушла в молоко, но нескольким все же удалось поразить главную цель.

Крылач задергался, будто кто-то прикоснулся к его оголенным нервам, чаще замахал левым крылом и сменил свой первичный курс, решив сделать круг и подойти с тыла.

— Как же ты меня затрахал, чертов летака! — выругался Лек, следя за тем, как тварь начала отдаляться.

Решив, что пулемет с такой дистанции малоэффективен, он с негодованием упаковал его обратно в ящик и, не обращая внимания на жгучую боль в спине, будто кто-то засыпал ему за шиворот раскаленных углей, согнулся, пошарил рукой внутри капсулы и вытащил свое любимое оружие.

— Ну, — довольно ухмыльнулся он, — покажи мне еще, как ты умеешь летать!

Парень, лет которому было чуть больше двадцати, считался талантливым стрелком и опытным, как для своего возраста, сталкером. Имел много успешных выходов на поверхность, в том числе для прикрытия групп ученых, и это при том, что у него вот уже три года как не было левого глаза — вечное напоминание о первой вылазке...

Крысолов, — чего уж тут греха таить, — после того случая даже думал перевести его на другую должность, а то и вообще от службы отстранить. Но как-то сумел выпросить бедолага себе второй шанс доказать, что не все еще для него потеряно. И хоть вместо левого глаза, который ему выела брызнувшая сколом кислота, он носил на одетой наискось шлейке круглую резиновую заглушку а-ля морской пират, закрывавшей дыру в черепе, это отнюдь не помешало ему обрести славу отличного стрелка.

Мудрено ли, что только ему была доверена единственная из уцелевших в Укрытии винтовок с оптическим прицелом? И пускай возраст «старушки» уже подходил к столетней отметке, и вид она имела архаичный, свою работу Gewehr 43 в умелых руках выполняла на все сто. И в сложных ситуациях, когда прикрывать группу нужно было с дальних дистанций, аналога старой немецкой винтовке не было.

Правда дряхлая, капризная старушенция была не всем по зубам. Лишь старому оружейнику Юххе, любившему ее всей душой, удалось укротить строптивую немку. А после того, как он умер пару лет назад, она словно выражала свой протест перед другими стрелками, то заклинивая, то стреляя совсем не по цели. И даже Леку, которому оружие также пришлось по душе, обучение стрельбы с оптикой далось даже не с двадцатого раза. Едва лишь разобрал и собрав винтовку раз сто, и в точном соблюдении с записями старика проведя ее чистку, смазку и подгонку, ему удалось кое-как завоевать железное сердце ветеранки, по злой иронии судьбы в свое время отбиравшей жизни у солдат Красной Армии. О ее судьбе и петляющем жизненном пути, приведшем в итоге к Укрытию, можно сложить целую историю.

Лек принялся «нащупывать» в прицеле летучую тварь. Он должен был положить пулю непременно в голову, попадание в туловище крылач бы просто не заметил. Однако стрелок никак не мог поймать чудовище в перекрестье, после отчаянной пальбы из пулемета перенапряженные руки мелко дрожали. Нужно было принять устойчивое положение. Снайпер поспешно улегся на крышу, широко разведя ноги и опершись на локти.

— О, вот это дело! — обрадовался приникший к прицелу Лек, когда голова летящей твари оказалась надежно «зажата» между остриями трех черных полосок. — Пли! — сам себе скомандовал снайпер, инстинктивно выбирая момент между ударами сердца, и плавно вдавил спусковой крючок. Маленький кусочек свинца яростно грохнулся, покидая ствол, и устремился к тому месту, где Леком ему была уготована встреча с черепом крылача. Сделано! Карминовый фонтанчик вырвавшийся из правого виска твари превратился в едва различимое кровавое облачко. Кто-то еще стрелял по инерции из пулеметов, но в этом уже не было нужды. Гигантские кожистые крылья застыли, так и не завершив взмах, а в следующее мгновение безвольно обмякли, и массивная туша крылача вслед за выпавшим камнем устремилась навстречу земле.

Лек ликовал! Он был просто вне себя от радости! Еще бы одним выстрелом снять крылача! Он уже представлял себе, как по возвращению домой будет рассказывать салагам из «учебки» как одним выстрелом снял крылача. Нет, не так: как он одним четким, точным выстрелом, экономя последние боеприпасы, вышиб не какому-то там мизернику или гребаному банкиру, а самому фантому мозги! Ох, как они разлетались в разные стороны! Как

выплеснутая манная каша. С какого расстояния? Да, метров с пятидесяти, не меньше. А то и все шестьдесят! Пулеметчики что делали? Да ничего, собственно, палили себе в небо, им-то что? Патроны не они ведь чеканят! Нет, попадали конечно, вон первого крылача завалили. А второго я грохнул. Тоже хотите так стрелять? Ха, щеглы еще, проживите для начала с мое, тогда и научитесь.

Вскочив на ноги, ликующий Лек принялся исполнять посвященный поверженному крылачу, незамысловатый победный танец, состоявший по большей части из ритмичных движений тазом и размахивания руками. Новоиспеченный герой слишком увлекся хореографией и не обратил внимания на то, что «Чистильщик» тронулся с места. Даже легкого сдвига «Форты» под ногами оказалось достаточно, чтобы парень, совершив неудачный пируэт, потерял равновесие и полетел с крыши прицепа на асфальт.

Натужно взвывая, «Чистильщик» рванул вперед, подняв в небо столб черного дыма. А пританцовывающий Лек слетел с крыши с такой же непринужденностью, как слетает с тарелки в мусорное ведро недоеденный кусок мяса. Все его попытки уцепиться за край гладкой крыши, как и надежда на то, что его крик кто-то услышит, свелись на нет. Даже если бы и было за что ухватиться, то продержаться, повиснув где-то между краем крыши и убегающим асфальтом долго ему все равно не удалось бы. Равно как никому не удалось бы услышать его ор, ведь в последнем отсеке, кроме него больше никого не было, а в соседнем — медблоке — вряд ли кто-то стал бы прислушиваться к наружным звукам.

Так или иначе Лек, здорово шлепнувшись об асфальт спиной и по инерции кубарем прокатившись несколько метров, с минуту извивался, лежа на спине, как ошпаренный, хватая ртом воздух и пытаясь закричать. А когда его легкие, будто сдавленные прессом, отпустило, из гортани вырвался нечеловеческий вопль. И если бы не видеть, как посреди дороги бьется, словно в агонии, тело юного стрелка, можно было подумать, что это взывают к небу тлеющие остатки машин.

«Чистильщик» скрылся из виду быстро. Гораздо быстрее, чем Лек понял, что он уже никогда не сможет рассказать салагам из «учебки» как он снял одним выстрелом крылача, в то время, как пулеметчики расстреливали облака.

* * * *

Крысолов пытался уснуть, удобно устроившись на расстеленном поперх капота «Чистильщика» любимом матрасе, старость и грязь которого отнюдь не мешали чувствовать себя так же комфортно, как в гостиничном люксе.

Да вот только сон не шел. Уже который день Кирилл Валериевич не мог заснуть, как бы не старался. Едва ему удавалось сомкнуть глаза, как дурацкие мысли, словно вороны, дождавшиеся когда уберут огородное пугало, налетали на него со всех сторон. Сколько у нас топлива? Сколько мы истратили патронов? Какое состояние машин и криокупола? Каков дальнейший план?

Но это было бы еще полбеда, если бы вслед за этими пернатыми, не вгрызались бы в сердце Кириллу Валериевичу так нелюбимые им, несущие с собой только сомнения и разлад, крысы. Сначала пробиралась одна, самая шустрая, но Крысолов не даром получил свое прозвище. Прибить ее не составляло ему никакого труда, что он и делал. Но когда их становилось все больше и больше, когда они уже не пользовались лазейкой первой крысы, а начинали прогрызать свои ходы и Крысолов не успевал их уничтожать, он сдавался...

И тогда это начиналось...

Для чего мы вообще едем в тот Харьков? (одна крыса) Посмотреть на кормящихся христовым именем нищих? (вторая) Уверить их, что они не одни в этом мире? (третья, четвертая) Подбодрить их, мол, выберемся, не мандражуйте, ребята! (сразу несколько) Посидеть с ними у костра, выслушать их длинную и, несомненно, грустную историю выживания, а потом поделиться своей? (еще пара) А в конце — вот вам презент, так сказать, от старшего брата — ящик патронов и пулемет, отстреливайтесь на здоровье! (снова

несколько) А ведь был прав генерал Толкачев. Определенно в чем-то был прав. (много и крупных) Мы выполняем всего лишь роль того проклятого, что шел к нам с весточкой из Харькова, не так ли? (прорвались...) Различие скрывалось только в том, что харьковчанам было наплевать на жизнь того бедолаги. Дойдет — так дойдет, а не дойдет... Раз уж они наладили с ними контакт, а другими словами — приручили этих полулюдей, то они могли отсылать их и десятками. Сотнями. Через каждые два дня отправлять в Киев гонца, или не так? А мы — что? Мы взяли самые лучшие машины, самых лучших бойцов, и на каждом шагу рискуем их жизнями. А ради чего, собственно? Почему они из Харькова, если им так нужно, не выслали караван своих «друзей»? Кого-то бы убили, но и кто-то вернулся бы обратно если не с патронами, то хотя бы с информацией. А так получается, что это нам нужно? Зачем? Я не видел пустых, безнадежных лиц и выпланных глаз? Навиделся за свое, не всякому врагу желать. Так зачем?! (много-много крупных, серых, хвостатых крыс) Почему бы нам не развернуться, пока еще не поздно, и валить отсюда к чертовой матери? А? Что скажешь? А если кто-то в Укрытии снова проголосует за экспедицию — флаг им в руки и древко в задницу! Валяйте! Наберите команду сами и давайте, покажите всем насколько вы круты! Спасатели, мать вашу! Дотяните хотя бы до Полтавы не обоссавшись. Василий Андреевич? А что Василий Андреевич? У него просто свое мнение, вот и все. Старик надумал на старости лет совершить доброе дело? Да ради Бога! Но только не подвергая смертельной угрозе еще жизни двадцати человек. Пускай бы прислушался, когда говорили, что нужно отправить «Бессонницу» одну, ведь она и уязвима меньше по сравнению с грузовиками, и маневрировать ею легче, и место для дневной стоянки находится проще. Да и экипаж у нее скромный — всего три человека, с десантом — семь. Василий Андреевич и еще шесть безумцев. Уверен, такие найдутся. (крысы обрели небывалых размеров, но вдруг сжались, затрепетали и шмыгнули во все стороны, как тараканы от света)

Это вошел другой крысолов.

А что ты будешь делать, а? (защемились крысы во все углы, отвратительно запищали) Что ты будешь делать, громила ты херов, когда уже дряхлый старик сядет за руль БМП? Помашешь ему платочком, перекрестишь вслед и пойдешь со спокойной душой спать на своем гребаном матрасе, зная наверняка, что тот уже не в состоянии ни стрелять, ни драться? (все меньше...) Успокоишься, что тебя миновала сия чаша и Совет тебя не тронул, как никогда не трогает? (...и меньше) Будешь дальше воспитывать своих курсантов, не задумываясь для чего ты это делаешь? (...и еще меньше). А что будет через месяц-другой, знаешь? Знаешь, что случается, когда человек дни и ночи напролет прислушивается к звукам — а не лязганье ли это гусениц слышится вдали? Ты же возненавидишь себя! Возненавидишь, потому что с каждым днем все явственнее будешь понимать, что ты нужен был там, что те люди нуждались в тебе, но ты побоялся...

Побоялся?! Ты что это, вправду? (три черных крысы остановились, развернулись)

Не обманывай себя хотя бы сейчас — да, побоялся! (кыш...) Попытке найти проточную воду ты предпочел медленное испарение из пересыхающей лужи.

Проточную воду? О, друг, да ты никак философ, я погляжу. (те же крысы, на одну меньше) Оптимист, значит? Считаешь, в Харькове тебе медом намазано? Все еще веришь, что мир можно вернуть людям? Если так, то ты смешон, ей Богу. И мне тебя истинно жаль. А почему ты не подумаешь, что твой ручей может иссякнуть быстрее, чем испарится, как ты назвал, моя лужа?

Почему же не думаю? Думаю. Но не обманывайся — тебе этого не хочется, так же как и мне. Ведь смерть не бывает одинаковой, и ты знаешь это отменно. Одно дело умереть, пытаясь выбраться из горящего котла еще и помогая при этом другим, и совсем другое — опустив руки, эгоистично низвергнуться в пучину. А ручей... Что ж, даже если он иссякнет, то за то время, что он тек, признай — он жил! Пока он бежит, он живет, понимаешь? Он живет, а не бессмысленно испаряется! Живет... Живет... (больше ни одной)

Крысолов уснул. После нескольких поистине тяжелых дней, сначала посвященных

подготовке к экспедиции, а теперь уже и во время ее продвижения, ему наконец удалось уснуть. И крысы больше не донимали его.

Снился пляж и набегающие на него белые барашки волн. Он никогда не видел моря вживую, но откуда-то знал, как шумит прибой. Как кричат чайки. Как поглаживает лицо легкий теплый бриз. Как бегут где-то в вышине белые пушистые клочки туч. Как мягко и приятно шевелится под ногами золотистый песок. Как заманчиво шелестят широколистные кипарисы.

Господи, какая же это идиллия! Полжизни, не задумываясь, отдал бы чтоб только оказаться в этом месте не во сне. С разгону вбежать в это бескрайнее синее море, поднять в воздух мириады брызг и отдать все свое тело, без остатка, в объятия нагретых щедрым южным солнцем волн. И больше ничего не просил бы от жизни. Клянусь, больше ничего...

Господи, как же красив был созданный Тобою мир! Так бы и созерцал его до скончания дней...

Очнувшись, Крысолов первым делом взглянул на часы и был приятно удивлен — он проспал почти четыре с половиной часа. Неплохой результат. Все же лучше, чем надвинув на глаза кепку и скрестив на груди руки полулежать в запыленной кабине и отгонять от себя словно назойливых мух отрицательные мысли. И хотя в ногах даже после сна все еще чувствовалась тяжесть, прилив сил сон, безусловно, обеспечил.

— Спали? Счастливчик. А у меня бессонница уже с месяц. Крысы...

Приподнявшись на локтях, Кирилл Валериевич изумленным взглядом окинул забравшегося на переднее колесо трактора поникшего, изнуренного, с синими мешками у глаз то ли от недосыпания, то ли от всей прожитой жизни старика. Вспомнились слова Стахова, когда он рассказывал, как тот подслушал его разговор с одним из новичков. Что тут скажешь, умеет старик подкрасться незаметно, умеет.

— Что вы сказали? — выдавил Крысолов из себя, все еще находясь в дремотном состоянии, не в силах избавиться от мысли, что старик присутствовал не только здесь, на этом колесе, но и в его голове, наблюдая за разыгравшейся там баталией.

— Крысы, говорю, — поднял брови Василий Андреевич. — Только закрываю глаза, и вижу целые полчища. Как ж тут уснешь?

— Знакомо, — честно ответил Крысолов.

— У вас тоже такое бывает? — неподдельно удивился старый полковник.

— Если выражаться фигурально, то — да, бывает. Хотя чаще они имеют форму вопросительных знаков. — Крысолов приподнялся и сел, опершись спиной на решетку лобового стекла.

— Вопросы... Сомнения... Да-а-а... — будто погружившись в мир прошлого, задумчиво протянул Василий Андреевич. — Рано или поздно они одолевают каждого человека, не говоря уже о тех, на кого возложена большая ответственность. Поверьте, Кирилл Валериевич, я понимаю вас больше чем кто-либо. И знаю, какие думы тяготят вам сердце. Но вам, в отличие от меня, еще не за что чувствовать вину. Вы все делаете правильно, и люди доверяют вам. А доверие — это самое главное, уж поверьте.

— А вы чувствуете за собой вину? — осторожно спросил Крысолов.

— Хм, — уголки рта у старика приподнялись. — Думаю, вы мне чертовски польстите, если не сочтете, что вся эта экспедиция существует благодаря мне.

— Я об этом не думал, — повел бровью Кирилл Валериевич. — Но даже если подумаю, уверен, не найду в ваших действиях вины. По-моему, никого насильно в экспедицию не заставляли записываться. Никого не принуждали, никому не угрожали. И, если мне не изменяет память, желающих было в два с половиной раза больше, чем мы набрали. Стало быть, люд сам принял решение, как и я с вами. За что вы хотите заняться мазохизмом своей совести я действительно не понимаю.

Старый полковник снова улыбнулся.

— Вы искренни и справедливы, Кирилл Валериевич. Наверное, за эту черту все вас и любят. Но, знаете ли, все же есть разница в поступках людей. Это немного не так, как в

Библии, где любое нарушение закона, либо то убийство, либо выкуренная сигарета, есть один грех и отвечать за это все равно смертью. В жизни, между людьми, все по-другому. Ведь, думаю, вы не станете отрицать, что есть разница между тем человеком, что возглавляет экспедицию, и тем, кто спровоцировал ее существование? Кто родил ее. Как вы считаете, у кого из них петля на шее затянута больше? — и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Не обижайтесь, Кирилл Валериевич, право, я не хотел вас оскорбить, но, думаю, даже если вы и провалите миссию, тьфу-тьфу — он поискал глазами деревянный предмет, чтоб постучать по нему, но не найдя ничего подходящего, забавно постучал себя по лбу, — проклинать вас никто не станет. А меня будут. Ведь не настаивай я на том, чтобы экспедиция существовала и, глядишь, все сидели бы дома, овсяные лепешки ели. А так я, старая калоша, во всем виноват, — он досадливо хлопнул себя по колену. — Вряд ли молодому Владимиру Ивановичу удалось бы убедить народ если бы я тогда не упрекнул Толкачева... — он отвел взгляд в сторону и Крысолову, изначально принявшему слова об субординации как упрек, теперь почему-то стало жаль несчастного, ссутуленного дедка, в которого превратился полковник Щукин. — Так что, товарищ начальник экспедиции, рано тебе еще грустить и жалеть о чем-то. Рано.

Старик заговорщицки подмигнул Кириллу Валериевичу и, опасливо подстраховываясь узловатыми пальцами, нетвердо соскочил на землю (и зачем влезал на то колесо вообще?), после чего неуверенной, какой-то кривой походкой подошел к разложившим костер дежурным и, спросившись, подсел к ним. Те охотно приняли полковника в свою компанию, предложили чаю. Но он то ли скромничал, то ли побоялся за дряхлое сердце, но разделить с дежурившими Тюремщиком и Бешеным удовольствие от чаепития отказался.

Крысолов задумался.

Зачем же он здесь, этот старик? Что он хочет найти? Для чего оставил дом? Неужели не наигрался еще в войнушки? Неужели захотелось на старости лет острых ощущений? Нет, в это не верится совсем. Тогда почему? Да потому, что полковник человек хоть и скрытный по натуре, — чему собственно удивляться совсем не стоит, — но у него же на лбу написано, что он так же, как и все, не смог бы жить нормально, если бы экспедиция ушла без него. Он бы увядал, пропадал бы, как забытый на поле после уборки урожая стебелек пшеницы.

Вопил бы, кричал бы... Не обходите меня стороной, не забывайте, не отворачивайтесь... Возьмите меня, у меня еще есть полный зерна колос... Я еще пригожусь вам. Не дайте мне сгнить.

И тут Кирилла Валериевича осенило. Вот! Вот, что всех их — ВСЕХ ИХ — без исключения, объединяет! Чувство, что своим участием они смогут помочь друг другу. Чувство, что каждый из них является звеном, создающим собой крепкую, прочную цепь! Чувство, что он не может остаться, потому что он больше нужен там, в экспедиции! И не важно, куда она направляется, да хоть на Чукотку, хоть на Аляску — это всего лишь фон. Это всего лишь повод, чтобы им стать командой. Чтобы прикрывать друг другу тыл, чтобы подставлять свое плечо тому, кто этого требует, и чтобы в итоге, сжавшись в один кулак, «пробить на фанеру» этот мир и еще помочь тем, кто нашел способ просить о помощи!

Был бы у него внутри прибор, измеряющий силу боевого духа — ей, Богу, сейчас бы он зашкалил. Но длиться этой радости было суждено не долго.

Кирилл Валериевич как раз дотронулся рукой до купола и, отметив про себя, что тот был лишь слегка теплым, удовлетворенно пробормотал «Вот и славненько, раньше соберемся», когда из одного из отсеков выбежал Секач. Он был настолько взволнован, что Крысолов первым делом подумал, что кто-то умер. Хотя «умер» сказано еще мягко. Скорее, будто Секач случайно поджег «Форт» и загерметизировал отсеки, предписав всем, кто там находился, смерть от удушья.

— Беда, Крысолов.

— Что случилось?

— Коран плох... и это... парня одного нет. — Его лицо все блестело от капелек пота, глаза бегали, как у неловко признающегося в любви мальчика.

— Стоп, Серега. Давай по порядку. — Крысолов незамедлительно спрыгнул на землю и потянулся за матрасом, чтобы скрутить его в рулон и забросить за сиденье до следующего случая. — Что с Кораном?

— Плохо с Кораном. Михалыч говорит, что он слишком много крови потерял, нужен донор. Но сначала ему нужны анестетики или как там их... а их нет. Последнего ламара на мелкого этого истратили, ну, что его Тюрьма воспитывал. Ты же сам хотел, чтобы его быстро восстановили... Вот и...

— Быстро восстановить и лечить ламарами — это разные понятия. Пора бы уже знать. Скоро будут ими головную боль лечить, расточители, м-мать.

— Так Михалыч говорит, что это Юлька так решила. А ты вроде как сказал...

— Тоже мне, нашел чьи решения!.. — оборвал его Крысолов, но в следующую секунду остыл. — Так, ладно, а что за парень пропал? С чьего экипажа?

— С нашего. Парень в последнем отсеке дежурил. Леком кликали, помнишь такого?

— Конечно, помню, — лицо у Кирилла Валериевича потускнело, брови свелись к переносице. — Это ж наш Ворошиловский стрелок. Куда же он мог пропасть?

— Не знаю, — развел руками Секач. — Капсула его была открыта, а отсек — закрытым изнутри.

— Может, его крылач это..? — он провел большим пальцем по горлу.

— Да нет, — отмахнулся Секач, — ребята сказали, что это как раз он второго крылача и снял. Одним выстрелом. Мы как раз в машину садились, когда он ему мозги со «старухи» вышиб. А влезал ли он назад в отсек, никто не видел.

Со «старухи»? — задумался Крысолов и, плотно сжав губы, выпустил ноздрями воздух. — Значит, покидал-таки капсулу, гад.

— Вроде как грозовые тучи идут, — сказал Секач, заглянув в иллюминатор над головой Крысолова.

— Тучи это хорошо, — протянул Крысолов и сверился с барометром, — Это очень хорошо, — утвердительно повторил он, убедившись в правоте напарника.

Не говоря ни слова больше, он открыл водительскую дверь «Чистильщика», небрежно закинул матрас за сиденье, затем повернулся к напарнику и наткнулся на ничего не понимающий взгляд.

— Ты что, собрался идти искать его?

— А есть другие варианты? Или... — он специально выдержал как можно дольше эту гнетущую паузу, словно проверяя товарища на вшивость, — так поедет? Оставим его здесь?

— Но с чего ты взял, что он жив? Он пробыл под солнцем... — наклонив голову, Секач пригляделся к положению стрелок на часах скрестившего руки на груди Крысолова, указывающих три двадцать, и снова полными изумления глазами замерял начальника. — Больше восьми часов! Считаешь, он может выжить?

— Почему же не может? Ты забыл, как Сенька Дух в поле нашел где укрыться от солнца? А Лек — парень толковый, выживет, если захочет.

— Тогда я с тобой, — решительно сказал Секач.

— Ну тогда чего стоишь? Тащи баллон, резак, «Разведчика» я что, по-твоему, на обратном пути подбирать буду? Разбуди Бороду и давай, объявляй общее построение.

Но делать этого уже не нужно было. Большинство сталкеров сами высыпали наружу, обговаривая случившееся. И даже те, кто спал, услышав гомон, тоже присоединились к обсуждению, разжевывая новость в подробностях. Кто-то отрицательно мотал головой и, словно говоря о мертвеце, выгибал губы луной, время от времени отмахивался, как от пустой затеи. А кто-то наоборот, поглядывая в сторону Крысолова и Секача и догадываясь о чем они говорят, одобрительно кивал, время от времени тыча в оппонентов пальцами и указывая на дорогу. Мол, а если бы ты там оказался?

— Э, мужики! — окликнул Крысолов, и толпа тут же затихла. — Мы с Секачом выходим. Пока погода позволяет, попробуем найти Лека и вернуть «Разведчик». На все про все мы берем себе час. Если за час не вернемся, уезжайте. «Чистюлю» пускай ведет

Бешеный. Старшим оставляю... — Кирилл Валериевич посмотрел на Василия Андреевича, хотел было бразды правления передать ему, но на фоне дюжих, здоровых ребят-сталкеров, он выглядел настолько уставшим и потрепанным, что назначить его на этот пост просто не повернулся бы язык. — Стахова. Никитич, — он обратился к вышедшему наперед толпы бывшему начальнику заставы, — тебе все понятно?

— Да, — ответил он.

— Значит, схема такая. Если у нас все выгорит, и мы справимся раньше часа, то на перекрестке оставим метку и, не заезжая в город, будем двигаться к следующей контрольной точке — Пирятину. До него шестьдесят километров. Думаю, если дорога будет нормальной, вы за часа три туда вразвалочку тоже доберетесь. Если вы метки не найдете, значит, мы либо застряли в городе, либо каюк «Разведчику». На всякий случай пускай Борода съездит проверит, если нас возле «уазика» нет — отправляйтесь дальше. Не будем превращать нашу экспедицию в поиск поисковиков, потому что с таким успехом до Харькова не доедет никто.

— Так почему бы вам не взять «Бессонницу», Кирилл? — возник у Стахова резонный вопрос. — Погода все равно портится. Сейчас сложим купол, и айда. А мы вас тут подождем или на перекрестке.

— Змей! — вытянув шею, попытался рассмотреть за головами кучкующихся сталкеров «Бессонницу» Крысолов.

— Я здесь, Кирилл Валериевич. — Заскрипела старыми колесами похожая на большой скейтборд каталка, на которой механик «Бессонницы» последние дни проводил почти все свободное время. Да и сейчас, выехав из-под днища бронемашины, все его лицо было перепачкано мазутом, в руках он держал большие разводные ключи, а на асфальте у его ног лежали детали разобранного привода.

— Сколько еще времени займет ремонт? — спросил Крысолов не столько для себя, столько для того, чтобы Стахов понял ответ на свой вопрос.

— Часа два, а если кто поможет, то где-то полтора, — передернул плечами Змей. — Эти, блин, мудаки из слесарки все мне тут напутали. Они же думают что это им в «зилке» сто тридцатом ступицу поменять. А это ж техника!

— Ладно, мужики, не будем тогда минорить, — бодряще подморгнул сталкерам Крысолов. — Думаю, у нас должно получиться. Всё, — он прихлопнул в ладоши, — даст Бог, свидимся.

— Ну тогда возьмите хоть еще добровольцев что ли, — поднял руку Тюремщик, когда Кирилл Валериевич уже повернулся к ним спиной.

— Да, — последовал его примеру Рыжий, — для подстраховки?..

— Нет, — без дополнительных объяснений обрубил Кирилл Валериевич.

— А, может...

— Отставить, Никитич. Пожелайте нам лучше удачи.

— Удачи вам, командир, — кивнул Стахов и его голос тут же подхватила толпа, многоговым эхом повторив одно и то же слово.

Они вышли, когда по небу, от края до края, сверкнула первая молния, отразившись в осколках слез мертвого города своим белесым светом. Затем вселенную сотрясли раскаты грома.

Снова собирался дождь.

Глава 7

К моменту, когда на землю упали первые капли дождя, вздымая при падении, словно микровзрывы, маленькие облачка пыли, криокупол уже был сложен и упакован. Не факт, что с соблюдением всех правил хранения, но зато, что более важно, сухим.

Им повезло в этот раз с местом стоянки, удачно примостив машины под хоть и дырявым, но достаточно широким мостом, на дне высохшей реки. Только благодаря этому, несмотря на то, что солнце давно утонуло в море серости, внутри «коробки» все еще было

тепло и сухо. Несомненно, холод со временем проникнет в него, как в тело умирающего где-то в арктических льдах полярника — постепенно, неизбежно, бесстыдно пробираясь под одежду, проскальзывая в поры, перекрывая едва теплящееся дыхание... Потом останется еще немного, и тепловизор никогда не распознает в присыпанной снегом куче лохмотьев живое тело. Еще немного, и на его экране все будет синим-синим...

Небо в нескольких местах разрезала широкая молния и земля сотряслась от очередного могучего раската грома. Долгого, перекастистого, словно на небесах прогрохотал по рельсам исполинский поезд. Дождь, начавшийся с мелких, одиночных капель, быстро перерос в полноценный ливень, заставив разогретое железо машин шипеть и потрескивать под контрастным душем из холодной воды.

Андрей сидел на полу Базы-1, обняв колени руками, и, прильнув к толстому стеклу иллюминатора, всматривался в обесцвеченную, мерцающую, пустынную даль. Еще недавно вон за тем каменистым пригорком, раньше бывшим берегом реки, исчезли две громоздкие, мерно пошатывающиеся, до божественности величавые в его глазах, фигуры поисковиков. Теперь же за пеленой дождя, беспросветной ширмой отделявшей его от мира, там не было видно ничего, как и самого пригорка. Вместо него за окном возникло размытое коричневое пятно с неясными очертаниями, но Андрей продолжал внимательно всматриваться, будто его задачей было, как взобравшегося на мачту моряка, первым увидеть землю.

— Ты вообще как? — словно у подельника, попавшегося с поличным на краже, спросился Рыжий.

В ответ Андрей скорчил кислую гримасу, ясно намекая, что вспоминать, а тем паче, говорить о произошедшем ночью казусе ему совсем не хочется. И вообще он предпочел бы остаться сейчас один, подумать, помечтать о чем-то своем, но указать Саше на люк в полу, ведущий к Базе-2, где тот должен был нести службу, он постеснялся. И даже не потому, что не было в нем столько хамства и пофигизма, чтобы вот так просто указать человеку на дверь, мол, знаешь, в инструкции-то написано, что в базе должен находиться один стражник, так не пора ли тебе восвояси? А потому, что хоть у него с заносчивым хитрюгой и хулиганом Сашкой дружеские отношения завязывались пока не самым лучшим образом, все же они имели место быть.

— Я слышал, ты держался молодцом, — отметил Саша, либо так и не поняв намека, либо решив развить эту тему во что бы то ни стало. — А у Тюремщика рука тяжела. Говорили, он и самого Крысолова с шестого раунда выносил, хоть у того ведь тоже...

— Сань, — оборвал его Андрей не оборачиваясь, — давай не будем об этом, а?

Ему даже показалось, что ушибленные места снова заныли, а в переносице аж запекло, словно он сунулся в духовку.

— Хорошо, — неожиданно быстро согласился тот. — Я просто подумал... Чего ж ты такой мрачный-то весь сидишь? Случилось что?

— Да нет, ничего. Ты вот лучше скажи мне, — решившись на отчаянный шаг, выдохнул Андрей, — знаешь кто такая Юлия?

— Юлия? — переспросил Саша, приподняв одну рыжую бровь. — Какая еще Юлия?

— Та, что в медблоке работает.

— А-а-а, эта... — понимающе вскинул подбородком Саша, загадочно улыбнувшись. — А что, уже успел втюриться?

— Ничего я не успел, просто спрашиваю.

Андрею оставалось лишь надеяться, что зардевшиеся щеки и вспыхнувшие, как две сигнальных лампы, уши не выдадут его с потрохами. Но, как говорится, можно скрыть радость и горе, а вот скрыть стыд...

— Чего покраснел-то весь, как флаг коммуны? — подобрал, как ему показалось, очень удачное сравнение, хитро заулыбался Сашка.

— Слушай, ну чего ты прикалываешься? — обиженно взглянул на него Андрей, успев несколько раз пожалеть, что решился на этот разговор, но, тем не менее, продолжая. — Я же тебя серьезно спрашиваю.

— Ладно, ладно, извини, — словно сдаваясь, поднял руки тот. — Просто смешно как-то получается. Каждый кто о ней заговорит — все влюбленные в нее по уши. А спросишь, так сразу начинают отрицать: «нет, не понравилась, просто интересуюсь» или еще что-то в этом же духе. Ну, да ладно, я все понимаю. Она девчонка что надо, да вот только... странная какая-то что ли?

— Почему «странная»?

— Кто ж ее знает? Ну ты подумай сам — какого черта такой красавице здесь делать? Ей что, больше нечем заняться, кроме как с мужичьем сталкеровать? За ней столько пацанов вон упадает, а она то в «учебке» днями пропадает, то в выходы подается. Причем вояжеры на выездных точках себе своим делом занимаются, а она — своим, и никто не знает каким. Говорят, охотится, а на кого и зачем... — Рыжий повел плечом.

— А ты знал, что она входит в состав экипажа? — захлопал ресницами Андрей.

— В принципе, я ее еще не видел, но ты меня не удивил. Она есть везде, где есть Крысолов.

Он для нее как отец, — поспешил объяснить Саша. — Вот она без него и шагу ступить не может. Куда он, туда и она.

— А где ее настоящие родители?

— Они из «толпы» были. Отца вроде как военные ранили в перестрелке, а мать... Да ладно тебе, Андрюха, — снова посветлев лицом вскинул бровями Саша, — признайся, понравилась тебе Юлька?

— Понравилась, — честно ответил Андрей. — Но теперь, после всего, что ты сказал, думаю, шансов у меня не останется никаких. Раз за ней упало столько парней и она ни с кем не захотела...

— Ну что я тебе скажу по этому поводу? — лицо Сашки посерьезнело, будто у врача перед неизлечимо больным пациентом. — Утешительного здесь действительно мало. Во-первых она старше нас года на четыре. А насколько я знаю, у некоторых девчонок есть в голове пунтик на эту тему, — он демонстративно постучал указательным пальцем по виску, — ну, что парень не должен быть младше. Знаю таких, что им важен даже день, не говоря уже о месяце. Так что захочет ли водиться она с парнем младше себя еще вопрос. А во-вторых, характер, я слышал, у нее не ангельский. Вся в отчима. Знаешь, какая у нее клика? — Андрей выгнул губы и помотал головой. — Оса! Можешь себе представить, за что она ее получила. Так что смотри, чтоб не ужалила при случае.

Андрей отвернулся к иллюминатору.

Сашка рассуждал уже не как пятнадцатилетний парнишка, а как выдавший виды заливчатый сталкерюга, научающий жизни молодых вояк в баре. И о всем-то он знает, обо всем-то он наслышан. А Андрей, получается, ничего еще не сведущий сопливец, к тому же выставляющий себя влюбленным дураком.

Что тут скажешь? Андрея действительно это зацепило за живое даже больше, чем то обстоятельство, что Юлька начала ассоциироваться у него с неприступной крепостью. И что его армия перед ее стенами всего лишь жалкая горстка ополченцев с вилами и кольями в руках, которые не вызывают у нее ничего, кроме смеха.

Но при всем этом, провалиться бы Вашему покорному слуге на месте, если Андрей думал в эту минуту о Юлии, о своих чувствах к ней или о том, какие раны нанес ему разговор с Сашей. Сам не зная о причине возникшей внутри него злости, обжигающим спиртом разлившейся по свежим ранам, он думал только о мести. Не понимая, что причиной для этого служит его собственное невежество, болтливость, и презрение к себе за то, что позволил сделать себя уязвимым.

Взрослому его не понять. Взрослый смотрел бы на все это, конечно же, по-другому. Но что поделать, он был все еще ранимым мальчишкой, невзирая на то, что прошел крещение огнем на северной заставе. У него еще закипала кровь при малейшем ощущении обиды. А на каждый отрицательный момент он реагировал как на брошенную ему перчатку.

И хотя у Саши даже в мыслях не было как-то обидеть друга или выпендриться перед

ним своими знаниями, а уж тем более подтрунивать над его чувствами, ни о чем другом, как о реванше Андрей теперь и не помышлял.

— Слушай, а ты знаешь что-то об Укрытии-1?

Саше не обязательно было быть великим психологом, чтобы понять, что Андрей не зря так резко сменил тему. Его выдавал и голос, и выражение лица, будто ему дали увесистую пощечину, и нахмуренные брови, будто пощечину ему зарядил именно он, Саша. И Саша это понял. Но подыгрывать обидавшемуся не стал — нечего нюни распускать.

Ты мне конечно друг, Андрюша, — подумал Саша, прежде чем ответить, — но дружба — это прежде всего связывающий людей стальной трос. В нем нет места умильности и слабости. В нем есть лишь четкая определенность. Куда один, туда и второй. О чем один думает, о том и второй. Если один упадет в пропасть, то другой либо его вытащит, либо полетит вслед. Это и есть дружба. Ты, конечно, хороший парень, но ты говоришь, думаешь и ведешь себя как доморощенный школьник-хорошист, прилежный ученик. В этом нет ничего плохого, но раз уж этот трос связал тебя со мной, будь готов узнать и о дружбе, не признающей нелепого поддакивания и добродушного похлопывания по плечу. Мы с тобой разные люди. Ты ничего не знаешь о скитании по нижним уровням, ведь у тебя для этого есть матушка, которая работает и приносит в дом деньги. Тебе не ведомо, что такое нетрудоспособный отец и превратившаяся в растение мать. У тебя стол дома никогда не был пуст, когда о куске хлеба ты мог только мечтать. Ты уже видел мертвых, застреленных тобой, собак, но ты не знаешь, что такое убить человека, чтобы выжить. Безусловно, ты располагаешь кое-какими сведениями обо мне, возможно знаешь, что я не всегда честен в играх и тому подобное, но это ничто по сравнению с тем, что мне приходилось делать, когда дома не было ни крошки съестного. Когда брат истощал так, что на нем проглядывала каждая кость, а соседи отворачивались, будто не замечали нас. Ты не знаешь всего этого, и слава Богу. Но ты зачем-то надумал поквитаться со мной за то, что я тебе рассказал, еще и выбрав такой неразумный способ? Что ж, я готов принять твою ставку. И невзирая на то, что ты мне друг, тебе будет полезно преподнести урок.

— Знаю ли? — словно его спросили, в курсе ли он, что у него рыжие волосы, скорчил почти настоящую гримасу удивления Саша. — Кто же о нем не знает? Это то, что для гражданских строилось? За городом? На Житомирской трассе?

2:0

Если бы мог, Андрей сейчас разразился бы всеми ругательствами, которые ему только удалось бы припомнить. Но вместо этого, он еще сильнее уперся лбом в стекло и стиснул зубы. И будь это не плотный, пулестойкий стеклопакет, а обычное оконное стекло, наверняка он уже высадил бы его.

— Ты еще скажи, что не знаешь ничего о Бешеном? — улыбнулся Саша, наблюдая за реакцией того. — И откуда он взялся в Укрытии.

После этих слов можно было разозлиться пуще прежнего и упереться в стекло с еще большим усилием, так, чтобы оно если не вылетело наружу, то хотя бы дало трещину, ведь это бесспорных 3:0. Констатация факта: Саша обо всем осведомлен гораздо лучше его. Возможно, он чего-то недопонимал в математике и задумался бы, встречался ли ему сталкер под таким именем, если его спросить о Льве Толстом, но то, что о жизни Укрытия он знал значительно больше, было как пить дать.

И Андрей смирился, тем паче, место злобы в его душе постепенно занимал неподдельный интерес. Ради информации о Бешеном стоило хотя бы на время позабыть о злобе.

— Не знаю, — сознался он.

— Так откуда же он родом, из Укрытия-1. Неужели тебе никто об этом не рассказывал?

— Нет, — повел плечом Андрей, давая Сашке возможность вдоволь насладиться своим превосходством. Радуйся, мистер Всезнайка, ты выиграл.

— Ну так вот. Сам-то он, конечно, говорит, что он родом из племени майя, или как там его, ну в общем, это где-то далеко, и переместили его сюда шаманы, — он сделал круговое

движение пальцем у виска, будто набирал номер на диске телефона, и продолжил: — Но на самом деле лет ему было примерно как вот нам, когда его в городе нашли сталкеры. Из одежды на нем были только красные штаны, а из оружия — тех два ножа, которыми он машет по сей день. Как там они?.. Мачете, во! Когда его пытались поймать, он до полусмерти изрезал одного из вояжеров, а другому отрубил руку по локоть. Чтоб мне не встать с этого места! — выпалил Рыжий, заметив в глазах Андрея тень сомнения. — Его поймали только месяца три или четыре спустя. И то, лишь благодаря тому, что он имел неосторожность угодить в одну из расставленных по всему району ловушек. Вступил в бой с каким-то зверем и упал в волчью яму. Обнаружили его только под утро, а когда его вытаскивали, он зубами кому-то глотку перегрыз. И костюм не спас. — В глазах Андрея снова промелькнул призрак растерянности. — Ей Богу, правда! Выдумывать же не буду.

— Да я верю, но чтоб защитку прокусить зубами... это, конечно, круто.

— Видел, какие у него зубы сейчас? Ровные и белые?

Андрей кивнул.

— Керамика. На самом деле у него были клыки, как у печерника. Ну, так говорили.

— Ничего себе.

— Так это еще что. После того, как один вояжер кровью истек, другой так озверел, что и позабыл, что пацанчика в лабораторию доставить обязывался. Сначала избил его, так что тот кони чуть не двинул, а потом цепь ему на ногу набросил и к фонарному столбу привязал. Мол, теперь покажи, какой ты матерый. А время-то, как я уже говорил, предрассветное было. Ну и оставил его там, а сам в машину сел и укатил себе в Укрытие.

— И что? — не дожидаясь, пока закончится пауза, спросил Андрей.

— А то, что на следующую ночь он нашел там только обрывок цепи. Ни парня, ни другого куска цепи там не было.

— Постой, так он что, сумел разорвать ее?

— И бегал с ней по городу еще черт его знает сколько времени, пока тот сталкер снова его не встретил. А когда встретил... в общем, поймал он его, конечно, но и на башке ему швов наложили штук тридцать наверное. Бешеный его хорошенько погромсать успел, прежде чем сдался. Понял теперь, что это за сталкер был?

Андрей отрицательно помотал головой.

— Эх, ну ты и балда. Тюремщик, слышал о таком?

— Что, правда?

— Чистая, как слеза младенца, — вспомнив когда-то давно услышанную фразу, многозначно кивнул Саша.

— И что, он оказался нормальным, Бешеный-то? Ну, в плане психики — на людей же кидался?

— Потом оказалось, что да, нормальный. С кое-какими отклонениями, но кто без них? Объяснили это тем, что он слишком долгое время пробыл сам, вот и одичал. А вообще, его история до момента обнаружения темная. Многие пришли к выводу, что он из Укрытия-1, но так ли это на самом деле, на сто процентов не знает никто. А сам он на вопрос «откуда ты?» нес всякую чушь о богах, племенах, войнах и прочее... Да и что тут прикажешь думать? Он не был заражен, не имел тех болезней, с которыми мы теперь рождаемся, будто и вправду телепортировался из другой эпохи. Тем самым он подтвердил теорию о людях, невосприимчивых к радиации. Ну, то есть тех, что им по фигу излучение и защитная одежда.

— Как Крысолов? — догадался Андрей, зная историю об Учителе еще с младых лет, она не была тайной.

— Именно. Только этого исследовать не брались — он со своими ножами неразлучен был. А чуть что не по его было — сразу в стойку. В общем, не исследовали его.

— А кто тебе все это рассказал?

— Как говорят старики, стены нашептали, — Саша снова улыбнулся, и теперь в его улыбке читалась доброжелательность. Он не радовался тому, что обыграл Андрея в забеге на ипподроме под названием «А знаешь ли ты?», он поделился с другом историей и оттого ему

было хорошо. Действительно, хорошо.

Совсем по-другому чувствовал себя и позабывший о своей злости Андрей. История Бешеного потрясла его до мозга костей. Он даже позабыл о Юлии.

А возможно, если б он, смотря в окно, сфокусировал глаза не на своем отражении, а, как положено моряку на мачте, смотрел бы вдаль, он несомненно увидел бы, как по раскисшему дну в метрах двадцати в том же направлении, что скрылись уже как минут двадцать Крысолов с Секачом, украдкой просеменила чья-то темная фигура. Ни через один прибор в мире он не смог бы разглядеть деталей, но в том, что это был человек, он не усомнился бы ни на секунду.

* * * *

У того человека, что умело маскируясь крался сзади, перебегая от одного дома к другому, оружие было получше и поновее чем у тех, кого он преследовал. Если бы он имел такое желание, он уже давно мог бы «снять» того парня с гербом страны советов на шлеме. А на закуску оставить себе птицу поважнее. С тем, вторым, судя по тому, как он передвигается и держит оружие, сразиться было бы интересно. Но пока он решил проследить их путь.

О приближении незваных гостей он узнал по звукам стрельбы. Легко обнаружив место стоянки, он несколько раз выходил на открытое место, желая привлечь к себе внимание и спровоцировать высылку разведывательной группы, а то всего две птицы — это же даже не интересно.

На преследователе не было защитной одежды. Под брезентовым плащом виднелся вытянутый черный свитер, на голове красовалась облезшая шапка ушанка. Латанные-перелатанные штаны цвета хаки заправлены в стоптанные кирзачи. А сзади на плаще белой краской было выведено: «Увидел — стреляй, второго шанса не будет».

Спору нет, если бы Крысолов увидел этого пастуха, первым делом он вдоволь насмеялся б, потом почесал бы затылок, пытаясь разгадать, откуда это чучело взялось, а уж после решил бы каким образом сбить спесь с этого самоуверенного деревенщины. Хотя было бы ошибкой, если предположить, что опытный проводник Крысолов не почувствовал на спине чей-то недобрый взгляд или до сих пор не ощутил слежки. Отвечая рассказывающему о своем семействе Секачу невнятными «угу», «ага» или «м-м», он все никак не мог избавиться от давно утрамбованного сверху тысячью другими переживаниями чувства, будто он вновь маленький мальчик, затерявшийся в большущей городской подземке. И что проходящие мимо люди постоянно оглядываются ему вслед.

Я мешаю им пройти. Они торопятся, а я путаюсь у них под ногами, — вспомнилось Кириллу Валериевичу.

Ему приходилось не раз чувствовать на себе взгляды. Было это никакой не особенностью, это качество прирожденных сталкеров. Если ты не чувствуешь, что за тобой следят — тебе нечего делать на поверхности. Лучше выращивай пшеницу или воспитывай детей, этим ты обществу поможешь больше.

Но этот взгляд был особым: так не смотрит ни один зверь, ни один мутант, так смотрит только человек.

Вспомнились вдруг ароматы ванили, имбиря и корицы. Вспомнились невероятно вкусные шарики мороженого с того ларька в переходе метро «Шулявская», что открывался в полдевятого и пирожковая, где ему обязательно перепадало что-то вкусное, когда дежурила не всегда точная в расчетах, но симпатичная и добрая по натуре тетя Наташа. И кто бы что не говорил, а ему было абсолютно не важно, что пирожки к трем часам становились твердыми и жесткими, как резина, потому что вкуснее их он ничего не знал. Вспомнились и те мигающие яркими огнями, латинскими буквами и карточными мастями игровые холлы в подземке, где какой-нибудь везунчик, взявший в долг у «однорукого бандита» немалую сумму (конечно же, обязующийся вернуть ее не позже, как к концу недели) бросал щедрый пятак на толпу малолетних озорников.

А еще вспомнился тот день. Он был хорошим. Солнечным, теплым и, как и полагается пахнущему летом, предпоследнему майскому дню, радостным. Кириллу улыбнулось счастье с самого утра. А началось все с того, что ранним утречком, бродя по сонным столичным кварталам, Кирилл с батяней обнаружили два мешка бутылок рядом со спящим в полуквартале от ближайшего пункта приема стеклотары дядькой Феном. Воспользовавшись мертвецки крепким сном, отец и сын завладели его добычей. 78 бутылок по 25 копеек предвещали неплохое начало дня. И хотя это было как-то подло, ведь иначе как воровством это не назовешь, в том мирке, по законам которого жили Кирилл, его отец и дядька Фен, это было нормальным явлением. Ибо украсть — один из немногих способов прокормить себя, и к черту все басни о морали, совести и чести. Это мир лишений. Это мир без красоты, без улыбающихся масок, без высоких чувств. Это мир, где каждый за себя, где нет друзей, где нет доверия, где нет искренности, а только брутальное, животное стремление выжить. Найти себе ужин, чтобы не голодать ночью, найти себе завтрак, чтобы протянуть день.

Отец никогда не брал себе ни копейки из добытых Кириллом денег. Он чувствовал свою вину за то, что не мог обеспечить ему счастливое детство. Ведь так было не всегда. До кризиса он работал на заводе водителем погрузчика. Заработок был скромным, но его вполне хватало на самое необходимое, так что главная проблема заключалась в отсутствии в их семье женщины.

После сокращения отец и сын оказались на улице, на помощь родственников рассчитывать не приходилось, и все что им оставалось — встать с протянутой рукой, чтобы наскрести хоть на кусок хлеба.

Но тот день, когда они украли у дядьки Фена бутылки, был просто великолепным. Кирилл купил себе все вкусности, о которых раньше только мог мечтать. Чипсы, колу, сухарики, сладкую вату, пару порций мороженого, у тети Наташи купил несколько ватрушек, которые проглотил прямо у окошка — такими вкусными они были еще до превращения в резину.

Он как раз стоял второй раз в очереди за мороженым, гадая какое же лучше взять — ванильное (желтые шарики) или клубничное (беловато-розовые шарики), вдыхал всей грудью аппетитнейшие запахи, и подумывал куда же ему лучше податься, чтобы это все съесть, не привлекая к себе внимания. Бедный мальчик, он еще не знал и даже не догадывался, что он так и не притронется ни к чипсам, ни к газировке, как и не получит своей добавки мороженого, в очереди за которым он с таким нетерпением стоит, переминаясь с ноги на ногу. Кто бы мог подумать, что причиной этому (он долго считал, что именно это было причиной утраты его вкусностей) будет появление на свисающих с потолка больших экранах покрасневшего от перенапряжения, крупного, щекастого генерала в военном мундире. У этих телевизоров то ли не было динамиков вообще, то ли они были всегда выключены, но даже притом, что они не издавали ни звука, понять, о чем вещает генерал, не составило труда. Он призывал всех к поиску противорадиационных убежищ, поскольку откуда-то там произошел запуск ракет на Россию. За его спиной транслировались кадры, запечатленные со спутника, а также видео, снятое местными корреспондентами: вздымающийся вдали ядерный гриб, бегущие солдаты, плачущие, бьющиеся в истерике женщины, кареты скорой помощи, снова повтор кадров со спутника, где вырастает шляпка гриба, только уже в другой части мира, военные машины, снова скорая помощь, а на фоне всего этой плач, стон (даже невзирая на тишину из динамиков) и бегство. Вместо щекастого генерала на белом экране появились большие черные буквы: **ВНИМАНИЕ! ВОЗМОЖНОСТЬ ЯДЕРНОЙ АТАКИ! НАПРАВЛЯЙТЕСЬ В УБЕЖИЩА! УБЕЖИЩАМИ ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ ЯВЛЯЮТСЯ: СПЕЦИАЛЬНО ОБОРУДОВАННЫЕ ПРОТИВОРАДИАЦИОННЫЕ УБЕЖИЩА, ЛИНИИ МЕТРОПОЛИТЕНА, ПОДВАЛЫ МНОГОЭТАЖНЫХ ДОМОВ, НА ПРЕДПРИЯТИЯХ...**

Мать божья, что же началось!

Если бы не подоспевший вовремя отец, Кирилла просто задавили бы. Толпа, замершая на пару секунд у телевизоров, мгновенно осознав всю дикость этого сообщения, рванула

почему-то не вглубь метро, как писалось на экране, а наоборот — к выходам.

Начался хаос.

Где-то нутужно взвыла сирена. Где-то уже выезжали из воинских частей в армейских «Уралах» и «КамАЗах» тысячи солдат, чтобы первыми придти на помощь населению. Где-то на выездах из города устанавливались блокпосты. Где-то несший боевое дежурство полковник Донич отдавал бесполезные приказы о подготовке к запуску систем ПРО, всей душой надеясь, что те окажутся дееспособными и не зная, что младший сержант Окунев при увольнении на дембель снял с одного из пультов какую-то микросхему. Где-то начальник сектора гражданской обороны приставил себе к виску пистолет. Где-то люди, не понявшие что случилось и не смотревшие телевизор, где на всех каналах транслировалось одно и то же сообщение, недоуменно смотрели на ту толпу, что вырывалась из подземок, как из клеток. Где-то кто-то занимался любовью, и был блажен не слышать и не видеть ничего вокруг себя. А где-то молодая мать, только отдавшая свою дочь в детский сад, бежала обратно, не чувствуя под ногами земли. Где-то водитель троллейбуса остановил свою машину посреди дороги и ринулся наутек, создав тем самым жутчайшую пробку на проспекте Мира, так никогда и не рассосавшуюся. Где-то школьники, засевшие за парты на четвертый урок, ни о чем не подозревая, повторяли домашнее задание. Где-то стоявшие в очереди за пенсией старики, вдруг подняли к небу свои взоры и увидели там яркую, падающую звезду.

А где-то глубоко под землей... вдыхая очищенный сотнями фильтров воздух, имея десятилетний запас консервантов и полуфабрикатов высшего качества, имея свою АЭС для производства, с заложенным в нее на сто лет ураном, и свои генераторы для бытового расходования, имея мини-комбинаты, мини-фермы и мини-заводы, которые обеспечат их всем необходимым лет на пятьдесят-шестьдесят, сидели в мягких креслах, приготовившись просматривать со спутников записи катастрофы и сокрушенно покачивать головой, те, кто должны были умереть первыми.

Все, что произошло после того, как Валерий вытащил своего сына из подземки, последний помнил лишь короткими фрагментами. Бег. Крик. Страх. Темнота. Много людей. Очень много людей. Аварии. Пожары. Взрывы. Пожары. Взрывы. Пожары. Перевернутые машины. Автобусы. Блокпост. Стрельба. Взрыв...

— ... и я спрашиваю этого парня «А где же твои родители, а?» Он молчит, смотрит по сторонам, будто...

— Значит, слушай меня, родители, — внезапно оборвал привычные воспоминания Секача о детстве Крысолов. Да таким голосом, что Сергей тут же и забыл, что дальше было в истории про какого-то парня. — Продолжай идти. Не оглядывайся — за нами хвост.

— Что?!

— Не дергайся. На счет три, ты отпрыгиваешь вон туда, — Крысолов кивком головы указал на обгоревший двухэтажный дом по правую сторону улицы, в котором вместо парадного входа зияла огромная дыра, будто оттуда выбегал Халк, забыв открыть дверь. — А я скроюсь за этим магазином.

— Что за нами увязалось?

— Кто. Человек. Будь осторожен, сначала он захочет убрать тебя.

— Меня? Человек? — Секач зажмурился и мотнул головой, словно получил четким джэбом прямо в переносицу. — Какой человек, Кирилл? Что ты несешь?

— Я буду только рад, если я ошибся. Приготовься, Серега.

— Но откуда он здесь взялся? И как ты?..

— Раз... Просто поверь мне. Два...

— У него есть оружие? Откуда ты знаешь, что это человек?

— Три!

Сталкеры никогда не ходят главными или широкими улицами. Они предпочитают продвигаться узкими улочками или переулками, именно по той причине, чтобы быстро можно было исчезнуть из поля зрения. Этот раз не был исключением. Секач, так и не

получив никаких разъяснений, несколькими большими шагами добрался до проема в стене и скрылся в первой же квартире. Крысолову же пришлось бежать немного дальше, дабы добраться до угла магазина «Компьютерной и офисной техники» и тут же, словно в подтверждение догадки о человеке-преследователе, вслед ему прозвучали выстрелы. Не громких, больше похожих на хлопки в ладоши.

Дождь не переставал лить. С одной стороны он гасил звуки, с другой на раскисшей земле были заметны следы. И если у Секача обстановка более-менее была удобной для обзора и удержания обороны, то Крысолов оказался в незавидном положении.

За магазином офисной техники оказался пустырь. Детская площадка с качелями, лавочками, разрушенными деревянными домиками, баскетбольными щитами и конструкциями, что раньше их удерживали, а теперь больше напоминали торчащие из земли, согнутые пальцы огромного робота. В случае бегства укрыться было негде. До унылых двухэтажек, возвышающихся с той стороны пустыря, было около сорока метров. Слишком долгий перелет, чтобы умеющий стрелять сделал промах.

Рядом же, возле магазина офисной техники, пригорюнилась открытая площадка, окруженная невысокими фонарными столбиками с протянутой между ними цепью, на которой ржавыми лепешками стояли три легковушки. Здание, к которой примыкала площадка, было разрушено до основания. А до следующего — одноэтажного домика, вероятно, в прошлом какого-то офиса, с заваленной стеной, тоже метров тридцать.

Бежать, по большому счету, не будет куда. Придется свить себе гнездышко где-то здесь.

Крысолов посмотрел еще раз в темный проем, за которым скрылся Секач. Квадратная лестничная площадка, четыре двери в квартиры, две из них открыты. В одной из них затихарился Серега, молодец. Итак, преследователь сначала возьмется за него, это как пить дать. Изначально убирают слабое звено, чтобы не мешало охоте на настоящего зверя. А слабость Секача как раз и заключается в том, что несмотря на отменную стрелковую и физическую подготовку а также негибаемый боевой дух, он имел слабое тактическое мышление. Поэтому надеяться, что он предугадает с какой именно стороны зайдет к нему обладатель израильской винтовки, было бы весьма опрометчиво.

Кирилл Валериевич сделал еще несколько шагов назад и нащупал рукой металлическую дверь. Не сводя глаз с темного проема в доме напротив, Крысолов плечом толкнул ее и она легко подалась. Тихо, абы не всплакнули старые петли, он приоткрыл ее на четверть, и заглянул внутрь.

Судя по всему, это было складское помещение, поскольку в нем стояли стеллажи, доверху заполненные разноцветными коробками, а маленькое зарешеченное окно находилось под самым потолком. На полу стояли в ряд старые мониторы, пожелтевшие корпуса к системным блокам, валялись телефонные аппараты, динамики, большой стол в углу был завален множеством микросхем и прочих компьютерных принадлежностей.

Нужно будет как-нибудь отметить местечко на карте, — подумал Крысолов, вспомнив, что в Киеве уже почти не осталось мест, где можно было бы раздобыть радиодетали.

Прикрыв за собой дверь, Крысолов прошел в открытые двери другого помещения, и оказался в торговом зале. Размерами он был поменьше склада, но в нем было светлее и просторнее. Стеклянные витрины и шкафчики, все осталось целым, нетронутым, лишь покрытым толстым слоем пыли. Все то, что на складе хранилось в упаковках, здесь было разложено на прилавках, в шкафчиках или специальных полках для габаритных товаров. Аккуратно выставленные плоские мониторы, справа от витрины ряд лазерных принтеров, а выше большой красный плакат с надписью «Распродажа. Летние скидки -20 %». Дальше ряд DVD-проигрывателей, несмотря на покрывший их ковер пыли сверкающих зеркальными передними панелями. На нижних полках телефоны: радио, обычные, факсы. Дешевые и дорогие, маленькие, большие.

Не податливый к уловкам сентиментальности, попав в которые можно часами смотреть на мертвую технику и грустить, вспоминать, тосковать, Крысолов прошел вдоль прилавка,

остановился, о чем-то задумался.

Стекол в окнах возле входных дверей не было. То ли их вынесло взрывной волной, когда взорвалось здание рядом, то ли кто-то выбил их умышленно, но в зарешеченных оконных рамах торчали подобно клыкам лишь острые осколки. Парадные двери закрыты на замок, ручки обмотаны изнутри цепью. Видимо, хозяин надеялся уберечь свой магазин даже после катастрофы.

Крысолов стер с забрала капли дождя, украдкой выглянул на улицу. Никого. В мозгу мельком проскочила мысль, что, возможно, преследователь отстал и атаковать теперь не рискнет, ведь кто его знает, где его потенциальные жертвы устроили свои огневые точки? Но ее сразу же красной линией перечеркнула другая — тот парень знает все городские кварталы наизусть, так же как и ты знаешь свой район в Киеве. Он не отстанет ни за что, можешь даже не надеяться.

— Черт, — выдохнул Кирилл Валериевич, выглянув в окно и осмотрев улицу. По ту сторону дороги два двухэтажных дома, расположившихся перпендикулярно один к другому, небольшой сад, продуктовая лавка, снова деревья, церковь... О, нет! Теперь все понятно. Если у него оружие с прицелом, он будет высматривать их вон из того разрушенного купола. А если Секач занял одну из комнат, что окнами выходят на церковь, то он уже его видит.

Раздался выстрел и сердце у Крысолова похолодело. Еще один, еще, еще. Стрелял точно не «калаш».

Увидел таки Серегу, мать его...

Еще пару выстрелов.

Секач выбежал из темного проема в стене как угорелый, и змейкой побежал вниз по узкой улочке, размахивая на ходу автоматом, как вырванной из рук дамской сумочкой.

Крысолов замешкался, раздумывая: выпустить очередь в сторону стрелка, прикрывая Секача или же выбежать наружу и отвлечь огонь на себя. Один удар сердца, другой... нет с АКМ по нему не попасть, значит бежать, — решил Кирилл.

На ходу отстреливаясь, держа прицел примерно на уровне разрушенного купола, Крысолов бросился вслед за Секачом. Со всей скоростью, которую ему позволял развитый костюм, тяжелый баллон и резак на спине, он понесся по улице, петляя и змеясь, слыша как раздаются в отдалении хлопки один за другим и видя, как крошится у него под ногами асфальт.

Руины, скелеты в клочьях одежды, дебри, руины, снова гора скелетов, хозяйственный магазин в отдалении, истлевшие костяки автобусов на АТП, скелеты в траве, перекресток, школа или что-то в этом роде, частные дома, снова перекресток, частные дома, повсюду, повсюду иссохшие скелеты, заросли, завалившие полдороги руины, одинокий череп, заросли, последний перекресток — всё, они вне города. Кости, кости, кости... Пусто.

— Стой! — закричал Крысолов.

Секач остановился не сразу. Он выбежал на берег пересыхающего озера, запаханный весь, вспотевший, глаза выпучены, и все еще продолжал бежать, пока ноги не начали проваливаться в вязкую, раскисшую землю.

— Эй, стой, говорю!

— Извини, Кирилл, — Секач застопорился, будто в нем внезапно закончился заряд батареи, согнулся, уперся руками в колени и принялся жадно глотать воздух. — Он выбил меня из квартиры.

— Я знаю, он засел на куполе церкви. Хорошо, что ты успел выбежать. Цел?

Секач кивнул. Крысолов подошел к нему, принял ту же позу, поднял забрало в шлеме.

— Во, блин, никогда не смог бы подумать, что это так страшно, когда по тебе стреляют, — переводя дыхание, выговорил Секач. — Уж лучше клыки и когти. Так как-то привычнее, что ли.

— Правду говорят, что самый страшный зверь — человек. Нам надо спрятаться. Я думаю, у него есть оптика, завалит нас, как за здрасте.

Небо резанула острым изломанным мечом белая, ослепляющая молния и вслед, как это

было спокон веков, земля содрогнулась от удара грома.

Потрепав Секача по затылку, Крысолов распрямился и осмотрелся. Это озеро когда-то было большим, до краев заполненным живительной водой. Сейчас же то, что от него осталось можно было назвать переполненным гнетущей тоски Большим Глазом Яготина, всматривающимся в небо с надеждой на то, что Вседержитель его узрит и сжалится над ним. Сжалится? Помилует? Помиловать умирающий глаз, в котором малюсенький зрачок — высыхающее кружельце воды, а белок — пузырящийся, серовато-багровый ил? В чем ты видишь свое помилование, Глаз? Дать тебе реку, дать тебе дождь? Наполнить тебя водой и поселить в тебя жизнь? Может, еще вернуть человека, чтобы поставил на тебе дамбу? Ты этого хочешь? Мой ответ — нет! И не смотри на Меня, не пытай. Все это у тебя уже было, Большой Глаз Яготина. И, смею тебя уверить, не будет. Так что всматривайся, жди, пока твой зрачок тебе не выключат вороны и не выедят дождевые черви. Никто не заслужил милости. Те, кто пренебрег ею, теперь лишь пожинают то, что заслужили!

От озера воняло прелыми листьями, болотом и застоявшейся водой.

Но хуже всего было то, что очертания противоположного берега уже практически утонули в сгущающемся над озером тумане, который расплзался во все стороны с невероятной быстротой, будто какое-то живое существо. Туман — это плохо. Туман всегда порождает каких-то дивных химер, призрачных, бестелесных, возникающих и тут же бесследно растворяющихся в дымке. Стрелять — смысла нет, бежать нельзя. Остается ждать.

Дальше вдоль берега — голые шпилы деревьев, некогда бывших лесом. Спрятаться там, конечно, можно, но вот сыщешь ли там безопасное место, не наравшись на логово какой-нибудь лесной жути, еще вопрос. Всем новичкам известно, что от лесов и лесопосадок нужно держаться поодаль, что уж тут говорить о старом битом Крысолове, который большую часть этих правил и написал.

Нет, в лес соваться следовало лишь в крайнем случае.

Единственное строение на берегу, в котором можно схорониться и все хорошенько обдумать — лодочная станция. Домик там хоть и небольшой, но, во всяком случае, на приличной от дороги дистанции. Можно залечь и подождать. Стрелку с израильской винтовкой придется здорово приблизиться, чтобы разведать, что да как. А вблизи все его преимущества счастливого обладателя 6-кратного прицела сведутся к нулю.

Крысолов уже открыл калитку, коротко всхлипнувшую ржавыми петлями, и ступил на поросшую желтым колючим осотом гравиевую дорожку, как к его слуху донеслось собачье рычание.

Может, ослышался? Может, показалось? Нет-нет, не показалось. Вот еще раз, слышишь?

Крысолов замер на полушаге, поставил ногу обратно и интуитивно присел, жестом указав Секачу чтобы тот сделал то же. Секач незамедлительно выполнил команду, но тут же вскочил и передернул затвор.

— Окружили, суч-чары! — пробасил он и только сейчас Кирилл Валериевич понял, что рычание исходило не только спереди, но и с флангов. Да как же он мог забыть об их излюбленном методе нападения? Тактика острия. Незаметно окружить жертву в форме трезубой масти: один спереди, трое по сторонам, трое сзади, остальные на прикрытии, выстроившись полумесяцами. Первым прыгнет, как обычно, тот, что в голове.

Крысолов оглянулся. Так и есть, десять-двенадцать крупных взрослых особей. Оставшаяся шерсть на загривке вздыблена, головы низко опущены, уши приложены к черепу, а разрубленные челюсти голодно и безостановочно переминаются, словно какой-то адский, всепожирающий механизм. Подкрались, вероятно, когда они остановились отдышаться.

Что ж, зачет, песики, — думал Крысолов. — Сумели-таки к ветеранам незаметно подобраться.

— Не стреляй, — приказал он направившему на одного из псов автомат Секачу. — Опусть автомат и присядь.

Не один год тесного сотрудничества научили Секача во всем полагаться на своего товарища. Замри — так замри, упали — так упали, и не задавай не нужных вопросов. Лучше упасть и подумать для чего ты упал, нежели сначала подумать для чего падать, и упасть уже с отрезанной головой.

Но сейчас что-то переменялось. Мозг Секача отказывался воспринимать какие-либо команды, кроме как «Огонь!», а потому он иступленно уставился на Кирилла Валериевича, ожидая от него хоть каких-то объяснений. Но тот лишь едва заметным жестом руки указывал ему, чтобы он присел.

Пожалуй, управиться с десятью особями без единой царапины могли лишь Тюремщик с Бешеным. У них была разработана своя, отточенная годами тактика против любой вариации собачьей атаки, если, конечно, количество противников не превышало разумных мер. Они заранее знали свои роли, не тратя времени на распределение обязанностей.

Однако их здесь не было. А у Крысолова познания о противодействии атакам собачьих стай ограничивались главным образом теорией. Учитывая, что убить собаку можно было только точным попаданием в сердце или мозг, а также то, что твари приблизились на расстояние одного прыжка, особо рассчитывать на оружие не приходилось. Нужно было предпринять что-то еще.

Похожий на серую вату туман подполз ближе. Он укутывал ноги сначала на уровне ступеней, но очень скоро обещали добраться до колен.

Вожак стаи оказался прямо перед ним, в метрах двух. Стоял под козырьком, на раскрошившихся почти до основания бетонных ступенях, широко расставив лапы и наклонив переднюю часть туловища к земле.

— Опустить оружие, — тихо повторил Крысолов. — Просто доверься мне.

Секач, так ни на йоту и не поняв, что у того на уме, недоверчиво мотнул головой, отметив, что четвероногие убийцы заметно приблизились.

— Они наступают, Крысолов...

— Опустить оружие, я тебе говорю, чертов клоун, — сквозь зубы процедил Кирилл Валериевич, бросив в его сторону полный нетерпения и свирепости взгляд.

Быть может потому, что ни разу за четырнадцать лет, что Секач являлся помощником, напарником и другом Учителя, ему не приходилось слышать этого оскорбления в свой адрес, он так беспрекословно выполнил команду. Этого не было видно, но на его лице, сокрытом под шлемом с гербом страны советов, застыла маска упрека.

Крысолов опустился на одно колено, положил свой АКМ рядом и медленно потянулся руками к шлему, словно к часовой бомбе на голове, которая не взорвалась только потому, что на цифре 59 заклинило секундную стрелку. Осторожно обхватив шлем всеми десятью пальцами, он снял его с головы, положил возле оружия. Пес все это время внимательно следил за ним своими незрячими глазами. Он не нападал, и это было хорошо. Значит, Крысолов не ошибся в своих расчетах, мысленно отметив, что этими существами движет не только банальное желание убить или насытиться. Они умеют наблюдать за человеком и изучать его.

Пес протяжно зарычал. Хищно раскрылись челюсти, словно вытянувший вперед свои щупальца осьминог, но Крысолову показалось, что в этом рыке была не угроза, а предостережение остальным, чтобы не атаковали без команды. Пес рыкнул еще раз, на переносице собралось несколько глубоких складок.

Крысолов сделал вдох, выдох и закрыл глаза. Все тут же пришло в движение, закружилось, заплесало, заблестело каплями ртути. Берег перевернулся, зависнув над головой, а дождливое небо утонуло в пересыхающем зрачке Яготина. Туман отошел обратно, словно испугавшись пробивающегося с запада света, и мир словно опрокинулся. Время приостанавливало свой ход. Серебряные капли все замедлялись и замедлялись, тишина между ударами сердца становилась длиннее, а мир все продолжал свой оборот. Теперь он мог видеть Секача, его глаза, себя, видеть псов, выстроенных в форме трефовой масти. Видит их вожака и тот видит его. В какой-то миг Крысолов понимает, что смотрит на мир

несуществующими глазами пса...

Он открыл глаза и сделал вдох, такой глубокий, будто находился долгое время под водой. Заглянул псу в глазницы.

... чего ты хочешь? — ощутил он внутри себя будто какой-то нечеткий толчок, так, будто его через матрац ударили под дых.

... дайте нам уйти, — мысленно попросил Кирилл Валериевич.

... вы не сможете, — очередной неприятный толчок.

... мы хотим только уйти ... вы умрете... — уточнил вожак и оскалил клыки.

... мы не хотим причинять вам вред... мы просто хотим уйти ... вы не сможете причинить нам вреда мертвыми ... пожалуйста, — ловя себя на мысли, что еще никогда никого так не просил, сказал Крысолов.

... умрете...

... слушай, ты, глупая шавка! Если нам и доведется умереть, то угадай кто из вас я отправлю кормить червей первым!

... ты смешон... ты не сможешь убить меня, даже если перебежешь всю собачью рать в этом районе... они всего лишь ресурс...

О, Боже, вот как подтверждаются самые худшие догадки! — подумал Крысолов. — Стало быть, теперь сомневаться в том, что над ними есть Высший Разум, не придется. Значит, теория подтверждается — есть существо, которое ими управляет, и оно же заставляет их выполнять все его приказы. Жаль, что рассказать об этом никому не удастся. Возможно, потому оно и открылось, что знало, что свидетелей не оставит.

Мысли в его голове насакивали одна на другую, как попавшие в аварию на треке гоночные мотоциклы. Но это было ничто по сравнению с той участью, что теперь ожидала Кирилла Валериевича. Он чувствовал стыд за то, что соблазнившись нелепой надеждой на чудо, вспомнив о юности, о том как мог ладить с собаками, приказал Секачу опустить оружие, лишив тем самым их обоих шанса спастись. Как теперь посмотреть напарнику в глаза?

Но псы на них не нападали.

... кто ты? — решительно спросил Крысолов.

... а как ты меня назвал? Высший Разум? Мне нравится, а тебе уже нет?

О, Боже, как ему это удастся?

... ты читаешь мысли?

... ты скажи мне, у тебя неплохо получается

... возможно, только те, что на тебя обращены

... теплее

... а на Укрытие они нападают с твоей легкой руки?

... и на минское метро тоже

... ты говоришь как человек. Ты — человек?

... как знать? Ты-то уже все равно мертвец. Как тебе объяснение?

... признаться, не очень. Может, все-таки рассмотрим варианты?

... твоей смерти? Думаю, не стоит тратить время. Безглазые и так чего-то долго ждут.

Внезапно пес жалобно заскулил, затряс головой.

... похоже, твоим ресурсам такие слова не по душе

... не отвлекайся на мелочи, Крысолов, потому что я говорю... ФАС!!!

Кирилл Валериевич вмиг сообразивший, что его план бесповоротно провалился, схватил оружие и в мгновение ока направил ствол на прижавшегося к земле пса. Он не знал, чем закончится схватка и будет ли у них возможность выбраться из нее целыми, но потребность во что бы то ни стало уничтожить стоявшего перед ним четвероногого, затмила ему разум. Он уже открыл рот, чтобы крикнуть «Огонь!», как вдруг застыл, дожав курок лишь до половины.

... идите...

Это был не голос Высшего Разума. Это был голос этого существа, которое когда-то

было другом человека. Оно не говорило привычными словами как в той американской комедии, где один чернокожий слышал, о чем говорят животные, — оно доносило всего лишь свою мысль, — но она была так же понятна, как и загоревшийся зеленым светом уличный светофор.

Они противятся Разуму, — подумал Крысолов, наблюдая за тем, как слепые псы пятаются, недовольно порывая и переминая челюстями.

... спасибо

... идите... вожак... есть...

Собаки растаяли в оккупированном берег тумане с такими же легкостью и проворностью, как и возникли. Серое молоко быстро скрыло их из виду, и только их то ли голодное, то ли раздраженное тем, что они добровольно отпустили свой обед, рычание еще какое-то время доносилось из плотных клубов тумана. Складывалось впечатление, что это рычит сам туман.

— Как у тебя это получилось? — ошарашено водя глазами по сторонам, еле выговорил Секач.

— Вот-вот, — раздался за спиной у него незнакомый, трескучий голос, — и мне это интересно. Ну-ка назад, и оружие на землю сложите.

К ним вышел человек в плаще и с израильской винтовкой в руках. Ему не удалось застать сталкеров врасплох, так как они ожидали его появления, но зато здорово удалось их удивить своим видом. Особенно Крысолова, который представлял себе тайного преследователя немного другим. Его череп был неестественно вытянут на затылке, глубоко посаженные близко к переносице водянистые глаза источали нервозность и, похоже, принадлежали сумасшедшему. Дряхлую, будто стариковскую кожу, хотя едва ли преследователю перевалило за сорок пять, покрывали морщины и шрамы проступавшие из-под многодневной щетины. Припухшие губы в мелких язвочках и синие мешки под глазами наводили на мысль, что он прочно сидел последние годы на стакане.

Секач потянулся к автомату, но преследователь направил ствол винтовки в его сторону.

— Не советую делать этого. Брось оружие, говорю!

Секач послушно опустил на землю автомат, а Кирилл Валериевич, изучив незнакомца повнимательнее, неожиданно для самого себя засмеялся. Он не хотел, но легкие сами начали сокращаться, сначала проталкивая через ноздри короткие, беззвучные порции воздуха, но потом все быстрее и сильнее заставляя мощную грудь колыхаться и подпрыгивать, издавая странный, гусиный гогот.

Вот ты значит какой, невидимый снайпер? — едва не сорвалось у него с губ. — А я-то думал... Не советую делать этого! Я — король яготинской пустоши, приказываю тебе!

— Что смешного, мутант? — неподдельно удивился он, сдвинув брови.

— Мутант? — Крысолов рассмеялся еще сильнее. Он знал, что с таким типом людей шутить не стоит, но сдерживаться больше не мог. Он расхохотался во весь голос, заставив и Секача, и незнакомца смотреть на него, как на идиота — с опаской и изумлением.

— Ну-ка встань! — прошипел яготинец, но для Крысолова каждое слово, каждая его мимика были как затяжки дыма марихуаны.

— Ну-ка встань, — перековеркивая его слова, Кирилл Валериевич упал навзничь в раскисшее болото, ощутив как неприятно вжались спину баллоны, и продолжил истерично заходиться со смеху, не в силах остановиться. — Не забудь добавить: «А то худо будет!»

— Кирилл, может, хватит?

— Извини, Серега, просто не сдержался.

— Встать! — приказал незнакомец.

Но Кирилл Валериевич лишь вытер глаза от проступивших слез, продолжив валяться в сырости, грязи и тумане.

— Сначала скажи, почему ты назвал меня мутантом, — предложил он уже готовому спустить курок стрелку.

— Это не я сказал, это показал датчик, — охотно ответил тот. — А он никогда не врет.

К тому же только мутанты могут общаться с другими мутантами. Я не хотел тратить патроны, думал собаки вас того... порешат. А ты с ними договорился. Значит, ты не человек.

— Неопровержимая логика, — снова засмеялся Крысолов, хоть уже и не так громко.

— Я тебе ответил, теперь подымайся.

Договор дороже денег. Крысолов ценил это правило, а потому послушно поднялся, стряхнул с себя грязь, похрустел шеей.

— М-да, многовато сюрпризов на сегодня. Полагаю, ты тоже не скажешь мне кто ты и зачем хотел пристрелить нас?

— Тоже? А что, собачки не хотели называться? — он оскалил желтые, криво воткнутые в воспаленные десна зубы. — Тузик, Рекс? Не представились, да? — Винтовка в его руках закрипела, костяшки пальцев побелели. — Я — не мутант, я могу тебе сказать кто я? Хочешь, да?

Он засмеялся, перехватив, видимо, эту волну у Крысолова.

— Если тебе это так интересно, то я здесь живу, а убить я тебя хотел, потому что ты, как я уже говорил, мута-а-ант, — он снова засмеялся, но кроме истерии в этом смехе больше не было ничего. — А мутанту жить не положено. По крайней мере в моем городе.

— Забавно. А можно спросить, какой чудо-датчик подсказал тебе, что я мутант? — прищурился Крысолов.

— Вот этот, — незнакомец извлек из кармана плаща прибор, здорово смахивающий на старый калькулятор с большими кнопками и направленным под углом 45-градусов к пользователю экраном. — Вот смотри, — он включил свой датчик и направил его на себя. Винтовку при этом он все так же цепко удерживал в правой руке.

Датчик издал короткий писк, и его обладатель тут же повернул им так, чтобы Крысолов смог посмотреть на экран. На нем засветились три широких синих полосы.

— А теперь гляди, — он направил «калькулятор» на Крысолова, дождался пока тот подаст сигнал, и снова повернул его экраном к замороженному этим представлением Кириллу Валериевичу. Датчик показал семь или восемь полосок, при чем две последних были уже в красной зоне. — Видишь? Это означает, что у тебя мышление не как у обычного человека. У тебя заострены инстинкты и присутствуют телепатические способности...

— Скажи, а еще ты видел здесь людей? — перебил его Крысолов.

Лицо у него посуровело, потемнело и застыло железной маской, словно у приговоренного к смерти заключенного, с замиранием сердца прислушивающегося к шагам за дверью — не за ним ли идут?

Без преувеличения, это был вопрос жизни и смерти. Ведь совсем недавно граждане Укрытия узнали, что кроме них еще есть люди. Пускай в далеком Харькове, но все же есть. С появлением этого яготинского стрелка, Крысолову стало понятно, что люди есть не только в Киеве и Харькове. Они есть и в маленьких городках, в периферии. Это значило, что человечество, как вид, еще не вымерло, что еще продолжает жить, хоть и напоминает собой Большой Умирающий Глаз Ягодина. Но вопрос состоял в другом — кто они, выжившие: психованные охотники на мутантов с калькуляторами и винтовками, или же остались и вполне нормальные люди?

Крысолов весь сжался, в ожидании ответа.

— Людей? — переспросил стрелок. Его насмешливый голос трещал, как поленья в костре. — Не-е-ет, людей не видел уже лет пятнадцать. А вот нежити здесь хватает. Патронов не напасешься. Скоро с озера вон поползут...

— А таких как я — мутантов — ты видел? — снова перебил его Кирилл Валериевич, уточняя свой вопрос.

Незнакомец ослабилась.

— А-а, таких. Таких здесь было полно. — Сердце у Крысолова оторвалось и полетело в бездну. — И сейчас, бывает, попадают, но реже. Я их это... — он прижмурился на один глаз и заглянул в оптический прицел. — Пуф-пуф... Мой датчик никогда не врет. Человека издали различить может, да и глаз у меня уже за столько лет наметан.

— С-сука... — вложив в это слово все, что за эти несколько секунд осознания сказанного намоталось на колючий шест в его душе, выдавил из себя Крысолов. — И что ты собираешься дальше делать?

— С вами? — как ребенок, которому пообещали дать конфетку, если он перестанет плакать, оживленно захлопал ресницами тот. — А ты как думаешь?

— Даже не знаю, что и предположить, — повел плечом Крысолов. — Может, хоть дашь возможность рассказать нам кто мы и куда направляемся? Глядишь, и поверишь, что мы настоящие люди.

— Поверить? Вам? — он снова рассмеялся. — Вы когда бежали к озеру не заметили там, у руин, гору костей? Так вот это те, кто пытались переубедить меня в своей человечности. Эх, видел бы ты какие они тут мне номера исполняли...

Этот прием Кириллом Валериевичем уже давно позабыт, как и те случаи, в которых он спасал ему жизнь, но как же иногда полезно вспомнить что-то из давно забытого прошлого! Итак, как действовать, если вы без оружия, но к правому запястью под костюмом у вас примотан чехол с ножом? Как его извлечь оттуда и незаметно бросить в противника? Начать просто тянуться — заметят, стрельнут. Пытаться достать незаметно — уйдет много времени. Единственный вариант — найти повод, чтобы развести руками, а потом медленно, так, чтобы глаза противника привыкли к этому движению, снова свести руки, и в конце как бы невзначай прихлопнуть в ладоши. Ну а дальше, как говорится, дело ловкости рук.

Крысолов свел руки, ладонь к ладони, примерно в тот момент, когда умалишенный стрелок сказал слово «исполняли». Он выбрал удачное время. Тот как раз растянулся в ухмылке и довольно закричал, вздымая узкую грудь и шелестя своим плащом.

Пальцы приятно прикоснулись к рукояти ножа. Еще мгновение, и его лезвие с большой охотой воткнется этому идиоту в шею. Он может выстрелить, но вряд ли уже по цели, скорее всего пули уйдут в никуда, и это будет единственно, что жаль. Боеприпасы, где бы он их не взял, все же в этом мире имели ценность не меньше, чем хлеб.

— Ах ты ж!.. — вдруг выкрикнул, в ярости исказив лицо яготинец.

Сомнений насчет того, что он раскрыл Крысолова, не осталось никаких. Даже самых призрачных. Как и насчет того, что сейчас он выстрелит не раздумывая.

Крысолов замер и прищурился, затаив дыхание. Он знал, чего ожидать. Он уже был готов услышать выстрел и почувствовать, как жгучая боль продирает ему легкие и даже подался слегка вперед, как бы идя пуле навстречу...

И выстрел прозвучал.

Глава 8

Минуты быстро истекали одна за другой.

Если бы у него возникло желание повернуть голову на восток, он мог бы увидеть подымающийся над линией горизонта краешек ослепительно сверкающего диска. Но такого желания у Лека не было — ему приходилось однажды видеть смерть не успевших добраться до убежища сталкеров. О том, как они умирали, задыхаясь горячим воздухом и зажариваясь внутри огнеупорных костюмов, он помнил куда лучше, чем о том, как впервые в жизни потрогал за грудь соседку Лену. Запах жженой плоти прочно засел в его памяти, и даже сейчас, казалось, он чувствовал его, будто тот тянулся, витая над автострадой М-19, с самого Киева.

Опираясь на окровавленные руки в изорванных перчатках, и преодолевая дикую боль во всем теле, Лек встал сначала на четвереньки, а затем шатко поднялся на ноги. Он понимал, что промедление для него играет роль ступеней к эшафоту, но заставить себя бежать не мог. Сделав всего пару неуверенных шагов, он застонал и оперся на колесо автоцистерны. Голова, превратившаяся в звенящий колокол, совсем не соображала куда идти, перед глазом все двоилось и разбегалось.

Растерянным взглядом он осмотрелся по сторонам и обнаружил в паре шагов лежащую

на дороге винтовку. Неподалеку от нее валялся и его шлем — словно выбившаяся из асфальта голова подземного сталкера-крота. У винтовки мог быть разбит прицел, но его это сейчас беспокоило меньше всего. Сделав несколько нетвердых шагов, он добрался до своего оружия, согнувшись, сгреб его в руку, заученным движением закинул на плечо. Затем схватил шлем и, взыв, вытягиваясь во весь рост, побежал куда глаза глядят. Игнорируя боль, не обращая внимания на жжение в шее, спине и ломоту в ногах, он бежал прочь от дороги, на холм, с холма, по устланной мелкими буграми равнине.

К черту голову! Лек бежал без направления, просто смотря себе под ноги. Он ощущал себя тряпичной куклой — мягкой, пухлой, с трудом удерживающейся на ногах, но в то же время будто обмотанной в несколько слоев крепкой веревкой, нити которой ткались в стремлении выжить любой ценой. Это помогло ему какое-то время не чувствовать боль, это помогло не думать о солнце, и, превратившись в наконечник стрелы, лететь к цели, пускай маловероятной и призрачной.

Но она появилась — его путь пересекала проселочная дорога, вдоль которой тянулась сплошная полоса издали похожих на клубы колючей проволоки сухих кустообразных зарослей со змеящимися по земле и взвившимися к небу лозами.

На мгновение Лек приостановился, осматривая живую изгородь, высотой чуть ли не в его рост, но решил не искать в «живой» стене места послабее — прижав руки к груди и склонив голову, он бросился продираться через кустарник прямо перед собой. Выбравшись на дорогу, он еще некоторое время он продолжал бежать к видневшимся вдаль, слегка размываемым исходящими от земли волнами испарений, ржавым воротам и поросшей зарослями будке КПП, пока не ощутил, что ноги перестают ему подчиняться. А уже в следующий миг он летел лицом вперед, не в силах даже выпростать руки и как-то смягчить удар. Только упав на землю, несколько раз перекувыркнувшись и застыв в позе эмбриона, он увидел, что в его теле торчат не меньше двух десятков тонких острых шипов. Перед глазами помутилось, изо рта повалила белая пена. Если бы он знал, что шипы ксаверуса ядовитого содержат экзотоксины... но он не знал.

Вмонтированный в шлем сигнализатор, предупреждающий о критической наружной температуре, обычно издающий едва слышимый отрывистый писк, в это мгновение визжал как сумасшедший, придавая и без того гадостной ситуации еще более контрастного оттенка неизбежности.

Сжав зубы так, что заложило в ушах, Лек перевернулся на живот и, влача отказавшие ноги, пополз на брюхе, цепляясь сбитыми в кровь пальцами за асфальт и ломая ногти, но не выпуская из поля зрения ржавые ворота. А главное — видневшийся вдаль ряд огромных железобетонных резервуаров, выстроенных в несколько рядов, за которыми на пригорке высилось небольшое трехэтажное здание с торчащей из крыши трубой.

Сохранка! — мерцало в его голове единственное слово.

Но будто заколдованный, сколько б он не полз, а ворота, казалось, не стали ближе и на метр. Выругавшись, он лег навзничь, зажмурился от больно заслепившего глаза света и на ощупь выискивал в нарукавном кармане шприц с обезболивающим. Стянул с него защитный колпачок, сделал инъекцию в шею, и сразу потянулся за следующим.

Он впервые в жизни испытывал на себе обезболивающее, но то, что он слышал о нем, подтвердилось — силы и вправду начали не медля наполнять его тело. Впрочем, дожидаться пока ноги полностью вернут себе способность удерживать его, он не мог — встал на четвереньки и, взяв низкий старт, попытался бежать. Практически не разгибая спины, петляя от одного ряда кустов ко второму, Лек напоминал попавшего на ледовый каток пьяницу, но тем не менее, расстояние к воротам стабильно сокращалось. Возможно, если бы взошедший над землей ослепительно-белый диск не превратил воздух в обжигающий глоток пар, Лек сумел бы добраться до места сохранки... но до ворот ему не хватило каких-то пять-семь метров. Он упал на колени, согнулся и ухватился руками за горло, будто пытаясь сдержать вытекающую через разрез кровь.

Горячий, как сковородка, чугунный люк, оказавшийся по чистой случайности прямо

перед ним, к превеликому счастью, был на две трети сдвинутым, приоткрыв черную бездну колодца. Из него тянуло плесенью и влагой. Влагой... Уцепившись в это слово, Лек, не думая больше ни о чем, одолевая жгучую боль, огненными шарами растекавшуюся по всему телу, отодвинул его дальше и, подтянувшись к краю, сбросился вниз.

Сколько времени прошло после того, как он плюхнулся в вязкую, теплую жижу, Лек не знал. Открыв глаза, он обнаружил себя практически всего потопленным в болотной кашеце, и только его лицо, словно кинутая деревянная маска, держалось на поверхности. Слава Богу, после всего, что с ним произошло, он остался невредим и, главное, все еще везуч: в канализации хоть и стояла невыносимая вонь испарений, но зато там можно было дышать, не рискуя прожечь гортань.

Окончательно придя в себя, он простонал и, плотно сжав веки, несколько минут пытался побороть страшную мигрень, вождедеющую, казалось, во что бы то ни стало выдолбить дыры в его висках. Обезболивающее то ли уже не действовало, то ли это были последствия передозировки, но Лек не только не чувствовал ожидаемого облегчения, ему вообще казалось, что он принял лекарство, усиливающее боль.

Приподнявшись на локтях, он затравленным взглядом осмотрел мерзкую трясику, поглотившую его тело и тут же выдернул из нее ногу. Грязь недовольно всколыхнулась, но потопленную часть тела с торчащими в ней иглами вернуло без всяких. Убедившись, что с конечностями у него все в порядке, он снова отдал их жиже, не придумав ничего лучше. Ему нужно было собраться с силами, чтобы встать, и с мыслями, чтобы решить, что делать дальше.

К тому же спустя некоторое время, ноги и спина уже не так болели, а стук в висках стал мягче и плавнее. Помогли то ли грязевые ванны, то ли, наконец подействовавшее обезболивающее, в состав которого входили когда-то называемые «особо опасными» наркотические средства — морфиновые алкалоиды, но почувствовал себя Лек гораздо лучше.

Подняв покрасневшие глаза к круглому отверстию, через которое в канализационную шахту попадал солнечный свет, он прикинул в уме, с какой высоты ему довелось падать. Метра три, не меньше, сломать шею — раз плюнуть.

— Попал ты, старичок, попал, — выдохнул он, осознав всю трагичность ситуации, в которую его угораздило вляпаться. Затем вспомнил благодаря кому он тут оказался, поскольку его лицо исказила гримаса злости: — Сука, гребаные пташки!

Что же делать? Дождаться заката и направиться к городу — искать объект, напоминавший своей формой неправильный прямоугольник, обтянутый чем-то наподобие серебристого брезента? Да, неплохая идея. Думается даже, что найти его не составит большого труда, чай, не иглу в стоге сена искать. Но тут могут встать две проблемки, справиться с которыми может быть весьма нелегко. Итак, первая: есть ли у меня оружие? — он пошарил глазами вокруг: — Не видать. Если я и захватил винтовку с собой и она лежит где-то на дне этого болота (в чем я лично сомневаюсь), то патронов у меня, наверняка отсыревших, целых девять... Не слишком много, учитывая что с заходом солнца наружу поползет всякая тварь. Поползет, поползет, сомневаться не стоит. Возможно, и собрать тех, кого мы убили, слетятся. А это уже целый джек-пот! Да, Лек, ты сорвал банк, разорви твою мошонку! Отстреляться в таком случае девятью патронами будет ох как непросто. Хм... отстреляться... Я же совсем не помню, где бросил винтовку. Возможно, еще когда через кусты продирался, или же лежит она себе преспокойно наверху возле люка и ждет пока солнце всю смазку в ней не высушит, чтобы превратиться в ненужную железку и остаться в покое хоть на старости. Может быть, может быть... смазку высушит... эротично как-то даже звучит... Тьфу, да о чем это я!

Вторая проблема была гораздо хуже первой, и имя она носила Время. Если я не успею за тот короткий промежуток времени, что солнце заходит за горизонт найти «коробку»... или если она разложится и укатит быстрее, чем я доберусь до города... Знаю же, что ребята

ждать не будут — только жара спадет, криокупол уже будет сложен. И дожидаться сумерек, выглядывая, а не в пути ли наш Лек, тот неплохой парень, что случайно выпал из капсулы как глупый птенец из гнезда, они конечно же не станут. Для успокоения сердца подождут еще самую малость, авось паренек все же доберется до их места стоянки. Не успел? Ах, как жаль, как жаль. Нам будет его не доставать. Ждать больше они точно не будут. Нет-нет, не тот случай. Кто даст гарантию, что я еще жив? Что я не разбил голову при падении и не сгорел заживо, находясь в беспомощности? А в то, что я мог на открытой автостраде найти убежище от солнца, они, вероятно и вовсе не поверят. Я бы тоже не поверил. Иначе — где? В лесу? Среди этих голых шпильей? Бред. Переждал жару в медвежьей берлоге? Тоже из разряда фантастики. Счастливый билет — канализация под большими бетонными емкостями? И каков процент вероятности?

Вот и все, братишка. Вот и все. Тогда останется лишь жалеть, что использовал все патроны до последнего! Эх, о себе-то родном не позаботился!

Так, ладно, растрепался я тут, потянуло в минор. Чего это меня — от морфина так прет? Бррррр... В общем, хорош думать, нужно действовать.

Оставался, правда, еще вариант, что за ним вышлют поисковую группу, но верилось в это с трудом. Леку хорошо было известно, что подобных приказов в Укрытии ни один командир на протяжении уже двадцати лет как не отдавал. Спасательные операции — дело прошлое, и в приказном порядке давно не решались. Добровольцы — да, им перечить никто не мог, а по приказу увь... Рисковать своей жизнью ради призрачных надежд никто не станет. А, в принципе, чего кривить душой — он бы ведь тоже не стал. Не было у него в Укрытии таких друзей, ради которых он рискнул бы подняться на поверхность. А потому и обижаться, что за ним не придут, Лек не стал. Все предельно честно.

Поднимаясь на ноги, он осторожно испытал на прочность дно и, убедившись, что ходить по нему безопасно, снова присел и запустил в коричневатую-серую жижу обе руки, ушедшие в нее по локти. Надежду, что оружие он все же с собой прихватил, Лек решил не отвергать, ведь кто его знает — а, вдруг? Но после нескольких минут сгребания липких сгустков, покрывших дно, он пришел к выводу, что ничего в этой луже не найдет. Отчаянно хлестнув ладонями по вздымающейся отвратительные пузыри поверхности, он поднялся и, выругавшись, еще раз осмотрелся вокруг.

Только теперь он обратил внимание на то, что от того места, где он находился, в обе стороны уходил тоннель. Насколько хватало света, Лек увидел кирпичные стены, свисающие с потолка корни деревьев и расходящуюся в обе стороны ту же пузырящуюся реку грязи. Что это был за тоннель, знать ему совсем не хотелось, но, судя по высокому своду, построен он был однозначно не для прокладки труб.

Внезапно Лек напрягся весь, обмер, раскрыв во всю ширь глаз. Какое-то время он пытался уверить себя, что ему показалось, что все это результат перегрева на солнце. Он упорно не хотел верить в то, что в правом тоннеле был слышен всплеск, будто там, примерно метрах в тридцати, кто-то, так же как и он, упал с трехметровой высоты. Успокоившееся к тому времени болото под его ногами прошло одной волной и снова затихло. Оно ясно намекнуло, что теперь Лек в тоннеле не один.

Позабыв обо всем, что сейчас мешало сосредотачиваться, стрелок насторожился, присел, и всмотрелся в пульсирующую темноту.

Звуков больше не было слышно никаких, но по мелким волнам на поверхности жидкой грязи, было ясно, что кто-то движется. В какую сторону, вопрос был лишним.

Глубоко втягивая в себя ноздрями воздух, Лек остервенело принялся шарить руками по дну, плескаясь как ребенок, поднимая брызги и тихо посмеиваясь, когда его пальцы натыкались на обломки кирпичей, погнившие доски или металлические рейки, в некоторых местах не покрытые холмиками грязи. Но в смехе этом не слышалось ничего, кроме захлестывающего разум безумия.

Что-то скользкое и живое прошло у него между пальцев.

Рыба, — нашел он объяснение. Какая рыба? — усмехнулся ему в глаза страх. Но в

следующую секунду Лек уже забыл об этом. Приблизительно в полутора метрах от того места, где он лежал, свалившись в люк, правой рукой он нащупал какой-то твердый предмет, формой похожий на приспущенный мяч. Это был его шлем.

Шлем — это хорошо, — подумал Лек, отложив его в сторону. — Но где же винтовка?

Волнение жижи уже стало не только видимым, но и слышимым. Лек вдруг вскинул голову, совсем позабыв о том, что увлекшись поисками винтовки в болоте, он мог легко подпустить невидимого врага (а кого же еще?), и теперь до появления белых кругов перед глазами, всмотрелся в темноту впереди. Черно, лишь напоминающий короткие детские всхлипы, чей-то чавкающий шаг.

Лек стер рукой с бороды грязь, поправил резиновую повязку, закрывавшую глаз, сплюнул и, будто по наитию, поднял взгляд вверх. Отверстие люка оказалось прямо у него над головой. Не то что бы очень высоко, но не допрыгнуть. Да и выиграешь ли что? Не сдохнешь в болоте, так сгоришь на солнце. Выбор, так сказать, не из беспроигрышной лотереи.

Глаза его вдруг сверкнули, на лице появилась странная ухмылка.

— Вот ты где, — прошептал он, заметив запутавшийся в переплетенных корнях ремень из плотной ткани.

Он все отчетливее слышал хлюпающие звуки приближавшихся шагов. Медлительная тяжеловесная поступь скорей всего принадлежала неуклюжему гиганту с трудом переваливавшемуся с ноги на ногу. Хотя Лек не исключал и того варианта, что это акустический обман, что на самом деле к нему вдоль стен бесшумно, выверяя каждый свой шаг, подкрадывается проворный стремительный хищник — куда более опасный враг нежели неповоротливый тяжеловес.

Страх холодной рукой прикоснулся к его внутренностям.

Медлить, теряя время на раздумья или самоуспокоение, Лек не стал. Негромко хыкнув, он подпрыгнул и, схватив свисающий ремень, потянул вниз. Слава Богу, винтовка была все еще там!

Больно получив прикладом по голове, он негромко выругался, но, тем не менее, вцепился в свою винтовку бульдожьей хваткой. Она была горяча, будто только что вынутые из печи пирожки. Деревянное ложе и приклад покрылись мелкими трещинами, но он не ощущал жжения в руках — возможность осязать любимое оружие будто вдохновило его, придало его мятежному характеру боевитости и уверенности в себе.

Лек передернул затвор и отступил с пятна солнечного света в темноту. Изготовившись к стрельбе с колена, снайпер весь обратился в слух, пытаясь по звуку определить, где находился враг. Но хлюпающие шаги исчезли. Тишина. Звонящая от напряжения, опасная тишина заполнила подземелье, будто струны натягивая нервы стрелка. Нечто замерло, так и не выйдя на свет.

Хитрая тварюга, — с досадой подумал Лек. — А вдруг это человек?! — вспыхнула в мозгу неожиданная догадка. — Черт, как же то я сразу-то не подумал об этом? Ну да, это кто-то из наших!

Ага, как же, — пробасил гнусный внутренний голос. — Держи карман шире! Кто ж за тобой придет-то при плюс пятидесяти пяти в тени?

— Эй, ты! — Лек вздрогнул, услышав свой собственный голос.

В ответ, как он и предполагал, не было слышно ровным счетом ничего: ни хлюпанья, ни чавканья, ни дыхания.

Сердце у него заколотилось, руки как-то нехорошо дрогнули, а во рту отчего-то стало сухо и противно.

— Слушай, у меня есть оружие, — на всякий случай сказал он, решив больше не повышать голос. — Ты меня понимаешь? Поддай какой-нибудь звук. Хлопни по воде! — скомандовал Лек, стремясь чтобы его голос звучал как можно грознее, неосмысленно назвав водой пузырящуюся муть. — Если ты даже не человек, но ты меня слышишь и понимаешь, хлопни по воде.

Гулкая тишина. Только слышно, как колотится в груди сердце.

Казалось, за это время снаружи стало еще темнее.

— Хлопни! — почти умоляюще выкрикнул Лек, представляя как пялится на него из темноты хищная, голодная тварь, выжидая подходящий момент, чтоб сделать свой смертельный прыжок и вцепиться ему в глотку.

Никаких звуков. Страх медленно пробрался ему в душу, как пробирается холод внутрь подвешенной на крюк в морозильной камере свиной туши. Крепко сжимая в руках винтовку, Лек, будто каменное изваяние, замер, не издавая ни звука и даже почти не дыша.

Но там не было видно абсолютно ничего. Вздурораженная фантазия рисовала в черной глотке тоннеля всевозможных химер: острозубых, клыкастых, громадных, как медведь, и тощих, с острыми руками-лезвиями. Даже таких, которых он не видел никогда и не слышал о их существовании. Картинки перед его глазами менялись с такой скоростью, что вскоре слились в одно мерцание, в какую-то бессмысленную анимацию, в которой нельзя было уже ничего разобрать. Существа стали похожи на головоломные геометрические фигуры, клубки проволоки или нитей, каракули, рисованные детской рукой... Пока не исчезли с импровизированного экрана полностью.

Боже мой, ведь он видит меня! — острым штыком резанула по живому очередная догадка. Сразу же припомнились слова Кирилла Валериевича о том, что многие животные (будем хоть изредка называть их так) обладают превосходным ночным зрением, каким обладали раньше кошки и совы.

О-о, какой же я идиот! Мой шлем! — Лек посмотрел на полный грязи доспех, как на воду выброшенная на берег рыба. Ему было хорошо видно прикрепленный примерно на уровне правой брови, задорно подмигивающий красноватой линзой, бочонок прибора ночного видения.

Внезапно Леку показалось, что там, впереди, уже никого нет. И нет уже с тех пор, как затихли шаги. Он целится в пустоту, в растаявшую в воздухе дымку, говорит с пузырящейся грязью, уговаривая ее хлопнуть в ответ... в то время как тварь беззвучно подкралась к нему сзади. Волосы на голове у него зашевелились, по спине вниз пробежали тысячи маленьких лапок. Тактика! О, Господи, как я мог этого не учесть?! Один выполняет отвлекающий маневр, а другой тихо заходит с тыла...

Перед глазами стало совсем темно, и им вдруг овладело непреодолимое желание оглянуться. Во что бы то ни стало, даже если ему придется столкнуться лицом к лицу со смертью.

Нет, держись! Растеряешь бдительность, оглянешься — и все! Ведь оно только этого и ждет. И никого позади меня нет и быть не может. Ведь больше не было никаких волн! Да ну к черту все это!

Он спустил курок, всецело полагаясь на удачу. Звук выстрела заставил его вздрогнуть и поежиться. Вошла ли пуля с характерным чмокающим звуком во что-то мягкое, живое, или со звонким «бдын-н-нь» отрикошетила от стены, просыпав на жижу кирпичное крошево, Леку расслышать не удалось. Эхо выстрела все еще звенело у него в ушах, перекрывая все остальные звуки. Но для себя он решил, что раз еще не умер, значит сзади у него и вправду никого не было.

И тогда он, осененный надеждой, выстрелил еще раз.

Тишина длилась, казалось, целую вечность. Потом был звук сползающего по стене тела и натужный, нечеловеческий кашель, будто нечто силилось исторгнуть заполнявшую легкие кровь.

Секунды времени хватило Леку, чтоб добраться до своего шлема, вытряхнуть из него грязь и, кое-как протерев забрало с обеих сторон, натянуть его себе на голову. Воняло в нем куда хуже, но возникшее с его появлением чувство защищенности, как у ребенка, сложившего над головой руки домиком, было бесценно.

Щелкнув по бочончку прибора ночного видения, он приготовился увидеть канализацию в зеленоватом свете, но... не произошло ровным счетом ничего. Всматриваясь

в густую темень прищуренным глазом, он вскрикнул и несильно ударил по прибору. Ничего. Пощелкал еще кнопкой. Тот же результат. То ли отсырели батареи, то ли прибор повредился при падении — ведь нехило ему все же летать приходилось: и с крыши вагона, и с трехметровой высоты, — так или иначе работать он наотрез отказывался. Чувство защищенности у Лека тут же улетучилось.

— Твою-то мать! — выкрикнул он. Затем снял с головы шлем, сделал несколько шагов назад и остановился, как вкопанный. Ему почудилось, что позади него что-то зашипело. Резко обернувшись, он направил оружие туда, откуда послышался звук и приготовился стрелять, всецело надеясь, что пуля, как и в первый раз, сама найдет цель. В этот раз предупреждать никого он не собирался. Вскинув винтовку к плечу, он без раздумий выстрелил, целясь невидимому противнику в грудь. Подождал, пока в ушах перестанет звенеть, прислушался. Нет, пуля ушла в стену. И лишь когда шипение повторилось, причем гораздо ближе, чем в прошлый раз, до него дошло, почему он не попал бы в преследователя, даже если бы высадил в центр тоннеля всю обойму... О, Боже, да потому что эта тварь может передвигаться по стенам!

Закричав так безумно, что едва не остановилось сердце, он со всех ног бросился бежать в кромешную тьму. Настолько быстро, насколько это позволяла достающая до середины голени вязкая жижа. Острое лезвие-кость просвистело у него над головой как раз, когда он пригнулся, почувствовав нужный момент. Перепрыгнув через труп убитого им существа, темный контур которого ему удалось разглядеть вмиг обострившимся зрением, Лек бежал, вздымая за собой целые фонтаны грязных брызг, прижав к себе винтовку, как родную мать, и молясь только о том, чтоб тоннель нигде не сворачивал, а наиболее, чтобы впереди не оказалось тупика. Господи Иисусе, только не тупик! Уж лучше сгореть на солнце, чем расшибить себе голову о стену.

Бежать становилось все труднее. Либо болото делалось вязче, либо ноги от усталости стали ватными и непослушными, но Лек понял, что если сейчас не остановится, то через несколько шагов просто рухнет в эту вонючую грязь ничком, сдавшись своему преследователю без боя. Где именно тот находился его — отстал далеко позади, или постоянно был над головой, дав ему небольшой форы, Лек достоверно знать не мог. В ушах стучала и гудела кровь. Настолько громко, что даже порой заглушала его надрывистое дыхание и хлюпанье болота под ногами.

Нужно стрелять! Стрелять, чтобы хоть в свете огня увидеть, что происходит и где находится бегущая по потолку когтистая мразь.

Он остановился и, обернувшись назад, выстрелил в темноту. В уме воображаемый счетчик, подобно принтеру изверг из себя белый лист с цифрой 6. Осталось всего шесть патронов...

Твари он не увидел, но за ту долю секунды, что огонь осветил пространство, ему удалось понять, что находится он уже не в тоннеле, а в огромном помещении, примерно тридцати метров в диаметре и не меньше пяти в высоту. У стен стояли полусгнившие металлические контейнеры разных размеров, а на поверхности затопившей подземелье коричневатой жижи, непотопляемыми кораблями застыли сотни ржавых бочек. Лек не был уверен, заметил ли он на них символику опасности биозаражения, — сейчас он не мог в полной мере доверять фотографичности своей памяти, — но вот аббревиатуру «СДЯВ МО СССР» он распознал точно.

— Ч-черт! — вырвалось у него — Только химвеществ тут еще не хватало...

Еще выстрел, теперь в противоположную сторону. Счетчик незамедлительно выдал лист бумаги с жирной пятеркой.

Бочки впереди казались почти нетронутыми ржавчиной — они стояли в несколько ярусов на высоких продольных стеллажах, и все до единой были выкрашены одинаковым «армейским» цветом с той же аббревиатурой. Между стеллажами замер электрокар-развозчик с пустым полуприцепом, а немного поодаль покосился набок погрузчик с несколькими контейнерами на поднятой платформе. А позади него... Лек израсходовал еще

один заряд, чтобы убедиться, что ему не померещилось — с противоположной стороны помещения чернели двустворчатые двери.

На какое-то время даже забыв о преследующей его твари, дерзновенно расталкивая бочки, он принялся продолжать путь, пытаясь сохранять заданную траекторию и больше не тратить патроны на освещение пути. Вот, уже совсем рядом слышался тихий стук пустых бочек о борта электрокара и погрузчика; вот, уже и эхо его шагов перестало быть таким четким — начались заполненные под завязку ряды стеллажей; вот уже добавилось и хлопанье волн грязи о стену. Лек ощутил, как через приподнятое забрало шлема по лицу заскользил едва ощутимый сквозняк.

С точностью самонаводящейся ракеты он вышел на цель, с первого же раза нащупав гнилую дощатую дверь, развалившуюся в руках, как только он потянул на себя ржавую ручку. Под ногами возник небольшой выступ, потом еще один. Это были ступени, взойдя на которые Лек в несколько шагов полностью выбрался из грязи. Но чем выше он поднимался, прижимаясь спиной к стене, тем воздух становился жарче, а дышать труднее.

Уж и не зная, везеньем ли назвать тот миг, когда он нашел вход в этот злосчастный коллектор или проклятьем и не лучше было бы вместо скитания слепцом по подземелью просто расшибить голову при падении с «Форты», стрелок остановился на пятнадцатой ступени, и пошарил рукой в темноте перед собой. Сам не зная, на что надеется, он пытался нащупать хоть что-нибудь в этом пространстве. Стену, выступ, поворот, спуск, дверь, которые вывели бы его в другую локацию, хоть немного освещенную. Но там было пусто. Зато позади него, вероятно, в том месте, где ступени уходили в жидкую грязь, слышалось уже знакомое шипение и легкое скрежетание.

Практически не чувствуя ног, Лек обернулся и выстрелил вниз. Увиденная им картина заставила невольно попятиться и прижаться спиной к кирпичной стене. По потолку, из складского помещения, извиваясь, неспешно переползала дверной проем огромная червеобразная тварь. Лоснящимся, тучным телом она напоминала гигантского слизняка, но это было единственным сходством между беззащитным моллюском и этой тварью. В абсолютной, давящей тишине она ползала к Леку, как к загнанному в тупик кролику, с раскрытой пастью, усеянной множеством острых, крючковидных зубов и пробуя напитанный страхом воздух растроенным языком. Вдоль спины у нее тянулись острые шипы, соединенные между собой полупрозрачной плевой, с острых зубов скапывала слизь. В ее inferнального типа зеленых глазах не было опасения перед изрыгающей огонь «палкой» в руках снайпера. Казалось, ее уже ничего не могло испугать.

Спустя мгновение «слизняк» уже шипел над головой у Лека. Он попытался сделать шаг назад, но споткнувшись об очередной выступ и, вскрикнув, распластался на ступенях. Тварь, плавно скользя по стене, спустилась к нему, зашипела у stalkера прямо над ухом.

Перевернувшись на спину, Лек выстрелил, ориентируясь на звук и подчинившись инстинкту. Закрыв глаза, он уже приготовился услышать, как мозги твари брызнут по стенам и почувствовать, как крупное тело существа, обмякнув, повалится на него, заливая его теплой кровью, но его лишь усеяло кирпичным крошевом.

Прислушался — тишина, которую нарушало лишь его громкое, частое, сбивчивое дыхание сумасшедший стук в груди. Ничего не понимая, он опасливо поводит рукой в том месте, где по его подсчетам должно было находиться тело сползшего «слизняка». Но сквозь пальцы с засохшей на них кровью, просачивалась лишь пустота.

Тварь вела с ним непонятную игру. То, что она до сих пор его еще не убила вовсе не значило, что этого не было в ее планах, но чего ради она медлила, Лек понять не мог. Конечно, он не исключал и тот вариант, что слизняк мог вообще оказаться плодом его воображения, подпитанной двумя ампулами щедрой на глюкоген наркоты, но в таком случае его будущее страшило его куда больше. Грань с безумием, ступив на которую обратного пути могло и не оказаться, в таком случае становилась почти незаметной. Сумасшедшие stalkеры, призраками бродящие по столичным развалинам — не ахти какое редкостное явление в последние годы. А потому Лек, хоть у него от самой только мысли об этом стыла в

жилах кровь, больше хотел верить, что тварь настоящая.

И ждал ее появления.

Он просидел, покачиваясь вперед-назад, обхватив руками голову неведомо сколько, пока не ощутил, что воздух заметно охладел и повлажнел, а вонь, исходящая от теплой жижи внизу, разбавилась едва уловимым присутствием надвигающейся грозы. Первое, что пришло в голову после длительного затишья — приоткрытая дверь. Да-да, несомненно — это именно через приоткрытую дверь там, наверху, просачивается холод с привкусом грозы, — лелеял надежду Лек. — Должно быть, она где-то совсем близко. Возможно тут, в пяти-десяти ступенях...

Он повернул голову вверх и попытался разглядеть слабую полоску света, которую бы пропускала неплотно притворенная дверь. Но ее там не было.

Тем не менее, не желая упускать шанс на спасение, слабой искрой сверкнувший в конце его собственного черного тоннеля, он поднялся и загреб в руку винтовку с единственным оставшимся патроном. Чувство, что он близок к цели, придало ему сил куда больше, чем наркотик. Оно помогло превозмочь обволакивающую суставы ноющую боль и заставило уверенней перебирать ногами, подымаясь по ступеням. Палец так и ходил по курку, но использовать последний патрон в качестве мимолетного освещения было глупо... и страшно.

Первый раскат грома, будто эхо выстрела исполинской пушки, он услышал аккурат в тот момент, когда вышел на ровную поверхность и вытянутой рукой прикоснулся к металлической двери. Да, он не ошибся, дверь здесь была, но радость от многообещающей находки вмиг иссякла, как только он взялся за ручку. Та была словно приварена к двери, и сколько бы Лек не тужился ее нажать и потянуть на себя или толкать вперед, она не сдвинулась ни на миллиметр. В какой-то миг, поняв, что сквозняк проходил всего лишь через щели в нижней части двери, он почувствовал, как в нем что-то сорвалось. Будто бы он сам начал падение с обрыва.

— Нет! — выкрикнул он. — Нет, нет, нет...

Заклинившая дверь никак не реагировала ни на толчки плечом, ни на удары ногами. Грохнувшись на колени, Лек стянул с головы шлем и прильнул к сифонящим холодными струями воздуха щелям. Заглянул, засунул в них окровавленные пальцы, и очередная надежда рухнула как башня от мощного землетрясения — с другой стороны двери было так же темно, как и здесь.

Истерика, словно спущенный с поводка питбуль, мощными челюстями ухватила Леку в шею, перекрыла дыхание, затмила разум. Он заматерился, его голос то срывался в визг, то наоборот — шипел, как «слизень», но уже в следующий миг Лек принялся просить у кого-то прощения, всхлипывая и выпуская слюни. На какое-то время он затих, дав себе возможность отдышаться, но затем вскочил на ноги и снова начал поочередно колотить в дверь кулаками и ногами. Он звал кого-то на помощь, зная, что никто, кроме играющей с ним твари, его не слышит.

Успокоился, попытавшись вернуть трезвость рассудка, и принялся обшаривать руками металлическую плиту. Убедившись, что она должна открываться внутрь, он ухватился за ручку обеими руками, что есть мочи надавил и потянул на себя. Поначалу не происходило ничего, а потом послышался щелчок. Воодушевленный, Лек призвал последние силы и потянул так, что, казалось, мог бы сдвинуть с места поезд, но уже в следующее мгновение... кубарем покатился вниз по ступеням с оторванной железкой в руке.

Остановился он лишь когда грязевая вонь непомерно усилилась, а ладони погрузились во что-то мокрое и вязкое. Понимание того, что он скатился в самый низ, будто обдало его ледяной водой, заставив не чувствовать ни боли от ушибов, что он получил при падении, ни страха, а вытянуть руки в обе стороны и подниматься по ступеням вновь. Его не тешила мысль, что дверь, возможно, сдвинулась с места — он знал, что это не так. Единственное для чего он возвращался наверх, так это чтобы забрать свой шлем и винтовку с последним патроном. И хотя пользы что от первого, что от второго ныне было не так уж и много (если

не сказать, что не было вообще), без этих атрибутов он чувствовал себя словно неполноценным. Как отоларинголог без зеркального диска или бортмеханик без чемоданчика с инструментами.

Снаружи снова грянул гром. Настолько мощно и раскатисто, что, казалось, могли бы треснуть стены. Лек вернулся к двери, на всякий случай пощупал торчащий из нее штырь, на который одевалась ручка, и, отвернувшись, сперся лбом о стену. Он хотел что есть силы ударить по ней кулаком, но вместо этого лишь несильно похлопал по кирпичам, как старого друга по плечу, с которым судьба повязала его навек.

Оружие в руках больше не наделяло стрелка уверенностью. Холодный курок больше ставил его перед выбором, как израсходовать последнюю пулю: отправить ее в замок или же себе в голову? От выстрела замок мог деформироваться или хотя бы немного расшататься. Но что, если он не один? Или там установлен запорный механизм, как в укрытской оружейке, где при повороте ключа металлические штыри из двери втыкаются в стену слева и справа? А если и не так, то за этой дверью легко может оказаться еще одна. Ведь темень там ничуть не другая.

Последняя надежда в душе стрелка угасла как догоревшая свеча. Остаться безоружным для него было равнозначно лишению глаза. В таком случае уж лучше смерть.

Не дать ползучей твари закончить игру, не дать себе свихнуться, не обретать себя на вечные скитания по бесконечным тоннелям... — заиклено повторял в уме Лек. — Не дать ползучей твари...

И уже когда он повернулся чтобы спереться спиной на стену и, подняв правую ногу, расшнуровать ботинок, его рука наткнулась на вогнанную в стену п-образную металлическую дугу.

В мозг будто подали резервное питание. Позабыв о ботинке, слепо шаря по стене, он нашел чуть повыше первой дуги еще одну, а выше еще одну. Вне всякого сомнения, это привело его в чувство.

Господи, это лестница! — быстро сообразил он.

Забросив на плечо винтовку, надев шлем и энергично двигая руками и ногами, Лек начал быстро подниматься. Мысли о суициде, было его посетившие, выветрились, да и добравшись до потолка, он почему-то уже ощутил себя свободным, как бывает, когда еще на пути домой, начинаешь чувствовать себя дома. И хотя люк имел полное право быть запертым или заржавелым, как дверь, судьба улыбнулась стрелку — он поддался на удивление легко. Помещение, куда он выводил, не было залито лучами полуденного солнца, как на то надеялся Лек, но свет все же проникал в него через небольшие запыленные окошка под потолком.

По дырявой крыше негромко барабанил дождь, но осознал это Лек лишь когда огляделся вокруг, и понял, что находится в цеху, вероятно того же трехэтажного здания, в котором он видел свою сохранку. Тут находились большие стеклянные емкости, формой напоминавшие лампы из старых телевизоров. Они стояли на тонких штырях по восемьдесят штук в два ряда, как пробирки для выращивания клонов, что Лек в каком-то фантастическом боевике. Кое-где между ними, соединенными целой паутиной проводов и тонких шлангов, стояли пультовые столы с множеством кнопок, регуляторов, рычагов и экранов. На них покоились припыленные колбы с засохшими на стенках разноцветными веществами и кипы журналов с записями, создавая этим свойственное ученым, присутствие легкого рабочего хаоса.

Лек быстро осмотрел цех на признаки обжитости (не хватало еще после всего угодить в пасть медведю!), и уже подошел было к открытым настежь дверям в светлый коридор, над которыми было написано «выход» когда распознал на фоне стука дождя по крыше четкие хлопки.

Он посмотрел на огражденный невысокими красными решетками, круглый выступ с люком наверху и первым делом подумал, что звук исходит оттуда. Но тот был надежно заперт, и открыть его с той стороны было невозможно. А когда хлопки повторились, лицо

Лека вдруг вытянулось, рот невольно раскрылся, а зрачки расширились до краев.

За мной вернулись... — как молнией в дерево, ударила в его сознании внезапная мысль.

Удержать его на месте в это мгновение не смогла бы никакая цепь.

* * * *

Стахов сидел хоть и в самой просторной, но все же неуютной и чужой для него кабине «Чистильщика». Последних полчаса он только то и делал, что курил, сбрасывая пепел через приоткрытое окно и во все глаза высматривал усеянный валунами край берега, за которым скрылась поисковая группа. Настолько давно, что, казалось, за это время он уже успел постареть лет, минимум, на пятьдесят.

За рулем, вместо шаманящего над Кораном, трясая пластмассовыми, наполненными рисом шариками, Бешеного, нервно барабанил пальцами по рулю и беспокойно ерзал задницей высокий, тощий сталкер по прозвищу Ариец. Белобрысый скуластый молодой человек лет двадцати трех с квадратным подбородком и острыми, холодными, голубыми глазами. Он больше думал, нежели говорил, и это Стахов в нем ценил.

Он — последний из экипажа «Чистильщика», кто умел водить эту машину, но радости по этому поводу он либо не испытывал вообще, либо очень удачно ее скрывал. Ведь старшаки-то знают, как все молодые любят покрутить баранку. Этот же, казалось, даже не хотел притрагиваться к рулю.

— Сколько уже? — нарушил повизгивавшую унылым ветром тишину Илья Никитич.

— Час десять, — с готовностью ответил Ариец.

Он хотел сказать что-то еще или спросить, но в последний момент передумал, и вырвавшееся с его горла «а...» так и осталось звенеть в воздухе, никем так и не нарушенное.

С каждым щелчком секундной стрелки самолетных часов, прикрепленных несколькими болтами к приборной панели, затея по возвращению «Разведчика» Стахову казалась все более абсурдной. Да, сухое топливо не бензин и не взрывается при той температуре, что октан, но как же все остальное? Как же колеса? Ведь они еще до полудня могли лопнуть, как надувные шарик! Дальше, — развивал мысль комбат. — Они же срежут крышу. Стало быть, окажутся открытыми. Впереди вечер, ночь. А если на них нападут крылачи? А если упавшее бревно повредило управление «Разведчика»? Что, если руль в какой-то момент заклинит, а тормоза — откажут? Или на полпути вырубится свет? Что они тогда будут делать? Пойдут пешком?..

А есть другой выход? Выход... Ах, как сладко это слово! Если он есть, за него стоит умереть, как бы сардонически это не звучало.

Стахов снял с радиомодема рацию, включил ее громким щелчком тумблера, и поднес к пересохшим губам:

— Ну, что скажешь, Борода?

— Да уже заканчиваем, — ответил тот, стараясь перекрыть рев пятисот сильного двигателя. — Пару минут прогреем, и можно будет сниматься.

— Значит, слушай, как мы с тобой поступим, — вновь заговорил временно исполняющий обязанности начальника экспедиции. — «Монстра» оставим пока что здесь, на всякий случай, вдруг они сюда вернутся, а сами поедем, посмотрим есть ли метка на перекрестке — я к тебе перебегу сейчас, Ариец тут сам, думаю, справится, — и если метки не будет, катнемся к точке, где остался «Разведчик». Идет?

— Идет, командир, — браво ответил Борода. — Перебегай, я тебе уже люк открыл и чайник поставил.

Дождь полностью стих. Но вместо него теперь по городу растягивался густой, клубящийся, простирающийся вправо и влево, но никуда не уплывающий желтый туман.

Облезшая ушанка взмыла в воздух, как напуганная курица, а верхняя часть узкой головы с намеком на растительность, вдруг разлетелась, как выпущенный из рук перезревший арбуз. Крысолов с Секачом всего и успели, что интуитивно пригнуться и зажмуриться.

Выстрел отдался многократным эхом, вернувшим это громкое «Бдуууххх!» из дремлющего леса и пустых городских улиц. Обезглавленное тело безумца подалось вперед, и упало к ногам сталкеров. Падающая с неба вода застучала по его плащу с особым грохотом, будто по расстеленному куску плотной сухой бумаги.

— А ты вовремя, — расправив плечи, приветливо махнул рукой Крысолов появляющейся из клубов тумана, темной фигуре.

Странной, неестественной походкой, будто у него в спине торчал топор, к ним вышел Лек. Он выглядел растерянным. Лицо его пожелтело от нахлынувшей дурноты и, казалось, он еле сдерживался, чтобы не сблевать.

Крысолов же вел себя так, будто ничто не угрожало его жизни ни мгновение назад, ни в этот день вообще. Кое-как рукавом стерев с лица смешавшиеся с каплями дождя брызги крови, он шмыгнул носом и обошел распластавшееся на земле тело горе-стрелка. Затем, тихо насвистывая какой-то мотив, поднял с земли винтовку, на секунду задержав взгляд на кривой надписи на плаще покойника.

— Угу, стало быть, сам напросился, — сказал он и повернулся, чтобы поднять с земли свои автомат и шлем.

— Я убил человека, — не сводя глаза с все ширящейся лужи крови вокруг трупа, проговорил Лек.

Крысолов поднял на него глаза. Вскочил, оставив нетронутыми на земле свою амуницию, сделал к нему резкий шаг, взял его голову в обе руки, как баскетбольный мяч для броска, и заставил его взгляд встретиться со своим.

— Послушай меня, сынок. — Леку показалось, что его черные зрачки пульсировали, ритмично, в такт ударам сердца. — Ты убил не человека, ты убил мразь, которая отстреливала всех, кто попадал в этот город. Мы с Секачом тебе за это очень признательны, ты нам жизнь спас. Лек, не думай о нем — он бы и тебя убил, если б заметил. Ты ни под каким предлогом в мире не смог бы его убедить опустить оружие, я знаю таких людей — им все по херу, потому что у них есть гребанный прибор, который показывает где человек, а где мутант. Ты — хороший парень, я знал, что мы не зря шли за тобой. Вот, — он протянул ему израильскую винтовку, — это твой трофей. Ты заслужил, бери.

Он похлопал по плечу угрюмо уставившегося в землю снайпера, неохотно взявшего с его рук забрызганную мелкими каплями крови винтовку, поднял с земли свои вещи и двинулся обратно. Прочь от озера, прочь от тумана, прочь от трупа первого человека, что не являлся жителем Укрытия.

Дождь уже практически закончился, но тучи все еще сгущались, темнея и переливаясь, словно там, в небе, работал вентилятор, который гонял их туда-сюда как табун необузданных лошадей.

Он обозвал меня мутантом... — все еще продолжая смеяться в душе, хоть и совсем не таким веселым смехом, вспомнил Крысолов. — Ладно там Бешеного принять за мутанта, а меня-то по каким признакам причислил? Ну, клоун...

Глава 9

Они возвращались в город.

Не тою извилистой улочкой, что вывела спасающихся бегством Секача с Крысоловом к озеру, а, — вопреки всем учениям о тактике перемещений в городе, — широкой, центральной улицей имени Ленина, с нетленным и ни на грамм (по крайней мере с виду) не

поддавшимся тяжелому прессингу времени, памятнику вождю. И хотя здравый смысл всем троим подсказывал, что это не совсем правильное решение — двигаться посреди проезжей части, да еще и в самых что ни есть худших условиях видимости, когда окружающие предметы становятся видимыми не раньше, чем за два метра, они упорно шли, всецело полагаясь на слух и удачу.

Относительная тишина длилась не одну минуту, и Крысолова это не могло не насторожить. Еще бы! Шли бы они вот так по Киеву — уже давно стали бы чьей-то легкой добычей. Уж то, что с какой-нибудь тварью в перебранку вступили бы, даже не вопрос. И передвигались бы не вот так, словно на прогулку вышли, а короткими перебежками: от здания к зданию, от угла к углу, один за другим, прикрывая друг другу тылы и выверяя каждый последующий шаг, будто последний.

Но, как это ни странно, Яготин весьма сдержанно и умеренно высказывал свою неприязнь к незванным гостям, натравив на них за все это время всего лишь два крылача, свору самоустранившихся после разговора с Крысоловым собак, ну и этого психопата, который кроме попорченных нервов, больше не успел причинить им никакого вреда. Что ж, крайне скудно. Тем, кто выживал в девятибальных штормах, эта легкая качка казалась притворной и наигранной. Конечно, для увеличения общего балла можно еще и накинуть повстречавшихся Леку монстров, но если он их не видел, то лучше будет оставить их в покое.

Кто-то, разумеется, сочтет это за безумие, кто-то непосвященный подумает, что сталкеры малость рехнулись, если чуть ли не с надеждой всматриваются в туман и чуть ли не выпрашивают чтобы из него пускай хоть что-нибудь на них выпрыгнуло! Странные люди. Ведь нет мути всякой — и отлично! Зачем искать себе приключения на задницу? Не слышать ни чьего тяжелого дыхания за спиной, ни хищного рыка из подворотен, никто не скребет когтями по бетонным ступеням, выбираясь из подвалов многоэтажек, даже вездесущих собак, и тех нигде не видать — так слава Богу!

Но бывалые хорошо знают эту примету: если обитатели города прячутся, то это может означать только одно — ждать стоит куда больших проблем.

И они есть, никуда они не девались, они везде и повсюду, — чутье Крысолова еще ни разу не подводило, — но какого представления они все ждут?

Ответ пришел издали. Оттуда, откуда ждать его совсем не хотелось.

Они уже успели отойти от мертвого яготинца на достаточное расстояние, когда со стороны озера (читай: болота), бывшего некогда гордостью этого города, послышался громкий бурлящий звук.

Трое остановились и оглянулись — нет, не для того, чтобы прислушиваться, на это у них просто не было времени — чтобы убедиться, что им не почудилось. Что это не подшучивает над ними воображение. Но, раз уж им это послышалось троим, о каком воображении могла идти речь?

— Что это? — не ожидая ответа, спросил Секач.

С таким звуком уходит вода в сливное отверстие. Такой звук издает вскрытое тонким лезвием ножа горло. От этого звука все внутренности сжимаются в тугий узел, тело начинает бить крупная дрожь, а в прояснившейся голове не возникает никакого другого желания, кроме как броситься со всех ног и бежать... Бежать... Куда глаза глядят, пытаюсь не вспоминать о той памятке в деревянной рамке под стеклом, прикрепленной первыми сталкерами к воротам на северной заставе, на которой большими черными буквами было написано: «Человек, помни! Теперь ты — паразитирующий организм!».

Они всматривались до режущей боли в глазах, но там, внизу, не было видно ровным счетом ничего. Туман поглотил и часть улицы, и озеро, и лодочную станцию, и берег с пузырящимся илом, полностью растворив их. Всматривайся хоть до посинения — не увидишь ничего, кроме трепещущего, отчего-то принявшего болезненно-желтый оттенок, протягивающего вперед свои полупрозрачные сяжки, смога.

«А вот нежити здесь хватает. Скоро с озера вон поползут...» всплыли у Кирилла

Валериевича в голове слова психопата. Всплыли и повисли, словно протянутый между столбами над дорогой красный транспарант.

Отгоняя от себя самые жуткие мысли, Кирилл Валериевич подтолкнул застопорившегося с раскрытым во всю ширь глазом Лека, и тот содрогнулся, будто к его плечу прикоснулась сама смерть.

— Пошли. — Крысолов потянул его за рукав, и тот поплелся за ним как ребенок, которого выводили из магазина игрушек за ручку, а он все хныкал и оглядывался. — Расскажи-ка лучше где ты нашел место для сохранки.

— На складе, — ответил Лек, удивившись собственному голосу.

— На каком еще складе? — спросил Секач, впервые выдав свое присутствие. — Где ты его выискал при дороге-то?

— Не знаю, может то и не склад... Но там было много бочек с химией.

— Я знал, что ты справишься, — Кирилл Валериевич посмотрел на него, как тренер на получившего медаль спортсмена. — Значит, не зря мы за тобой шли. Вот сейчас «Разведку» еще заберем и — догонять своих, они уже минут десять как выехали на Пирятин. Ну а нас-то ты как нашел?

— На звуки выстрелов шел.

— Молодец, хвалю, — он засмеялся и потрепал его по затылку. — И спасибо, что умеешь хорошо стрелять. Мы теперь твои должники.

Крысолов не хотел сейчас говорить. Ему, если честно, даже языком воротить было невозможно, но в то же время он знал, что говорить просто должен. Должен, иначе если он умолкнет, умолкнут они все. А состояние Лека его волновало сейчас куда больше, чем отвратительное бульканье — уж на этих-то всяких он за свои года насмотрелся до нехочу. И звуков всяких слышан, хоть коллекцию записывай. Молодого бойца нужно было как-нибудь раскудорхать, не дать ему загрузиться и истязать себя.

Но когда с озера снова донесся (заметно громче, заметно ближе) щекочущий нервы звук, от которого у одного вмиг похолодела кровь в жилах, а у второго вниз по спине промчались тысячи мурашек со студеными лапками, Крысолов также невольно вздрогнул и поежился.

— Ребятки, давайте-ка будем быстрее шевелить окорочками. Лек, мы хоть правильно идем к трассе? Ты точно оттуда пришел?

Тот больше не оглядывался, но и шагу не прибавил. Утвердительно кивнул головой, не особо утруждаясь мыслью, увидел ли его кивок Крысолов, и крепче сжал трофей. Его глаз теперь был сосредоточен на какой-то невидимой точке впереди, будто у продирающегося сквозь мглу адского поезда, навек проклятого единственной и бесконечной железной дорогой.

— И откуда этот туман здесь взялся? — оглянулся на Крысолова Секач.

— Надо было, Серега, физику учить, а не на самокрутки расходовать, — попытался поднять настроение Кирилл Валериевич, выдав натянутую улыбку. — Знал бы, что если холодная вода попадает на горячую землю...

Лек внезапно остановился, резко обернулся, поднял руку с растопыренными пальцами, потом сразу же сжал в кулак, прищурился. Крысолову это понравилось — то, как он это сделал. Властно, жестко, сильно. Этим он напомнил ему его самого в молодости. Как это — когда ты на секунду оказываешься главным, обретаешь необычную важность, потому что тебе удалось расслышать то, на что не обратили внимания ветераны и узреть то, что ускользнуло от их острого, цепкого взгляда.

— Что такое, Лек? — тихо спросил Крысолов.

— Слышите? — разогнул он указательный палец.

Сперва кроме отдаленного клокочущего звука, что стал ближе, но еще не представлял какой-либо опасности, не было слышно ничего. Капающая с крыш домов вода, журчание ручейков вдоль дороги, обычное, как для мертвых городов, постукивание оконными рамами, слабое поскрипывание дверными петлями — вот и все звуки, которые когда-то будоражили

фантазию сталкерам-первишникам, а теперь стали обычным антуражем бывших людских поселений.

Их шлемы были сконструированные разработчиками-акустиками так, чтобы можно было улавливать все звуки до мельчайшего шороха, а голос выдавать практически без искажений. Но расслышать что-то особенное, что расслышал Лек, им все еще не удавалось.

Крысолов уже хотел было сказать, что у них нет времени, что нужно идти, как справа от вышедшего немного наперед Секача задорно всхлипнул короткий, резкий, словно ударившийся оземь колокольчик, детский смешок.

— Поиграйте с нами... — прозвучал тонкий мальчишеский голосок у Кирилла Валериевича за спиной. И снова короткий смешок.

Крысолов не оборачивался. Ему достаточно было отражения в глазах Секача, чтобы предельно ясно и отчетливо понять — позади него, кроме белой, с болезненно-желтым оттенком, опустошенности, нет абсолютно никого. Ничего. Но даже, невзирая на это, сердце у него заколотило так бешено, что, казалось, вот-вот начнет выдавливать кровью глаза.

— Ну, же... — снова сзади обиженный детский голосок. — Давайте играть!

Секач с трудом проглотил застрявший в горле ком. В эту минуту он больше напоминал засушенную тарань, нелепо всматривающуюся своими безучастными глазами в одну точку, но ничего поделать с собой не мог.

— Идемте, — губами произнес Крысолов и, осторожно ступая, пошел вперед.

Пересиливать ощущение холодного дыхания в спину и игнорировать чувство, будто кто-то повторяет твои движения шаг в шаг, с играющей улыбкой на детском личике, с каждым шагом становилось все труднее и труднее.

Теперь к тому смешку прибавился еще один. Такой же звонкий, резкий, веселый и такой же неживой. А к тому еще один. И еще. И еще. И еще.

Их обувь азартно выстукивала, отбивая по асфальту сбивчивые, несинхронные ритмы, и уже только от этого можно было тронуться умом. Дети водили хоровод вокруг них в непроглядном матово-желтом мареве, подпрыгивая, пританцовывая, смеясь, зазывая играть веселыми голосками, а сталкеры шли, спина к спине, отрешенно крутя головами во все стороны, помалу проталкиваясь вперед, словно сквозь толщу ваты, вытаращив глаза и сжимая в руках оружие, будто оно могло им чем-то помочь.

— Ну почему же вы к нам не идете? С нами так давно никто не играл... Мы любим играть в прятки...

— Ненавижу эту игру, — просипел Крысолов, ощутив как по лбу градом покатил пот.

Секач тоже сказал что-то, но внезапный визгливый смех у него за спиной целиком поглотил его слова.

— Кто не спрятался...

Это было очень сложно — противиться желанию оглянуться назад и выпустить очередь наугад, по кому-нибудь, да хоть бы в озеро с пузырящимся илом. Но оглядываться Секач не стал — что-то подсказывало ему, что морок уже давно скрыл свое дитя, и если он оглянется, то лишь еще больше развеселит этих маленьких (маленьких ли?) демонов.

Что-то слабо скрипнуло впереди. Словно разгибались чьи-то задеревеневшие суставы.

Еще раз скрипнуло, уже увереннее. Тишина. Снова скрип. Снова...

Озвучивать догадки никто не хотел, да и не было в этом никакого смысла — оно уже само приближалось к ним.

Крысолов тут же опустился на одно колено, Секач убедился, что автомат снят с предохранителя, а Лек упер в плечо новое оружие, наклонив голову к прицелу. Они целились в сторону скрипа, забыв о том, что со стороны озера к ним приближается источник другого звука.

— Раз, два, три... Кто не спрятался — мы не виноваты...

Из лесу повеяло гнилой древесиной, подсыхающей землей и еще черт знает чем, что вытянуло сквозняком из нор лесных обитателей.

Туман впереди рассеялся и из него, будто из дымчатой вагины, скрипя ржавыми осями,

выкатился, остановившись в полуметре от обмерших сталкеров, старый трехколесный велосипед...

Он уперся передним колесом в бордюр, как раз под круглым знаком с едва различимым белым прямоугольником на красном фоне. Руль слегка повернут влево. Он был насквозь проржавевшим, и лишь благодаря маленькому пластмассовому сиденьицу белого цвета и пластмассовым ручкам на руле, с которых свисали по обе стороны разноцветные ленточки, он не напоминал конструкцию, сделанную из человеческих костей.

Кто-то схватил Крысолова за руку чуть повыше запястья. И раньше чем он успел ее отдернуть, ощутил неистовый холод, будто опустил руку по локоть в ванную с жидким азотом.

— Ха-ха, мы вас нашли, теперь вы нас ищите... Ха-ха, мы здесь, рядом...

— Они просто хотят с нами поиграть, — вдруг произнес Лек и что-то в его голосе переменялось. Кирилл Валериевич не сразу понял что именно, но перемена эта ему ой как не понравилась.

— Где вы? — Лек отсоединился от ошестинившегося стволами на несчастный велосипед триумвирата, и прежде чем Крысолов понял, что к чему, он сделал шаг в сторону и опустил оружие.

«Поддался!», вихрем пронеслось в головах обоих ветеранов.

Кирилл Валериевич настиг его двумя большими шагами, повернул к себе и не особо раздумывая, отправил молодого сталкера, что называется, «на Одессу», ударив лбом ему в область переносицы. И пускай наличие шлемов не дали в полной мере ощутить мощь удара, Лек все же отступил на шаг, наклонился и затряс головой, будто пытаясь избавиться от влетевшей под забрало пчелы, а потом выпрямился и недоуменно уставился на командира.

— Назад, я тебе сказал!

«Разрезанное горло» издало свой бурлящий хлопок где-то совсем рядом, и тут же огромное — толщиной побольше туловища человека — щупальце с омерзительными, торчащими во все стороны присосками, похожими на расширяющиеся сопла ракет, со свистом пронеслось у них над головой. Не успели сталкеры еще ничего понять, как за ним сразу же последовало второе, немного ниже. Крысолов единственный, кто успел пригнуться. Секача же сбило с ног как застоявшуюся кеглю. Он перекувыркнулся в воздухе, но ему таки повезло приземлиться на прежнее место. Лека же, как самого легкого, со свистом отшвырнуло куда-то в сторону, в самую гущу тумана.

Не раздумывая, Крысолов рванул за ним.

— Лек! Ле-ек!!!

Одно щупальце с громким хлюпающим звуком прилипающих к асфальту присосок, хлопыстнулось на землю прямо возле него, заставив его тут же остановиться, как вкопанному, и, с трудом сдерживая в себе рвоту, смотреть на этот отвратительный, покрытый бородавками и водянистыми полупрозрачными присосками отросток. Второй шлепнулся с другой стороны, так, что Крысолов оказался будто бы между раздвинутыми указательным и средним пальцами.

Значит, тварюга знает куда нужно класть свои отростки, — пришло на ум объяснение. — Не получилось смести — будет пытаться придавить!

В том месте, куда, по подсчетам Крысолова, отлетел Лек, лежал лишь его шлем. Он поднял его, огляделся по сторонам. Щупальца тем временем оторвались от земли, взмыли вверх. С такой легкостью, будто сам Господь Бог поднял их туда.

— Лек, мать твою! Секач! Серега, сюда! Только не стрелять!

Краем глаза он успел увидеть, как сверху на него снова падает черный отросток. Инстинкт самосохранения — великое дело, за него, по возврату в Укрытие, следует выпить не одну бутылку в «Андеграунде», и пускай только Петрович попробует не поставить самой ядреной!

Разбив под собой асфальт и сотрясши землю подобно упавшему астероиду, щупальца повалились крест-накрест, накрыв аккуратно то место, где только что стоял Крысолов.

— Как вам наши игры?.. — детский голосок и чье-то прикосновение к спине. Ледяной холод тут же волнами разошелся по всему телу, но даже сквозь плотный спецкостюм Кириллу Валериевичу удалось прочувствовать, что прикоснулась к нему, легонько толкнув в спину, маленькая ладошка.

— Секач! — выкрикнул он, уставившись в клубящееся облако.

— Здесь я, — послышался знакомый голос, и облако исторгло из себя грузное тело оглядывающегося во все стороны Сергея.

У Крысолова отлегло от сердца. Щупальца уже поднялись и вот-вот следовало ожидать их падения, потому он подхватил напарника за локоть и указал на место впереди, где туман поредел и сквозь него просматривались темные силуэты многоэтажных домов.

— Там укроемся! — выкрикнул он и подтолкнул Секача вперед.

Они уже рванули было туда, позабыв, что бежать-то как раз нельзя, как вдруг в том месте, где туман просветлел, обнажив широкий проем в кирпичной стене — проезд со шлагбаумом, открывающий путь к многоэтажкам, они увидели всех детей...

Пятеро стоявших друг подле друга мальчишек в одинаковой одежде и четверо девчонок, как маленькие хористки на подиуме в протестантской церкви, в белых туфельках и гольфах, с белыми же бантиками, перед ними. Праздничные наряды, праздничные прически. Но они больше не улыбались и не смеялись, на их лицах застыли участливость и интерес. Так, будто невидимый фотограф попросил их сосредоточиться на его фотоаппарате, возможно, прибегнув к старому и весьма глупому способу концентрации внимания, пообещав детям, что из объектива вылетит птичка.

И если бы не присматриваться... Если бы не подходить к ним ближе... все могло бы показаться нормальным. Дети как дети, ничего особенного. Если бы не маленькая деталь... Если бы у них были бы глаза, а не черные, неестественно круглые впадины...

Лек стоял перед ними, такой четкий, такой реальный после долгих минут пребывания в густом тумане, что даже сначала не поверилось, что это на самом деле был он. Именно за ним так пристально следили детишки. На нем сомкнулись их полые взгляды. К нему устремились их маленькие лица. Он был актером, а они были его зрителями. Вот он зашевелил руками, отложил в сторону винтовку, расстегнул сверху молнию, отцепил защитную пластину на шее, достал из сапога нож и медленно понес его к лицу... о, Боже, к глазу...

С детьми начало что-то происходить. Они приоткрыли рты и их челюсти, будто пластилиновые, оттянулись вниз до груди, напоминая жуткую картину Мунка 1 (1 «Крик»). А из открывшихся ртов толчками начала вытекать вязкая черная слизь.

— Лек!!! — Крысолов бросился к нему со всех ног. — Лек, нет!!!

Секач опередил его, поскольку был ближе, схватил молодого stalkера за запястье, потянул руку на себя. Но умелый выворот и лезвие короткого финского ножа пришлось ему по ладони, разрезав перчатку. Подоспевший Крысолов поймал руку Лека в замок, выбил с нее нож и подсечкой сбил снайпера на землю.

— Кирюха! — выкрикнул Секач, смотря куда-то сквозь него.

Но миновать в этот раз встречи с отвратительно липким щупальцем, решившим дать наотмашь, не удалось. Крысолова ударило в грудь, он издал глухой хрип и кубарем покатился в сторону как сметенная со стола кроха. Секач хоть и пригнулся, но от удара не ушел — щупальца двигались, будто концы ножниц, и второе повалило его на землю.

— Не стрелять! — заорал Крысолов, видя сквозь пелену тумана как Секачаппа с достает из подсумков гранату и закидывает ее в подствольник автомата.

Черная слизь стекала у девочек по белым передникам, впитываясь в него, расходясь темным пятном. Белая ткань тут же начинала гнить и отпадать целыми кусками, обнажая почерневшую плоть. Но они этого не замечали, они не видели перед собой ничего, кроме скорчившегося от боли Лека и украденной у Крысолова финки.

— Да ну тебя! — выкрикнул Секач и, прицелившись, сделал выстрел по вновь вылетевшему из тумана щупальцу. Граната угодила как раз в то место, где щупальце

растворялось в серо-желтых клубах тумана. Раздался взрыв и разбрызгивающее во все стороны кровавые ошметки щупальце, словно отрезанное ножом, грузно упало на землю. Оно не дергалось, не извивалось, как принято думать, а упав, всего лишь безжизненно растянулось, преградив дорогу словно лежащий полицейский для циклопических машин.

— Ну зачем ты это сделал?! — завопил Крысолов, поднимаясь на ноги.

— Так оно же...

Из тумана раздался громкий, жуткий вопль, будто сразу с десятков бурых медведей одновременно угодили в капканы.

Ламар-Ибах-Айогами — существо, получившее имя из студенческого билета, обнаруженного во время вскрытия внутри одной из особей, и называемое для краткости просто ламар, имело восемь щупалец, и об этом знал каждый мало-мальски пробывший на поверхности сталкер. Как и о том, что для атаки оно использует обычно два, но если одно из атакующих щупалец повредить, существо ложится на землю и начинает бить всеми остальными. Хаотично, вслепую.

— Берегись! — выкрикнул Крысолов, увидев, как взлетели в воздух сразу три толстых, отвратительных отростка.

...теперь ты — паразитирующий организм...

Фдшшш! И одна из припаркованных у дороги легковушек, брызнув во все стороны осколками стекол, стала напоминать раздавленное ладонью насекомое. Фдшшшш! И асфальт под ногами у отбегающего в сторону Крысолова раскололся, а детский велосипед подпрыгнул, будто кролик, прыгнувший на оборванные электропровода. Фа-а-алдшшш!!! И крыша какого-то строения у дороги проломилась, стены растрескались, завалились внутрь, взмыв во все стороны клубы пыли и кирпичного крошева.

Крысолов с Секачом едва успели переглянуться, прежде чем щупальца снова вознеслись к небу, а окончательно потерявший рассудок сталкер уже подполз к отскачившему под колесо раздавленной легковушки ножу. Сгреб его в кулак, перевернулся на спину и отвел руку от себя как страдающий дальновзоркостью ценитель старины, рассматривая редкий экземпляр.

Еще мгновение, и он воткнет себе этот нож в глаз. И уже никто не сможет остановить его.

Щупальца занесли над ними, как топор палача.

Черная слизь выталкивалась из открытых, уже совсем не детских ртов, стекая на асфальт, образуя там широкую маслянистую лужу...

Крысолов бежит к одержимому Леку, что-то обреченно выкрикивая, выпучив глаза и осознавая, что, преодолев этот десяток метров, он уже застанет, скорее всего, только дергающееся в конвульсиях тело...

Секач прислонил к губам очередную гранату, отправил ее в подствольный гранатомет, прицелился...

И...

— А ну кыш, бесы! — внезапно раздался чей-то крик.

Сергею Секачеву вспомнился тот день, когда он с друзьями был застигнут во время самовольного сбора яблок, сторожем. Тот тогда напугал их больше своим старчески дребезжащим голосом, чем внезапным появлением. Серега тогда, думая как бы половчее ударить по пятам, не обратил внимания, что тот крикнул, но сейчас был готов поклясться, что это было то самое «А ну кыш, бесы!»

— Кыш, кыш! — снова кричал кто-то, размахивая за спинами у детей зажженным факелом.

Послышался собачий лай и к застывшему в недоумении, с зажатым в руке ножом Леку из тумана выбежала огромная псина. У нее было все в порядке с челюстями и кожным покровом, у нее даже были глаза и приязненно виляющий хвост, но молодой сталкер все равно испуганно попятился назад, вытянув вперед себя, теперь уже защищаясь, лезвие ножа.

От страха дети завизжали, задержались, замотали головами из стороны в сторону с

такой невероятной, нечеловеческой, скоростью, как насекомые крыльями, но с места так и не сдвинулись. Черная слизь из их ртов разбрызгивалась во все стороны, словно вода из вращающегося опрыскивателя. А потом из их глоток вырвался неистовый вопль. Полный безудержной боли и адских страданий. Полный безликого ужаса и зловещей истерии.

От него задрожали окна, от него содрогнулся город, даже ламар со своими щупальцами отпрянул, а у сталкеров загудело в голове, будто кто-то дрелью высверливал им мозг, и до иступления заныли зубы.

Потому что так могли кричать лишь... настоящие дети.

Потом была тишина.

— Эй, ну чего вы там?!

Голос принадлежал действительно старику, Секач не ошибся. И хотя он совсем не был похож на того белобородого сторожа, которому сейчас лет было бы где-то под сто двадцать, все же глаза у него были такими же колючими, такими же въедливыми и пытливыми. Такое выражение глаз ни с каким другим не спутаешь. Так смотрит суровый отец на шалопутного сына, растрепавшего по ветру данные родителями деньги и дошедшего до полного упадка. Так смотрит землероб на побитые градом только взошедшие ростки культур. Так смотрит Творец на человека, который выжил помимо его ожиданий и продолжает бороться за свою жизнь.

Лек, упершись спиной во что-то твердое, все еще держал нож прямо, готовясь, видимо, защищаться вслепую, так как глаз у него был закрыт, а голова опущена едва ли не до колен. Когда «немец», подошедший к нему безо всякой опаски, лизнул его в щеку, тот от неожиданности отпрянул, вскочил на ноги и хотел было уже броситься наутек. Нет сомнений — он и побежал бы, если бы не чья-то могучая ручища, железной хваткой сомкнувшаяся на его запястье.

Еще мгновение, и Лек оказался безоружным.

— Потом расскажешь мне, как у тебя это получилось, — недовольно проурчал Крысолов, пряча нож себе обратно в чехол и всучивая тому в руки его шлем.

— Я не... — Лек оторопело глядел на него своим глазом, так до конца и не поняв, что тот имел в виду. Ничего, что происходило с того времени, как к ним выкатился трехколесный велосипед, он не помнил. Хотя старика с факелом он все это время видел. Будто сквозь стену дождя.

— Ну вы идете или нет? — потоптался на месте старик. Факел в его руке горел уже не так ярко, но сквозь все еще не желающий сдаваться туман он издавал такое таинственное, завораживающее свечение, как перст Божий в руке ангела, снизошедшего с небес для битвы с силами тьмы.

Лет старику было где-то под восемьдесят, но вид он имел довольно таки опрятный и подобранный. Черный мундир с шевроном с изображением поезда на рукаве, петлицами на воротнике с таким же поездом, казался немного потрепанным временем, но все же чистым и даже выутюженным. В частности, гордились острыми, прямыми стрелками штаны, хоть уже и имевшие потертости на коленях, но все же подчеркивающие педантичное отношение к одежде своего хозяина. Куртка безупречно застегнута на все пять блестящих золотом пуговиц, из-под нее белой порхающей чайкой выглядывал воротник свежей рубашки, начищены до блеска черные штатские туфли на короткой шнуровке. Странно? Уже нет. Здесь никто ничему больше не удивлялся, а потому сталкеры приняли старика таким, каким он себя им явил. Был бы он в одежде деда мороза, значит, дед мороз; был бы в одежде летчика, значит летчик. Они настолько измотались за эти несколько часов, что оболочка человека теперь не значила для них ровным счетом ничего. Роль играл лишь сам факт — перед ними человек или враждебно настроенный мутант. Вот и все различия, которые их могли беспокоить.

Крысолов и вовсе, пытаясь навести порядок в круговерти подхваченных шальным вихрем мыслей, растерянно уставился на него, как на возникший из ниоткуда каменный монумент внеземной цивилизации. С одной стороны, вроде бы с его появлением не то, что не

случилось ничего дурного, даже наоборот — он помог им выпутаться из не самой приятной ситуации, а Леку и вовсе жизнь спас. Даже ламар куда-то запропастился, так и не завершив свой акт возмездия за отстреленную конечность. С другой же его донимал вопрос, что от этого седовласого аккуратиста можно было ожидать? Он, конечно, подтверждал теорию о выживших в периферии людях, и это было хорошо, но... Кто он на самом деле? Еще один безумец, у которого вместо винтовки факел? Быть может, у него тоже есть «калькулятор», которым он просканирует мозги сталкерам, а потом пустит в расход? Что ожидать от человека, который оказался вторым жителем этого города? После полоумного, который отстреливал людей, потому что его дурацкий прибор определял их как мутантов?

Вопросы обрушились на головы сталкеров, как снежная лавина, но, тем не менее, когда старик поспешно зашагал внутрь территории, обнесенной бетонными плитами, все трое, переглянувшись, двинулись за ним как пионеры за вожатым. А следом, приветливо помахивая хвостом, потрусил и «немец».

Крысолов знал, что времени не оставалось, знал, что колонна уже двинулась на Пирятин и при благоприятном стечении обстоятельств преодолела четверть пути, знал, что впереди у них еще есть работенка и им нужно спешить, но старик как будто загипнотизировал их. Будто внушил им, что может останавливать время. А потому, когда он предложил им зайти к нему в дежурку на чай, они согласились.

— Об убитом... — шепнул своим Кирилл Валериевич, и поднес палец к губам. Те кивнули.

Подойдя к маленькому кирпичному сооружению, старик, извинившись, опустил факел в ведро с водой, на что тот незамедлительно отреагировал недовольным шипением, дождался, пока он полностью погаснет, а затем вставил его в специальный держатель у входной двери, предназначавшийся когда-то для древка флага. Затем бросил псу вынутую из кармана краюху черного хлеба, и отворил дверь.

— Проходите, устраивайтесь. А ты, — он взглянул на Секача, — снимай перчатку, сейчас промоем рану.

Убрав шлем подмышку, Крысолов первым вошел в единственную комнатуху, вскользь осматривая на ходу ее убогую обстановку. Потемневшие от сырости стены, свисающая с потолка лампочка под самодельным абажуром из консервной жести, маленькие замызганные окошки, давно не видевшие краски местами подгнившие, издающие запах гнили, половицы — все это словно пудовая гиря на весах в противовес изящному мундиру обитателя сей комнаты. На стене несколько черно-белых фотографий в рамках: на одной склонив друг к другу головы счастливые молодожены, на другой — строгое семейное фото двух взрослых и двух детей, а на третьей, единственной цветной фотографии — усмехающееся лицо девочки, слегка наклоненное к цветам, которые она держала в руках. Из мебели в комнатухе был лишь стол с четырьмя стульями, небольшой комод, над которым высились слегка покрывшиеся пылью горы книг и газет, одежный шкаф с перекосившимися дверцами, и узкая железная кровать с кое-как наброшенным на нее старым голубым покрывалом и твердой подушкой в углу. Особняком, как раз под окнами, взгромоздился имеющий форму фортепиано пульт с несколькими телефонными трубками, множеством цветных лампочек, кнопок и тумблеров. Надписи над кнопками давно стерлись, оставив на железных табличках лишь обрывки непонятных буквосплетений. Сверху на нем стоял маленький телевизор, направленный экраном к кровати, а в углу комнаты, между кроватью и комодом, сыто потрескивая угольками, разогревала поставленный на нее чайник старенькая буржуйка.

Они расселись кто на стулья, кто на кровать, и в комнатухе сразу же стало как-то темно и полно, будто только что пустовавший вагон под завязку заполнили пассажиры. Это создавало одновременно и уют, и неловкость.

— Я прошу прощения за беспорядок, — сказал старик, садясь напротив Секача на вытащенную из-под кровати табуретку. — Все никак не найду время тут прибраться. Ну, давай сюда свою руку.

Тот послушно протянул ему широкую, залитую кровью ладонь с разрезом, ровно протянутым по линии жизни, и вопросительно посмотрел на Крысолова. Кирилл Валериевич лишь подернул губами, мол, хрен его знает, делай, что говорят.

Старик внимательно осмотрел рану, затем потянулся к комоду, извлек из верхнего выдвижного ящика аптечку и, плеснув себе в ладонь спирта, принялся растирать руки.

— Чего приуныли, молодцы? Расскажите старику, куда хоть путь держите-то? — его лицо, широкое, открытое, густо покрытое бороздами морщин растянулось в приятной улыбке и сталкерам немного отлегло от сердца. Его вид не вызывал у них и изначально опаску за его психическое состояние, но все же было в нем что-то, что настораживало. Но все подозрения отпали, как только он сделал это — если человек не утратил способность искренне, благожелательно улыбаться, значит, он еще человек.

— В Харьков, — коротко ответил Крысолов, наблюдая за тем, как старик со щепетильностью хирурга приступает к обработке раны.

— В Харьков? — переспросил он. — Далеко. Надеюсь, не будет наглостью, если я спрошу за чем?

Крысолов тяжело вздохнул, нахмурился.

— Длинная история. В двух словах и не расскажешь.

— Понимаю, — он удовлетворительно кивнул, будто ожидал именно такой ответ, — сейчас не лучшее время для душевных бесед. Но все-таки есть пара минут, — кивнул он на руку Секача, — пока я его перевяжу. Или предпочитаете помолчать? Да вы снимайте эти баллоны, в плечи же небось жмет?

Жмет — не то слово, — хотел сказать Крысолов, но вместо этого лишь зашуршал лямками, отстегивая балонное оборудование для резака и отставляя его подальше.

— Люди из Харькова в помощи нуждаются. Гонца прислали. Вот мы в разведку и вышли, — пробубнил Секач, решивший, видимо, таким образом отблагодарить старику за медицинское вмешательство. — Поможем ли чем, еще не знаем, а кое-какое оружие и пищу для них везем. На месте, как говорится, разберемся, что там к чему. Может, к себе их заберем.

— Благородная цель, — повел подбородком старик. — Мало осталось людей, которые могли бы вот так. Сейчас каждый за себя. Кто-то будет издыхать от голода, а кто-то рядом обжираться и куском крысиного мяса не поделится. Мы превращаемся в существ ниже, чем животные.

— И часто приходится людей здесь видеть? — тут же задал Крысолов вопрос, который волновал его в последнее время даже больше, чем судьба экспедиции.

— Нет, теперь уже не часто. Да и на людей они, честно сказать, мало похожи. — Все трое затаили дыхание, зная, какой истинный смысл может скрываться в этих словах. — Сгорбленные, ссутуленные, как неандертальцы, ей Богу. Правда, еще в одеждах, а не набедренных повязках.

— А общаться вам с ними давно случалось? — вытянул шею Крысолов.

— Общаться? — старик задумался. — В общем-то, да, давненько. Они с некоторых пор в город отчего-то не заходят. Так, в основном по району промышляют. В Панфилах вон, в Ничипоровке, Григоровке обитают. Там в деревнях целые лабиринты вырыли, все погребка между собой соединили и на глубину ушли. Так и выжили, люди подземелья, — улыбнулся старик. — А горожане до этого не додумались, вот и повымерли все. За пару месяцев... и отмучились.

— Но вам же удалось выжить, значит, не все вымерли, — вставил Секач, которого так и подмывало рассказать старику о еще одном горожанине и поведать о том, почему люди из района не заходят в город.

— Это как посмотреть, — вдумчиво протянул старик, но в следующий миг словно ожил: — Эх, дурья моя башка — чайник-то, небось, весь уже выкипел!

Он подхватился с табуретки, оставив руку Секача протянутой, как на милостыню, а сам ринулся к буржуйке со всей прытью, которую ему позволяли развитые скованные

ревматизмом суставы. Поспешно набросил на ручку чайника полотенце, переставил его на стол. С неким автоматизмом, будто гостей он принимал не реже, как пару раз на день, достал из-под стола четыре одинаковых чайных кружки — белых в красные кружочки — и сверток мелко порубленных веточек. Расширил его скрюченными пальцами и бросил в каждую кружку по обильной щепоти.

— Вишневый, — объяснил он, заметив, как вытянули шеи сталкеры. — Из старых запасов. Сам собирал. Я еще из тех времен, знаете ли, когда к названиям больших предприятиям добавляли почетные титулы ордена Красного Знамени или Красной Звезды, а на прилавках... — он рассмеялся, пытаясь хоть как-то разрядить обстановку, — чай был лишь по талонам.

— А как вас звать-то? — поинтересовался оживший Лек, сиюсь не встречаться взглядами с остальными сталкерами.

— Иванычем кличут, — сказал он и одарил присутствующих извиняющейся улыбкой: — Сахара, правда, у меня нет.

— Да ничего, — кивнул Крысолов. — Жизнь нам сахаром не подсластишь.

Иваныч оставил кружки с чаем остывать, а сам возвратился на табуретку.

— Да уж, — согласился он, взяв в руки ладонь Секача, будто собираясь ему погадать. — А как вы, позвольте спросить, узнали, что в Харькове есть люди и что им нужна помощь?

— Наши обнаружили труп проклятого... — Секач втянул голову в плечи и зажмурился, когда старик начал втирать ему в рану какую-то зеленую, жгучую мазь. — Не знаю, как у вас тут их называют... у него было сообщение от харьковчан. Вот мы и... — он снова зажмурился, будто тот прикладывал ему к ладони раскаленную кочергу. — Ну, а по дороге к вам вот заехали. А вы здесь, кстати, кем будете?

— Я? — удивленно посмотрел на него Иваныч, затем посмотрел в окно, будто кого-то высматривал. — Думается, диспетчер железнодорожной станции, если еще не уволили, конечно.

Все трое тут же посмотрели в то же окно, куда выглянул старик, но так ничего, кроме застилающего свет тумана и верхушек многоэтажек вдали, там не увидели.

— А что же вы здесь делаете?

— Ну, вокзал-то есть, куда ведь он не делся? Стало быть, и нужен тот, кто за ним присматривал бы. Я вот и присматриваю по старой привычке.

— И живете вы в этой конурке?

— Да, — старик снисходительно улыбнулся. — Здесь старый диспетчерский пункт. Когда-то он пустовал, а теперь я вот его занял. Новый конечно получше — большой, просторный, но я уже привык к этому.

— А оружие ваше где? Неужто факелом от зверья всякого обороняетесь?

— От зверья? Собак, вы имеете в виду? А зачем от них обороняться — они на меня не нападают. Тем более у меня есть защитник — видели моего Адольфа? Хороший пес, уже лет десять со мной. Иногда я думаю, что это его они боятся, а не меня. Озёрника вы, правда, здорово взбесили, — после этих слов Кирилл Валериевич стрельнул в Секача язвительным взглядом, давая ему понять, что о его игнорировании приказа он еще не забыл, — теперь он не успокоится, пока вас не затащит к себе в болото. Надеюсь, вы умеете бегать быстро? Да шучу я, — заметив, как лицо Секача приобрело пунцовый оттенок, добродушно улыбнулся Иваныч, — от него можно и так уйти. Главное — не застаиваться на месте.

— То есть, он не уполз обратно к озеру? — встрял Лек.

— Не-ет, отцепиться от него будет не так уж и просто. Он вас чует, а поэтому, как только вы начнете идти, он тут же пустится за вами. Но уверяю вас, стрелять по нему не нужно. Достаточно просто идти быстрым шагом.

Диспетчер железнодорожной станции... Без защитной одежды, без оружия, в простом домике без каких-либо укреплений и фортификаций... Странно все это, и ненормально. Так, будто происходило это все не с ними — Крысоловом, Секачом и Лekom — а с их

двойниками, чувства которых передаются даже на расстоянии многих километров или же из одного мира в другой.

Это как закрыв глаза во время просмотра телевизора видеть уже воображаемое продолжение. Сталкеры чувствовали себя будто закрывшими глаза. Им казалось, что стоит захотеть, как все это исчезнет — и старик в мундире диспетчера вокзала, и стол с четырьмя кружками, и туман за окном. Но сколько бы они не хлопали веками, сон не проходил.

— А что это за дети были? — решился озвучить давно всех их волнующий вопрос Лек.

Иваныч остановился, пристально посмотрел на молодого снайпера, словно хотел просветить его насквозь, и от этого взгляда тому стало как-то не по себе. Такую неловкость чувствуешь, когда осознаешь, что к тебе протягивали раскрытую ладонь не для того, чтобы поздороваться, а чтобы показать, что у тебя расстегнута ширинка.

— Вы ведь были на нашем Супое, не так ли? — Сталкеры сморщили лбы, и старик тут же поспешил объяснить: — На озере? Когда-то это было красивое, роскошное место, к нам сюда на отдых съезжались со всей области, а уж что это было любимое место горожан, то и подавно. Заметили там на берегу лодочную станцию? В те времена она пользовалась огромным спросом. Романтические покатушки, и все такое. Дети очень любили там проводить время. Лодочник там был всего один, но детям никогда не отказывал. В тот день на противоположном берегу было много детей. Праздники, конкурсы, плескания, ну, как обычно проходят выпуски из детсадов, чтобы детям запомнилось... — старик на мгновение отвел голову, будто пытаясь справиться с наворачивающимися на глаза слезами. — Когда со стороны Киева к нам неслась черная, внутри словно пылающая, туча, закрывающая все небо, а по магистрали в сторону столицы затарахтели танки и прочая военная техника, в городе началась паника. По телевизору объявили эвакуацию, вот только куда эвакуировать собрались — не сказали, у нас ведь, — старик горько улыбнулся, — не было космических ракет. — Старик отмотал с полметра бинта, аккуратно отрезал его, сложив вдвое, и принялся перематывать обработанную рану. — На берегу Супоя возникла сумятица. Почти всех детей вывезли, у озера остался лишь один микроавтобус. Уж непонятно, что там произошло, то ли машина поломалась, то ли водитель с воспитательницей допустили какое-то необдуманное решение, то ли еще что, но девять шестилетних детей оказались запертыми внутри. Им велели подождать, и они терпеливо ждали, ведь воспитательница обещала вернуться.... Это же были шестилетние дети... — сокрушенно покачал головой старик. — Как она могла о них могли забыть?

— Так что же с ними произошло-то? — нетерпеливо проговорил Лек.

— Микроавтобус скатился в озеро, — ответил он, вскинув седыми косматыми бровями. — Когда родители приехали на берег, из воды была видна только крыша. Те дети умерли страшной смертью, захлебнувшись в наполнившей салон воде... А потом они начали здесь появляться. То воспитательницу ищут, то водителя, то других детей, успевших уехать с берега. Они все еще остались детьми, и хотят с кем-то играть. Но если найдут, тот обычно больше никогда не выходит из этого тумана... Хорошо еще, что мне пока удастся их сдерживать. А вам повезло, что я в это время не спал.

Затем его лицо повеселело и он, еще раз ощутив наложенную повязку, несильно хлопнул Секача по колену.

— Ну, вот, теперь ты как новенький! Ой, да что ж я такой забывчивый-то? Вы это, подсаживайтесь к столу, чайком угощайтесь.

Не сказать, что Крысолова поведенная Иванычем история потрясла до корня волос — он-то и слушал его пятое через десятое (благо историй о призраках, как и их самих он наелся по самое горло), но все же что-то заставило его пододвинуться поближе к источавшей домашнее тепло буржуйке и задуматься. Что-то в этом всем было. Что-то такое, чего он не слышал ранее. Что-то, что радикально отличалось от всех тех историй, которые ему приходилось слышать от подвыпивших сталкеров в «Андеграунде» или тех блуждающих теней в помещениях университетов, которых ему выпадала возможность видеть самому. Даже от историй о мерзлых — самой распространенной формы потусторонщины, эта

история неуловимым образом отличалась.

Но, вместе с тем, разве она вызвала какие-то колебания в его душе? Разве ему стало жаль маленьких детишек? Разве мрачный холодок хоть краешком закрался ему под одежду? Нет. Наслышан. И о запертых в больницах людей, где они гибли дольше всех остальных, постепенно превращаясь в радиационную гниль. И о детях, которых попытались эвакуировать, а военные, получив приказ никого не выпускать из города, залпами из танков превращали переполненные «икарусы» в мясной фейерверк и о других, не менее рвущих сердце историях.

Так что же тогда? Ответа на этот вопрос Крысолов так и не нашел, хотя он был так очевиден...

Чай был вкусным. Лучше него сталкерам раньше пробовать ничего не приходилось. Бесцветные яблоки, выращенные на узловатых карликовых яблонях, считались в Укрытии самым ароматным деликатесом. Их спелый, вкусный запах ближе к середине лета витал по всем тоннелям, расплывался по всем уровням, проникал каждому в дом, заставляя глотать голодные слюны их обитателей. Но аромат этого чая, безо всякого преувеличения и в зависть укрытским садовникам, превосходил яблочный во сто крат.

— ...вот так вот и живу воспоминаниями, — закончил свою мысль Иваныч, так и не поняв, что никто из троих, пребывающих в состоянии некой прострации — каждый по своим причинам — ни слова не слышал, о чем он только что говорил.

И лишь Секач, так до конца и не понявший, зачем ему далась эта повязка на руке, ведь разрез был по его меркам всего лишь неглубокой царапиной, автоматом спросил: «какими?»

— Да разными. Иногда веселыми, иногда не очень, как какое настроение. Обычно вспоминаю молодость. Тогда и петь хочется. А придет на ум что-то связанное с семьей — хоть плач. Уже столько лет прошло, а все помню. Все до мелочей. Кажется, могу каждый день расписать, что было в нем особенного. То Леночка упала с качели, то Юрка в школе кому-то кнопку на стул подложил. Ох, всяко было. А потом р-раз... и не осталось никого. Поэтому я больше люблю вспоминать о юных годах: как в армии служил, как учился в институте, как поступал сюда на работу...

— Я прошу прощения, — поднялся на ноги Крысолов, бережно отставив пустую чашку на стол. — Мы благодарим вас за чай и за помощь, — он кивнул на руку Секача, — но нам пора идти.

— Как, уже? — вскочил старый диспетчер, и его лицо приняло такое жалкое, несчастное и беспомощное выражение, что Крысолов почувствовал на себе вину за то, что они оставляют его одного на этом пустынном, полностью скрытом в дымке, вокзале.

Он даже думал предложить ему присоединиться к их экспедиции — мало ли, свободные руки никогда не помешают — но здравый смысл, вовремя напомнивший ему, что старик всего лишь диспетчер, а не солдат, что он не умеет обращаться с оружием и ничего не смыслит в военной тактике, взял верх, и Крысолов, лишь неопределенно угукнув, поднял свой автомат, шлем и направился мимо старика к выходу. Забрыцали своими погремушками и Секач с Леком.

— Жаль, что вы так быстро уходите, — встал в дверном проеме диспетчерской Иваныч и почесал за ухом пригорюнившегося на пороге Адольфа. Он улыбался, но при этом был похож на человека, у которого сгорел дом, а он пытался убедить всех, что только рад этому обстоятельству, потому что теперь у него появится возможность построить новый.

— Покажете нам, где самая короткая дорога на магистраль? — пересиливая впервые за столько лет заслезившуюся в нем жалость, попросил Кирилл Валериевич. — Нам нужно к тому месту, недалеко от дороги... в общем, там сооружения, обнесенные колючей проволокой и с зарешеченными окнами. Знаете, что это за место?

— Да, конечно. Там вроде как военная лаборатория была или что-то в этом роде. Одним словом, на перекрестке свернете направо и никуда не сворачиваете, пока не дойдете до реки, а там — вниз по руслу и выйдете ровно на то место.

— Спасибо, отец, — поблагодарил его Крысолов. — Удачи тебе.

И они двинулись. Шли молча и в тишине. Озёрник их не преследовал, не было видно и других тварей, которые обычно просыпались ближе к вечеру. Туман медленно таял, постепенно возвращая городу обычный, нелюдимый вид. И чем дальше они отходили от озера, тем ниже он опускался, тем больше увеличивалось расстояние между клоками ваты, похожих на путающихся под ногами бездомных щенков.

— Ну, елки! — чертыхнулся Крысолов, остановившись. — Баллоны забыл, надо вернуться. Я сейчас, ждите меня здесь.

— Может, все вернемся? — предложил Лек. — Он же говорил, что ламар от нас не отстанет?

— Нет, оставайтесь здесь. Я постараюсь быстро.

Возвращаться Крысолову не хотелось. Он шел, по пути придумывая, что он скажет старику, но кое-как сложенные в предложения слова тут же выпрыгивали из головы, как патроны из рук новичка, впопыхах пытающегося снабдить первую в жизни обойму. Нет, объяснить причину возвращения будет несложно, да он, наверное, уже и сам заметил постороннюю вещь у себя в доме. Труднее всего будет снова уходить, снова оставлять его на пороге одного, добровольно отдавшегося на растерзание бесконечной тоске и суетливому унынию. Уходить, затылком чувствуя на себе его взгляд, полный съедающей его горести и затягивающего на самое дно ощущения покинутости, и не в силах чем-либо ему помочь...

Это было бы поистине трудно.

Было бы, если б еще на подходе к обветшалому домику Крысолов не заметил, что что-то в его очертаниях незримым образом переменялось. Это как рассматривать две на первый взгляд одинаковые картинки и пытаться найти в них одно, причем самое каверзное, умело ускользающее от цепкого взгляда, отличие. Усложнял задачу и сменившийся фон. Теперь за этим домиком, словно одиноко стоящей среди поля пешкой, высились другие станционные фигуры-здания и сам, Его Величество Перрон, с обретшим здесь вечный покой, поданным на посадку, но так и не отправившимся в путь, поездом.

Окончательно убедился в неправильности увиденного Крысолов, когда подошел к домику вплотную. Из трубы не шел дым, а факел казался таким старым, будто им освещали себе ночной путь еще степные казаки, основавшие этот город.

Ни хозяина, ни его пса нигде не было видно. Двери подались с трудом — но чему тут удивляться, они давно просели и перекошились под непосильной тяжестью времени. Обстановка внутри знакома. Все так же, как они и оставили — четыре пустых кружки на столе, комод, полупустой одежный шкаф, телевизор на старинном диспетчерском пульте, беспорядок на кровати...

Все так, но и не так. Крысолов подошел к столу, взял свою кружку, поднес к глазам. На прямоугольном столе осталось круглое белое пятно, словно дырка в именном солдатском жетоне. В кружке было сухо и пыльно, и лишь сухие мелкие веточки вишни подсказывали, что когда-то давно здесь был вкусный, пахнущий летним садом, чай.

А от буржуйки тянуло холодом, как от могильной плиты, и уж совсем не верилось, что на ней когда-нибудь мог разогреваться тот закопченный, хоть и азартно вздернувший кверху нос, чайник.

Пыль. Все укрыто ею как мягким, ворсистым ковром. Она везде. Она на всем. Она засеивалась здесь, равномерно ложась, слой за слоем, на протяжении многих лет. И никто... никто ей не мог помешать. Никто ей не мог противиться. Никто не мог уничтожать, ежедневно стирая ее влажной тряпочкой. Никто... Никто, потому что здесь давным-давно никого нет. Потому что нет никакого Иваныча, нет никакого Адольфа, они — всего лишь продолжение мрачной легенды об ушедших на дно озера детях. Они прекратили свое существование так же давно, как тот поезд, который начал умирать, когда его навсегда оставил машинист...

Как же он сразу не смог сообразить это? «Вишневый... сам собирал». Это же ясно, как Божий день. Какие вишни? Где он мог бы их собрать, если все деревья ныне напоминают

замерших при исполнении какого-то бессмысленного фанданго танцовщиц, вскинувших к небу свои иссохшие, костлявые, руки с растопыренными пальцами? Может, кто-то подумает, что раз они похожи на танцовщиц, то это должно выглядеть красиво. Да только нет в этом никакой красоты. Нет в их неестественно выкрученных, обветренных до костей стеблях ничего, кроме боли.

«Я еще из того времени, когда... чай был по талонам...»

Господи, с тех пор же целая эпоха прошла... Когда еще был чай по талонам? В девяностых, восьмидесятых?

Крысолов поставил кружку обратно, закрыв ею ровный белый кружок, взял свои баллоны и уже направился было к выходу, на ходу напяливая их на едва отдохнувшие от тяжести плечи, как его внимание вдруг притянула статья в лежащей на комодке газете. Он остановился, взял ее в руки, автоматически взглянув на дату выхода (6 июня 2016 года, восемь дней после первого акта войны; Господи, они еще печатали газеты) и прочел:

«...загоревшийся прямо на платформе поезд забрал жизни тридцати двух людей, еще около ста доставлены в городскую больницу с тяжелыми ожогами. Также трагически погибли, при содействии в эвакуации пассажиров и двое сотрудников железной дороги. Среди трагически погибших и семидесяти семи летний начальник железнодорожной дистанции Рокотов Булат Иванович и ...»

И внизу фотография Иваныча, в том же мундире, в котором он их и встретил, только еще с фуражкой на голове.

Крысолов бережно, словно вещь человека, который давно умер, но память о котором ценишь и хранишь, отложил газету, взглянул на фотографии на стенах, аккуратно над комодом и прикипел к земле. С цветной фотографии, где раньше была запечатлена усмехающаяся девочка, наклонив голову к цветам, в ошарашенного Крысолова вместо глаз вперились глубокие провалы, а отвисшая чуть ли не до груди челюсть исторгала черную слизь.

— Это моя внучка, — услышался сзади голос Иваныча.

Крысолов оглянулся, потрясенный, не зная, что и сказать. У него в горле словно застряла воздушная пробка, которую было не по силам ни проглотить, ни выплюнуть. Он знал, что сказать что-то обязательно должен, хотя бы то, что ему жаль, что так получилось с его внучкой но те звуки, что издало его пересохшее горло, больше походили на скрип старых ставней.

Теперь он и понял, что именно заставило его призадуматься, когда он выслушивал историю о канувших в Лету детях. Ее рассказывал призрак, и утонченное чутье Крысолова уловило в его голосе этот холодок.

— Идите, Кирилл Валериевич, идите, — спокойно, как отец неизлечимо больного ребенка, смилившегося с неизбежной его утратой, сказал Иваныч. — Вам пора.

И он вышел.

Трогательный момент расставания, который волновал Крысолова по дороге сюда, обратился во что-то презрительно-насмешливое, как улыбка джокера, которая не вызывает никакого другого желания, как врезать ей по зубам. А все заготовленные им слова будто перевернулись вверх ногами и стали задом наперед, словно в тех заковыристых шарадах. Но Крысолова это больше не волновало. Как бы там ни было, а ему от сердца отлегло, и дышаться стало легче. Он знал, что старик стоит на пороге — точь-в-точь как десять минут назад — поглаживает своего приунывшего пса и смотрит ему в спину своими глубокими, истомленными глазами. Возможно, он печалится, а, возможно и наоборот, радуется, что скоро его одиночество вновь примет свою обычную форму, но для Крысолова ничего этого уже не существовало. Для него имели значения лишь люди — живые люди и их судьбы; судьбы же мертвых он всегда предпочитал оставлять мертвым.

Глава 10

Стахов выскочил из кабины «Чистильщика», пригнул голову, словно боясь попасть под

перекрестный огонь, глянул в обе стороны — как бы из тумана на него ничего не посягнуло — и побежал к «Бессоннице», услужливо откинувшей для него башенный люк. С юношеской прытью он вскочил на башню БМП, захлопнув за собой крышку.

На все ушло не больше десяти секунд.

Они спешили, нельзя было терять и секунды. Но, похоже, у двигателя «Бессонницы» на этот остаток дня были свои планы, так как завелся он лишь с шестой или седьмой попытки, заставив Бороду понервничать и вспомнить кое-какие давно забытые и выдумывать новые ненормативные выражения.

Зафурчал и «Чистильщик», ритмично поднимая клапан на высившейся над капотом выхлопной трубе и тем самым словно подтрунивая над засрамленной «Бессонницей», мол, видишь, вояка, я десять лет жизни плуг тягал по сельским полям и завожусь с пол-оборота, а ты... салабон армейский! Не того танком прозвали, эх...

Зато ты выглядишь, как перекормленный бегемот, — огрызнулась «Бессонница», приведя в движения гусеницы, — и тянешь свой вагон, как теща чемоданы. Тоже мне герой нашелся! Дер-р-р-рёвня!

«Монстр» со своей устрашающе-зубастой карикатурой на клине решил не соваться в их разборки. В последнее время он тоже чувствовал себя не лучшим образом. Давал о себе знать спринт, в котором они участвовали утром. Бежать на всех парах ему, оказалось, не так уж и легко.

В дверь Базы-1 постучали.

Андрей хоть и не спал, и даже не мечтал, а всего лишь отвлеченно наблюдал из кресла за тем, как, выполняя непонятные движения взад-вперед, разворачиваются боевая машина пехоты и трактор, от неожиданности подпрыгнул на месте, будто ему в задницу воткнули иглу. Выругавшись, он соскочил с кресла, подобрался к правому панорамному иллюминатору и выглянул наружу. Кто-то стоял спиной к двери, провожая взглядом уезжающие машины, в черном сталкерском костюме, уперев руки в бока и нетерпеливо притопывая ногой. Невысокого роста и с торчащим из-за спины «штайром» — автоматической винтовкой, которой в Укрытии награждали только самых отважных сталкеров. Кто именно это был, Андрей узнать не мог — из опознавательных знаков у того была лишь нарукавная нашивка с так называемым «цветком Радия» (черно-желтым пропеллером), и цифрой тринадцать под ней.

Вот идиоты, — мысленно выругался он, — ну почему не сделать так, чтобы мне было понятно, чье грызло прячется под тем шлемом? Написал бы сбоку как тебя зовут, или что?

Потому что по инструкции, — тут же вспомнились слова Крысолова с одной из лекций, — если «коробка» уже расформирована, вы не должны никому открывать дверь, не получив надлежащей инструкции от старшего по борту. Даже если на шлеме у того будет написано «Я — братан из «Монстра»! без прикрытия с других баз, предварительной проверки и разрешения на открытие дверей — вас в базе просто нет.

Сзади зашипела рация:

— Одинокий один, форма одежды номер четыре, и готовься на выход. За тобой сейчас придут.

Как же я ненавижу этот голос, — подумал Андрей, узнав в нем своего ночного обидчика.

Ему хотелось сказать в ответ что-то резкое, — не вызывающее и, упаси Боже, не оскорбительное, — а именно слегка выступающее за дозволенные между начальником и подчиненным рамки. Так, чтобы потом можно было бы, если что, без труда оправдаться. Ну, типа, извините, не расслышал, радиопомехи и все такое. Кое-какие заготовки даже готовы были слететь с его языка. Но...

— Одинокий один понял. Выполняю.

Он уже отложил в сторону ненавистный шлем и взялся натягивать штаны СЗК-5656М, как в дверь снова нетерпеливо постучали.

— Секунду! — выкрикнул он, в спешке облачаясь в костюм, который делал его

похожим на боевого киборга, словно срисованного из тех ныне вызывающих лишь снисходительную улыбку, обложек фантастических книг.

Оставался шлем. Андрей посмотрел на него как на заклятого врага, с которым ему все же пришлось подписать временное перемирие для достижения общих интересов.

На всякий случай поклацал фонариком, направляя пучок света то на дверь, то на пол, послушал свист прибора ночного видения. Затем, отвешивая злосчастному шлему подзатыльники, выключил и фонарик и НВ-прибор, громко выдохнул, будто собирался осушить стопку водки, и с выражением лица, как перед чисткой забитого унитаза, надел его на голову. Застегнул все шесть застежек, протер широкое забрало.

Чувствую себя, как деталь в моторе, — раздосадовано подумал он и направился к выходу, прихватив по пути свой «калаш».

О том, что перед ним не обычный сталкерюга из «Форта», с каким-нибудь дерзким прозвищем, который будет обязательно идти первым, многозначительно молчать, громко сопеть и периодически подавать команды, которые ему, Андрею, нужно будет, как послушной собачонке, незамедлительно выполнять, он понял сразу. Нет, возможно, насчет команд он и ошибся, а что до остального — угадал. Ведь не нужно обладать сверхсообразительностью, чтобы увидев, как плотно облегает спецкостюм налитую грудь, как вырисовываются на фоне плывущего тумана крутые бедра, как грациозно, царственно и победоносно отставлена в сторону изящная ножка, понять, что за зеркальным забралом, совсем не похожего на их шлема скрывается лицо девушки. Да и насчет опознавательных знаков — промах, потому что если внимательнее присмотреться, на левом рукаве костюма вышита оса с торчащим из полосатого брюшка жалом.

Юля!

Такого сюрприза Андрей никак не ожидал. Он был готов ко всему, но имя этой особы он не вписал бы и в самую последнюю графу списка «Кто бы это мог быть?» А потому, находясь в жуткой растерянности и не осознавая, насколько глупо это выглядит, сделал шаг назад, словно перед распахнутой дверью стояла не девушка, а чудовище. Мысли в его голове спутались в один разноцветный клубок. Одни напоминали о том миге, когда Андрей, впервые оторопело уставился на нее, хоть и одетую в мрачную черную форму и обутую в армейские ботинки, но все же такую стройную, утонченную, величаво ступающую по трапу. Другие — о случае в медблоке, ведь именно она бросила на него ту тварь. Третьи — о его сне и об валяющихся на полу пуговицах.

— Пошли, — она кивнула и, не дожидаясь пока Андрей обретет дар речи, мягко, как кошка, ступая по шербатому дну реки, в считанные секунды растаяла в тумане.

Андрей спохватился, словно отойдя после цыганского гипноза, и хлопнув за собой дверь, ринулся вслед за исчезнувшей в молочно-желтых клубах Юлией.

— Э, молодежь! — из кабины «Монстра» высунулось суровое, изборожденное шрамами лицо Тюремщика. — У вас в запасе минут двадцать, не больше! Постарайтесь успеть, чтоб я за вами не шел. Возникнут проблемы — запускайте «сигналку». — Потом добавил мрачно: — Если я ее увижу, считайте вам повезло.

Юля шла молча и, ясное дело, впереди.

Андрей все норовил поравняться с ней, но как только их плечи становились на одном уровне, тут же либо возникали какие-то помехи на дороге, отталкивающие его назад, либо она сама меняла направление, словно специально не давая возможности Андрею догнать ее. Утешительным призом для него оставались лишь ее вкусный, божественный запах, который он втягивал в себя через приподнятое забрало, будто ничего лучше в жизни ему вдыхать не приходилось, и не менее приятное созерцание ее сочных ягодич. О, ради одного этого стоило идти позади нее.

Они направлялись, судя по всему, за город. Шли по извилистому руслу реки в абсолютно противоположную ушедшим более часа назад поисковикам сторону, но Андрея это совсем не настораживало. Он был, словно та крыса из мультфильма, одурманенная запахом сыра. Даже то куда и зачем они идут, как-то само собой отползло на второй план.

— Как тебе музыка? — спросила она, когда все-таки Андрею удалось поравняться с ней.

— А... Что?

— Музыка. — Она остановилась, повернула к нему голову, и в отражении ее забрала он увидел хлопающие ресницами, растерянные глаза.

Она указала большим пальцем назад, и тогда до него дошло, что она говорит о той мракобесной pile-жигитаре, что проникали наружу из приоткрытого окна в кабине «Монстра».

«... это в моей жизни заключительный каприз —

Разбежавшись, прыгну со скалы, вот я был и вот меня не стало,

И тогда себя возненавидишь ты, лишь осознав, кого ты потеряла...»

— Меня она так заводит, — так и не дождавшись ответа, сказала она и, качнув несколько раз в такт тяжелому ритму головой, продолжила путь.

— В каком смысле? — непонимающе пожал плечами Андрей.

— В том, что когда я ее слышу, у меня появляется такое необоримое желание... убить кого-то.

— В каком... смысле? — сам зная, что начинает быть похожим на заевшую пластинку, повторил Андрей, облизав пересохшие губы.

— А разве в этом есть несколько смыслов?

Она взглянула на него, и он опять встретился с глупым выражением собственных глаз. И хоть ее лицо закрывало зеркальное забрало, Андрей вдруг как-то понял, ощутил, что она улыбается. Нет, не добродушной, умиляющейся, как и подобает девушке улыбкой, а той, которой награждают человека, утверждающего, что связался с Богом и тот сказал ему, что их всех скоро заберут в рай.

О, черт! Да она не в своем уме, — подумал Андрей и для чего-то перетянул автомат со спины на грудь. Одурманенность у него как рукой сняло.

— А куда мы идем? — поинтересовался он, стараясь не выдать своего беспокойства.

— На охоту, — коротко ответила она и прибавила шагу. Андрей снова оказался позади.

Они покинули русло реки и вошли в маленькую, ничем неприметную улочку, где с одной стороны — насколько это было видно — горбились вросшие в землю почти по окна, небольшие хаты с обнажившими хребты крышами, а с другой — бетонная стена. Местами плиты покосились, кое-где были видны проломы и трещины. Периодически на ней всплывала одна и та же надпись на синем квадрате: «Реализуем стройматериалы со склада. Широкий выбор, низкие цены. Тел. 8-067-...». В одной из плит зияла огромная дыра, но никаких строений или хотя бы даже темных пятен, намекающих на их присутствие, там не было. Просто туман и все.

Не останавливаясь и особо не осматриваясь по сторонам, Юля вынула из кармана какой-то полукруглый прибор с большим черным экраном, на котором от центра расходились пульсирующие круги, и принялась тыкать им в разные стороны. Так, словно пыталась взять интервью у скрывающихся в тумане людей, и навеивая тем самым Андрею не самые добрые ассоциации.

— Что ты делаешь? — наблюдая за всем этим с не скрытым интересом, спросил Андрей.

— Пытаюсь найти рыбное место, — ответила она, продолжая направлять свой прибор во все стороны.

— А кого мы ловить будем?

— Ламара. Или ты уже забыл, на кого истратили последний?

Всего-то? Значит, поэтому ты выбрала меня? — разочарованно подумал Андрей. — Я здесь только потому, что на меня пустили последнего осьминога, а не потому, что могу прикрыть тебя и защитить, если понадобится?

Эй, братишка, очнись, не будь смешным, — рассмеялся внутренний голос. — Посмотри на ее оружие. Видишь, на прикладе выгравирована такая же оса, как и на рукаве? Гравировка

качественная, деланная мастером. Это говорит тебе о чем-нибудь? Это ее «штайр», именной, понимаешь? И если он у нее, то значит, она его заслужила. И наградили ее им не за красивые глазки, поверь. Так что ежели бы она действительно нуждалась в прикрытии, на твоём месте был бы кто-нибудь постарше и поопытней. Ты здесь, скорее всего, для других целей.

— Я, между прочим, не просил, — уязвленно ответил Андрей. — Смог бы и обойтись без такой помощи.

— А я и не говорю, что ты просил. Это была моя инициатива. — Прибор в ее руках издал три коротких пищущих сигнала, и она остановилась. — Он все равно уже умирал, а так хоть на пользу пошел.

— М-м-м... — вдумчиво кивнул головой он. — Стало быть, ты сразу двух зайцев убила: и применение издыхающему осьминогу нашла, и виновника его смерти к ответственности привлекла.

— А ты умнее, чем кажешься, — оглянулась она на него, пряча прибор обратно в карман.

Андрей не знал принимать ли ее слова за комплимент или за полную сарказма насмешку, но в глубине души ему было приятно это слышать. Хотелось верить, что он действительно сумел удивить ее. Это здорово повышало самооценку и прибавляло ему уверенности в себе.

— А чем они помогают, ламары эти? Ну... какими такими лечебными свойствами они обладают?

— Откуда мне знать? Я что, похожа на биолога?

— Но ты же работаешь в медблоке.

— Я работаю там точно так же как и ты. — Она сбросила со спины рюкзак, присела возле него и принялась в нем рыться. — Я выполняю работу, когда меня об этом просят. Держи вот, — вытащив из рюкзака очередную электронную безделушку, смахивающую на игрушечную летающую тарелку, она протянула ее Андрею. — Включишь, когда я тебе скажу.

Андрей взял увесистый прибор, с любопытством оглядел со всех сторон. Самое интересное, что в нем было — пара круглых цветных кнопок, одна из которых была окрашена, конечно же, в яркий красный цвет, а вторая в не менее яркий зеленый. Снизу — решетчатое дно, сквозь которое серебристыми пупырышками проглядывали пайки микросхем и телескопическая игла, вытянув которую, летающая тарелка превращалась в гигантскую канцелярскую кнопку. Все остальное — цельный металлический корпус, кое-где подмятый, словно это и вправду был неудачно приземлившийся летательный аппарат с маленькими зелененькими человечками на борту.

— Убери автомат и воткни «ловца» в землю, — закрывая рюкзак, сказала она. Затем поднялась, хрустнула шеей, наклонив голову к плечу, и сделала пару шагов назад. — Я скажу, когда включить.

Андрей, и без того не страдавший альтруистическими побуждениями к выполнению этой более чем странной задачи, теперь и вовсе пытался совладать с собой чтобы не предложить Юльке самой воткнуть своего «ловца» в землю и самой включить ее когда посчитает нужным. Она-то должна лучше знать, что делать, это все-таки ее приборы — так ведь? А он постоит на подстраховке, если что.

Но когда Юля перетянула из-за спины свой автомат, Андрею почему-то перехотелось ей высказывать свое мнение. Не то, чтобы он испугался, — еще только этим он не пуганный, — но про себя отметил, что все-таки хорошо, что сюда не слышно «музыки», которая может ее «завести».

— Включай, — отчего-то шепотом сказала Юля и, упершись спиной в бетонную плиту, медленно опустила на корточки, затем встала на одно колено. — Жми на зеленую кнопку.

Он закинул свой автомат на плечо, воткнул «ловца» на пол-иглы в землю с противоположной стороны дороги и нажал зеленую кнопку. Прислушался. Ничего. Прибор, как бы он там не назывался, не издавал никаких звуков. Может, не включился? Андрей

потянулся к нему снова, но Юля опередила его:

— Не нужно, — тихо проговорила она. — Просто жди.

— Здесь? — удивился Андрей, указывая на бездействующий, как ему казалось, аппарат.

— Да. Присядь и будь тише. Скоро они появятся. — Она взглянула на наручные часы, положила свой «штайр» на землю и вынула из-за пазухи маленький, похожий на дамский, пистолет. — У нас осталось десять минут. Не успеем — останемся здесь навсегда.

— Они? — вытаращил глаза Андрей. — Их что, будет много?

— Не знаю, всегда по-разному.

— А это тебе еще зачем? — он кивнул на пистолет.

— Здесь пули с токсином. Они не смертельны.

— Так зачем он тебе?

— На всякий случай.

Андрей уже хотел было спросить, а что же делать ему, когда наступит этот самый случай, как справа от него, в пожухлой, выгоревшей траве что-то зашуршало. Он посмотрел туда, потом на Юлю:

— Здесь что-то есть, — с опаской в голосе сказал он, тыча пальцем в туман. — Может мне, это?..

— Я знаю. Не двигайся.

Шуршание послышалось впереди. И справа. Словно шепот.

— Слушай, а если они на меня нападут? — не унимался Андрей. — Эй, ты меня слышишь?

Юля не отвечала. Она превратилась в робота, которого запрограммировали патрулировать территорию вдоль этого забора, а у него разрядились аккумуляторы. Так и замерла, направив дуло пистолета в небо и уставившись на участок дороги, где, по чистой случайности, оказался Андрей.

Он вращал головой во все стороны как человек, потерявший в толпе ребенка. Ему все еще не удавалось разглядеть существ, скрывающихся в тумане, но шуршание вокруг него становилось все заметнее и четче. Они вовсе не крались к нему, они медленно, но уверенно наступали, ощупывая своими тонкими ножками-щупальцами пространство впереди, и Андрей это понял сразу. Как и то, какая роль ему уготована. Быть приманкой — вот его задание на первый тур.

Сзади послышался свист рассекаемого воздуха. Андрей, собрав всю волю в кулак, уже собирался было оглянуться, как из сгустка тумана впереди с таким же звуком на него вылетела огромная ладонь с восемью растопыренными, многофаланговыми пальцами. От неожиданности он отскочил назад, и автомат, слетев с плеча, упал в неглубокую лужу на обочине дороги. Выпрыгнувший на него ламар плотно и со всех сторон обхватил его шлем своим телом как рука — теннисный мячик, и миг потерявший обзор Андрей вместо оружия соскреб раскисшую придорожную грязь.

— Да что за...

Со второй попытки ему удалось схватить за цевье свой автомат, но прежде, чем он придумал, что будет с ним делать — не стрелять же по этому ламару, верно? — второй головногий уже обхватил его запястье и автомат выскользнул из руки.

Вскрикнув, Андрей поднялся на ноги и попробовал бежать, но жуткие, длинные щупальцы десятка ламаров, облепивших его тело как муравьи червя, плотно обхватив его за колени, лишили его подвижности. Они сдавливали его с такой необычайной силой, будто у них были не пальцы, а железные клешни. Андрей снова выкрикнул, на этот раз какое-то грязное ругательство, — уже позабыв, что рядом девушка, — и сделав несколько неверных, качких шагов, рухнул на землю.

— Юля! — выкрикнул Андрей, барахтаясь в луже грязи на обочине.

— Пять секунд! — услышал он в ответ. — Четыре, три..

Она наконец включилась! — с облегчением подумал он. — Слава Богу!

В отражении ее забрала все происходило словно на экране телевизора. Она смотрела на это представление бесстрастным взглядом, не испытывая к Андрею ни сожаления, ни сострадания. Для нее — первоклассной охотницы, перенявшей от своего Учителя все знания и навыки, и даже в чем-то его превзойдя, все это было стандартной процедурой, возможно, вызывающей легкое отвращение, но не более того. Как для заядлого рыбака цепляние червяка на крючок.

— ...два, один. Готово.

Зажав в одной руке свой «штайр», она подошла к торчащему в земле «ловцу», нажала красную кнопку. Прибор ничем не подсказывал, что включился во вторую фазу, но ламары, все как один, словно получив команду «спать», вдруг разжали свои пальцы и бессильно сползли с Андрея.

Краснея от переполняющего его ощущения использованности, он вскочил на ноги и, на ходу размазывая оставшуюся на забрале слизь, подошел к луже на обочине и схватил за ремень свой автомат. В первое мгновение он еще не знал, что лучше предпринять, но то, что Юльку он готов был сейчас убить — это факт, и никакой музыки ему для этого не требовалось.

— Почему ты мне не сказала?! — выкрикнул он.

— О чем? — словно не понимая смысла вопроса, Юля вскинула плечом и снова прибегла к своему рюкзаку, откуда извлекла раздвижную металлическую сетку. Раньше такими и вправду пользовались рыбаки. — И давай-ка на полтона тише, ладно? А то, знаешь, тебя могут и услышать.

Вздернув рукой, словно запуская к земле «йо-йо», она растянула сетку и, присев возле смиренно лежащих ламаров, принялась осматривать их, переворачивая брюхом вверх и отбирая по каким-то известным только ей признакам исключительно самых молодых и полных сил.

— Пистолет-то с токси-зарядами небось для меня предназначался, а? Вдруг я буду оказывать сопротивление или надумаю, упаси Боже, одну из этих тварюк покалечить. Или не так, скажешь?

— Ты меня, конечно, радуешь своей проницательностью, но послушай, будь так добр — не ори, а?

— Не ори, — разгневанно взмахнул руками Андрей. — Могла бы хоть предупредить, как именно это все будет происходить. Я бы все равно никуда не делся, раз ты уж меня сюда притащила. Был бы я твоей наживкой, если тебе так этого хотелось. Сказать-то могла? А не вести, как скотину!

Юля оглянулась на него. Нажала на какую-то кнопку у виска и забрало с тихим жужжанием поползло вверх.

— Извини, — виновато сказала она, — ты прав, я об этом просто не подумала. Если тебе и в самом деле было так больно, в следующий раз мы поменяемся местами. Идет?

Андрея это осадило. Не то, что она сказала, а то, как она на него посмотрела — как на мальчика: беспомощного, растерянного, слабого, близкого к панике.

— Ага. Только надеюсь, следующего раза не будет.

Он не хотел этого говорить — фраза, почерпнутая из тех книг о супергероях, что ему доводилось читать, всплыла сама по себе. Внутри себя же Андрей чувствовал, как квелый огонь, невзирая на то, сколько раз он его топтал, заливал водой и накрывал мокрой рядниной, все же выжил, и искры от него взмывают вверх, обжигают ему лицо, отражаются в глазах, опьяняют разум сладострастными феромонами. Притяжение, с которым действовала на него эта слегка безумная девица, казалось, не иссякло бы даже после того, как она сбросила бы его в яму со львами.

По всем признакам, это называлось, как сказал Рыжий, «втюрился»... но Андрей все еще упрямо не хотел в это верить.

— Как знать? — игриво подмигнула она ему. — Возможно, ты сам захочешь составить мне...

Ее оборвал знакомый звук, на который она тут же переключила все свое внимание. Три коротких сигнала, поданных одним из тех приборов, коими был напичкан ее рюкзак. Юля сморщила лоб и, вытащив тот прибор, которым она раньше тыкала в туман, взволнованно посмотрела на его экран. А Андрей вдруг поймал себя на мысли, что такой она нравится ему куда больше — настороженной, строгой, сосредоточенной. Хотя... она нравилась ему всякой. По всей видимости, он втюрился.

Прибор еще раз подал сигнал.

Юля взяла его обеими руками, словно голубя мира, которого вот-вот собиралась подбросить к небу, и медленно направила на Андрея. Глаза у нее округлились, дыхание на мгновение остановилось. Сжавшись, она всем сердцем надеялась, что определитель выдаст что-нибудь другое, но на экране высветились цифры 12.12: семейство великих перепончатокрылых.

— Сзади! — выкрикнула она.

Но в то же мгновение, видя, что Андрей пребывает словно в астрале, никак не реагируя на ее крик, бросилась в его сторону. Она не привыкла никого спасать, — рейдерство в одиночестве способствует развитию эгоизма, — а потому ничего лучше, чем повалить бойца на землю, запрыгнув на него, ей в голову не пришло. Возможно, будь у нее чуть больше времени, она бы и успела, но было слишком поздно.

Какая же ты красивая, — последнее, о чем подумал Андрей, прежде чем вырвавшиеся из тумана огромные черные когти, впившись ему в бока и плечи, в мгновение ока вознесли его до таких высот, о которых человек за последних тридцать лет мог только мечтать.

Сначала была тишина. Такая плотная, такая густая, такая прочная, не нарушаемая даже шорохом приходящих в себя ламаров и сбивчивым дыханием разлегшейся на дороге Юлии. И только там, в вышине, Андрей что есть мочи закричал.

* * * *

В семи километрах на запад трое сталкеров замедлили шаг, оглянулись.

— Кирилл Валериевич, что это? — озадаченно посмотрел на него Лек.

— Спросишь тоже, — фыркнул Секач, видимо позабыв, что и сам недавно задавал такой же вопрос. — Не видишь какая чертовщина в этом городе творится?

— Да но... кажется, это человек кричит, — не отступал стрелок. — Может, из наших кто?

— Ага, из наших, — съязвил Секач. — Тут все «наши», начиная со старика на вокзале, который тоже казался нам человеком. Или ты уже забыл?

Услышав эти слова, Крысолов поежился, словно кто-то бросил ему за шиворот пригоршню льда и бросил на Секача пытливый взгляд.

— Ты это о чем? — спросил он, в уме пережевывая услышанное — правильно ли он его понял? Секач говорит о старике как о несуществующей материи? А ведь сам он ничего им о нем не рассказывал!

— А о том. — Секач демонстративно стянул с руки разрезанную перчатку и протянул ладонь остановившемуся Крысолову. — Видишь?

Крысолов настолько углубился в свои мысли, скрипучей дрезиной возвратившие его обратно к запыленной, неживой коморке диспетчера-начальника вокзала, что поначалу смотрел не на протянутую широкую пятерню, а словно сквозь нее. Тот сжимал-разжимал пальцы, демонстрируя их подвижность, а Крысолов сосредоточенно рассматривал линии жизни и любви на его ладони, будто их широкая вилка сейчас имела какое-то значение. И тожмо пару долгих секунд спустя, Крысолов понял, на что нужно было смотреть. На ней не было повязки, хотя все трое видели, как щепетильно старик ее накладывал и проверял. Но самое главное — на ней не было и никакой раны. Даже шрамов от ожогов на пальцах, что Секач получил еще лет десять назад, когда спасал от пожара одну семью в Укрытии, и тех не было. Словно слизал их кто.

— И вот еще, — он повернулся к Крысолову, закатал левый рукав и показал ему часы, которыми еще как гордился. — Пока мы были там — они стояли.

Крысолов ничего не ответил. Многозначительно вздохнул, повернулся и зашагал по направлению к уже проблескивающей промеж выжженных холмов автостраде.

За ним молча, тяжело ступая по размокшей земле, пошли и Лек с Секачом.

Андреевы крики к тому моменту уже стихли.

* * * *

Растерянность у Юли длилась не дольше трех секунд. Мыслительный процессор в голове, обученный в свое время самим Учителем, просчитав за короткое время все возможные варианты, выдал единственный верный — уходить.

Догонять перепончатокрылую тварь было бессмысленной затеей. В тумане, в незнакомом городе, в одиночку, не располагая ни временем, ни возможностью, со стопроцентным успехом можно было найти только верную смерть. Никакие навыки охотника, никакое чутье не могли даже примерно указать направление, куда тот мог затащить свою жертву. Это может быть и крыша девятиэтажки, и подвал частного дома, и рабочий кабинет в городском суде, и открытые склады на железнодорожном вокзале, и загородный лес, и опрокинутый самосвал, под кузовом которого можно было удобно устроиться для беззаботной трапезы... Версий — тысячи, и все они могли соответствовать действительности. Если кто-то допустил мысль, что достаточно было просто идти на Андреев крик, то он наверняка ни разу в жизни не был в пустынном городе, и не знает, что звук в таких местах неподвластен направленности. Он идет вроде бы сверху, а как будто бы и снизу. Справа, а будто бы и слева. Звучит вокруг, а одновременно и внутри. Идти за звуком, значило идти по наклонной в пропасть.

Ей было искренне жаль парня, но этого оказалось явно не достаточно для того, чтобы сломя голову ринуться за ним вслед, преследуя слепую, бездумную надежду отбить его у хищного крылача. Холодный, трезвый расчет вмиг подавил в ней все сердечно-душевные, присущие каждой женщине, порывы самоотверженно бежать на помощь. И хотя это не мешало ей себя корить за абсолютно несвойственную ей нерасторопность, она, продев руки в лямки рюкзака и схватив сетку с временно бессознательными головоногими, развернулась и резво зашагала к руслу реки.

Посмотрела на часы и чертыхнулась. Пора было возвращаться. Вопли Андрея Тюремщик, скорее всего, за музыкой не слышал, а если их и услышал Рыжий, то до подачи сигнала ракетой Тюремщик все равно вряд ли выдвинется на подмогу.

Ему, как и Кириллу Валериевичу, как и любому другому сталкеру, побывавшему на поверхности хоть с десяток раз, не единожды приходилось слышать, как плачут стены. Надрывно, со стенаниями, со всхлипываниями, точно как живые, а, подойдешь, откроешь дверь — пустотища...

Не раз приходилось слышать, как в эфир пробиваются чьи-то сообщения, молящие о помощи и указывающие адрес, по которому находится дотла сгоревшие дома, школы, военные училища.

Или как кто-то зовет на помощь из окна квартиры. А ты, услышав этот полный боли стон, первым делом забываешь, что это невозможно в принципе. Идешь, упорно идешь на зов, веря в промелькнувшую перед глазами звезду ложной надежды, на миг ослепившую тебя человеческим присутствием. Мы не одни! Мы не одни! Кроме этой мысли, ворвавшейся в сознание громадным, сгребаящим все на своем пути бульдозером, все остальные становятся брзжащими, неуклюжими старцами, без усталости толкующими о неминуемой гибели. Но ты их не слушаешь, ты не думаешь больше ни о чем... А когда подымаешься в квартиру, откуда тебя призывали к помощи, к тебе неожиданно резко возвращается способность здраво мыслить. Объяснение приходит само — никто тебя не звал. В углу комнаты сидящий скелет мужчины держит на руках маленький, хрупкий скелетик ребенка.

На кровати, в поуженной постели, сплошь покрытой коричневыми пятнами, лежат кости в цветном тряпье...

Вы не одни, это правда. Мы всегда с вами, — говорят их скалящиеся черепа. — Вы никогда не будете одни... Никогда!

Таких случаев много. И разобраться где просит помощи человек, а где не успокоившееся воспоминание о нем, почти невозможно. Не раз отряды сталкеров шли на зов — такой явный, страдательный, настоящий — а когда приходили, заставляли лишь скопление иссохших останков, а на полу под ними широкие засохшие пятна...

Кровь не смывается.

И от этого невозможно избавиться, поставив даже миллион свечек в церкви. Прочитав даже миллион заупокойных молитв. Даже всенощно стоя на коленях пред алтарем. Нет больше жертвы, которая могла бы понести за это ответственность. Нет приношения, которое могло бы ослабить чью-то страдальческую участь. Нет скульптора, который смог бы из него высечь хоть часть той боли и тех вечных страданий.

С этим нельзя бороться, это нельзя задобрить, к этому невозможно найти деловой подход, с ним можно лишь смириться, как с тем, что над тобой уже не порхает божий Ангел — хранитель... Его место заняли другие ангелы, с перепончатыми крыльями и темными лицами...

Над городом снова воцарилась мертвая тишина.

Ракету Юля так и не запустила.

Глава 11

Сверкающие белой краской кривоватые каракули на перекрестке и были той меткой, которую оставили поисковики. Там была изображена стрелка, указывающая на восток, время — 17.15, и нарисованные под ними корявый герб страны советов, перечеркнутый по диагонали кружок, как условное обозначение диаметра, и буква «К». Для остальных это должно означать, что Лека нашли, и команда в полном составе выдвинулась на Пирятин в четверть шестого.

Становилось темнее и прохладнее, солнце уходило восвояси и воздух напитывался такой необходимой влагой.

Дорога была удивительно чиста. Если до Яготина было дьявольской проблемой — объезжать и таранить всё уплотняющийся перед блокпостом скопище вставших машин, то на промежутке Яготин-Пирятин их практически не было вовсе. И хотя до самого Пирятина еще оставалось верст пять, Крысолов был уверен, что ситуация не поменяется.

На выцветшем громадном билборде, напоминавшем полинявшее прабабушкино платье, проглядывались едва различимые на пятнистом фоне слова: «Вас вітає Полтавщина. До зустрічі в Київській області»¹. 1(Вас приветствует Полтавщина. До встречи в Киевской области)

Да уж, если и Полтавская область окажется столь же гостеприимной, как Киевская, встреча может слегка затянуться, — горько улыбнувшись, подумал Кирилл Валериевич. Видимо, о том же думал и занимающий штурманское место Секач, поскольку и по его лицу скользнула недоверчивая улыбка.

— Приветствует... — хмыкнул он, затем перевел взгляд на Крысолова. — Что-то остальных не видно. Как думаешь, они сразу выехали из Яготина?

— Должны были. Да нагонят они, Серега, мы же больше пятидесяти не едем.

В оставшемся без крыши и лобового стекла уазике, привыкшие к тесной, но уютной кабине «Чистильщика», сталкеры чувствовали себя переростками, по ошибке севшими на аттракционах в детский вагончик. Резкие порывы холодного, колкого ветра больно стегали по лицу, завевали под одежду, принуждая их втягивать шеи, до слез резали глаза и будоражили воображение посторонними звуками. Чуть уютнее примостился расположившийся на полу за передним рядом сидений Лек, накрывшись куском брезента и

созерцая убегающую дорогу. Ветер его почти не доставал, но от ледящих душу звуков спасения не было. Время от времени приходилось слышать то чей-то жалобный скулеж, то затаенной вой, то вскрик человека, оступившегося на краю пропасти. И было от всего этого такое препаршивое настроение, что ни о чем другом, как ужраться в дымину и отключиться на несколько часов, Лек мог и помышлять.

Сталкеры, к слову, тоже были не прочь опрокинуть по стаканчику разбавленного спирта, и если бы в запасах «Разведчика» была бы хоть капля хмельного, ей Богу, Крысолов уже давно разделил бы ее с напарником и стрелком.

Свет потихоньку съедался жадными, наконец дождавшимися своего часа, сумерками, подобно запряженным лайкам, тащившим за собой царицу Ночь. Помешать ей было некому — солнце, словно испугавшись чего-то, так после трех дня больше и не выглянуло, и незначительное беспокойство ей могла причинить разве что источающий скудный, бледный свет острый осколок луны.

— Кирилл, послушай, — перебивая шумящий в ушах ветер, обратился Секач. — Вот мы знаем с тобой лет четырнадцать, не меньше...

— Почти пятнадцать, — уточнил Крысолов.

— Да, почти пятнадцать, — согласился Секач. — И вот впервые за этих пятнадцать лет я случайно узнаю, что ты, оказывается, умеешь... — он замешкался, подбирая слова, покрутил в руках невидимый кубик рубика, — общаться с собаками... Почему? Почему ты никому не рассказал об этой особенности? Ты никогда об этом мне не говорил. Скольких проблем мы смогли бы избежать на поверхности, если бы знали...

Крысолов, внимательно выслушав начало вопроса, медленно, как убийца, обнаруживший прятавшегося под диваном ребенка, повернул голову к Секачу, и тот умолк, словно осознал, что нес полную околесицу.

В такой момент, должно быть, сложно ощущать себя ему другом. Когда он вот так смотрел, никто на свете не смог бы понять по непроницаемому лицу Крысолова, о чем тот думает. Даже если бы и был создан прибор читающий мысли, он, скорее всего сгорел бы во время зондирования сознания Кирилла Валериевича.

— Ты и вправду считаешь, что на это можно полагаться в полной мере? — слетело с его сухих, посеченных губ. Он по-прежнему смотрел на него, а не на дорогу, но, к превеликой радости Сергея, машина шла исправно и, главное, ровно по назначенной траектории.

— А почему нет? — перешел в наступление Секач. — Если бы ты наладил контакт раньше, возможно они перестали бы ломиться к нам в шлюзы?

— Ими управляет Высший Разум, — сказал он и, наконец, отвел взгляд на дорогу.

— Так это же еще лучше! Если он, как мы и предполагали, существует на самом деле — почему бы тебе не договориться именно с ним? Это же легче, чем убалтывать каждую отдельно взятую собачонку, чтобы они прекратили охотиться на нас.

— Серега, не смейся, — на устах Крысолова появилась ироничная улыбка, но даже она была лучше и приятней для глаза, чем тот взгляд, который заставил Секача чувствовать себя глупцом. — Договор подразумевает под собой взаимную выгоду, а наши с ним интересы как две машины на автостраде. Только одна пытается удрать, а другая всегда едет по встречке. И если у первой нет фар, и она движется, всем сердцем полагаясь на авось, то у второй — руля, которого она лишилась сознательно. Понял, к чему я это? К тому, что у него, уже неуправляемого, одна цель в жизни — уничтожить нас, брат. Все, чего он хочет, это чтобы не видеть нас больше никогда. Ему важно только это. И что ты, хотелось бы знать, собираешься предложить ему взамен? Может, дань и жертвоприношения в дни солнечного равноденствия?

— А он... человек? — поинтересовался Секач, отвлекшись на секунду осмотром большого придорожного ресторана, на парковке которого пригорюнился с десятком одноцветных в свете сумерек легковушек.

— Сейчас трудно предполагать, но когда-то он, по-видимому, был именно человеком.

Возможно, он ненавидит свое отражение в зеркале, а потому и хочет уничтожить остатки человечества. Чтоб не дразнили. Хотя... кто его знает?

— Хорошо, но ведь тебе как-то удалось предотвратить бойню там, на берегу? Значит, сумел-таки договориться?

— Неправильно слова подбираешь, Серега, — понизил голос Крысолов, то ли потому что ветер из встречного сменил направление на боковой, то ли чтобы его не слышал сидящий за его спиной Лек. — Это не называется «договорился», скорее «выпросил». Да и выпросить у меня вряд ли получилось бы, если б у жожака той своры не возникли небольшие разногласия с Разумом. Он не то, чтобы передумал нападать на нас, он просто подчеркнул свою независимость, понимаешь? А мы оказались посредниками, той кинутой костью, которую собака отказывается брать в знак протеста. И встретить мы их еще раз, кто знает, как бы все обошлось? Ведь в тот раз ими двигали бунтарские побуждения, а уже в следующий, вполне возможно, это был бы голод. Вот тебе, Серега, и вся мистика. — Его глаза потускнели, как у фокусника, чьи фокусы еще задолго до конца выступления стали предсказуемыми и нудными публике, а лицо приобрело отпечаток меланхолии. — И ни с кем мы уже не договоримся, старичок. Ни с кем. И никогда.

Секач хотел что-то сказать, может даже возразить, но, набрав в легкие воздуха, лишь громко выпустил его через ноздри. Да и что тут скажешь? В сказки-то верить, конечно, хочется не только детям, но вера эта слишком хрупка и ненадежна, чтобы окунаться в нее с головой и полностью. Она как весенний лед, на который так и подмывает выйти, чтобы катнуться в последний раз. Хотя бы до середины и обратно. А здравый смысл, отчего-то в облике строгого дядьки в жестком брезентовом костюме с аббревиатурой «МЧС» на рукаве, показывает тебе кулак и наивно, как родитель, начинает гундосить свою длинную, заунывную речь. В те минуты, ты готов его убить, задушить собственными руками за то, что он не дает тебе вдоволь насладиться вырисовыванием разных фигур, но когда лед начинает действительно под тобой трещать...

Осознание того, что это всего лишь сказка, придуманная все еще верящей в чудо какой-то частью твоего сознания, и ей никогда не стать частью жизни, навсегда обречено быть тем темным, маслянистым пятном на белоснежном наряде, которое так никогда и не удастся вывести. Верь в чудо сколько вздумается, но загляни себе в душу и ты все поймешь. Там слишком жарко для того, чтобы льду не превратиться в пар. Но огонь тот, к превеликому сожалению, не от души твоей идет, нет. Тысячу раз «увы», но твоя душа давно не пылает. Она едва тлеет, как сырые дрова, и с этим ничего не поделаешь. А огонь тот, он иного происхождения — он яркий, невообразимо жаркий, но он не твой, он — частичка геенны, частичка преисподней, которую ты только помог разжечь внутри себя. С каждым спусканием курка. С каждой брызнувшей тебе на лицо каплей крови. С каждым пройденным с носилками в руках метром. С каждым поднятием шлюзовых ворот. С каждым едва слышимым словом «Выполнено». Ты раздуваешь и раздуваешь этот огонь внутри себя, подкладываешь свежие дровишки, подливаешь масла и ковыряешь жар. И чем больше и выше пламя, тем реже на поверхности твоего сознания появляется та тонкая корка льда, которая подмывает прокатиться. Помечтать. Поверить в сказку...

У Крысолова это уже было не просто пламенем. Он горел весь, и поэтому иллюзорному льду просто не было места, где бы схватиться — он не верил в чудеса.

— А когда ты вообще узнал, что владеешь телепатическими способностями? — наконец прервал молчание Секач, искоса взглянув на Крысолова. Теперь тот казался уставшим и понурым, даже его глаза, всегда обычно острые и зоркие, сейчас стали словно матовыми.

— А-а-а, — поморщился Кирилл Валериевич, махнув рукой, — давно это было. Расскажу как-нибудь в другой раз, ладно?

— Когда окажется, что умеешь еще и летать, как крылач? — попытался поднять настроение Секач бодрым голосом.

— Между прочим, — несерьезно сдвинул брови Крысолов, — ты ослушался моего

приказа и выстрелил в страдающего гигантизмом ламара. Надо бы тебя наказать за это.

— А ты обозвал меня «чертовым клоуном», забыл? — незамедлительно нашел, чем отразить атаку Секач. — И что самое главное — ни за что ведь!

— Было бы за что, — прохрипел, устало посмеиваясь Крысолов, — я бы тебя еще и не так назвал. Из-за тебя могло все «парапсихологическое явление» к чертям собачим покатиться. А еще спрашиваешь, почему раньше я не налаживал контакт. Вот из-за таких как ты, которым лишь бы стрелять, и не налаживал. Чертовы клоуны, — не зло подытожил Крысолов.

— Вот! — затряс перед его лицом указательным пальцем Секач. — Вот снова обозвал ни за что! А потом люди скажут, что я выдумываю. Наговариваю. Что Крысолов совсем не такой. Он — сдержанный, воспитанный и интеллигентный мужчина! — Воспарив тем самым пальцем ввысь, будто рисовал в воздухе пружину, наигранно вскинул подбородком он. — И еще никому не приходилось слышать от него и бранной буквы, не то чтобы слова.

Крысолов засмеялся.

— Так, надо с этим заканчивать. Давай рассказывай, как ты научился понимать собачий лай, и я прощу все твои провинности. Идет?

— Будешь, как тот Шурик, — несильно ударив его в бицепс, улыбнулся Кирилл Валериевич. — Только не проси меня помедленнее, ладно?

— Какой еще Шурик? — недоуменно уставился на него Секач. — Это из сталкеров кто-то?

— Из сталкеров, — кивнул Крысолов и засмеялся еще громче. На глаза у него выкатили слезы.

Секач снова смотрел на него, как на умалишенного.

— Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса! — сквозь смех выдавил он, про себя отметив, как удивительно точно он вспомнил столько лет спустя эту кинофразу. И насколько символично она теперь прозвучала.

— Я что-то пропустил? — поинтересовался Секач, дождавшись момента, когда Крысолов перестанет хохотать.

— Ладно, проехали, — стирая рукавами слезы с лица, сказал тот. — Так, вспомнилось кое-что, не обращай внимания.

— Не обратил, — тут же отмахнулся Секач. — Рассказывай давай.

По обочине промчал навстречу темный, продолговатый, изъеденный ржавчиной знак, удерживаемый на V-образной, просвечиваемой насквозь конструкции. Казалось, достаточно будет легонько притронуться к ним рукой, чтоб этот знак рухнул в дорожную пыль.

— Пирятин, — кивнул Секач, тревожно посмотрел на часы и выглянул в зеркало заднего вида. — А наших почему-то еще нет.

— Да догонят они, — заверил его Кирилл Валериевич. — Не малые же дети, в самом деле. Дорога же чистая. А мы их где-то здесь подождем, до Лубнов у нас все равно топлива не хватит. — Он всмотрелся вперед, где возле дороги стали все чаще появляться маленькие частные домики, затем оглянулся назад. — Лек, ты там как?

— Нормально все, — над сидениями возник кулак с оттопыренным вверх большим пальцем. — Расскажите о собаках, Кирилл Валериевич.

— Вот ты значит, какой ушастый, — удивился Крысолов.

— Так вы и не шептались же вроде, — понаглел Лек.

— Во, молодежь, блин, пошла, — мотнул головой Крысолов и взглянул на ошарашенного Секача.

— Правильно, Лек, так его, а то чуть что его коснется, он сразу на мороз.

— Да что там рассказывать, мужики? Я и сам толком не помню — малый же совсем еще был. И думал я тогда, что все животные говорят словами, только каждый на своем языке. Сидел часами на улице и слушал, как мяукает кошка или лает собака. Даже сам иногда пробовал по ихнему... — Крысолов сконфузился, будто признался, что до сих пор тайком рукоблудит. — Так и вышло, что я начал их понимать. Не общаться, а именно

понимать. А сегодня вот случилось и пообщаться.

— Значит, ты можешь общаться только с теми, кто сам выходит к тебе на контакт? — слегка разочарованно произнес Секач, сморщив лоб и скрестив руки на груди. — Я правильно тебя понял?

— Да, все верно. С собаками гораздо проще, поскольку у них очень сильное поле, они издали чувствуют мое присутствие, а также мою способность к телепатии. Но общаться с ними, уж поверь, у меня никогда не возникало и малейшего желания. Да и возможности не было... Если бы тогда, когда я был молодым и неотесанным, меня не начали шугать и опыты разные на мне ставить — кто знает, может, я и вправду смог бы в полной мере развить в себе эту способность. А так... с меня такой же телепат, как вона с Михалыча спринтер. Посему гори оно все ярким пламенем, Серега. Не хочу я. И смысла в этом никакого нет.

Положа руку на сердце, Секач жалел, что начал этот разговор. В некоторой мере он даже злился на себя за совсем ненужную, несвоевременную настойчивость и нелепое упрямство, и на Крысолова злился за то, что тот так легко поддался на его уговоры и поведал о своей «сверхспособности», которой, как оказалось, вовсе-то и нет. И что самое главное — ведь обычно же молчит, как рыба, ничего из него не вытянешь. Хоть пой перед ним, хоть пляши, а он скажет, как обычно, что-то типа «не сегодня, Серега», или «знаешь, я ценю людей, которые уважают чужое личное пространство и не лезут в душу с дурацкими вопросами», или «ну ты нашел время для душевных бесед». А тут взял да и поломал всю сказку о Крысолове.

А тот и сам не знал, зачем рассказал. Пока говорил, вроде как чувствовал что-то наподобие облегчения: вот, высказался, наконец, товарищу. А когда затих, появилось такое чувство, будто бы с него на людях сдернули штаны. И хотя он знал, что Секач — человек надежный, что не сболтнет он лишнего никому, даже если будет на бровях из «Андеграунда» выползать никто из него ничего не выбьет, а все-таки ощущение, что он проговорился, засело в его сердце ржавым гвоздем. Скрытность натуры подчас заставляет чувствовать себя уязвимым после откровенности.

Правда, томиться их душам — одного за настойчивость, а другого за беспринципную податливость оставалось не долго. Скоро они забудут о сказанном если не напрочь, то, по крайней мере, на пару часов уж точно.

«Разведчик» остановился.

Случайные блики света фар, искусно рисующие в окнах домов свет и очертания людей, усевшихся за столом для семейного ужина, давно не вводили бывалых сталкеров в заблуждение. Они могли бы обмануть какого-нибудь несведущего бойца, готового каждый блик принять за свет человеческого жилища, но «стреляных воробьев» не проведешь.

Висевший над дорогой светофор, естественно, был ничуть не живее домов у дороги, но как же, черт возьми, оживленно он помигивал! Да, естественно, это то же отражение света фар, как и в окнах, но даже искушенным сталкерам на долю секунды поверилось, что он в самом деле мигает монотонным желтым светом, реже красным или зеленым. Это уже после по их головам, словно грязным бульдозером по благоухающему цветнику, прошелся насмехающийся рационализм, обвинивший их в розовощекой инфантильности: м-да, мигает... а регулировщика там, случаем, нет поблизости? А поначалу зрелище было таким завораживающим, что не поверить ему просто было невозможно.

— Перекресток, — вымолвил Крысолов, остановив машину на перекрестке, аккуратно под мигающим светофором. Игривая маска на его лице сменилась настороженностью. — Подождем здесь остальных.

Снаружи было тихо. Бередящие душу мрачные звуки, крики, возгласы — словом, все то, что рисовало ущипнутое воображение, — пропало разом. Осталось нарушать городское спокойствие потрескивание остывающей трубы глушителя и заунывное посвистывание в пустых глазницах домов зябкого ветра. Позже стало слышно и где-то далеко перекликающихся летучих мышей.

На несколько минут наступила тишина, которую не решались нарушать даже летучие

мыши. Это могло значить что угодно, но скорее всего то, что в окрестностях появился некто, при ком предпочтительно не нарушать тишины. Потом, как всегда, перепончатокрылые поняли, что воздух — это, прежде всего, их стихия, и там они находятся в полной безопасности, а потому снова завели свои писклявые диалоги, больше не обращая ни на кого внимания.

Крысолов оглянулся. С тревогой в глазах вгляделся в горизонт — не показываются ли там слабые мерцающие огоньки основных машин экспедиции? Но там ничего не было. Темнота плавно опускалась на дорогу, скрадывая очертания печелящихся о судьбах своих хозяев домов, разглаживая острые очертания угловатой крыши маленького придорожного кафе без единой машины на парковке, размягчая очертания белых столбиков, стеной стражников выстроенных у дороги, а главное, растворяя, как кислота, само дорожное полотно, превращая путь обратно в черный, непроглядный в месте, где к нему еще прикасалось пунцово-серое небо, падающий пепел.

Поскрипывая ржавым креплением, светофор медленно и безвольно раскачивался на ветру со стороны в сторону, словно старый, протянутый между столбами уличный фонарь. Сначала этот безобидный, тихий скрип был уместен, но уже спустя совсем малое время, казалось, что он начинает выедать сталкерам мозги.

— Никто не хочет выпить? — рискнул Лек, оглянувшись на лидера.

— У тебя с собой бутылка Бифитера? — сострил Секач, хотя идею молодого стрелка счел довольно таки привлекательной.

— Что?.. Да нет, кафе вон, — указал тот рукой на небольшое одноэтажное здание из кирпича, одно из больших витринных окон которого было разбито вдребезги, а второе закрывали выцветшие добела агитплакаты, приклеенные изнутри.

Крысолов провел рукой по лицу, словно снимая с себя усталость, озадаченно побарабанил пальцами по рулевому колесу, покосился на зеркало заднего вида.

— Что ж, все равно нам их еще ждать. — Он взял свой автомат, громко передернул затвор. — Пошли, попробуем какое тут на вкус пойло местного разлива. Лек, захвати там сзади светильник.

— Есть, товарищ начальник экспедиции, — театрально изобразив на лице восторг, вскинул ладонь к виску Лек. — Благодарю за оказанное доверие.

При каких-нибудь других обстоятельствах, Крысолов, уже, разумеется, отвесил бы безусому салаге оплеуху — это если бы пребывал в добром расположении духа, уж не говоря во что бы обошлась Леку подобная фамильярность если бы Учитель встал не с той ноги. Но сейчас эта реплика даже немного его подбодрила — если парень еще не утратил чувство юмора, значит он в душе справился с последствиями яготинского инцидента. И это не могло не радовать Крысолова.

На пару секунд снайпер призадумался у открытого заднего борта «Разведчика» — что ему с собой брать: «старушенцию-43» или относительно новую полуавтоматику? Конечно, больше хотелось испытать новую винтовку, тем более патронов «старушечьего» калибра в ящике с патронами в «Разведчике» было всего пять или шесть. Но последние события, черными пауками взбегающие по его телу едва он притрагивался к оружию убийцы, омрачая всякое желание его брать в руки. К тому же по отношению к спасшей его в подземном тоннеле «старушке» это было бы нечестно. Но, с другой стороны, это ведь его трофей, первый трофей, как у тех сталкеров, что имеют по сто выходов наружу!

— Ладно, — не спуская глаз с G43 выдохнул Лек, когда Крысолов с Секачом отделились от машины, — ты отдохни пока, в твоём возрасте тебе нужен покой, а я пока с тобой разберусь, — он схватил за ремень «Галиль», закинул на плечо, взял светильник и побежал вслед за растаявшими в полумраке крупными фигурами сталкеров.

Кафе «Встреча» с отвалившейся, валяющейся неподалеку ржавой буквой «с» встретило их запертыми, так называемыми, бронированными дверями, которые несмотря на то, что их «бронь» была обычной жестянкой, почему-то не хотели открываться даже после нескольких ударов ногой. Крысолов подошел к приоткрытому окну, включил примотанный к стволу

фонарик, направил свет внутрь, и его лицо довольно растянулось.

— Боже, благослови Пирятин, — сказал он, словно обращаясь к скучающему за стойкой бармену, замершему в неизменной для бармена позе — либо протирая белой тряпочкой фужеры, либо положив одну руку на барную стойку, дабы по первому же требованию налить посетителю выбранный им «реактив».

Секач с Леком обменялись малопонимающими, но искрящимися в предвкушении праздника взглядами, и, следуя примеру Крысолова, полезли в окно. Парадокс, но внутри непритязательного, серого кафе их ждал удивительный, образцовый порядок. Небольшой прямоугольный зал благодаря белым, магически посверкивающим словно усеянным бисером обоям и серебристым шторам со светло-голубыми ламбрекенами и фалдами из основной и контрастной ткани, имел торжественный вид. Когда-то, возможно, такой яркий интерьер для кафе, в котором сигаретный дым за каких-то полгода все белое превращал в бежевое, казался излишне торжественным, но для сталкеров, привыкших к голым кирпичам и бетонным плитам сталкерских харчевен типа «Андеграунда» или даже более цивилизованного, обложенного изнутри кафелем бара «У полковника», это кафе казалось просто элитным рестораном.

Десятка два квадратных столиков, накрытых создающими романтическое настроение скатертями нежных пастельных тонов, украшенными белой вышивкой, были обставлены четырьмя или двумя деревянными стульями. Те были предусмотрительно отодвинутыми от стола, словно приглашая присесть и почувствовать себя человеком из прошлого. Столы украшали искусственные розы с только распускающимися бутонами, растущие в тонких, высоких вазах. Возле них поблескивали серебристые, полные потемневших бумажек салфетницы, поместившиеся на одной подставке для перечницы и солонки. Во всем — нетронутая гармония и первозданная чистота. Ни намека на человека и его бывшее присутствие. Все будто приготовлено для нового поколения теми, чья плоть уже стала землей.

Впереди, напротив двери, возвышалась на небольшом подиуме сложенная из камня широкая барная стойка, перед которой стояли пять-шесть похожих на барабаны круглых стульев, а на заднем, зеркальном фоне невысокие стеллажи были заполнены множеством разнообразных сосудов.

Мягко ступая по ковровой дорожке, Крысолов неспешно прошел между двумя рядами столиков и оказался у стойки. Осмотревшись по сторонам, он наклонился через нее, осветил фонариком пустые ящики, кассовый аппарат, аккуратно выставленные в ряд пивные кружки, стопки и стаканы на подносах, затем положил на мраморную поверхность свой автомат и, подняв планку, открывающую проход к тайнствам стойки, оказался на месте бармена.

— Ну, чего желаете, господа? — накинув себе на предплечье серое от пыли полотенце, изобразил бармена Крысолов.

— Покрепче чего-нибудь, — потирая руки, буравил взглядом содержимое стеллажей Секач.

Кирилл Валериевич оглянулся назад, взял с зеркальной полки закупоренную бутылку коньяка, посмотрел на этикетку.

— Подойдет?

— А русской у вас часом нет? — осторожно поинтересовался Секач, усаживаясь на барабанообразный стул и так же выкладывая свой автомат на гладкую мраморную поверхность.

— А это какая? — удивленно посмотрел на бутылку Крысолов.

— Армянская, — словно бы удивляясь тому, что Кирилл этого не знает, ответил Секач.

— Тю ты, русская, армянская, перебирай мне еще тут.

Лек подкрутил светильник на среднюю мощность — не дай Бог, чтоб какой угол в зале остался темным, и повесил его на пустой держатель для фужеров над головой у Секача. Затем влез рядом с ним на кресло и положил руки на стойку.

— А я — что нальют, — сказал он, отметив, что большая часть бутылок на витрине

либо пустые, либо в них находится желтое, непрозрачное желе, совсем не похожее на спирт.

— Вот это наш человек! — обрадовался Крысолов и подобрал под прилавком штопор. — А то русскую ему, видишь ли, подавай.

Прежде чем выбрасывать с характерным хлопком выдернутую из горлышка пропитанную коньячными парами пробку, Крысолов поднес ее к ноздрям, и, закрыв от наслаждения глаза, занюхнул. Но потом, заметив взгляды готовых его задушить друзей, поспешил достать три рюмки и тщательно протереть их полотенцем. Секач с Леком следили за движениями рук Крысолова, как следят первокурсники за инструктором, проводящим разборку оружия — внимательно, стараясь не упустить из виду ни одной, даже самой мелкой детали.

Кирилл Валериевич филигранными движениями рук, расчетливо, дабы ни одна капля даром не упала на пыльную плиту, наполнил рюмки коньяком.

— За ребят, которые в пути, — подняв свою стопку, громко выдохнул он, — за наших товарищей.

— За товарищей, — в один голос подхватили сталкеры.

И вместе опрокинули внутрь себя ореховобурую жидкость. Как один занюхали рукавом, молодой прослезился, переглянулись.

— Ну что? — перевел взгляд с одного на второго Крысолов.

— Хорошо, — кивнул Лек.

— Градусов, правда, убавилось, но ничего, — прищурившись, ответил Секач, а потом, причмокнув: — Хотя не распробовал еще.

Поняв намек, Крысолов не стал дожидаться пока во рту остынет, и сразу налил еще по одной.

— За нас, — сказал он, и первым осушил свою рюмку. Сталкеры незамедлительно последовали его примеру, и спустя минут десять коньяк в бутылке плескался на дне.

— Ну, блин, вот где они? — оглянувшись в открытое окно, сказал Секач. — Да за это время уже сто раз можно было с того Яготина приехать.

— Не беспокойся, Сергей, приедут. Мало ли там что, — подавляя и в себе тревогу, как можно спокойнее ответил Крысолов. — Да и Стахов осторожный очень, быстро ехать не будет.

— А сколько пути мы уже прошли? — спросил Лек. Веко его единственного глаза опускалось и поднималось медленнее обычного, а взгляд вроде бы и направлен был на Крысолова, но все же смотрел куда-то мимо него. — До Харькова еще долго?

Крысолов пошарил у себя за пазухой и вытянул из внутреннего костюма бережно сложенную вчетверо карту, развернул ее и разложил на столе.

— Треть, — сказал он и постучал пальцем по маленькому серому многоугольнику, над которым было написано «Пирятин». — Мы здесь, — затем провел пальцем по извилистой линии и остановился на другом многоугольнике — большом, желтом, к которому примыкали много таких же линий с разных направлений. — Харьков здесь. Еще три-четыре ночи ходу.

Рассеянным взглядом Лек оглядел красную линию дороги, имеющей контур серпа, и почему-то подумал, что этот путь им не пройти никогда. Потом отмахнулся от этой мысли, как от налетевшего на лицо бабьего лет, и продолжил посягать азы топографии.

Судя по карте, после Пирятина дорога резко уходила вниз, так как если бы Пирятин был той точкой на серпе, где рукоять переходила в лезвие. Следующим населенным пунктом по ходу наклонной были Лубны. На карте город выглядел побольше маленького Пирятина, вокруг него даже была пропущена окружная — трасса, которой мог похвастать далеко не каждый районный центр. Потом стремительный спуск красной линии автодороги пролег через маленький городок Хорол, затем выравнивался, поддевая собой желтое пятно под названием «Полтава», и степенно превращался в подъем, взмывая вверх и упираясь на самом пике в Харьков.

— И сколько до Лубнов? — поинтересовался Лек, застывшим взглядом всматриваясь в карту.

— До Лубнов? — вскинул бровь Крысолов. — Шестьдесят. От Лубнов до Хорола — сорок пять, до Полтавы тогда примерно сто тридцать пять останется. А уже от Полтавы самый длинный перелет — сто восемьдесят километров фактически без населенных пунктов, — заученными наизусть словами и цифрами ответил Крысолов. — Там и Харьков.

— Но ведь мы не проедем за ночь сто восемьдесят километров?

— Будет видно по загруженности магистрали, — втянув голову в шею, ответил Крысолов. — Если не будем успевать, отступим от основного маршрута. Не ссы, малой, не пропадешь, — заверил его Крысолов, еще не догадываясь, что одного члена экипажа с ними уже нет.

— Ладно. Я пойду это... — неопределенным движением руки Лек указал куда-то за барную стойку. —

— Давай, давай, привередник, — по-дружески хлопнул его по плечу Секач. — Хочешь культурно, значит — на унитаз?

— Да нет, просто на улицу высовываться как-то не особо...

— Только не задерживайся там, ладно? — наклонившись над стойкой, сказал ему вслед Крысолов и посмотрел на Секача. — Так, парню больше не наливать.

— А я что? — округлил глаза Секач. — Это ж ты наливаешь. Коньячок хороший, хоть и в градусах немного потерял. И чего ты стоишь, ждешь? Что, больше ничего налить нет?

Крысолов хохотнул и как-то украдкой потянул с зеркальной полки вторую бутылку армянского коньяка.

— Для хороших людей всегда найдется, — с хитрой улыбкой на лице ответил он, и снова ввинтил в пробку блестящую спираль штопора.

Лек вынул из кармана предусмотрительно прихваченный из «Разведчика» фонарик, включил, пошарил круглым пятном света по покрытым зеленоватыми плесневелыми пятнами белым стенам и поймал себя на нелепой мысли, что коридор кажется ему чересчур длинным и темным, как для небольшого кафе. Возможно, при дневном освещении он не казался бы ему таким длинным, но в густой темноте, неохотно расступающейся перед лучом фонаря, коридор выглядел как укрытский тоннель. Станным показалось Леку и то, что вдоль него не было ни одной двери — вообще ничего, пустые стены и всего пара искусственных растений в кашпо. И если бы в шагах десяти впереди, он не упирался бы в коридор, идущий перпендикулярно, можно было и вправду подумать, что он ведет в кроличью нору.

Освещая потемневшие, желтые коридорных обои, Лек беззвучно ступал по мягкому ковру, стараясь думать о чем-то приятном. О девушке, с которой он познакомился в прошлый четверг в клубе «Нуклид» — как ж то ее звали, черт?!! — или о своем последнем дне рождения, когда он с друзьями напился до свинячего визга, а дежурный патруль поймал их и утек в карцер... Но пройдя всего лишь полпути, Лек остановился и понял, что воспоминания не действуют — едва только свет от подвешенного на держатель для фужеров светильника перестал падать на стены и темнота сомкнулась у Лека за спиной, искать туалет ему совсем перекотилось. Даже выпитое спиртное просочилось сквозь него, как сквозь марлю, не оставив и тени от былой уверенности в себе. Говоря на чистоту, он даже подумывал о возврате обратно к стойке, ощутив как спина начинает медленно покрываться инеем, но тут же пристыдил себя, обвинив в малодушии и представив насмехающуюся физиономию Крысолова.

Протер закрывающую пустую глазницу резиновую заглушку, будто это могло ему чем-то помочь, и решительно преодолел остаток коридора в несколько больших, уверенных шагов. Осмотревшись, он нашел то, что искал — к стене была приколочена табличка с надписью «Туалет» и стрелочкой, указывающей направо.

Облегченно вздохнув, будто если бы там не было бы туалета, то ему пришлось бы умереть от разрыва мочевого пузыря, Лек ступил на перпендикулярный коридор и осторожно перевел влево свет фонаря. Заглянул в зал без дверей, где стояли большие металлические столы, секции с посудой и столовыми принадлежностями, а в конце было

несколько больших проржавелых холодильников. Потом быстро переметнул луч фонаря вправо и осветил уходящий вдаль коридор с несколькими дверями по одну сторону, и одной по другую. Присмотрелся. Судя по табличкам на дверях с левой стороны, там располагались кладовая и подсобка. На той же, что была единственной справа, слегка приоткрытой, поблескивала золотистая табличка «Заведующий».

Ступая тихо, как кошка, Лек подошел к ней и, легонечко прикоснувшись к ней пальцами, толкнул. Старые петли поддавались неохотно, и ему пришлось удвоить силу. Он не понимал, откуда у него взялось это желание, посмотреть, что там — в кабинете заведующего — но едва дверь отворилась на четверть, как это желание быстро перетекло в другое — делать отсюда ко всем чертям ноги, и если уж воспитание не позволяет ему помочиться в углу, то сделать это в освободившуюся от коньяка бутылку. Но только не искать эти чертовы писсуары!

В небольшом, скромно обставленном кое-какой мебелью квадратном кабинете без окон, за столом в кресле сидел человек, одетый в черный деловой костюм с галстуком, из-под которого проглядывала посеревшая рубашка и завязанный на широкий узел галстук. Это был не скелет тридцатилетней давности, обтянутый словно пергаментом, сохранившим сходство с живым человеком, а именно человек. Возможно, не совсем живой, поскольку бледная кожа, кое-где запятнанная синевато-коричневыми неровными кругами и загрубелые пальцы указывали на давно наступившую фазу трупной окоченелости, но даже если и так, то умер он не далее, как на прошлой неделе. Его голова была откинута назад, и если бы не абрис угловатого подбородка, поросшего густой, черной щетиной, можно было бы подумать, что у этого человека нет головы вовсе. Одна рука у него лежала на столе, зажав скомканный лист бумаги, вторая же безвольно свисала, и первая трезвая мысль, проскочившая в сознании Лека, звучала примерно так: «В той руке он держит пистолет».

Ища хоть какие-нибудь подсказки, он перевел дрожащий луч света на стену позади него и уверился в своей догадке — забрызганную кровью стену все еще усыпали отвратительными грязно-белыми прыщами засохшие ошметки мозгов.

Внезапный, резкий лязг со стороны кухни заставил Лека вздрогнуть и отпрянуть от двери, вскинув фонарем и вмиг направив его свет в сторону кухни. Не сразу он увидел перемену, поначалу выискивая глазами что-то огромное и клыкастое, что могло бы представлять для него угрозу, и потом увидел на полу, покачивающийся со стороны в сторону, как шхуна на волнах, друшлаг. А на столе — промышляющую промеж рядов сложенной посуды, напоминающей городские многоэтажки, крысу, поспешившую убраться восвояси едва только луч фонаря скользнул по ней.

— Лек, у тебя там все в порядке? — послышался приглушенный голос Крысолова.

Он стоял, отдыхаясь, словно только что пробежал спринт, и не мог поначалу выдавить из себя ни звука. Ему показалось, что вместо ответа, сейчас наружу из его недр вырвется дикий вопль. Все, что накопилось в нем за сегодняшний день, начиная падением с крыши «форта» в рассветный час, минуя общение с призраками на Яготинском вокзале, и заканчивая (а заканчивая ли?) трупом заведующего в кафе, требовало немедленной разгрузки. Закричать — было самым действенным способом разрядиться хоть немного, но Лек сумел найти в себе силы не делать этого.

Почему-то вспомнилась поговорка о том, что если вдруг покажется, что дела идут вон из рук плохо, не следует забывать, что они могут идти еще хуже. Основного состава экспедиции все еще не было, а потому ожидать можно было еще чего угодно. Тоннельный призрак из химсклада военной лаборатории все еще не отпускал его, и Лек из последних сил поборол в себе желание пальнуть по крысе или хотя бы в то место, где она только что была.

— Лек?

— Да, — каким-то хриплым, писклявым, совсем не своим голосом наконец ответил он. — Все нормально.

— Ты там не бушуй, малой, — донесся сначала голос Секача, дополненный хрипловатым Крысоловом: — И не вступай с унитазами в бой, сынок.

Со стороны барной стойки слышался тихий, двухголосый смех.

Лек, осознав, что все это время находится боком к сидящему за столом, спрятанному в темноте труп, вдруг вздрогнул весь от мысли, что костлявые руки того тянутся к нему, и переметнул луч фонаря обратно в кабинет с такой скоростью, что едва не миновал дверной проем.

К счастью, тело человека по-прежнему находилось в кресле, голова все так же была запрокинута назад, и Лек, набравшись храбрости, сделал короткий шаг, ступив на зеленый ковролин. Затаив дыхание, он перетянул с плеча винтовку, сам не понимая зачем ему целиться в мертвое тело, и подошел к заваленному разнообразным мусором, начиная от шелестящих упаковок от полуфабрикатной еды и заканчивая канцелярскими принадлежностями, стола. Головы человека все еще не было видно, она была слишком неестественно запрокинута назад, но вблизи Лек сумел получше рассмотреть его костюм — велюровый, дорогой, качественный, к правому лацкану приколот маленький значок с изображением трезубца, поблекшая белая рубашка на воротнике. Человек выглядел нарядно, будто готовился к отправке на тот свет... или просто шел в ресторан?

Зажав винтовку в одной руке и взяв в зубы фонарик, Лек потянулся к лежащей на столе руке мертвеца и, выждав пару секунд, будто чтобы удостовериться, что тот не отдернет ее, извлек из его пальцев белый клоч бумаги. Пятясь, не спуская глаз с трупа, он вышел в коридор, дал пару секунд сердцу на то, чтобы немного успокоиться, и развернул сверток.

Прямоугольник блокнотного листа был полностью исписан неровным, мелким почерком. В самом конце слова стали почти нечитаемыми из-за резких скачков пера и частых разрывов, так что одно слово делилось на три, но, тем не менее, Лек с небывалой жадностью поглощал написанное, все перечитывая и перечитывая сообщение, с каждым разом понимая смысл написанного все яснее и четче.

«9 ноября 2016 г. Мне очень жаль, что я потерял свой дневник, в котором описывал все, что происходило с начала мая этого года. Теперь нет времени восстанавливать даже в общих чертах. Потому что оно все-таки действует. И действует не так, как говорили. Мы все равно умираем, а потом... В воскресенье умерла Софья. Ее похоронили... закопали... сверху проехали катком. В среду она пришла, как и те, кто умирал до нее. — В этом месте почерк сорвался в неразборчивые каракули, и Лек почему-то предположил, что с писавшим эти строки случился какой-то приступ, потому что дальше было написано: — Черт, а это здорово отнимает мозг... писать очень сложно... почти не вижу букв, не помню, как некоторые пишутся... Полчаса уходит на одно слово. В общем, мне пришлось выстрелить ей в грудь... Дырень была — хоть пролезай, а она шла... Черт, сейчас... такое чувство, что я густею изнутри... Она только без головы упала... Так что, стреляйте в голову или по ногам, иначе бесполезно. Раньше они не нападали на людей, просто уходили по дороге на восток... теперь они едят нас. Последние возвращенцы с того света стали вообще другими. Они едят даже тех, кто превратился в таких как они раньше них. Я не знаю, кто они, но то, что они делают... я думаю, это голод.

Военные убрались из города как только это началось. Они обещали прислать какой-то спецбатальон, подготовленный как раз для таких случаев, но никто не приехал. Никто нас не защитит. Они поедают нас. В городе не осталось обычных людей. Я не слышу никого уже несколько дней. Хочется верить, что они все же нашли где укрыться... Либо не нашли...

Я же не прячусь... Я жду... Не хочу быть таким... Я сам...

Если что, патроны на нижней полке в шкафу.

До встречи... Надеюсь, не на земле...»

Внезапный шорох за спиной вынудил Лека выпустить из рук бумажку и, резко обернувшись, вскинуть винтовку.

— Малой, ты чего? — недовольно покосившись на упершийся ему в брюхо ствол, искривился Секач.

— Я... вот, — он поднял с пола записку и протянул ее подошедшему Крысолову. — Здесь нашел... посмотрите.

Крысолов поднес к глазам записку и несколько раз пробежал бесстрастным взглядом весь текст, потом передал ее Секачу и вопросительно посмотрел на Лека, будто это он был автором сих строк.

— Где ты это взял? — спросил он.

Лек молча, кивком указал на открытую дверь в кабинет заведующего.

— О, тут жмур, — доложил Секач, упрятав в нагрудный карман не вызвавшую в нем особого интереса записку, осветив сидящего за столом, откинув голову назад, мужчину.

— Тихо, Секач, тихо. Не свети на него. — Крысолов осторожно тыльной стороной ладони поднял направленный на сидящего ствол Секачева автомата с примотанным фонарем, и потряс указательным пальцем перед плотно сжатыми губами.

— Эй, ты чего? — удивленно захлопал ресницами Секач, заговорив шепотом. — Это же обычный жмурик.

— Это — не обычный жмурик, — качнул головой Крысолов и, подойдя к столу, легонько, будто чтобы не спугнуть присевшую на стол бабочку, перевернул ладонь мертвеца, закатав обшлаг рукава. Черные дорожки вен едва заметно, но все же вздымались, а чуть пониже запястья парными толчками бился пятак пульса.

— Ты хочешь сказать?.. — Секач обошел стол и, поднявшись на носках, без всякого интереса заглянул человеку в лицо. — Да он себе полголовы снес!

— Тихо ты, — шикнул Крысолов и потянул друга за рукав к выходу.

— Ладно, ладно, сейчас только... — он резво закинул свой автомат на плечо, согнулся и поднял с земли валявшуюся у ног человека двуствольную «вертикалку».

— Не трогай ничего! — сердито свел брови Крысолов, и дернул его за рукав сильнее.

— Кирилл, да это же раритет, — восторженным взглядом осматривая старое охотничье ружье, неохотно потянулся за начальником, как малолетний хулиган за милиционером, Секач. — Дай же хоть патроны возьму.

Крысолову эта затея не нравилась. К подобного рода трофеям он относился с излишней настороженностью и обычно предпочитал не трогать ничего, что непосредственно связано с самоубийством людей, пускай бы даже оно было вылитое из чистого золота. Но перечить в этот раз Секачу не стал. Хочет — пускай берет.

Сергей остановился у разошедшегося, наклонившегося чуть вперед, будто собравшегося вступить с ним в бой за патроны, шифоньера, присел и потянул за ручку выдвижной ящик. Помимо вразброс валяющихся патронов с красными пластмассовыми гильзами там еще лежал свернувшейся в клубок змеей, старый, местами надорванный, кожаный патронташ.

— Ха, а у мужичка, похоже, были проблемы, — шепотом сказал он, выудил он из полки бланк протокола и наскоро оглянул его. — Так-с, повторное нарушение условий хранения гладкоствольного оружия...

— Секач, — в этот раз более, чем просто обозленно, прошипел Крысолов. — Бери свои чертовы патроны и вываливайся оттуда к ***ной матери.

— Иду, иду, — спешно нацепив на пояс патронташ, принялся заграбастывать красные патроны, распахивая их по карманам, откликнулся Секач.

Выдвижная полка возвратилась в свое прежнее положение с резким, пронзительным звуком, будто Секач зажал хвост попавшей в паз мыши, и лежащая на столе рука, перевернутая ладонью вверх, вздрогнула. Сведенные коротким спазмом, крайние фаланги пальцев загнулись внутрь, и у всех троих вдруг создалось впечатление, что развалившийся в кресле мужчина подозвал их к себе.

Секач протолкнул по горлу загустевший ком, взглянул на Крысолова, жестом руки показывающего, чтобы тот выметался из кабинета, и снова перевел взгляд на не-умершего-самострельца. Тот все еще продолжал полусидеть-полулежать в кресле, но рука его вновь шевельнулась, будто повторяя непонятливым сталкерам, чтобы подошли.

— Что это с ним? — округлил глаза Секач, плотно закрыв за собой дверь.

— А ты не знаешь? — прищурился Крысолов. — Нужна была тебе эта хренота? — он бросил полный испепеляющего огня взгляд на болтающуюся на плече двустволку. — На

охоту, может, собрался?

— Да ну чего ты, Кирилл? Я же не знал, что он не скопытился после того как высадил себе мозги.

— Не высадил, значит. Пошли отсюда, — Крысолов уже развернулся чтобы идти, как вдруг остановился. — Черт, а где Лек?

Секач обернулся и посветил в дальний конец коридора, но там никого не было. А из кабинета заведующего, чьи двери он подпер своей широкой спиной, послышался звук, который могут издавать только скребущие по деревянной столешнице ногти.

Глава 12

На смену неуверенным, робким сумеркам пришла не терпящая прекословия темнота. Только впереди еще, у самой земли оставалась светлеть голубая кромка неба, но и та угасала просто на глазах, как последний, быстро исчезающий луч надежды.

Явно похолодало, и легкий, задорный ветерок сменился резкими порывами сильного ветра.

— Вот, черт! — помянул нечистого Бешеный, когда зажигалка с десятого раза не смогла разгореться. Зажатая у него в зубах самокрутка с дурманящим зельем все еще оставалась не прикуренной. — Слушай, Тюрьма, а не закрыть бы тебе окно, а?

— Дует? — насмешливо прищурился тот, удерживая баранку.

— Дует, твою мать, — огрызнулся Бешеный, тряхнув гребнем. — Закрой окно, будь так добр. Дай нормально подкурить.

— Смотри-ка, — Тюремщик указал ему вперед, где на крыше огромного навеса, под которым печально поглядывали на дорогу запыленными экранами бензоколонки, распрямлялось во весь рост некое существо, побеспокоенное внезапным шумом машин.

На фоне неба, все больше напоминающего морскую пучину, куда не может проникнуть солнечный свет, и лишь изредка просачиваются его слабые отблески, существо было похожим на горбуна, по чьей-то великой милости избавившегося от векового проклятия. Разогнув скрюченный недугом хребет, расшевелив набравшиеся солью суставы и вытянув вперед костлявые лапы, существо поистине имело вид величественный и устрашающий.

— Что за зверь? — позабыв об не подкуренной сигарете, спросил Бешеный.

— А пес его знает. Но если это один из тех парней, что обитают в Пирятине, я лучше пересеяду на обратный рейс, — хохотнул Тюремщик. — Не знаешь, часом, когда ближайший на Киев?

— В следующей жизни, твою мать, — буркнул Бешеный. — И то тебя с твоей внешностью ни в один автобус не пустят.

Размявшись, существо встало на четвереньки и, подойдя к краю поднавеса, провело диким мерцающим взглядом проходящие мимо машины. Света фар, конечно же, было недостаточно, чтобы целиком осветить его могучее тело, но и тех его осколков, что брызнули ввысь когда машина поравнялась с заправкой, было достаточно, чтобы понять, что перед ними редкостная и очень опасная тварь.

— Никитич, вы это видели? — не выпуская сигареты из зубов, спросил Бешеный, связавшись с «Бессонницей».

— Видели, — равнодушно ответил Стахов.

— И что это было?

— Понятия не имею, — ответили тем же голосом.

— Он был громадным. Медведь-переросток, не меньше. Как считаете?

— Я обязательно это запишу. — Короткая пауза. — Бешеный, не страдай херней, а?

Тот предусмотрительно отключил рацию, но от губ ее отнял не сразу.

— Спасибо, дорогой Илья Никитич! Ах, вы такой приятный собеседник; вот так говорил бы с вами без умолку. Право, общение с вами доставляет мне лишь удовольствие. А порой вы бываете вообще таким душкой! — Он восхищенно закатил глаза, отбросив рацию

обратно на панель, и затрепыхал ладонями, изображая ангелочка.

Тюремщик снова расхохотался. Даже без забитого в газетную бумагу зелья, подогнанного щедрым Петровичем, он пребывал в приподнятом настроении духа.

Знал ли он, что Стахов сердает оттого, что он оставил в городе почти безоружного мальчика? Разумеется. Может, его немного омрачало чувство вины за это? Может, переживал он за дальнейшую судьбу бойца? Нисколючки.

Троглодиты вроде Тюремщика — толстокожие, не способные к состраданию и сентиментальности мужичаги давно отвыкли испытывать вину из-за пропажи или смерти очередного молодого бойца-неудачника. Они для них — как расходный материал, как топливо, которое затрачивается по мере продвижения. Потому что правило на поверхности одно: выживет тот, кто способен выжить. Тот же, кто угодил в лапы крылачу на второй день выхода, пускай даже перед этим он сдал все тесты и показал отличные результаты физподготовке в «учебке» — не заслуживал, чтобы кого-то из-за него грызла совесть.

До появления в Укрытии десятью годами ранее Бешеного, напарники у Тюремщика менялись с незавидной частотой. У него даже появилась некая традиция: каждый раз, что он возвращался с выхода один, он делал ножом на предплечье надрез. За пару лет место для самобичевания на обеих руках иссякло, и только Богу одному известно сколько раз за это время он решал завязать с этим ремеслом и больше никогда не приближаться к воротам на заставах.

Но едва объявляют очередной выход ... Выход... Как перед этим сможет устоять настоящий сталкер? Да, он не военный, ему не могут приказать, но вместе с тем, если он знает, что желторотые солдафоны, как и их командир, получив сложное задание, обречены на гибель, не предложит ли себя в качестве проводника, зная пути безопаснее и короче?

Из условий всего-то ничего — нужен напарник. Нужен человек, который смог бы понимать их с полуслова и быть наделенным от природы тонкозаостренным инстинктом выживания. Что ж, условие не из невыполнимых. И вот — молодой напарник. В темных глазах сверкает огонек, выказывающий скрытую уверенность и искреннюю почтительность. На лице застыл вызов, спрятавшийся промеж следов встреч с противником, и готовность к новой встрече с тем, кто их ему оставил.

Но возвращается сталкер с очередного выхода, как и прежде, один. Опустошенный, незрячий, постаревший на лет сто, и смертельно уставший. Провожаящим его долгим взглядом погранцам на заставе становится интересно — петлянется ли он этой ночью или все же решит пожить до следующего напарника? А сам он думает только о том, кто он есть на самом деле? Почему он выжил, а молодой парень, в которого он поверил, и которого обещал себе беречь как зеницу ока, остался лежать там, на брусчатке одной из центральных улиц? Почему за его тело уже дерутся собаки, а он — живой и без единой царапинки?

Со временем он начинает смотреть на смерть людей по-иному. Не видя в этом больше трагедии. Где-то кольнет в сердце, проснется на долю секунды жалость, а потом — пустота. Нет больше душевных страданий, нет запойных недель, нет выкрикнутых небу вопросов... Погиб человек? Что ж, земля ему пухом. Он был, наверное, славным малым.

Относительно Андрея? Что ж, по крайней мере, никто не видел, как он умирал. Стало быть, имеет все шансы выжить.

— Стахов все за мелкого успокоиться не может, — сделав первую затяжку, выдохнул длинную струйку белого дыма Бешеный. — Не простит, что ты его оставил.

— Я его не оставлял. — Веселье с лица Тюремщика как водой смыло. — Я не пионервожатый и не воспитатель в детском саду. Если он не способен сам о себе позаботиться, то почему кто-то обязан это делать за него? А ежели Стахова так волновала судьба этого мелкого, пускай бы заявлял его как стажера и держал при себе.

— Да все оно-то верно, — шмыгнул носом Бешеный, — но и разбрасываться так бойцами тоже не вариант. Нужно было хоть кружок по городу дать что ли? Ну, для успокоения совести...

— Бешеный, ты чего? — бросив на напарника вопросительно-пренебрежительный

взгляд, скривил губы Тюремщик. — С каких это пор ты стал таким совестным? Сам-то давно Пульвера провтыкал?

— Будешь? — Бешеный протянул ему дымящим острием вверх раскуренную самокрутку, и Тюремщик, неспешно сняв руку с рычага коробки передач, взял ее и воткнул в зубы.

— Ну, во-первых, я за ним все же вернулся, — оправдывался Бешеный, — а во-вторых, я его оставил, потому что нас со всех сторон обложили хвостатые, а патронов оставалось хорошо если обойма на всех.

Тюремщик затянулся, задержал дым в легких как можно на дольше, и, сложив губы трубочкой, выпустил из легких сизое облако.

— Ой, не бреши хоть сейчас, патронов у них не оставалось, — отдавая назад самокрутку, скривился он. — Признайся, что просто забыл снять его с башни, и вспомнил только на следующую ночь. И если уж на то пошло, то я-то хоть салагу, а ты толкового снайпера загорбил. Так что сиди тихо и совесть свою на цепь присади, понял? А парень, если он действительно ломаного гроша в базарный день стоит, перекантует где-нибудь пару дней, не пропадет. Назад будем ехать, подберем. Ты же вона не пропал бы за неделю?

— Сравнил, — ощерился Бешеный. — У него один рожок патронов и всего вторые сутки на поверхности. Откуда он что знает-то?

— Ну и хрен, что вторые сутки? Говорю тебе — захочет выжить, выживет. А нет, так только и того горя.

Бешеный затянулся еще пару раз, задержал дым в легких как можно на дольше, и выбросил окурочек в окно. Он не разделял Тюремщиковой точки зрения относительно покинутого бойца, за которым сам, будь он на месте напарника, скорее всего вернулся бы. Но ввязываться в спор после выкурки хотелось не больше, чем отвлекаться на телефонный звонок во время секса.

Потянувшись к магнитоле, он подкрутил громкости и, потряхивая ирокезом, принялся подпевать хрипучему голосу Кори Тейлора, поющему что-то об огненной геенне.

— Это еще что за?.. — вдруг подпрыгнул на сидении Тюремщик и, резко крутанув головой, провел взглядом промелькнувший по правой обочине нечеткий силуэт. Затем, схватив рацию и выкрикнув на общей волне, что останавливается, резко надавил на педаль тормоза.

Бешеный прильнул к боковому окну и озадаченно захлопал ресницами, но кроме мельтешащих на краю дороги сухих шарообразных кустарников, ничего стоящего внимания не заметил.

— Ты его видел?! Ты его видел?! — все выкрикивал Тюремщик, на ходу надевая на голову шлем и доставая свое оружие. — Видел или нет, твою мать?!

Но Бешеный лишь метал очумелый взгляд то в окно, за которым застыл мертвый пейзаж, то на Тюремщика, пытаясь понять, не от дурмана ли его так трясет. Что такого он мог там увидеть, что бы заставило его волноваться, Бешеный понятия не имел, но все же достал из ножен свои два ножа с огромными сорокапятисантиметровыми лезвиями и как только машина остановилась, первым выпрыгнул наружу.

Ариец, временно заменяющий Крысолова за баранкой, вел «Чистильщика» по встречной полосе — все у них, молодых, не так как у людей, — а потому не удивительно, что он не заметил то, что взволновало Тюремщика. А вот «Бессонница» тащилась аккуратно за «Монстром». И если у Тюремщика был не глюк, — думал Бешеный, — кто-то из «Бессонницы» обязательно должен был то видеть.

Выпрыгнув из кабины, Бешеный быстрым, длинным шагом миновал две базы «Монстра», и, зажмурившись и прикрыв лицо рукой от ударившего по глазам света «Бессонницы», выкрикнул Змею, чтобы тот выключил фары. Скрипнул башенный люк, и прежде, чем там показался торс погранца, из башни послышался возмущенный голос Стахова. Он посмотрел вслед быстро удаляющемуся Тюремщику, громко выпустил ноздрями воздух, но говорить ничего не стал, хотя по плотно сжатым губам и надвинутым

бровям было видно, что сказать вояжеру ему было что. Тюремщик, видимо почувствовавший на себе колющий взгляд Ильи Никитича, оглянулся, но, бросив через плечо лишь пару неразборчивых фраз, побежал, держа автомат перед собой.

— Ты что-то видел? — спросил Бешеный у высунувшего по подбородок голову из люка над водительским отсеком Змея.

— Да вроде ничего такого не было, — пожав плечами, ответил тот. — А что он увидел-то?

Значит, его точно «глючит», — решил было Бешеный, с тревогой в глазах смотря, как утопает в темноте, размахивающая во все стороны лучом света уходящая фигура его напарника, и стремглав кинулся за ним.

— Тюрьма! — выкрикнул он, стремительно удаляющемуся, кажущемуся во тьме маленьким и хрупким, сталкеру. — Подожди, Тюрьма! Ну, подожди же!

Но Тюремщик никак не реагировал. Он был похож на удирающего от санитаров психа, перепрыгнувшего забор лечебницы и ни за что на свете не желающего возвращаться обратно. Бешеному даже начало казаться, что так и есть, что Тюремщик окончательно сошел с ума, и бежать теперь будет до самого Киева, если, конечно, раньше не рухнет от разрыва сердца.

Стахов уже отдавал Бороде команду разворачивать «Бессонницу», выпрыгивая из башни, когда Тюремщик замедлился и приказал кому-то остановиться. Бешеный прекратил бег и вытянул в обеих направлениях свои ножи, будто уличный регулировщик жезлы, осознав вдруг, что запросто мог стать чьей-то легкой добычей. Безумно вращая головой, он огляделся по сторонам — никто ль не проследует его, прячась в сухих зарослях? В свете развернувшейся в обратном направлении «Бессонницы», он напоминал эпигон сошедшего с небес, раскинувшего руки Иисуса, принявшего новое обличье и сменившего имидж согласно с бытующими требованиями «пост-эйджа».

Постояв так всего несколько секунд и убедившись, что угрозы нет, он бросился к сменившему галоп на быструю ходьбу, что-то выкрикивающему на ходу Тюремщику, а сзади, громко лопоча гусеницами, как команда за тренером следовала «Бессонница», готовая в любой момент прикрыть прицельным огнем.

Вблизи стало понятно, что Тюремщик выкрикивает всего одно слово, примешивая к нему разные нецензурные вставки и приложения, а приблизившись еще, Бешеный увидел и того, к кому они были обращены.

Какое-то мгновение он смотрел на продолжающую свой мерный ход, несмотря на Тюремщиковы приказы, человекоподобную фигуру и не верил своим глазам. Даже подоспевший броневик, осветивший ее с головы до ног несколькими прожекторами, не мог заставить Бешеного поверить своим глазам.

По гравию обочины, на запад, по направлению к столице Украины скорым шагом шел проклятый, одетый, как и тот, первый, в латаный комбинезон и фуфайку Харьковских метрополитенщиков с логотипом предприятия на рукаве... А сзади ему оттягивал спину, наполненный чем-то увесистым, старый, дырявый вещмешок.

— Теперь ты его видишь? — часто дыша, оглянулся на Бешеного Тюремщик, продолжая преследование. — Я не знаю что с ним, но я не могу его остановить!

Бешеный подбежал к идущему, сосредоточенно всматриваясь вдаль, проклятому и заглянул в его пустое, бескровное, сморщенное лицо, на котором от человеческого остался лишь безгубый рот и два глубоких провала для глаз. Он был ничем не хуже или лучше тех проклятых, от которых они с таким трудом избавились в пределах столицы. Такое же непредубежденное, холодное, спокойное выражение лица, как и тогда, когда они пожирали людей, разрывали их живьем, отгрызали и выбрасывали их головы, высосав из них мозг. Такая же однообразная, роботическая, словно по-другому они просто не умели передвигать ноги, походка. Так же протянутые строго по швам, почти не двигающиеся при ходьбе, руки. Так же сдвинута немного вперед, словно на шею им было наброшено ярмо, вытянутая как грецкий орех голова...

И поначалу Бешеный, хоть и был насмотрен на имевшие отношения к проклятым ужасы, почувствовал себя новичком, впервые встретившим на поверхности нечеловека.

— Стой, тебе говорят, — как можно строже сказал он, шагая задом наперед параллельно с ним, но проклятый даже ухом не повел.

— Он шизанутый на всю голову, Беша, — объяснил Тюремщик. — Валит себе как сквозь джунгли, ему по фиг.

— Эй, ты! — снова поравнявшись с пребывающим в состоянии автоматизма проклятым, выпалил Бешеный, и приставил ему к горлу зажатое в правой руке мачете. — Куда ты прешь, луноход? У тебя что, проблемы со слухом? Эй, с тобой разговаривают.

— Нет, нет, нет, э-это уже лишнее, Беша, — заикнувшись, протянул вперед руки Тюремщик, и проклятый, ощутив у себя на горле острое лезвие, остановился. Медленно повернул голову и долгим, немигающим взглядом посмотрел сверху вниз на чудного stalkера, который был и на добрую голову ниже его ростом, и в плечах узковат, но, тем не менее, смел угрожать ему своим ничтожным ланцетом.

Взгляд этот Бешеному не понравился. Как и не понравилось то, что он прочитал в глубоко посаженных, маленьких, блестящих двумя искринками глазах. Но убирать оружие, выказав свою слабость и неуверенность, он не хотел. Баталия взглядами продлилась еще несколько секунд, а затем все произошло настолько быстро, что даже, казалось, готовый открыть огонь в любой момент стоящий за пулеметом Борода, опешил.

Мачете Бешеного, подбитое резким ударом, полетело вверх, сделало несколько красочных оборотов, как снаряд фокусника, и зазвенело по асфальту. Где-то в метрах пяти позади отброшенного мощным толчком в грудь, распластавшегося чуть дальше двойной разделительной полосы самого Бешеного.

— Не стрелять!!! — выпростав руки вперед, крикнул Стахов взявшему голову проклятого в прицел Бороде. — Не стреляй!

— Ох, и ни хрена же себе, — поднимаясь с асфальта и высматривая свое оружие удивленно протянул Бешеный, — Ты видел как этот сукин сын меня?..

Стахов прыгнул с «Бессонницы» и, опережая Тюремщика, подбежал к Бешеному. Ни о чем не спрашивая, наскоро осмотрел его, убедился, что с ним все в порядке, что у него ничего не отваливается, перекушенное острыми клыками, и заспешил к уходящему проклятому.

— Постой, — он взял его за рукав, и тот покорно остановился, снова повернув голову и вглядевшись тем же пронизательным взглядом в новое лицо. — Ты понимаешь наш язык? Мы видели твоего предшественника. Он дошел до Киева. Мы слышали принесенное им сообщение.

Проклятый никак не отреагировал.

— Магнитофон, — пытаюсь не думать о том, что общается с видом живых существ, которые еще пять лет назад были самым заядлым врагом остатка человечества, указал Стахов на обтягивающий плечи вещмешок. — Ты ведь несешь магнитофон, так ведь? Магнитофон с записью для братьев из Киевского метро, правильно? — Никакой реакции, кроме продолжающегося длительного разглядывания. — Мы, — постучал себя ладонью по груди Стахов, — из Киева, мы едем в Харьков по просьбе тех, кто тебя послал. Мы везем еду и боеприпасы. Если у тебя есть для нас сообщение, ты можешь передать нам свой магнитофон и не идти в Киев.

В какой-то момент подумалось, что это все равно, что пытаться объяснить дальтонику какой на самом деле красный цвет. Проклятый смотрел на него, не мигая, лишь поблескивая дрожащими искорками в глубине черных западин. Смотрел будто бы понимая все, что сейчас происходило, каждое слово, каждый жест, и одновременно так, будто был с другой планеты, будто люди для него — как животные, бегают, обсматривают, обнюхивают его как бурундуки орех. Но потом что-то незаметно переменялось в его взгляде, и в наступившей тишине Стахову даже показалось, что из приоткрытого рта слетело тихое, на грани беззвучия, шипение. Как слово, сказанное безъязыким ртом.

Стахов сморщил лоб, напрягся весь, наклонился к нему ближе, пытаясь не упустить загадочный звук, но вместо шипения, таившего в себе некий смысл, внезапный глухой удар и треск ломающегося черепа заставили его отпрянуть и вскинуть в воздухе кулаками.

Но делать этого не нужно было. Угрозы больше не существовало. Проклятый пошатнулся, вскинул помутневший взгляд к небу и опустил сначала на колени, а потом рухнул лицом вниз.

— Зачем ты это сделал?! — выкрикнул он все еще держащему автомат прикладом вперед Тюремщику. — Кто тебя просил?

— А чего с ним возиться? Может, его еще упрашивать нужно было?! — огрызнулся Тюремщик.

Проклятый недвижимо лежал на дороге, протянув одну руку вперед, а вторую подмывая под себя, будто в последний момент хотел достать что-то из внутреннего кармана фуфайки. От его головы во все стороны медленно растекалась лужа темной, густой жидкости.

— Зачем ты это сделал? — сменив крик на презрительный чересзубный свист, повторил свой вопрос Стахов.

— А ты чего ждал?! Пока он представится тебе? Скажет, как его зовут? Это же проклятый, хер ему в задницу! И ты же видел, он был невменяем!

— Это ты невменяем, Тюремщик, — ответил Стахов.

— Что? — наклонился вперед, будто не расслышав вопроса, тот. — Что ты только что сказал?

— То, что слышал. Меньше бы дури курил, лучше бы соображал. Только на то мозгов и хватает, что избивать малолеток и проламывать исподтишка черепа.

— Ох, ни хрена ж себе как ты осмелел! — выкатив глаза, шагнул вперед Тюремщик. — Ты — заставной шакал, кем ты себя тут возмнил вообще? Кто ты такой, чтобы указывать мне, что делать, а? Ты что, великим боссом, твою мать, стал, пока Крысолова нет? Да я на тебя и на приказы срать хотел, понял? Если бы не я, его никто бы и не увидел этого проклятого. А теперь ты мне говоришь, что я невменяем???

— Эй, эй! — закричал Борода, спрыгивая с машины на землю. — Хватит вам! Бешеный, чего ты тарачишься?! Забери же его!

Стахов с Тюремщиком стояли теперь друг перед другом, как боксеры на фотосессии, впившись взглядами друг в друга, всем своим естеством выражая дикую ненависть и готовность превратить соперника в прах. У Тюремщика, как настоящего боксера, шансов на победу, вдруг завязись драка, было бы естественно больше — как никак тренировки и спарринги лучше подготавливают к рукопашному бою, чем круглосуточная рутинная служба на заставе. Но отчего-то он не спешил демонстрировать свое преимущество. Не решался проучить комбата, несмотря на то, что тот был ниже его и не обладал такими горами выпирающих мышц. Невооруженным глазом было видно, что нервничать так Тюремщика уже давно никто не заставлял.

— Если вам, конечно, не интересно знать что тут, — Бешеный присел над телом проклятого и поддел лезвием одного из своих мачете лямки рюкзака, — вы можете продолжать паяться друг на друга как влюбленная парочка. — От этих слов его лицо расцвело в самодовольной улыбке. — Но знай, Тюрьма, я измены не прощаю. Пойдешь потом к Никитичу заставу подметать, в звании ефрейтора. Правильно я говорю, Илья Никитич? Вам здоровяки ведь еще нужны? — И несколькими резкими, обратно-поступательными движениями руки, разрезал лямки.

Подоспевший Борода врезался между них, как малолитражка меж двух трамваев, и, приложив усилия, толкаясь локтями, развел их.

— Хватит вам, мужики, ну не будьте же детьми в конце-то концов, — раздвинул их локтями Борода. — Ну не подумал он, — с укором посмотрел он на Тюремщика, — правда же, зёма? Не подумал просто. Я ведь тоже хотел сначала пальнуть, когда он Бешеного ударил. Это ведь всё рефлексы, мало с кем не бывает? Никитич, — переметнул он взгляд на сурового комбата, — будет тебе, слышишь? Еще только не хватало между своими драки

устраивать. Ну?

Не спуская глаз с набычившегося, нервно сопящего боксера, Стахов отступил шаг назад и перевел взгляд на безразлично копошащегося в вещмешке Бешеного. Зародившийся в нем интерес постепенно превозмог бурлящую в кулаках и натянутых жилках в шее злость и чувство необходимости отомстить за Андрея...

— Что там? — спросил он.

— Не поверите, Никитич, он запасся «вяленкой» на год наперед! — с отвращением воскликнул Бешеный, выбрасывая на асфальт нанизанные на нити дольки темно-коричневого вяленого мяса. — Фу, крысытина. У них там в Харькове это что, деликатес такой?

— Магнитола есть? — присев на корточки рядом, нетерпеливо поинтересовался Стахов.

— Есть что-то... — нащупав на дне вещмешка твердый, объемный предмет, сообщил Бешеный.

Бережно, будто тот мог рассыпаться в прах в любой момент, он вынул завернутый в прозрачный целлофан небольшой бумбокс и протянул его Стахову.

Он был точно таким же, как и тот, что он видел его почти три недели назад, такой же марки, такой же модели, разве что был еще больше потрепанным. Ручка для ношения держалась только с одной стороны, решетки, защищающей динамик, не было, а из ряда серебристых кнопок осталось всего несколько, торчащие, словно стариковские зубы.

Стахов нажал на кнопку питания, потом на «пуск», и круглый белый диск, безоговорочно повинаясь, начал свое вращение.

Из динамика послышался все тот же мужской голос, только звучал теперь он немного будто бы живее и увереннее.

«Помогите! Слышите!? Мы не верим, что в великом Киевском метро не осталось никого, кто бы мог нам помочь. Десятки наших посланников год назад отправились к вам, с просьбой о помощи. В этот раз их всего лишь три, но мы надеемся, что хотя бы один из них доберется и сможет передать это сообщение... — голос затих, наступила пауза, нарушаемая только иногда слышавшимися из динамика потрескиваниями. — Мы готовы верить во все, только не в то, что вас нет. Вы ведь должны быть! Господь подсказывает нам, что раз есть мы, значит, есть и вы, братья! Мы ведь не могли выжить одни... А потому мы всем сердцем верим и надеемся, что вы нас слышите. Слышите! — снова короткая пауза. — Вы не отвечаете, но, возможно, вам нечего нам сказать. Вы не помогли нам, но, возможно, вам нечем нам помочь... Мы не таим на вас злобы, мы верим, что если бы у вас была бы возможность, вы не отказали бы нам в помощи... Мы готовы верить во все, только не в то, что вас нет. Мы ведь не могли выжить одни...»

Братья, мы на великом распутье. У нас давно закончились боеприпасы. Нам нечем обороняться. Эти существа, мы называем их ходоками... кто-то умышленно истребляет их, чтобы они не могли нам служить. И теперь единственная наша защита — это стены. Мы взорвали выходы на поверхность в обоих направлений и сгруппировались на Спортивной. Нас осталось чуть больше сотни человек, включая детей и стариков, половина из которых неспособна самостоятельно обороняться. Мы вынуждены признать, что не знаем, как происходит рост посаженного нами растения и выжило ли оно под солнцем вообще, потому что уже больше трех месяцев не покидаем пределы станции. Наш духовный наставник, отец Василий сказал, что мы должны взорвать еще и вход на Спортивную, дабы всяческая нечисть прекратила проникать в наши жилища. Но мы боимся, братья. Боимся остаться навсегда отрезанными от мира. Мы понимаем, что это единственный способ выжить, потому что наши копья ломаются, а щиты не выдерживают натиска враждебных тварей, ежедневно и еженощно прорывающих наши посты. Но быть погребенными заживо нам куда страшнее. Вся наша надежда — на вас! Нам удалось убедить отца отложить дату взрыва на пару месяцев, но больше нам не продержаться. Мы ждем вас, как никогда раньше. Мы все еще, уповая на Божью милость, ждем от вас ответа.

Начиная с сегодняшнего дня, у нас осталось восемьдесят дней надежды, братья, после чего последний канал с миром будет навсегда разрушен. Сегодня двадцать четвертое мая две тысячи сорок седьмого года от рождества Христова».

Округлив глаза, Стахов ткнул пальцем на кнопку обратной перемотки, потом вновь на «Воспроизведение».

«Двадцать четвертое мая две тысячи сорок седьмого года...», — слышалось из динамика.

Перемотал снова.

«... мая две тысячи сорок седьмого года...»

— Твою мать, что это значит?! — воскликнул Бешеный.

— Да они там сбредили, — слышался сзади голос Тюремщика.

— Нет, — всматриваясь опустевшими глазами в замершие кассетные катушки, сказал Стахов. — Не сбредили. Они записали это пять лет назад...

— О, Господи, так куда мы едем? — развел руками Борода. — Они ведь уже давно взорвали все выходы! И за столько времени под землей им по-любому настал капец...

Внезапный шорох в придорожных кустах заставил их всех переметнуть внимание туда и на мгновение забыть о послании харьковчан.

— Давайте-ка потихоне к машинам, — первым поднялся на ноги Стахов и, не спуская глаз с шевельнувшегося сухого куста, попавшего под перекрестный огонь сразу нескольких фонарей, попятился назад, зажав в подмышке магнитофон. — Нужно Крысолову все это показать, пускай решает, что нам делать.

— Да, мужики, что-то мы и вправду расслабились на дорожке-то, — озираясь по сторонам, сказал Бешеный. — Двигаем отсюда пока тут тихо. — И несколько раз провернул в руках, блеснув длинными лезвиями, ручки своих мачете.

— Тюрьма, Беш, садитесь, подброшу вас к вашей «Монстрятине» — пригласил Борода, выпрыгнув на гусеницу бронемашины и протянув руку Стахову.

Габаритные огни «Монстра» оттуда казались всего лишь маленькими, мерцающими искорками, словно те, что были в глазах проклятого, «Чистильщиковых» же не было видно практически вообще.

— Да, будет неплохо, — согласился Тюремщик, и вскочил на машину без помощи Бороды.

По пути обратно, они все трое сидели на холодной броне. Стахов мог, конечно, залезть внутрь, заняв еще с Яготина дружелюбно предоставленное Бородой место командира экипажа в башне, но чертова солидарность пробивалась как сорняк сквозь асфальт, даже сейчас, когда он с Тюремщиком остался, казалось бы, далеко не в самых лучших отношениях, и натянутые между ними струны все еще продолжали звенеть, грозя порваться в любой момент. Тюремщик же, хоть и сидел к комбату спина к спине, будто чувствовал на себе его полный укоризны взгляд, отчего краснел, как юнец в стриптиз-баре и час от часу ловил себя на мысли, что все еще продолжает умственный спор с ним, угрожая, доказывая что-то или оправдываясь.

До «Монстра», впопыхах остановленного под углом к краю проезжей части, словно для того, чтобы не создавать помех для других участников дорожного движения, оставалось около двух десятков метров, когда двигатель «Бессонницы» начал чихать и давать перебои. Машина пошла рывками, словно растолстевшая лягушка, и тут же начала замедляться до полной остановки. Заглох двигатель. Погас головной свет.

Крышка люка над водителем отсеком со скрипом откинулась назад и над проемом показалось чумазое лицо Змея. Оглянувшись, он окинул троих сталкеров недовольным взглядом, будто если бы их здесь не было, машина не поломалась бы, и те, будто поняв намек, спрыгнули на дорогу.

— Топливный, — сказал он, не обращая к кому-либо конкретно. — С-сука, опять топливный фильтр забился! Ну и дерьмо же нынче это сухое горючее! Ну и дерьмо.

Из башенного люка показалась черная борода, и Стахову, в юные годы увлекавшемуся

историей, командир БМП напомнил кубинского повстанца, приготовившегося декламировать бунтарские речи перед многотысячной публикой. Но декламировать ничего Борода не стал. Он лишь с негодованием посмотрел на Змея и что-то пробурчал себе под нос.

— А что я сделаю, Борода? Этому фильтру уже лет да лет, а новые механик, сука, сказал, что выдаст, когда я этот полностью загроблю...

— Вам помощь нужна? — спросил Тюремщик.

— Да, может Рыжего дать? — предложил Бешеный. — Он вроде в технике шарит.

— Нет, справимся, — ответил Змей, выбравшись из люка и захватив с собой высокий, продолговатый ящик с инструментами, на котором белыми буквами было написано «Рем. цех». Спрыгнул на землю, поставил его на землю и, присев возле него, открыл. Тайком заглянул, как тот ведущий популярного когда-то телешоу, который настойчиво предлагал участникам деньги вместо того, чтобы просто отдать то, что находилось внутри ящика, потыкал пальцем, пересчитал что-то, закрыл. Снял висящий на поясе шлем, надел на голову, проверил фонарь — работает.

Стахов облизал пересохшие губы, втянул через ноздри холодный воздух, посмаковал на языке привкус влажного асфальта.

— Я с вами останусь, — сказал он. — Ариец там сам справится.

— Нет-нет, — запротестовал Борода, — езжай, Илья. Тут недолго, минут десять займет. Мы вас нагоним, или уже в Пирятине пересечемся.

— Тюремщик! — не обратив внимания на протесты Бороды, выкрикнул Стахов в спину уже было схватившегося за дверную ручку кабины «Монстра» боксера, и тот повернулся в его сторону. — Поведешь. Ариец за тобой, я останусь здесь.

— Так, может, подождем и поедем все? — предложил он.

— Нет времени, — отрезал Илья Никитич. — Крысолов уже больше часа ждет нас под Пирятином на машине без крыши. Давайте, давайте, жмите.

— Тогда я с вами, — сказал кто-то.

И прежде, чем Стахов понял, что этот голос принадлежит не мужчине, из темноты грациозно, словно укротительница тигров, переступая через тела сраженных ее величием животных, вышла Юлия. Как всегда неотразимо красива, хоть и чересчур самоуверенна, обворожительна в своем спецкостюме, с подчеркнутой налитой грудью и округлыми, сочными линиями бедер, собранными сзади тугой резинкой черными, шелковистыми волосами. Ее точеная фигурка, не полностью отделенная от выдохнувшей ее темноты, пленила сознание своей изящностью и великолепием.

— А-а-а... — Борода что-то хотел спросить, но потом либо передумал, либо так и не подобрал слов, потому лишь выдохнул: — Ладно.

Змей, явно не приветствующий новость о присутствии на борту женщины, пренебрежительно посмотрел на нее но, так ничего и не сказав, пошел к задней части машины, где под десантным отсеком располагался двигатель.

Стахов удивленно окинул Юлю, одной рукой удерживающую свой «штайр», положив его дуло себе на плечо, и отступил на шаг назад, как бы освобождая ей путь.

— За пулеметом стояла когда-нибудь? — спросил он, проводив взглядом огоньки удаляющегося «Монстра».

— Илья Никитич, а для этого что, какие-то особые навыки нужны? — ответила она, скривив губы и вопросительно подняв бровь, будто ее спросили, умеет ли она пользоваться душем. — Мне встать за оружие?

Не будь у Юли личного послужного списка, благодаря которому она снискала себе авторитет и признание в сталкерской среде, и не выполняя она той работы, за которую в Укрытии мало кто хочет браться, Стахов охотно сказал бы ей куда пойти и в какой позе стать. Но вместо этого он лишь громко выпустил ноздрями воздух и кивнул — тот день, когда они с отцом спустились на самый нижний уровень, где перерабатывались отходы, многое что в нем переменил. И хотя с тех пор он больше так никогда туда не ходил, мусорщиков — грязных, небритых, вонючих, похожих на первобытных людей, он запомнил

на всю жизнь. Они упаковывали сбрасываемый сверху мусор в специальные тележки и катили их к подъемнику, попутно перебирая и выискивая что-то для себя. Они ругались, матеря друг друга, а заодно незваных гостей, но отец Ильи Никитича тогда повернул его к себе и сказал: «Молись за их здоровье, сынок; благодари Бога за то, что здесь есть эти люди. Потому что если завтра их не станет, здесь можешь оказаться ты».

Получив добро, Юля забросила автомат на плечо, лихо вскочила на машину и по груди опустилась в башню.

Борода молчал, уставившись в темноту, с трудом продираемую не дальше чем на сажень, жидким свечением габаритных огней «Бессонницы», и прислушивался к тоскливому, зябкому, завывающему ночному ветру. Как он раскачивает зловеще потрескивающими и постукивающими сухими ветвями, зло сопит, облизывая башню «Бессонницы», посвистывает в костяках двух столкнувшихся на трассе машин, похлопывает обломком дорожного указателя...

...тава... 200.

Часы только указывали без четверти девять. Для второго месяца лета даже не сумеречное время, но на дворе уже было темно, как у колдуна в чулане. Говорят, в былые времена сегодняшний день почитали за праздник, который проходил почти с такими же почестями как и Новый Год — феерии, пляски, народные гуляния. Он был посвящен летнему равноденствию и назывался праздником Ивана Купала...

Современным людям все эти праздники, понятное дело, абсолютно ни к чему, и радуются они теперь далеко не по поводу наступивших именин, яблочного спаса или восьмого марта. Но людям, помнившим прошлую жизнь, на сердце хоть мимолетно, но все же становилось теплее и радостнее от одного только воспоминания о тех веселых и необычайно ярких празднованиях. Лесные мавки, водяные, русалки — словно на миг мелькнувшие кадры из давно просмотренного черно-белого кино, в котором второстепенные, но все же довольно значительные, роли были отведены им — преемникам нынешнего мира, а тогда просто наивным, от всей души верящим в небывальщины детям.

Борода помнил это. А еще помнил отца — еще тогда жизнерадостного, веселого, — и сестренку свою помнил, Анютку, годков ей тогда было всего пять. Тот день был первым и последним, когда они всей семьей что-либо праздновали.

Шестой день рождения Ани, в ноябре, был омрачен ее внезапной болезнью. Борода, или обычный тогда семилетний парнишка по имени Рустам, не мог запомнить ее длинное название, но то, как она превратила маленькую белокурую фею в скрюченное, сохнувшее, пожелтевшее растение с полными слез глазами, забыть ему не удавалось.

Медленная смерть дочери не могла не подкосить здоровье матери. И вот уже не за горами и еще один ворвавшийся в их семью недуг. В отличие от первого, это название Рустам запомнил достаточно хорошо, так как мать повторяла его постоянно, чередуя с мольбой к Богу о прощении ее грехов и о помощи ее дочери. Шизофрения, шизофрения, шизофрения...

Но даже покинувший работу на севере отец не смог что-то поменить. Проведенные операция за операцией уже ничем не могли помочь Анюте; наоборот — с каждым прикосновением скальпеля она умирала все болезненнее, все страшнее. Его жену — мать Рустама — поместили в психлечебницу, где она без единого шанса на выздоровление, просуществовала еще полгода, и скончалась за неделю до того, как весь мир превратился в прах... Можно сказать, ей повезло — ведь она до последнего дня считала, что у нее никогда не было ни детей, ни мужа... Умерла тихо и спокойно.

Отец же Рустама, словно принявший только надпитую чашу страданий своей жены, умирал долго и мучительно, пролежав в канализационной грязи больше суток с ожогами первой степени. Рустам был слишком напуган, чтобы что-то предпринять, чтобы хоть как-то помочь отцу. Он все время плакал и жался к стенам, закрывая уши и глаза, чтобы не видеть и не слышать ни его мучений, ни обезумевших криков тех, кто носился по утопающим в огне улицам. Ему просто повезло, что люди, пробиравшиеся через тот канализационный тоннель

к шлюзу Укрытия-2, взяли его с собой... Отца же Рустама они оставили на произвол судьбы — раненых не брали.

— Борода, ты меня хоть слышишь? — Змей почему-то всегда обращался к командиру машины на «ты», хотя был, как минимум, на добрых лет десять него младше. Этой вольностью он здорово дразнил ровесников Бороды, но самому горцу, пожалуй, было все равно. По крайней мере, недовольства своего по поводу не соблюдения субординации единственным членом его экипажа, он никогда не проявлял. А Змей, и без того не страдающий излишней скромностью и застенчивостью, воспринял это в знак приязненности и дружбы. И хотя Борода всегда говорил, что друзей у него нет, и впредь не будет, ибо слишком много он похоронил тех, кого считал своими друзьями, тот все равно час от часу называл его именно другом...

— А? Что? — Борода недоуменно уставился на Змея. Затем осознав насколько придурковато он, должно быть, выглядит в глазах окружающих, мотнул головой и провел ладонью по лицу, сметая с себя паутину вначале ярких, но слишком быстро померкших воспоминаний. — Что ты говорил?

— Спрашиваю, ты можешь светить мне сюда, а не втыкать на ту рухлядь? — имея ввиду две разбитых вдребезги легковушки, недовольно прогудел Змей.

— Да, да, извини, — он положил фонарь на крышку люка, так, чтобы он светил на открытый моторный отсек и сторожко оглядываясь по сторонам, отступил назад.

Обещанные десять минут прошли уже давно.

И у Бороды, и у Стахова на кончике языка с трудом удерживался вопрос относительно того как долго еще продлится ремонт, но спрашивать в двадцатый раз, значило, довести Змея до состояния белого накала. Ведь было видно, что он старается, во всю шаманя над открытым моторным отсеком, умело апеллируя сверкающими хромом инструментами из ящика с надписью «Рем. цех» и время от времени подправляя свою работу острыми словечками.

Зажав в руках неразлучного друга по имени «феня»¹, Борода стоял возле Змея, вонзившись выпученными глазами в густую, переливающуюся темень и вслушиваясь в зловещее, леденящее кровь вытье пустынного ветра. В открытом поле, отделенном от автостреды жидкой, трухлявой лесополосой, ветер завывал вовсе не так, как в городе. Гораздо глубже, проникновенней, гораздо ощутимее и жутче. Гораздо опаснее и коварнее. (1Автоматическая винтовка FN-2000)

Полевой ветер умело скрывал остальные звуки, поглощая их и сплетая воедино, превращая в монотонное гудение и похлопывание, в котором таяли без остатка и голодные рыки крадущейся где-то по обочине твари, и отчаянное трепыхание не успевшей укрыться от внезапного урагана летучей мыши, и натужное скрипение все никак не желающих отделиться от корня деревьев, и чей-то крик о помощи...

Все съедал ветер. Все вдыхал ветер.

Шлема Стахов не брал с собой практически никогда. Даже когда это было необходимо. Не брал, и все тут. В чем-то они с Андреем относительно шлема думали одинаково. Во всяком случае, оба они его ненавидели. Только если Андрей не мог смириться с его неудобностью, для Стахова причина там была всего одна — через шлем нельзя было курить. А курить ему хотелось всегда. Особенно в такие вот минуты. Особенно сейчас.

Широко расставив ноги, Стахов молча наблюдал за струящимися по дороге в неизведанном направлении волнами пыли, словно бегущими друг с дружкой наперегонки, и боролся с желанием закурить вновь. Ведь только что отправил обжигающий пальцы окурочок вслед за волнами пыли, а потребность вдыхать в легкие дым, казалось, только возросла. И, не найдя в себе сил сопротивляться, он вставил в зубы самокрутку. Втянув шею, закрылся воротником костюма и поджег от него же спичку. Закурил, и ветер в тот же миг украл выдохнутый им дым. Затем снял автомат с предохранителя, подошел к Бороде.

— Тихо пока?

— Пока тихо, — эхом ответил ему тот, украдкой взглянув на тлеющую быстрее

обычного самокрутку в его зубах.

— Сколько времени еще понадобится, Змей? — наклонившись к ставшему единой с моторным отсеком деталью механику, рискнул спросить Илья Никитич.

— Да заканчиваю уже, — на удивление без раздражительности в голосе ответил тот, поправив фонарик. — Как там на пулемете? Справляется?

— Справляюсь, — ответил темный контур на башне, и прикрепленный к башенному пулемету прожектор тут же вспыхнул, хоть и желтым, но достаточно ярким, противотуманным светом. Выхваченные из темноты две понурые, грубые фигуры с опущенными головами, недовольно прижмурились.

— Эй, поаккуратнее там. — Борода поднял руку, чтобы закрыться от неожиданного света и Юля тут же отвела пулемет в сторону.

— Справится, — заверил Стахов Змея. Затем кивнул Юле: — Ты только смотри там в оба.

— Т-с-с, — приложил палец к губам Борода, и направил свой автомат на обочину. Быстро оглянулся на Юлю, указал рукой в ту сторону, перехватил оружие поудобнее, крепче прижал приклад к плечу. Желтый луч прожектора скользнул в ту сторону, на миг задержался на вросших в дерево обломках спортивного мотоцикла, затем пошарил рядом — ничего.

— Ты это слышал? — не оборачиваясь, обратился Борода к Стахову.

— Что именно?

Илья Никитич напряг слух, но кроме шума ветра, потрескивания сухих стволов деревьев, позвякивания инструментов в руках Змея и протяжного гула, которым отвечал ветру торчащий вверх ствол пушки, он не услышал ничего подозрительного.

— Что именно? — повторил он свой вопрос, но Борода вдруг вскинул руку, как хорошо выучивший домашнее задание прилежный ученик, и резко обернулся в противоположную сторону, посветил Стахову за спину. Из ста самых неприятных моментов, которые приходится переживать сталкерам, этот по праву входит в первую десятку. Или даже пятерку. Когда светят за спину и при этом у того, кто светит, глаза начинают округляться, а ствол в руках дрожать, испытать можно самую контрастную палитру ощущений, начиная от иглоукалывания миллионом игл и заканчивая охватывающим все тело пожаром.

Стахов оглянулся так быстро, как только мог. Осмотрел костяки врезавшихся лоб в лоб когдашних извечных конкурентов, а теперь смиренно почивающих «Ланоса» и «Калину», облегченно выдохнул.

— Что ты увидел? — спросил он у Бороды.

— Я... не знаю, оно движется слишком быстро, — ответил тот и снова перевел свой свет на обочину. Затем снова на слившихся в вечном поцелуе легковушек.

ТЬфу ты, может померещилось? — надеясь на это всем сердцем, подумал он. — А?

Прожектор на башне незамедлительно повернулся вслед за узкой, тонкой стрелкой света, которая словно лазерный указатель показывала ему направление для атаки. Но, как и прежде, в груди бесполезного железа, угрозы обнаружено не было. Все мертво, как в немецком бункере времен второй мировой.

Даже возбужденному, получившему добротный впрыск адреналина, воображению не удавалось разглядеть признаки жизни ни в трепыханиях оборванных, обгорелых внутренностях сидений, ни в обвисшей обшивке потолка, ни в брызнувших бисером осколках усеявшего асфальт триплекса. Жизненных форм не обнаружено. Все, что попадало под свет прожектора оказывалось палым и неживым — но отчего же тогда так яростно затрепыхалось в груди сердце, а во рту стало сухо и появился этот отвратный стальной привкус? Все верно, это называется предчувствием. Оно бывает разным, но по большей части своей плохим. И уж совсем худо, если оно было таким же мерзопакостным, как сейчас у всех троих.

Если бы взглянуть на ту часть дороги где замерла с открытым моторным отсеком «Бессонница» с высоты птичьего полета, можно было бы подумать, что там вращают своими отражателями три обезумевших береговых маяка: два с тонким лучом и один с широким.

Только вращали они ими не по кругу, как положено, а кто куда — беспорядочными рывками то в одну, то в другую сторону, то задерживаясь в какой-то точке, то наоборот — безостановочно мельтеша, будто именно в этом заключался их смысл. Длилось это светопреставление ровным счетом одну минуту. Затем лучи остановились. Нет, не перекрестившись на какой-то одной точке, а по-прежнему устремившись в разные стороны света, как те тоннели из Укрытия — северный, юго-западный, восточный... Но... Что это? Почему так дрожит замерший на одном месте широкий луч? Почему так гулко, что стало слышимо аж в вышине, забилося сердце у пулеметчика? Что он увидел там, вдали, в пыльном вихре? Что разглядел на тле незримой грани, где свет окончательно и бесповоротно проглатывался тьмой, теряя всю свою жизненную силу?

— Там, — указала Юлия в направлении, куда выстреливал луч ее прожектора. — Оно там.

Позабыв о прикрытии Змеевой задницы, Борода сделал пару шагов к середине дороги, встал на разделительную полосу и всмотрелся в то место, куда указывала лучом Юлия. Мелькнувшее в вязкой тьме какое-то огромное двуногое существо напомнило ему то, что они видели минут двадцать назад возле автозаправки, только теперь оно передвигалось уже не на четырех, не как зверь, а на двоих...

Клокочущий рык прозвучал у него за спиной. Сыпкий, неспешный, голодный как у выпущенного из клетки по чьей-то нелепой неосторожности бенгальского тигра.

Что-то выкрикнул Стахов. Достаточно громко, чтобы не расслышать, но все же почти неслышимо. Ветер украл его слова. Или его поглотил отчаянный крик девушки?

Жгучая боль пронзила его спину и плечо. Борода коротко вскрикнул и упал ничком, оказавшись прижатым к земле чьей-то мощной, когтистой лапой.

Загромыхал над головой пулемет. Пули с характерным причмокиванием входили в живое тело, но, казалось, что они просто бесцельно отправляются во тьму. Ибо если они и наносили существу хоть какой-то урон, то он явно был недостаточным для того, чтобы ему рухнуть замертво или хотя бы броситься наутек, зализывая на ходу раны.

Тем не менее, хватка, с которой оно удерживало прижатого к земле Бороду, ослабла. Рустам тут же высвободился из нее, поднялся на ноги и как-то по-звериному ощерившись, оглянулся. Он не почувствовал никакой боли. Только неприятное жжение в плече, так, словно его укусила псевдопчела. Он все еще не понимал, что произошло. Он снова и снова отдавал своей руке приказ направить оружие на возвышающееся прямо перед ним продырявленное десятками пулеметных посланцев бордово-коричневое, поросшее короткой серебристой шерстью громадное тело существа, но все было тщетно. Нет, его автомат исправно стрелял. Палец все еще сдвигал курок, на лету рассеивая пули по ночному небу. Но при этом они уже были далеко от самого Борода — его рука, по самое плечо, более не принадлежала ему.

Стахов отпрыгнул назад, самокрутка выпала изо рта.

— Оборотни... — тихо повторил он то же самое слово, которое выкрикнул командиру «Бессонницы», прежде, чем одна из этих огромных, в раза три крупнее человека, тварей оказалась у него за спиной.

Рожок в его «калаше» был увеличен укритскими мастерами в емкости до сорока пяти патронов, но сейчас ему казалось, что все было наоборот — его не увеличивали, а напротив, урезали не менее чем на четверть. Ибо слишком короткой оказалась его роль в первом акте этой смертельной пьесы. Слишком быстро он истощился. Слишком мало нанес он урона существу, которое одним смыканием челюстей отхватило Бороде руку.

Между тем широкий луч прожектора метнулся в другую сторону. Теперь за спину самому Илье Никитичу, и у того вновь все похолодело внутри. Рожок был сменен с такой скоростью, которой позавидовали бы и самые опытные военные инструктора. Загрохотал пулемет, посыпались на асфальт пустые гильзы, из темноты раздался чей-то яростный рев. Полностью доверившись интуиции, Стахов в последнее мгновение, прежде чем длинная когтистая лапа просвистела у него над головой, бросился на землю, перевернулся навзничь и

ударил огнем по двуногому существу.

— В машину! — закричал Змей, закрывая моторный отсек и хватая ящик с инструментами. — Никитич, в машину!

Илья Никитич перекувыркнулся, вскочил на ноги, выстрелил еще раз, целясь в клыкастую, смахивающую на помесь волчьей морды и озлобленного человеческого лица, физиономию, и посветил на то место, где только что стоял лишенный руки Борода. Там было пусто. Лишь неровная лужа крови, и плавающий в ней клочок СЗК. Не было нигде и трупа первого оборотня, в которого только Юля всадила, по меньшей мере, пол-ленты. Даже крови его не было видно.

Она что-то кричала, но ее голос потопал в пулеметном грохотании. Она стреляла в совсем противоположную сторону — на обочину, туда, где обрели свой вечный покой обломки врезавшегося в дерево мотоцикла.

— В машину!!! — заорал Змей так, что Юля вздрогнула. — Закрой этот хренов, твою мать, люк! Никитич, сюда!

Илья Никитич бросился к десантному отсеку, расположенному над моторной частью, рассчитанному на пять бойцов, и уже почти достиг его, почти ухватился за открытый люк, чтобы на ходу в него запрыгнуть, как громадная, мощная лапища ухватила его за ногу, одним мощным рывком свалила на землю и поволокла обратно.

— Ааааааа, сука!!! Никитич!!! — Змей палил куда-то поверх него, пули достигали цели, но проку от этого было мало.

Стахов попытался извиться, перекутиться на спину и отстрелить эту лапищу, но тот, кто его удерживал, позаботился о том, чтобы он сделать этого не мог. Все, что Стахову оставалось, это отчаянно цепляться за асфальт, обламывая ногти и стирая до крови пучки пальцев. Но слишком быстро асфальт закончился. Под руками заскользила влажная сырая земля, кое-где пробитая тонкими сухими стебельками сорняка. Изливающий желтый свет прожектор становился все дальше, а тьма вокруг барахтающегося Стахова наоборот — все сгущалась и сгущалась...

— Значит, слушай меня внимательно... — отдыхиваясь, обратился через стенку, отделяющую десантный отсек от башни Змей к Юле.

— Они утащили Бороду и Стахова... — донеслось оттуда.

— Я знаю, не перебивай, — Змей облизнул пересохшие губы, проглотил застывший в горле ком. — Значит, выбор у нас с тобой невелик: либо ты садишься за руль, а я стаю на пушку, либо наоборот — ты остаешься там же, где и сейчас, а я бегу за руль. Предупреждаю сразу: пушкой управлять сложнее, чем машиной. Решайся.

— Но я не умею обращаться...

— Я тебе буду все объяснять по ходу. Там управление как у игрушечной машины — руль и две педали, разберешься. Ну, рожай быстрее! Пушка или руль?

— Послушай...

— Нет, это ты меня послушай! — рыкнул Змей, для которого не существовало никакой разницы в общении между девушкой и непонятливым, лопоухим сталкером. — Я тебя сюда не приглашал. Ты зачем-то сама приперлась, так что теперь не филонь. Выбирай: пушка или руль?

— Ты там подбирай выражения, самоделкин! — выпалила Юля, сверля взглядом в отделяющую их стену. — Я тебе не...

— Пушка или руль, твою мать?!! — вскричал Змей, и Юля импульсивно, даже не задумываясь, выпалила: «Руль!». Хотя уже в следующую секунду пожалела, что приняла необдуманное решение. Ведь теперь придется вылезать из башни и заскакивать в передний, водительский отсек.

— Хорошо, — быстро проговорил Змей. — Времени мало. Бороде уже ничем не поможешь. Даже если оборотни его не сожрали, он все равно истечет кровью... — затем понизил голос до шепота. — Прости, брат. — И продолжил: — Никитича потащили живым. Мы должны проверить. Не уедем, пока не убедимся, что ему уже не помочь, поняла?

Юля, больно ужаленная подобным обращением, хотела что-то сострить на счет того, что оборотень не того утащил, что-то подсказывало ей, что лучше не вступать сейчас ни в какую словесную перепалку. Ведь остались они со Змеем вдвоем. Нет Бороды, нет Стахова, который еще десять минут назад уверял, что она справится.

За бортом послышался громкий рык. Гораздо громче, чем даже когда Юля прищипливала одну из этих тварей к дереву. Так, словно пришел голодный самец. И тут же вдали послышался надрывный человеческий крик. О, Господи, — внутри у Юли все похолодело и стянулось в упругий комок. — Кто это был? Стахов, Борода?

— Задача немного усложняется, да? — иронично улыбнулся Змей. — Сейчас я посмотрю, что там творится. — Скрипнул люк. Пауза. Снова скрип. — Мне их не видно, загляни в перископ — он прямо перед тобой.

Прибор ночного видения был, конечно же, весьма кстати, но сказать, что Юля увидела в заснеженном экранном мерцании хоть какое-то четкое движение, было бы ошибочно. Нет, движения, безусловно, были, но они были такими нечеткими, такими размытыми, что, казалось, будто это вздымаемая ветром пыль водит хороводы пыли вокруг Елки-«Бессонницы».

Для надежности Юля — как это часто делают в подобных ситуациях — пару раз хлопнула по прибору рукой — вдруг изображение станет четче? Впрочем, ожидаемого результата это не дало, и она отпрянула от окуляра.

— Ничего не вижу, — сказала она, безвольно откинувшись на спинку сиденья. Хорошо это было или плохо она еще не знала, но еще более помрачневшее предчувствие, подсказывающее, что это еще не конец, не покидало ее. В ее голове вращался, словно упавшее на лопасть вентилятора птичье дерьмо, только один вопрос — если она попросит у Змея чтобы ей остаться здесь, на пушке, а не перебегать в водительский отсек, то тот обзовет ее каким-нибудь нелитературным словом или все-таки согласится?

— Значит, слушай сюда, малая. Сосчитай до трех и вываливайся ко всем чертям из башни. Люк над водительским местом открыт настежь. Как запрыгнешь внутрь, дай понять, что ты уже на месте, поняла?

— Поняла, — настолько тихо, что и сама едва услышал свой голос, ответила Юля.

— Оса, ты меня поняла?! Не слышу!

— Поняла! — выкрикнула Юля и ухватила за рукоять люка над головой.

Эх, жаль прожектор остался светить на обочину! Если бы его можно было повернуть, осветить себе пространство впереди... — с сожалением подумала она.

Раз... Два... Три... (Перекрестилась? Вспомнила, может, какую молитву? Давай!!!)

Расстояние между люком в башне, откуда выскользнула Юля, до открытого, похожего на крышку унитаза, люка над водительским местом, при обычных обстоятельствах можно преодолеть в два средних шага. Но обычные обстоятельства остались далеко позади, а поэтому Юля, схватившись за ствол пушки как за поручень, преодолела это расстояние в один прыжок. Перед самым люком, ухватившись обеими руками за его крышку, она на мгновение задержалась. Заглянула в темное пространство, едва освещаемое несколькими датчиками на приборной панели. Страх окунуться в неизвестность, в некий желоб неопознанности, по которому она могла скатиться в пасть преисподней, вынудили его засомневаться и на мгновение оглянуться.

Но сзади никого не было. Зато в свете отведенного в сторону прожектора мелькнул огромный черный силуэт. Юля бросила туда испуганный взгляд, но тварь, несмотря на то, что была не меньше трех с половиной метров в высоту, передвигалась на удивление резво — в свете пронеслась только горбатая спина, усеянная клочками короткой серебристой шерсти. А в следующий миг что-то огромное, живое и дышащее с прихрапом, оказалось у Юли за спиной.

Ветер скрыл звук прыжка, замулировал за своим свистом звук приземления, но не мог он отвести от Юлиного слуха это дыхание. Злобное, яростное, неумолимо предсказывающее наступление смерти.

Она всем своим естеством прочувствовала, да что там прочувствовала — увидела спиной, как громадный, могучий, имеющий около четырех метров роста самец-оборотень, вскочив на башню, протягивает к ней свои длинные руки-лапы. Медленно, дабы не спугнуть загнанную на край пропасти курицу, дабы не допустить, чтобы она сиганула вниз, не дать ей спастись от приготовленной для нее участи хотя бы в такой утопический способ...

Юля хотела оглянуться, хотела убедиться, что ее не обманывает шестое чувство, но потом вдруг четко поняла — стоит ей сейчас помешкать у открытого люка еще хотя бы самую малость, как ее сгребут в гигантский кулак, как ту девушку из фильма про большую обезьяну с тропического острова. И кинут об асфальт с такой силой, что ее мозги брызнут по встречной полосе как раздавленный мандарин. И словно в подтверждение этой догадки, она почувствовала, как околешую спину согревает тепло громадной ладони.

— Хрен тебе! — выкрикнула она и, вытолкнув из головы все до последней мысли, как мусоровоз содержимое своего кузова, нырнула в открытый люк.

Надобности закрывать за собой крышку не было. Кто-то сделал это за нее. Кто-то имел другие планы, но курице удалось уйти, сигануть в пропасть, и все, что ему посчастливилось схватить, оказалось лишь полукруглым куском броневого стали.

— На месте! — выкрикнула Юля, больно ударившись о твердое водительское сиденье. — Но один из этих сейчас на башне!

— Это хуже, — донеслось из заднего отсека. — И лаз в башню отсюда закрыт. Елки, вот сколько раз говорил Бороде, блин... Придется как-то по наружке.

Юля бегло окинула слабо освещаемую приборную панель, торчащий из нее, протянутый к ней штурвал, затем перевела взгляд на темный монитор, который, казалось, также всматривался в нее с таким же притворным любопытством, но думала сейчас далеко не об этом. Нет, где-то на задворках ее разума размахивали транспарантами несколько мыслей, пытавшихся сосредоточить ее внимание на том, что управлять этой штуковиной окажется не по зубам, что весьма зря она рискнула покинуть башню. Но их старания были всего лишь мирным страйком десятка шахтеров у стен мэрии по сравнению с той стотысячной революцией, что происходила на главной площади.

Отдаленно скрипнул люк десантного отсека.

— Там никого нет, — послышался голос Змея, немного приглушенный. — Попробую перескочить. Раз... два...

Снова скрипнул люк, и короткая возня, сопровождаемая побрякиванием сталкерского снаряжения и несколькими бранными выражениями враз сменилась полной, непробиваемой тишиной. Быстро и внезапно, словно произошел обрыв киноленты.

Юля напряглась, будто собиралась принять эстафету от рвущегося прочь из тьмы Змея, но... Только тишина, долбящая в висках, в эту минуту правила миром. Только завывание холодного, промозглого ветра. Только нервный озноб, время от времени пробивающий тело юной воительницы как электрошок.

Никто не прыгнул в башню «Бессонницы»...

— Змей, — сначала тихо и несмело позвала она, вскинув голову кверху. — Зме-ей.

Тишина...

— Зме-е-е-ей! — гулкий оклик, забившийся в многочисленные углы водительского отсека, вернувшись, больно ударил ее по барабанным перепонкам, но наружу так и не вырвался.

Это все равно что кричать в гробу, — пришло ей на ум.

Вспомнился пустынный Киев в ту минуту, когда она впервые в жизни поднялась на поверхность. Мертво и холодно вокруг. Гудящий пробитым горлом сквозняк. Истлевшие кости легковушек. Местами вздутый, как простроченная банка тушенки, местами раскрошенный, словно по нему ступал динозавр-гигант, асфальт на дорогах и тротуарах. Кажущиеся покрытыми гигантской паутиной, а на самом деле взброженные глубокими трещинами многоэтажные дома. Желтые, как клыки, осколки окон. И никого вокруг... Ни единой живой души, кроме мерзких тварей за спиной....

И тишина...

Тишина...

— Змей! — приподняв тяжелый люк, выкрикнула она, но выглядывать наружу не стала — страх оказаться в большой волосатой липище оказался сильнее всякого любопытства. — Зме-ей!

Былое чувство защищенности, сомкнувшееся над ее дрожащей душой панцирем из десятимиллиметровой брони, нынче беспомощным детенышем барахталось в осознании того, что убежище незримым образом превратилось в безвыходный могильник. Лодка, которая спасла ее от акул, теперь неслась на рифы!

Приподняв люк еще выше, она снова и снова звала Змея, вращая головой во все стороны. Тени — настоящие и дорисованные воображением — продолжали свой безудержный аллюр вокруг попавшейся в ловушку Юли. Она старалась не обращать на них внимания. С безудержным остервенением она приказывала себе перестать вздрагивать от каждого призрака, мелькнувшего в свете прожектора, но поджилки все равно тряслись как в лихорадке, а кадык ходил что та болванка, которая вбивает в землю сваи.

Юля больше не думала о себе. Высунувшись по грудь и сложив у рта руки рупором, она звала Стахова, Змея, Бороду. Звала, ощущая каждой клеточкой своего тела, что ее никто не слышит.

Никто.

Глава 13

— Лек? — вытянув шею, заглянул на кухню Крысолов.

Ровно выставленные ряды посуды, чистые мойки, нарезочные столы из нержавеющей стали, над которыми, запальчиво отражая назойливые блики фонаря, поблескивали на специальных подставках набор кухонных ножей разной величины, разливные ложки и прочие принадлежности, без которых прежний человек не представлял себе кухни.

Лека же там видно не было.

Между тем шорох, который привлек внимание Крысолова, тот, что доносился из темного пространства между большим двухдверным холодильником с наклеенным на одну створку плакатом, на котором была изображена земля и ядерная вспышка, и самым дальним пустым пристенным столом, не прекращался.

— Лек? — еще раз позвал Крысолов, всматриваясь в плотное сплетение теней между холодильником и дальним столом, к которому луч жидкого света его фонаря практически не доставал.

— Может, он пошел на выход? — шепотом озвучил догадку Секач.

— Это вряд ли, — качнул головой Кирилл Валериевич, не спуская глаз с места, откуда доносился слабый шорох, но так и не решаясь переступить порог кухни.

На несколько секунд в кафе застыла такая густая, непробивная тишина, что, казалось, можно было услышать, как звенит нить накаливания в фонариках. А потом ее разорвал резкий вскрик, донесшийся словно из погреба, и спешный топот пары ног.

Крысолов оглянулся на крик, перевел в ту сторону оружие и толкнул Секача в плечо, чтобы тот встал у стены, и сам слился с пожелтевшими обоями, направив свет в дальний конец коридора.

Стрелок взмыл по ступеням из нижнего этажа, куда указывала серебристая стрелка с надписью «Номера», запахавшийся, будто пробежал не меньше километра, побледневший лицом, с выпученным глазом и перекошенным ртом. Винтовка бесполезно болталась на его шее как дурацкий амулет.

— Номерок хотел снять? — не преминул случая подшутить, тихо сказал Секач, зная, что его голос все равно потеряется в топоте удирающего непонятно от кого Лека.

Пропустив удирающего от невидимого преследователя, испуганного молодого stalkера себе за спину, Крысолов не сразу опустил оружие, продолжая всматриваться в темноту

впереди.

— Там еще есть, да? — спросил он и Лек сначала закивал, а потом, поняв, что его не видят, с трудом выдавил: «Да...»

— Нужно отсюда убираться, — сказал Крысолов, но, повернувшись всем корпусом на ведущий к залу коридор, внезапно встал как вкопанный. Будто его кто-то выключил.

— Кирилл Валериевич... — непонимающим взглядом замеряя остановившегося начальника, сказал Лек. — Они там... Нужно уходить.

Висящая аккуратно над головой Крысолова люстра, мертвая вот уже как три десятилетия, вдруг заискрилась, замерцала, словно под плафоны забились стаи мотыльков, и испустила тусклое сиреневатое свечение. На полу сразу же образовался ровный круглый островок света.

Затем он погас. На некоторое время, может на секунду. Затем вспыхнул вновь и замерцал.

Трое сталкеров, следуя примеру чуткого к подобным аномальным явлениям Крысолова, таращились на мерцающие лампочки как на приземляющуюся летающую тарелку. Никто не решался даже пошевелиться, будто превратившись в музейные восковые чучела, освещаемые хаотическими вспышками стробоскопа. А тишина стала такой давкой, что казалось, будто если сейчас ее никто не нарушит, из ушей фонтаном брызнет кровь.

— С нами кто-то играет, — нервным шепотом сказал Секач.

— Ага, утопии детки вернулись, — облизнул Лек пересохшие губы, сам ужаснувшись своих слов.

Свет снова замигал и погас, теперь уже на дольше. Приблизительно секунд пять-семь они пребывали в темноте — липкой, скользкой, отвратительной темноте, готовой вонзить свои когти в их тела с любой стороны. Некоторое время они, как обезумевшие игрушечные солдатики, кружились на месте, вытянув вперед себя оружие и усердно ощупывая слепую тьму вокруг себя тонкими ослепшими лучами фонарей.

Но свет прекратил мерцать, стал неестественно ярким, и, что самое удивительное, вдруг загорелись остальные лампы, не только в коридоре, но и в зале, придавая обстановке напускной радости и неестественного торжества.

— Ты бы поаккуратнее с предположениями-то... — покосился на Лека Крысолов. — Совсем не думаешь, что мелешь, дурья башка.

Из того места, где коридор сворачивал налево и сменялся уходящими вниз ступенями, ведущими к номерам, послышался звук, напомнивший металлическое скобление. Такое может издавать лом, когда его рывками влачить по дороге. Или если скрести куском арматуры по стене...

Секач нервно, наспех примотал к своему новому оружию фонарь, и направил его свет в конец коридора.

Одни догадки в уме сталкеров сменялись другими, но меньше, чем через полминуты время для ответа истекло, и предмет, который был причиной скребущих звуков, предстал перед ними в своем истинном виде. Это была кирка с лунообразным, заостренным с обеих сторон молотом и длинной деревянной ручкой. Такими орудовали еще когда пробивали сквозь горы железнодорожные магистрали, такими пользовались золотоискатели, такие выдавали заключенным...

Но шок у сталкеров вызвала, скорее, не сама кирка, а то, в чьей руке она была. При достаточном освещении они предельно четко увидели того, кто ею обладал.

Это была однозначно женщина. Когда-то.

В одежде, в которой она, видимо, в прошлой жизни собиралась в ночной клуб, а именно короткой джинсовой юбке и красных туфлях на высоких каблуках, один из которых стерся до основания, а второй вот-вот должен был отвалиться вообще, она возникла из темноты, как привидение из страшной сказки. Ее тело, бледное, мертвенное, в темно-коричневых, болотно-серых и багряных пятнах, в особенности на пышной груди, торчащей из разрезающегося по швам топа, казалось было готово переломиться пополам. Каждый ее

шаг сопровождался болезненным всхлипыванием, неестественными выгибами тела, взмахами свободной руки, будто она все еще продолжала двигаться в каком-то чудовищном танце.

Секундой позже Лек заметил, как неестественно внутрь сгибается при ходьбе у нее колено левой ноги, а сама ступня тянется по земле, будто она угодила в медвежий капкан.

Но хуже всего выглядела ее голова, как у истерзанной беспощадным ребенком куклы, бессильно свешенная на правую сторону и судорожно дрожащая при каждом шаге, при каждом движении ее тела. Она была по шею туго обмотана какой-то слизкой, лоснящейся лентой грязно-телесного цвета, на месте глаз у нее зияли две круглые прорези величиной с пятак, а узкая прямая, слегка вздернутая вверх ближе к краям прорезь, словно в хеллоуинской тыкве, заменяла ей рот.

— Что это с ней? — прохрипел Секач.

— Что у нее в руке? — отрешенно всматриваясь в кирку, которую она тащила за собой, дал на попятную Лек.

И она, будто наконец заметив их полные растерянности лица или услышав голоса, остановилась, замерла, и только шейные мышцы по-прежнему судорожно сжимались, вынуждая голову продолжать дергаться, живя собственной жизнью.

— Э-э-э, дамочка! — Секач еще раз убедился, что двустволка по-прежнему заряжена, и направил ее на остановившуюся женщину. — Мы так понимаем, ты себя не очень важно чувствуешь? Ты вообще слышишь меня?

Ее разрез для рта вдруг растянулся, с треском начала рваться слизкая ткань, а сам разрез начал увеличиваться, принимая форму неправильного овала и оттуда, из беспросветной темноты, наружу вырвался короткий, полный дикой боли вскрик, от которого у сталкеров внутри будто что-то лопнуло.

Рукоятка кирки просвистела в нескольких сантиметрах от плеча Секача, перевернулась в воздухе, и острым концом разрезала Леку ухо. Его спас инстинкт, в последнюю долю секунды приказавший отклониться в сторону.

Кирка полетела дальше, с грохотом ударилась о кухонные принадлежности, со звоном свалилась на белый кафельный пол, раздробив пару плиток. Все трое, с выражениями лиц как у группы туристов из глубинки, которым говорят: «Смотрите, это та самая кухня, на которой Пирятинский маньяк линчевал тела своих жертв», оглянулись назад и осмотрели созданный в царствии кухонного порядка хаос.

Затем быстро оглянулись назад, и оглушающий выстрел, отдавшийся гулким эхом по всему городу, наискось снес ей правую часть головы. Будто простроченный йогурт брызнули в разные стороны крупными сгустками ее мозги, с ляпающим звуком падали на пол, прилипали к стенам.

Тело пошатнулось, упало навзничь и с огрызка, оставшегося от ее головы, мгновенно натекла целая лужа густой жидкости. В тот же миг свет над головой погас, и некоторое время глаза сталкеров, словно перепуганные мыши, снова привыкали к свету фонарей.

— Они нас чувствуют, — сказал Крысолов, и от его голоса, от этих его слов на душе у остальных стало до очертки как страшно и холодно.

— Что ты имеешь ввиду? — решил на вопрос Секач.

— Я имею ввиду, что валим отсюда... — и не медля больше ни секунды, побежал к выходу.

За их спинами с грохотом, так, будто по ним ударили тараном, в щепки разлетелись двери. Ни у одного из троих сталкеров не было никаких сомнений, что это были те самые двери, на которых висела табличка с надписью «Заведующий»...

— Бегом! — подскочив к барной стойке, схватив с нее светильник и бросив в карман только начатую бутылку «тридцатизвездочного» коньяка, выкрикнул Крысолов.

Краем глаза, в случайно забредшем в дальний конец коридора луче света, он увидел как из кухни ковыляя, выбирается еще одна женщина с перебинтованной (о, теперь он ни насколько не сомневался, что это были бинты) головой, а из противоположной части

коридора вываливается мужчина в деловом костюме и напрочь отсутствующей верхней частью головы.

Лек замешкался в окне, то ли за что-то зацепившись, то ли чтобы не порезаться об острые края разбитого стекла, но Крысолов, ненавидя покидать здание последним и буквально трепеща всем телом, когда все уже выбрались, а он еще нет, вытолкнул Лека как инструктор боящегося впервые прыгать парашютиста, и сам кувыркнулся через окно.

— К машине! — выкрикнул он, хотя эта команда была лишней.

Лек зацепился за бордюр, спикировал так низко над землей, что чуть не пробороздил по асфальту бородой, но на ногах удержался.

В густой темноте кто-то вскрикнул (или же взрычал?), Кирилл Валериевич оглянулся и свет фонаря выхватил из темноты несколько шатко переваливающихся с ноги на ногу, преодолевая длительную мышечную атрофированность, мужчин в обрывках военной формы.

Закружились в голове, затанцевали в хороводе яркие, сопровождаемые чьими-то резкими высказываниями, мысли, замелькали перед глазами мутные образы — увиденные, нарисованные на бумаге, кем-то рассказанные, вымышленные. Вспомнился тот день, когда он, будучи уже молодым сталкером, видел, как с поверхности привели странного человека. Первое, что бросалось в глаза — пробоина в его черепе, размером с кулак. Казалось бы, как с такой дыренью в голове он мог еще жить? Но он был жив, хотя больше смахивал на ходячий труп. И цвет его кожи бледно-пепельный, неживой, и черные, толстые тоннели вен на руках и шее — все говорило о том, что он должен был покоиться с миром давным-давно. Его потемневшие глаза в высохших, талых глазницах затравленно блуждали по сторонам, но в их выражении уже не было ничего человеческого. Взрывоопасным коктейлем перемешались в них и первобытный страх, необузданная, нелюдимая ненависть ко всему живому, и голод — не обычный, не ощущение потребности в еде — голод к смерти, голод к истреблению, к поеданию ради уничтожения.

Это был первый зомби, которого Крысолову удалось увидеть воочию. После этого одна за другой следовали разные истории о нападениях зомби на людей и становлению последних первыми вследствие попадания в кровь слюны или крови зомби. Многие были приукрашены, многое выдуманно, много выдуманно такого, что и на голову не налезет — особенно вояжеры преуспевали в этом деле, но и многое было правдой. Зомби, конечно же, нападали на людей, и делали это всегда. Не было еще случаев, чтобы завидевший людей зомби решил обойти их стороной и не провоцировать конфликт. Они не обладали ни умом, ни тактикой, ни стратегическим искусством ведения боя, не было в них и чувства единства — они запросто могли сожрать одного из своих, если человеку, которого они преследовали, удавалось от них сбежать. Но человека они самозабвенно преследовали даже когда только что плотно поужинали. Причина такой ненависти не лежала на поверхности, ученые мужи не могли к ней подкопаться даже после многих лет кропотливых изучений и сотен поставленных экспериментов.

Биологи не смогли в точности исследовать ни их природу, ни особенностей мышления, со временем признав себя не способными объяснить вообще феномен их существования. Дело о зомби заканчивалось многоточием, и вряд ли кто-то когда-то решится продолжить эти бессмысленные испытания. Вся заковыка крылась в том, что внутри их черепа зачастую было пусто, как в бочке с дырявым дном. Их мозг — у тех, у которого он сохранился — при вскрытии напоминал болотную жижицу, и о том, что внутри него могли создаваться какие-то разряды, порождающие мысли, не было и речи. В связи с этим, они, конечно же, не могли ни жить сознательной, разумной жизнью, ни, если подойти с биофизической точки зрения, существовать в принципе, но тем не менее, они вовсе не чувствовали себя ущербными.

Да, они оказались не способными общаться между собой членораздельной речью. Да, они не могли элементарно складывать даже кубики. Да, их поведение не подчинялось логике и здравому смыслу, но при этом попавшуюся под руки собаку они могли без особых усилий переломать напополам, как сухую щепку. Откуда бралась их сила? Вероятно оттуда же, откуда и ум — из ниоткуда. Разумеется, это не было разумным объяснением, скорее так,

отмазкой, чтобы отцепиться от недокучливых вопрошателей, но в то же время, это и было единственным ответом. Разумным или нет — дело третье, да и, в принципе, не очень-то важное. В конце концов, ученые не боги, так ведь?

Избавиться от зомби было задачей не чрезвычайной сложности. По крайней мере в Киеве последнего из них видели года три назад. Благодаря своей неповоротливости, нерасторопности они легко попадали в ловушки, отправляющие на тот свет до десяти особей за раз. Да и расстреливать их не было никакой сложности — стой себе и пали, они же никуда не прячутся. В этом, кстати, таился и второй (или сто второй) феномен зомби, заключающийся в том, что попадания в голову для них оказывались по-прежнему смертельными. Почему так, ведь мозг давно прекратил свое первичное функционирование? Хороший вопрос, но, так же как и остальные, его следует отправить в папку «Неразгаданное» и терпеливо ждать ответа — он неизменно придет. Когда-то. Через миллион лет.

Как однажды сказал один из старейшин: «...думается, если бы мы научились управлять зомби, когорта сталкеров прекратила бы свое существование. Но если бы они в один прекрасный день вышли бы из-под нашего контроля, прекратило бы свое существование человечество...»

Это может показаться странным, но и тот зомби, что Кирилл Валериевич его видел десять лет назад и эти, были в армейской форме. Их лохмотья, естественно, сложно было назвать формой, но пятна камуфляжа полностью не выцвели, звездочки на погонах одного из них красноречиво указывали на звание «старлея», а на воротнике все еще сохранилась одна петлица, с изображением парашюта на фоне двух разлетающихся самолетов.

— Спецура? — будто удивился Крысолов. — Как же я вас ненавижу, гребаные уроды.

Приклад привычно уперся в плечо, плавный спуск курка, и две короткие очереди заставили первых двух вояк упасть на землю и начать отчаянно бить руками и ногами по земле.

«Разведчик» завелся с первого раза, хотя топлива в баке оставалось, судя по показателям датчика, чуть меньше чем ноль.

— Кирилл, давай быстрее! — крикнул Секач, прогревая старый мотор уазика несколькими резкими прогазовками.

— Баллон! — выкрикнул Крысолов забравшемуся на свое прежнее место Леку, и тот, впопыхах слепо пошарив руками по полу багажного отделения, бросил ему небольшой баллончик аэрозоля с краской.

Взглянув на часы, тот стянул с баллона колпачок, наклонился, и вывел на асфальте, рядом с задним колесом «Разведчика» белой краской большие цифры «22.15» и рядом нарисовал стрелку, указывающую налево.

— Э, а чего налево-то? — удивился Секач, свесившись с двери наблюдая за действиями Крысолова.

— А ты далеко уедешь, если мы поедem прямо? — перепрыгивая через борт и попутно забрасывая внутрь машины свой автомат и баллон, спросил Крысолов. — Давай, Секач, газуй!

— Ну а что мы будем в городе делать?! — не прекращал удивляться Секач. — Их же там наверняка валом!

Машина с рыком сорвалась с места, оставив на перекрестке пару черных полос, и устремила в левый поворот.

— Это точно. — Крысолов перелез на переднее пассажирское сиденье, бухнулся в него и взял из протянутых рук Лека свой автомат. — Но пока они не слишком быстрые, можно попробовать где-то забаррикадироваться и подождать. — Он оглянулся назад, с надеждой в глазах взглянул в темень перпендикулярно идущей дороги. — Чего-то и вправду задерживается наш основной состав. Может, обломались по дороге?

— Надеюсь, что нет, — всем сердцем желая в это верить, ответил Секач.

Пирятин — небольшой, кучковатый городок, в два раза меньше соседнего Яготина,

казалось, опустевший еще задолго до всемирной катастрофы, выглядел брошенным, никому не нужным, возведенным не понятно для чего и для кого, встретил их промозглым ветром и пошатывающимися, неверными тенями.

— А когда они станут быстрыми? — украдкой следя за перемещениями темных сгустков между городскими постройками, спросил Секач.

— Быстрее, чем кажется, — ответил Крысолов и посмотрел на показавшийся в свете фар, выстроенный аккурат над самой дорогой пятиэтажный дом, в целостности своей выглядевший гораздо страшнее, чем разрушенные столичные высотки.

Никто бы и подумать не смог, что уцелевшие дома когда-то будут выглядеть ужаснее, чем руины, но в действительности это было именно так. Руины — открыты, они предоставляют всем без спросу разглядывать свои вывороченные внутренности. Стоя в двадцати метрах от девятиэтажки, половина которой отрезана словно операционным лазером, можно увидеть все, что она в себе когда-либо таила. Вот комната психопата, обклеенная газетными вырезками и плакатами с одним и тем же лицом, которому он вырезал глаза; вот гостиная ценителя искусства, на стенах выжженные картинные рамы, старомодная мебель и чудом устоявшая на журнальном столике древняя амфора; вот спальня молодоженов с зеркальными потолками, навечно отражающими съезженные скелеты; вот заурядно обставленная кухня семьи обычных работяг с одним ссохшимся шкафчиком для столовой утвари и холодильником, на котором детские ручонки когда-то выставили буквами на магнитах слово «мама»... В разрушенном доме издали видно где чье обиталище, где какая тварь облюбовала себе теплое местечко, а посему входящий в него сталкер мог иметь общее представление о том, с чем или кем ему придется столкнуться внутри. Целый же дом — как ящик Пандоры, неожиданную смерть в котором сыскать имеется гораздо больше шансов, нежели спасение.

Крысолов указал пальцем Секачу на ржавую автобусную остановку, возле которой десятилетия напролет ждал своих пассажиров дырявый «Ивеко» с распахнутыми настежь дверьми, и тот плавно нажал на тормоза, сворачивая к карману остановки.

— Глуши мотор. Габариты оставь, — приказал Кирилл Валериевич и, не дожидаясь полной остановки, выскочил из машины и быстрым шагом приблизился к ступеням первого подъезда.

Деревянная дверь без ручки и с нехотя отражающим свет его фонарика квадратным окошком была предусмотрительно приоткрыта, словно оставленная девушкой, намекающей на возможное пикантное продолжение вечера. Зато первые несколько ступеней раскрошились до основания, превратившись в пригорок, усыпанный мелкой каменной крошкой, а на уцелевших последних головой вниз лежал скелет четвероногого, возможно, собаки или кого-то еще из отряда собачьих. Глядя на него, верящий во всяческие знаки Крысолов сразу понял, что изначально кажущаяся подлинной любезность этого дома, всего лишь приветливое помахивание хвостом твари, оскалившей пасть.

По тротуару к нему приближалась пошатывающаяся, словно после похмелья, тучная мужская фигура. Свет от Лекова светильника падал на него лишь с одной стороны, но и этого было достаточно, чтобы понять, что выглядит этот зомби довольно-таки малосимпатично. Пепельного цвета сморщенная кожа местами потрескалась, обнажая скрывающуюся под ней черную дерму, взбугрилась созревающими очагами гнойников, отвисала на щеках целыми лоскутами, словно старая кора. Само же лицо было исполосано целой сетью узких, неглубоких траншей — это оставленные трупными червями дорожки, проделанные до того, как процесс преобразования вернул в тела зомби жизнь. На громадном, как коровье бедро, плече зияла черная дыра, в которой еще сновали, поблескивая скользкими боками, белые, жирные черви, вторая же рука у него заканчивалась обожженной в локтевом суставе культей. В обрывках, повисших на нем лохмотьев угадывался прежний строительный комбинезон.

Подоспевший Секач наставил на него двустволку и уже готов был выстрелить, но

Крысолов тихо свистнул и когда их взгляды встретились, отрицательно качнул головой.

— Не шуметь, — тихо сказал он.

Тогда Секач решительно шагнул вперед и еще до того, как зомби-строитель потянул к нему руки и открыл для укуса полный черных пней рот, прикладом ружья ударил его в лицо. Послышался треск ломающегося носа, зомби взревел от боли, исступленно замотал головой, сделал пару шатких шагов назад, споткнулся и упал на спину.

— Быстро, сюда, — бросил через плечо Крысолов и вскочил по рассыпающимся под ногами ступеням к дверям, осторожно посветил внутрь и, не увидев ничего опасного, толкнул их дальше. Оглянулся назад, с недовольством отметил, что строитель уже вновь стоял на ногах, а дорогу, аккуратно по пешеходному переходу, пересекала хромая женщина, издавая нечеткое гортанное мычание, и не раздумывая прошмыгнул вглубь подъезда.

— Ищите открытые квартиры, — сказал он и первым ухватился за хлипкую алюминиевую ручку на дверях с цифрой «1», кротко ответившей ему отказом.

Леку с Секачом повезло не больше — две другие квартиры были также заперты, а у третьей дверь хоть и была открыта настежь, на месте дверного замка зияла огромная дыра.

— Не подходит, — тайком пустив луч по пустым стенам, пробубнил Секач, и пошел за Крысоловом на второй этаж. Квадратная площадка второго этажа, с четырьмя запертыми дверями, была завалена разноцветным тряпьем, брошенными чемоданами и котомками, из которых торчали разнообразные домашние вещи: и корешки книг, и полукруглые бока консервов, и что-то обмотанное проводами — все, что можно было вынести из дома. Картина отнюдь не редкая для столичных сталкеров, а потому они окинули все это ленивым взглядом и потащились на третий этаж.

Обычно сталкерам не присуще подниматься выше второго этажа. Незачем им это. Ведь там, выше, ни сохранки чтобы переждать день путной не найдешь, ибо ближе к солнцу, ни уцелевшие-полезные вещи никаких не отроешь. Никому не нужный бытовой мусор, покореженная мебель, пыль и кости — вот и все, что гарантированно можно обнаружить почти в каждой второй квартире. Да и чем выше подымаешься, тем больше будет приземляться, выпрыгивая в окно, не так ли?

Среди суеверных сталкеров на эту тему даже бытует поговорка, что если в комнату есть лишь одна дверь, то это, обычно, только вход.

Именно поэтому сталкеры избегают высоток. Не загонишь их туда ни за какие коврижки. Ни под каким предлогом. Ни за горы патронов и ресторанный еду. Ни за женщину, ни за ребенка. Ни за что. В темный, мрачный подвал — пожалуйста, на третий этаж — ни в жизнь. Бессмыслица? Возможно, но только на первый взгляд.

Сегодняшняя же ночь нарушала для троих сталкеров все правила и запреты.

Внизу хлопнула входная дверь и послышался шум возни, будто двое не могли поместиться в дверном проеме и никто из них не хотел уступить друг другу. Лек свесился с поручня и посветил вниз. Толстяк в строительном комбинезоне прошел на площадку первого этажа и резко поднял залитое густой, черной жидкостью, вероятно заменяющей ему кровь, лицо вверх, встретившись с ним взглядами. Лек оторопело отвел луч фонаря и ухватился за поручни — то, как зомби это сделал, как поднял голову и посмотрел на него, ему совсем не понравилось. Он почему-то думал, что они всегда будут такими же медлительными и уязвимыми, как та первая, с обмотанной головой, что они будут двигаться не быстрее улитки, и их можно будет по несколько раз обойти, прежде чем найти удобную позицию и отрезать голову...

— Сюда, — послышалось сверху, и Лек опрометью бросился на третий этаж.

Дверь квартиры под номером «11» оказалась на удивление незапертой, а замок или даже целых три замка, не считая цепочки, — неповрежденными.

Крысолов осторожно продвинулся в коридор, держа наизготове автомат, и поводил им по всем углам примыкающей к коридору развилки, уводящей с одной стороны на кухню, а с другой — в две жилые комнаты. Затем перешагнул порог спальни, осмотрел пустую кровать; пустившую миллион трещин старомодную, приобретенную задолго до войны мебель, и не

найдя никаких признаков чьего-либо обитания, возвратился в коридор.

Секач как раз запер последний замок и набросил цепочку, когда из зала донесся звук, напоминающий хриплый старческий кашель...

Крысолов направил луч фонаря в зал и обмер, выискивая того, кто мог бы издавать подобный звук. Секач с Леком также, словно по команде, в сию же секунду вскинули оружием, направляя стволы в дверной проем, но сделали это настолько грубо и неуклюже, что казалось, только одним своим бряцаньем могли разбудить всех остальных дремлющих зомби.

Кирилл Валериевич оглянулся и одарил их раздосадованным, укоряющим взглядом, на что они ответили глупым выражением лица, выражающим извинение и наивное детское «Ой!»

Затем Секач положил руку стрелку на плечо и подвинул его к стене, мол, постой-ка в сторонке пока я разберусь, но молодой вовсе не собирался пасти задних. Без колебаний сделав шаг, он оказался наравне с Крысоловом, и как только тот вошел в зал, он тут же прошел за ним след в след, оставив пораженного небывалым нахальством Секача у себя за спиной.

Большая прямоугольная комната, заканчиваемая широким трехсекционным окном в торце, была обустроена ничем не хуже и не лучше остальных комнат в подобных домах, где жили, преимущественно, семьи со средним достатком, не отягощающие себе жизнь соблюдениями законов моды в области домашнего интерьера. Все предельно просто и, если по отношению к бывшим (или нет?) хозяевам это не будет звучать оскорбительно, то даже немного безвкусно. Несколько плотно придвинутых к овальному, накрытому по старинке выцветшей еще при прошлой жизни скатертью со свисающей бахромой, письменному столу деревянных стульев. На полу — с загнутыми краями, словно из той сказки, выражая свою готовность ко взлету, лежал однотонный слабо-зеленый, местами покрытый белыми пятнами тления, квадратный ковер. На ближней к вошедшим сталкерам стене — коричневый с красно-желтым узором посередине, напоминающим муравьиную голову. Всю ширину противоположной занимала запыленная, с расслоившимися, ссохшимися, а оттого кажущимися неродными, дверями, стенка. За ее стеклами виднелись ряды ровно выстроенных, как солдаты на параде, стопок, фужеров и стаканов, а между ними все еще продолжали сиять лучезарными улыбками, невзирая ни на что, несколько запечатленных на фотографиях радостных лиц.

На диване, с обеих сторон взятом под стражу большими креслами, лежал человек. Три луча обшарили его с ног до головы не менее дюжины раз, прежде чем сталкеры убедились, что лежащий не представлял для них опасности.

С той стороны входной двери ударили. Сначала один раз и достаточно слабо, больше похоже на то, как если бы натолкнуться в темноте на дверь мягким телом, но потом удары умножились, стали все сильнее, громче и настойчивее.

Лежащий на диване старик с трудом облизнул похожие на две высохшие пиявки губы и снова прокашлянул.

По всем признакам старик был похож на мертвеца, но его выпученные глаза, отнюдь не от удивления или боязни, а оттого, что мертвенно-белая, тонкая как таль, кожа провалилась глубоко внутрь глазных впадин, свидетельствовали об обратном. Он был похож на человека, очнувшегося после многолетнего анабиоза.

Крысолов вспомнил о записке лежащего на столе заведующего кафе человека, вспомнил прочитанные там слова: «... оно все-таки действует. И действует не так, как говорили. Мы все равно умираем, а потом...»

Что-то хрустнуло у Лека под подошвой ботинка, и старик нервно вздрогнул. Снова кашлянул, сжал старческие, узловатые пальцы в кулаки.

Крысолов направил свет на пол, любопытно осматривая крохотные осколки стекла, отпавшие от подошвы Лекового ботинка, и увидел несколько валяющихся рядом пустых ампул. Поднял их, подбил в бок Лека, чтоб тот посветил ему, и внимательно, как прибывший

на место происшествия детектив, изучил название, покручивая их в руках. Потом его глаза подозрительно сузились, и он обернулся к Секачу.

— Помнишь Красного? Того чудака, что говорил, будто знает откуда взялись зомби? — Секач утвердительно кивнул. — Смотри, это и есть тот «Рад-эссент»...

Округлившимися глазами Секач исследовал две пустые ампулы, и потом вновь перевел взгляд на старика.

— Так это что, правда, что ли?..

Красный был странным человеком. Они все были странными — те, кто попал в Укрытие на десять, а то и все пятнадцать лет позже остальных. Где они были все то время, где пряталась, где жили, что ели, как отбивались от мути разной — не знает никто. Одни скрывают, будто в том есть что-то постыдное, другие, как, например, тот же Бешеный, несут какую-то чушь, третьи вроде бы рассказывают что-то правдоподобное о подвалах, ПРУ и прочем, но когда сталкеры приходят на те места, чтобы проверить были ли они когда-нибудь обитаемы, находят там лишь сплошные завалы. А потому и относятся в Укрытии к таким людям не с особым доверием. И тому, что они рассказывали, не очень хотят верить. Красный рассказывал о «Рад-эссенте» — вакцине, которую военные химвойск в первые дни после бомбежки предлагали делать гражданским в одном из райцентров. Уж неизвестно, что побуждало их лгать, но они утверждали, что эта сыворотка — лучшее средство от лучевой болезни. И что она может спасти даже тех, кто подхватил больше четырехсот радек (ну или около того, а может и еще больше), словом тех, на ком «гейгер» трещал, словно его направляли на открытый реактор. В показательных целях военные сами делали себе эти прививки, но это было лишним. Потому что, как утверждал Красный, без всякой рекламы желающих получить спасительную инъекцию находилось больше, чем просто много. Информация о «спасительных прививках» расползалась с сумасшедшей скоростью. Тем более в условиях всеобщей паники и смятения, когда людская молва упорно распространяла слухи о мученических смертях от лучевой болезни даже в стокилометровых зонах от мест бомбежек, а официальные лица с экранов телевизоров успокаивающим голосом заверяли публику, что причин для паники нет, диковинный страх толкал людей на немыслимые поступки. Потому что только слепой не усматривал в этих заявлениях давно скрывшихся в подземных убежищах «официальных лиц» откровенной лжи.

Беспомощно барахтаясь в захлестывающем по самое горло информационном паводке, пропитываясь разнообразными слухами, заявлениями «политически важных» людей; ужасающими прогнозами ученых-ядерщиков, рубящими на корню всю жизнь; наставлениями ГО-шников; рекомендациями медиков и слезными восклицаниями (а чаще мольбами или проклятиями) обычных людей-респондентов, они боялись только одного — быть подверженным радиационному заражению и вследствие этого умирать долгой, мучительной смертью, подвергая опасности остальных членов своей семьи. Страх, что из-за кого-то одного может умереть целая семья, затмевал умы людей и тогда они готовы на все, лишь бы уберечь своих детей от глобальной пандемии. Они не понимали или не хотели понимать... что это было неизбежно. Уберечь себя и своих родных можно было только уйдя глубоко под землю или запершись в свинцовом бункере, но уж никак не посредством экспериментальной сыворотки, дающей призрачный шанс на продолжение жизни... Но никто об этом не думал. А потому, не тратя времени на размышления, они соглашались испытывать новую вакцину на себе, своих женах, мужьях, своих новорожденных детях, они готовы были безоговорочно принимать на себя ярлык подопытного кролика — к черту все ярлыки и прозвища! — лишь бы сберечь тот маленький и призрачный, но все же еще теплящийся в их сердцах лучик надежды, который с каждым днем и часом угасал, не в силах бороться с накрывающими мир штормовыми волнами отчаянья.

Люди, услышав о «спасительной прививке», съезжались к расположению базы химвойск с самых ближних и самых отдаленных сел, с других районов, с других городов, с областных центров и даже самой столицы. Они все соглашались на прививку, надеясь на свершение чуда. И чудо, можно сказать, произошло. Те, кто были привиты, действительно

продержались в живых, как им и было обещано, дольше остальных. Они не умерли от лучевой болезни в первые же недели или месяцы как те, кто в силу своей просвещенности — на свою же беду — знали, что никакого такого средства от радиопроникновенных волн нет и быть не может и посылали великодушных военных в задницу. Или те, кому по приговору судьбы «прививки» банально не хватило. Или же как те молодые лентяи, привыкшие к тому, что все улаживается само собой, без их вмешательства, и продолжающие за всем смотреть с экранов мониторов. Или те, кто попросту проигнорировал панегирические зазывания военных к употреблению диво-препарата потому что им было «в падло» — ведь были же такие! Или как те, кто стоически принял решение принять смерть естественной. Или те, кто надеялись на Божью милость и избавление...

Последним везло больше — они отправлялись на тот свет с надеждой в сердце и улыбками на лице.

Привитые пережили их всех.

Правда это была или нет — не могут подтвердить или опровергнуть даже ученые-анатомы, но в том, что все зомби появились в результате влияния какого-то внешнего фактора, они единодушно согласны. А уж «Рад-эссент» это были или что-то другое...

Как бы там ни было, но на научном уровне доказано, что все биологические процессы зараженных неизвестным вирусом людей, поддерживающие жизнедеятельность их организмов сначала сокращались до минимума. Фактически, они становились обычнейшими мертвецами. Вот только с какого времени?.. Возможно, с тех самых пор, когда умерли перечисленные выше категории людей, а может и еще раньше — с того момента как игла выскользнула из их вен на военной химбазе? Тем не менее, существование привитых по необъяснимым причинам продолжалось. При этом их мышечные ткани, их кожное покрытие не старели, в привычном понимании этого слова. Они перешагнули ступень старения и сразу вошли в стадию отмирания. Синхронного, степенного отмирания, которое протекало гораздо быстрее, чем обычное нормальное старение, вызванное наступлением соответствующего жизненного этапа. А позже, еще на какой-то своей стадии, это отмирание остановилось. После этого у них не осталось ни мозга, ни сердца, ни души. Они стали зомби. Они перестали быть жителями. Перестали быть людьми. Люди стали их едой. Люди стали их ненавистью. Люди стали их мишенью...

В двери долбили с такой напористостью, будто в квартире закрылся насильник, над которым горожане решили совершить самосуд. Старик прокашлялся в очередной раз, приподнялся на кровати, и нижняя челюсть у него бессильно отвисла, открывая черный проем, окруженный несколькими редкими кривыми, необычайно длинными зубами. Он зашипел, его лицо исказилось в гримасе боли, и он опустил сухие босые ноги на землю под аккомпанемент перезаряжаемых оружий.

— Я... не они... — едва произнося слова, сказал старик, попытавшись подняться чтобы сесть. — Хотя, если честно, то мне жаль... Эта вакцина... — он покосился на спешно выброшенные Секачом на пол пустые ампулы. — У меня побочное явление...

Крысолов отвел в сторону руку — жест, красноречиво объясняющий остальным, чтобы никому не двигаться, оружие опустить, но бдительности не терять.

— Кто вы? — спросил он, немного удивившись, что задает вопрос шевелящему губами высохшему труп.

— Я не знаю... Не помню... — он прокашлялся и поднял на Крысолова свои выпученные глаза. — Я больше сплю, чем живу... Я не стал как они, но и не сдох... Я столько раз засыпал... умирал... думал, что навсегда... но всегда просыпаюсь, когда слышу запах пищи... — Лек нервно зашмыгал носом, поняв, что пища для него люди, но старик, увидев это, поспешил его успокоить: — Не бойтесь, молодой человек... Мой побочный эффект как раз в том и заключается, что я не потерял... — он снова закашлялся, словно силясь заглушить начинающие давить на психику удары в дверь и мычание с той стороны. — Не утратил способности думать. Не потерял рассудок. Я — не они, но они меня почему-то не сожрут, хотя каждый раз я их об этом умоляю... Они были здесь тысячу раз...

уроды эти... но меня не трогают...

— Почему вы здесь? — спросил Крысолов, не спуская с него глаз.

— Я здесь умер, — ответил он, и у Секача неприятно зачесалась, покрывшись легким пушистым морозцем, ладонь, «перебинтованная» станционным смотрителем в Яготине. — И проснулся таким... Я когда-нибудь срastусь с этой чертовой тахтой, черт бы ее побрал... Понятия не имею, сколько так уже провалялся. Сколько лет после войны прошло-то?

— Тридцать шесть, — ответил Кирилл Валериевич.

Штукатурка вокруг входной двери отпала несколькими крупными кусками. Замки стонали и скрипели, красноречиво намекая, что если ничего не предпринять, надолго их не хватит.

— Тридцать шесть, — вдумчиво повторил старик и глаза его вдруг прониклись болью и состраданием. — Вот что, мужики... Бегите-ка вы отсюда. Бегите к чертовой матери из этого города. Вам здесь не укрыться — они просыпаются. Они слышат ваш запах, и просыпаются... Не все такие сознательные и беспомощные, как я... Их много. Очень много. Если они окружают дом, вам конец. Я уже чувствую, как дрожит земля под их ногами. Бегите в спальню, там балкон, спускайтесь по пожарной лестнице...

Старик как раз договаривал последние слова, когда верхняя петля, удерживающая входные двери, вырвалась из стены, двери перекошились и внутрь заскребли десятки бледных рук. Сталкеры рванули было к спальне, но старик что-то выкрикнул, и они остановились.

— Я больше не хочу... — он посмотрел на Крысолова глазами нищего, у которого отобрали и то, что было, и сомкнул веки. — Пожалуйста...

— Покойся с миром, — сказал Крысолов и, спешно перекрестившись, кивнул напарнику.

Секач упер приклад облюбленного им ружья в плечо, направил дуло на старика и спустил курок. Выстрелом двенадцатого калибра с расстояния одного метра его голову легко сняло с плеч и раздробило на куски, но такого эффекта, как у девицы из кафе не было — мозги не брызнули по стенам, они рассеялись как пыль.

— На балкон! — выкрикнул Крысолов, и они заспешили прочь из комнаты с продолжающим сидеть в задумчивости телом старика с недостающей частью тела.

Входные двери в последний раз жалостливо скрипнули, и в квартиру ворвалось не меньше десяти обезумевших зомби. Первым делом они бросились в большую комнату, к старику, недовольно зарычали, затопали на месте, потом ринулись в спальню. Лек с Крысоловом к тому времени уже были на балконе, потому только Секач встретил первых вбежавших зомби залпом из двух стволов. Мужчина в остатках пестрого делового костюма упал сразу, часть его головы разлетелась, а часть повисла набок на куске кожи, а вот крупная, все еще гниющая женщина, приняла сотню дробинok в свое пышное тело, даже не скривившись.

— Правду он писал, — выбегая из комнаты на крик Крысолова, уже спустившегося на нижний этаж, сам себе сказал Секач. — Таки «иначе бесполезно»...

Балкон снаружи все равно не запирался, а потому Секач оставил узкую дверь открытой, и сам, запрокинув ружье и автомат на плечо, прыгнул на пожарную лестницу, ведущую вдоль стены на крышу, и обрывающуюся на уровне первого этажа.

К тому времени Лек уже спрыгнул на землю, схватился за оружие, резкими рывками повертел головой во все стороны, оглядев задний двор дома с небольшим садом, детской площадкой, стоящими поодаль несколькими гаражами, и не нашел причин, чтобы не заматериться.

— Твою мать, да их тут...

Со всех сторон на него надвигались зомби. Некоторые шли не спеша, валко покачиваясь со стороны в сторону, будто их кто-то вынудил проснуться и шагать, другие же двигались хоть и прихрамывая, но все же достаточно бойко, как для оживших трупов. Но были и такие, что бежали...

— По бегущим, короткими очередями... — Крысолов прислонился щекой к прикладу

автомата — Огонь!

Первый, совсем когда-то еще молодой парень, успел подбежать достаточно близко. Еще бы пару шагов, и он точно смог бы на ходу прыгнуть на оцепеневшего в ужасе Лека, но Крысолов срезал его вовремя.

— Эй, не спи! — крикнул он и Лек, прильнув к окуляру оптического прицела, выстрелил по бегущей вслед за парнем девушке, дико визжащей что-то на непонятном языке зомби.

— Только в голову! — Секач громко шлепнулся на землю, словно упавший с неба мешок, перекатился, но лихо вскочил на ноги и разрядил два ствола по тучному строителю — тому самому, которого Крысолов воспретил ему убить двадцать минут назад. — Только в голову стреляй, остальное без толку!

— Уходим, — короткими очередями Крысолов заставил выбежавшего из сада мужчину в синих джинсах отлететь назад, широко расставив руки. За ним отправился и другой, в дырявом свитере и оборванных до колен брюках. — Двигаемся к машине!

Они шли отовсюду. Они были везде. Выбирались из-за пригорюнившихся вдали гаражей, утонувших в рыхлой земле почти на треть, продирались через сад, оставляя на покрученных, шипастых ветвях последние куски одежды. Словно призраки, сначала темные и черные, но по мере попадания на них бликов света все больше ужасные, они выходили и из подъездов соседнего дома. Наполняли собой ранее пустующую детскую площадку, выплывали из-за груды ржавых легковушек и двух армейских грузовиков...

Они выходили, будто дождавшись пришествия своего Иисуса, несшего им избавление от их мучений. Шли, протягивая к нему, невидимому, руки. Шли на свет, шли на запах, шли по зову плоти, не разбирая дороги. Спотыкаясь и падая, когда впереди идущий спотыкался на железных обломках или простреленный огнем из чьего-то оружия падал, они поднимались, и снова продолжали свой путь. Они не сбивались с пути. Даже те, у кого отсутствовали глаза, шли направленно и точно, все сокращая и сокращая расстояние до заветной цели. Новой крови.

Их вид вызывал противоречивые чувства. Бледное-серые, обескровленные, покрытые множеством гниющих язв их высохшие тела и лица, с застывшей в глубинах глазных ям неизвестной человечеству лютостью, заставляли сердца сталкеров биться с удвоенной скоростью, а кадыки ерзать, словно перезаряжая помповое ружье. Но в то же время примитивные, как поломанные солдатики, нелепые в своей анемичной походке, в своей безудержной злобе, тривиальные и предсказуемые, у них было что-то от тех мумий, что мультипликаторы рисовали в своих анимационных фильмах. Так, чтобы дети и переживали за главных героев, убегающих от воскресшей злой мумии, но и вместе с тем, чтобы ее вид вызывал у ребятшек смех.

Вот только смеяться молодому сталкеру если и довелось, то лишь где-то в самой глубине души, и уж не дай Бог, чтобы кто-то из старших заметил это.

— Серега, выключи фонарь, — шепнул Крысолов, когда с «быстрыми» зомби на какое-то время было покончено. — И ты тоже.

— Что? — надеясь, что ослышался, переспросил Лек.

— Фонарь выключи, и за мной. Три маяка для них — очень жирный ориентир.

Лек послушно щелкнул выключателем, и темнота, теперь уже наполненная звуками шарканья старых подошв, причмокивания и голодного мычания, затянула его в себя, как зловещая воронка. Страх и непонимание приказа заставили его выпучивать глаза и всматриваться в темноту, ожидая, что вот-вот его схватит чья-то холодная рука. Но Крысолов,двигающийся почему-то не бегом, а всего лишь быстрым шагом, вел его за собой словно казак верного коня, схватив за упряжь, и от этого ему было хоть ненамного, но все же спокойнее. Хотелось верить, что тот знает, что он делает и почему лучше передвигаться в кромешной темноте.

— Секач? — замедлив на мгновенье шаг, окликнул Кирилл Валериевич, оглянувшись назад.

— Здесь — слышалось сзади, тут же дополненное тихим, сочным звуком, с которым патроны двенадцатого калибра проникают в стволы.

— И хочется же тебе возиться с этой хреновиной... — скривился Кирилл Валериевич, и заглянул за угол дома, где в метрах двадцати все еще светился габаритными огнями «Разведчик».

— Ты чего, Кирюха, да это же такой кайф!

— Ну-ну, охотник, блин. Пускай она заклинит тебе в самый неподходящий момент, будешь тогда кайфовать. Так, ладно, давай бегом к машине, мы прикроем если что. Свет не включай.

— Есть свет не включать, — ответил Секач, и, покинув строй, побежал по направлению к машине.

— Давай за ним, — приглушенно-хриплым голосом скомандовал Кирилл Валериевич и Лек, пригнув голову и дико озираясь по сторонам, понесся вслед за Секачом.

С детства ненавидя быть замыкающим, Крысолов с нетерпением дождался, пока молодой доберется до «Разведчика», облегченно вздохнул и ринулся за ним. На полпути остановился, оглянулся. «Быстрые» фыркали, как лошади, на бегу, отталкивали более медлительных сотоварищей, встававших у них на пути, и неумолимо сокращали расстояние до машины. Они приближались со всех сторон, куда бы он ни направлял луч света. Лек отстреливался из своей новой винтовки сколько мог, а когда закончились патроны, Секач отдал ему свой автомат. Но даже после прицельного истребления ближайших быстрых и медленных целей, края все поступающим зомби, не было видно.

— Кирилл, давай! — выкрикнул Секач, когда узик охотно завелся, вспыхнул кажущимся когда-то слабым, желтым и блеклым, а теперь чуть ли не белым люминесцентом, светом фар и шестеренки в коробке передач старой машины с дребезжанием сошлись в режиме первой передачи.

Крысолов выстрелил по ближайшей догоняющей его цели, молодая женщина упала, треснувшись продырявленной головой об асфальт; мужчина в синем спортивном костюме отлетел в сторону; но самое странное явление — это была бабушка, едва ковыляющая, но почти не поменявшаяся. Она шла, опираясь на трость, будто в магазин за продуктами, и лишь приблизившись на достаточное расстояние, взревела как голодный волк и запустила в Крысолова своей тростью.

Спасибо, что не киркой, — мысленно поблагодарил Крысолов, отбившись от трости, и снял ей верхнюю часть головы.

Даже в экономном режиме стрельбы два последних «рожка» когда-нибудь должны были бы закончиться. И слава Богу, что это случилось в тот момент, когда борт «Разведчика» оказался рядом.

— Жми, Серега, жми! — закричал Крысолов, перепрыгивая через пассажирскую дверцу.

— Гостеприимны тут, правда? — почесав затылок, удивленно произнес Секач, на ходу сбивая словно кегли, возникающие из темноты рычащие и мычащие фигуры. — И захотелось же тебе сюда ехать! Тоже мне, нашел где скоротать время.

— Слушай, ну не зуди, а? — недовольно скривился Крысолов. — Я-то откуда должен был знать, что здесь такое творится?

— А я тебе говорил — надо было ехать сразу на Лубны.

— Ага, ехать. Интересно, что ты запел бы, когда закончилось бы топливо, а вокруг только голые поля и пара крылачей для разнообразия. Хотел я посмотреть, как сверкал бы твой зад к ближайшей деревеньке.

— Ну и просверкал бы, так и что — впервые? — хохотнул тот. — А тут задержи нас дедок на минуть десять больше, и пиши письма на тот свет! Ты видел сколько их?

— Слава Богу, их становится меньше, — выдохнул Крысолов.

И действительно — чем ближе они подъезжали к городской черте, тем более отчетливо становилось понятно, что численность зомби пошла на убыль. Нет, они не исчезли

полностью, но лишь только жилая зона с последними частными домами осталась позади, пошатывающихся в темноте фигур стало гораздо меньше. Да и брели они, казалось, вовсе не к машине, а просто на свет, как мотыльки. «Быстрых» не стало видно вообще, а «медленные» передвигались слишком неуверенно и шатко, для того чтобы предоставлять хоть какую-нибудь угрозу.

— Ну, наконец-то! — оторвав руки от руля, довольно хлопнул перед собой в ладоши Секач, точно как протестантский проповедник. — А я-то уж грешным делом думал, мы сами до Харькова добираться будем!

Вдали, справа в непробиваемой, казалось, темноте, забрезжил свет нескольких слабых, мерцающих огней, и трое сталкеров в «Разведчике», став похожими на футбольных болельщиков, напряженно следящих за решающим матчем, вытянули шеи и заерзали на сиденьях.

Больше всего в жизни теперь им хотелось, чтобы это был не мираж.

Глава 14

Тюремщик перемешивал колоду, тихо бормоча себе что-то под нос и час от часу хмуро поглядывая через зарешеченное стекло на дорогу. Два раза подряд ему выпадала пиковая семерка, потом — девятка пик, а поэтому сейчас, прежде чем вытянуть из старой, потрепанной колоды очередную карту, он выждал пару секунд, мысленно приказав отчего-то гулко забившемуся сердцу успокоиться, громко выдохнул и, отведя глаза в сторону, извлек из середины колоды карту. Покрутил ее в руках, постучал по ней указательным пальцем, и только теперь посмотрел на условный знак, который ему вложила в руки сама судьба.

На покрасневшем от напряжения лице сталкера, которого, казалось, в эти минуты больше волновал результат гадания, чем накатывающие одна за другой волны зомби, сначала возникло выражение крайнего замешательства, но уже спустя секунду оно застыло, став похожим на вылитую из чугуна маску ненависти. С перевернутой к нему лицом карты авантажно и горделиво, отвернувшись от Тюремщика, всматриваясь куда-то вдаль, и едва заметно прищурившись или даже усмехнувшись, вальяжно держала перед собой цветок греческая богиня мудрости и войны Афина Паллада, чей величественный профиль издревле олицетворяла дама пик.

— Да что ж это за дерьмо такое-то, а? — раздосадовано шлепнул себя по колену Тюремщик, усилием воли подавив нахлынувшее желание порвать все эти злоехидно ухмыляющиеся рисованными лицами бумажки на мелкие клочки и выбросить в окно. — В колоде вообще есть другие, твою мать, масти?

Беглым взглядом Бешеный окинул напарника с ног до головы и, не имея привычки входить в чье-то положение или хотя бы смолчать, когда от него этого требуется, довольно ощерился и, приглушив поющего что-то об опустевших стенах Сержа Танкияна, съехидничал:

— Блин, Тюрма, я ж тебе говорю — дай рукам покой. К бабке вон лучше сходи, будешь знать тогда точно. А то к твоим десницам о, Великого Вещуна уже вторые сутки только одна масть липнет.

Тюремщик одарил напарника полным яда взглядом, подобным тому, каким встречает взъяренная жена пришедшего домой «на рогах» благоверного, и с остервенением бросил карты в открытый бардачок.

— Слышь, Беша, смотрел бы ты лучше на дорогу, а? — огрызнулся он. — А то ты же знаешь — керамика нынче дорогая, а тот, кто ее тебе ставил — уже почил в бозе. Рискуешь навсегда остаться шепелявым.

— Э-э, ты на что намекаешь-то? — поморщил лоб Бешеный, деланно округлив глаза и вскинув вверх брови. — Что ты сейчас возьмешь, и стукнешь своим вот этим вот... — он взглянул на сжатый кулак в обрезанной по костяшки пальцев перчатке, подбирая подходящее для него определение, но так как ничего остроумного в голову не пришло,

продолжил: — своего лучшего друга по его кристально-белым зубам? Не боишься обрушить на себя проклятья пославших меня на вашу вероломную землю Богов Тринадцати Небес и самой богини Ицанны?

— На дорогу, говорю, смотри, посланец, — вздохнул Тюремщик. — А то ж я тебя и дальше могу послать.

— Гляди-ка! — Бешеный подпрыгнул на сидении, и радостно тыкнул пальцем в едва различимый на фоне ночного полотна контур «Разведчика» с такими же тусклыми двумя светлячками фар. — Ха, я же говорил — нашему кэпу похрену есть у него крыша или нет!

— Молодец, Крысолов, — хмыкнул Тюремщик.

Зашипела рация.

— Первый, у меня движение за бортом, — настолько тихо, что его слова с трудом разобрали, сообщил Рыжий из Базы-2. — Похоже, это люди.

Бешеный интуитивно придавил на педаль тормоза, хотя до «Разведчика», замершего на перекрестке, будто для того, чтобы уступить право первоочередного движения идущему по магистрали «Монстру», оставалось всего сотня метров, и переглянулся с Тюремщиком.

Боксер пригнул голову, выглянул в окно.

— Ты уверен, одинокий два? — настороженно водя глазами по обочинам, но так и не видя чего-либо хоть отдаленно напоминающего форму человеческого тела, переспросил он у Саши.

— У нас гости, — вместо Рыжего ответил кто-то незнакомым голосом, и лишь спустя несколько секунд замешательства, Бешеный понял, что это был голос Арийца.

— О чем ты говоришь?

— Со стороны города движутся зомби, — ответил тот как обычно беспристрастным голосом. — И их о-чень много.

— Мать бы их побрал! Какого черта здесь делают эти луноходы?! — выпалил Бешеный, когда ему удалось разглядеть мутные, медленные тени, кажущиеся просто бесформенными сгустками тьмы, то появляющиеся, то исчезающие по мере движения машины, в придорожной полосе, выделяясь нечеткими пятнами и снова сливаясь с черной мантией ночи. Вот одна из теней максимум приблизилась к дорожному полотну, и Бешеный тут же распознал в ней человеческую фигуру. Без мутаций. Без непомерно вытянутых рук или ног. В одежде. Это безо всякого сомнения был зомби.

И словно в подтверждение догадки, впереди, где все еще стоял на второстепенной дороге «Разведчик» послышались выстрелы...

* * * *

— Да какого хера они тянутся, как облученные?! — закричал Лек, выбежав на середину дороги и замахав руками. — Давайте сюда!!!

Секач выпрыгнул из оккупированного зомби «Разведчика» с такой прытью, будто там вот-вот должна была сдетонировать бомба. На ходу выстрелил в лицо мужчине в остатках милицейской одежды, от чего тот отлетел обратно протянув вперед руки и ноги, будто по нему ударила гиря, которой когда-то специальный экскаватор разбивал дома. Следующая порция дробы досталась мужчине такому же полунагому, как Бешеный, на теле которого сохранились даже татуировки: на груди две розы ветров, а на спине — многокупольная церковь, похожая на собор Василия Блаженного. Снова приторный трубный звук, с которым патроны проникают в стволы охотничьей двустволки. Снова подряд два выстрела. Кто-то упал, а кто-то продолжил свой ход. Ровно до тех пор, пока Крысолов не забежал за спину и, схватив голову одной рукой, не перерезал горло вместе с шейными позвонками.

У Крысолова оставались еще патроны в «рожке», который ему бросил, похоже напрочь отказавшийся от автоматического оружия, Секач, но берег он их как последние крохи хлеба в неурожайный год. Жизнь научила понимать, что последние патроны — ценнее хлеба. Ведь голодая, можно прожить не один день и даже, если организм привыкший, то и не одну

неделю, а вот безоружным в нынешнем мире... дал бы Бог хотя бы несколько часов.

Лек, давно истративший все до единого патрона, с досадой вспомнил о лежащей в багажном отделении «Разведчика» G-43, но даже при условии, что его за это повысили бы до должности командира экипажа, возвращаться за ней он бы не стал.

— Бежим! — кто-то схватил его за рукав и потащил за собой навстречу к неуверенно приближающимся машинам.

Он оглянулся и увидел, как сзади, в тускнеющем свете фар «Разведчика» показались сразу три «быстрых» тени. К своему ужасу, Лек отметил, что эти передвигаются гораздо резвее тех «быстрых», что они видели еще двадцать минут назад. И если бы не жидкий, желтый свет, можно было бы и вправду подумать, что это люди — ведь ничего в их телодвижениях больше не напоминало о классических зомби — пустых телах, лишенных разума и души, передвигающихся медленно и без разбору в направлении.

А следующее, что Лек понял, что в этом костюме он не сможет убежать от чересчур подвижных «быстрых».

Они меня догонят! — вспыхивало в его голове. — Они меня сейчас догонят!..

Он вырвался из чьей-то мощной хватки, едва не оставив в того руке кусок от своего костюма, остановился, прицелился и выстрелил. Двое упали, хотя умершими назвать их не поворачивался язык, но третьего щелчки, обозначающие, что магазин пуст, не испугали, и он с утроенной силой бросился на Лека и повалил его на землю.

Холодные, бледные руки даже успели прикоснуться к его лицу, сомкнуться на шее, Лек закричал как сумасшедший, отбиваясь руками и оружием, но даже в то короткое мгновение он во всей мере ощутил какой недюжинной силой обладают эти гниющие тела. Ему повезло, что кто-то другой захватил голову зомби в облезлой, посветлевшей рясе с все еще бесцельно болтающимся крестом, в борцовский «замок», оттянул назад, и с хрустом скрутил ее как курице. А кто-то снова схватил его за рукав, помог подняться, обматерил голосом Крысолова, и потащил к гудящим уже так близко, но почему-то находящимся еще так далеко машинам экспедиции.

А сзади слышался топот десятков старых ботинок, кто-то рычал, ревел, махал руками, и снова невзначай оглянувшись, Лек едва уберегся, чтобы на закричать самому — «Разведчика» уже практически не было видно за стеной бегущих за ним вслед тел, среди которых не было ни одного «медленного».

— Быстрее, твою мать!!! — заорал над пораненным киркой ухом Крысолов, подталкивая его вперед.

Наконец-то открыли огонь с машин. В три пулемета, шквальным огнем. Пули журчали над головой как злобные осы, впивались в трухлявые тела, отстреливая им руки и ноги, дырявя их брюха и грудь, но лишь некоторые достигали главной цели — головы. Кто-то зацепился Леку сзади за плечо — о, Боже, как же он хотел верить, что это был Крысолов! — но оглянувшись, он вскрикнул, а в следующее мгновение уже снова пикировал над землей, протянув вперед руки и стирая об асфальт перчатки. Бабахнул из двух стволов Секач, и Леков преследователь улегся рядом, забрызгав укрытый крупными трещинами асфальт сероватой жидкостью.

— Подъем, боец!!! — закричал Крысолов, помогая ему подняться, схватив за шиворот. — Еще раз упадешь, и я сам вот этими руками тебя здесь урою! Ты меня понял, придурок?!

— Последние... — сказал Секач, проломив, как это уже становилось для него привычкой, кому-то прикладом череп и зарядив последних два патрона в так ни разу и не давшее повода в себе усомниться, ружье.

А орда зомби уже дышала им в затылок. У них больше не было первых и последних — они надвигались на троих замедлившихся сталкеров сплошной, плотной стеной, готовые их настичь, поглотить, сожрать, а остатки раздавить, втоптать в землю. И даже непрерывный огонь из двух машин не мог заставить их остановиться.

Подбежав к открытым дверям в кабине «Монстра» Крысолов затолкнул внутрь Лека, а

сам побежал дальше, к родному, грозно светящему вперед себя тремя парами фар «Чистильщику». Но едва заскочив внутрь, на почтительно уступленное Арийцем водительское место, он сразу же вынырнул наружу и на несколько секунд задержался на подножке, выискивая взволнованным взглядом Секача в нахлынувшей, затопившей стоящего впереди «Монстра» волне из сотен тел пестрых, темных зомби. Но так и не разглядев в толпе своего товарища, раздосадовано хлопнул дверью, схватил рацию и отдал команду всем прекратить огонь. Пулеметы на крышах баз тотчас же стихли.

— Почему так долго? — сурово сдвинув брови к переносице, спросил он, просверлив взглядом в моложавого Арийца, и тот, растерянно захлопав ресницами, не сразу нашел, что ответить.

— Да это... Тюремщик же вел... — выдавил он, не в силах оторвать взгляда от зомби, затопивших собой пространство между кабиной «Чистильщика» и Базой-2 «Монстра». Не мог не смотреть как они пытались ухватиться за что-то, найти какой-нибудь выступ на гладких бортах, чтобы взобраться на крышу или для какой другой цели, поставленной их зомбической внутричерепной пустотой, но вместо этого они лишь безотчетно шарили по бортам, словно пытаясь прочесть написанное там шрифтом Брайля¹ послание. (1 Шрифт Брайля разработан для незрячих. Читается при помощи пальцев)

— А ты какого хрена здесь делаешь? Стахов где?

— С-стахов? — интуитивно нащупав ручку двери, будто готовился безоговорочно выполнить следующий очевидный приказ, заикнулся Ариец. — Так он с Бородой остался, у них машина поломалась и он там... для прикрытия...

Он чувствовал, он знал, что в глазах начальника выглядит полным идиотом, но как бы не старался, не мог заставить вести себя как полагает мужественному сталкеру, а не прыщавому хлюпику, и отвечать на поставленные вопросы четко и ясно.

— Остался для прикрытия... он... там, недалеко от Яготина... — безостановочно белькотал он, с ужасом глядя, как зомби пытаются раскатать Базу-2, а некоторые, самые смекалистые уже взбираются на «Чистильщиков» клин.

— Черт бы вас всех! — ударил Крысолов ладонью по рулю, имея ввиду то ли нахлынувших зомби, то ли свою команду. — Нельзя ни на минуту оставить, чертovsky клоуны! «Бессонницу» просрали! Стахова просрали! Себя еще надо было под колеса положить! Деятели, бл***ь!

Зашипела рация, послышался обеспокоенный голос Тюремщика:

— Кирилл, так что делать будем? Парень тебе еще не говорил о новой записи?

Крысолов взял в руку рацию, нажал на кнопку связи, чтобы ответить, но тут же ее отпустил, переведя вопросительный взгляд на Арийца.

— О чем это он?

— Я как раз хотел вам об этом сказать... — Ариец внезапно почувствовал себя более уверенно, протягивая начальнику старый проигрыватель лазерных дисков, который тот узнал бы из тысячи. — Еще один проклятый. Поймали еще одного проклятого с записью. Он шел на Киев.

Кирилл Валериевич жадно выхватил у голубоглазого сталкера потрепанный бумбокс, нажал кнопку пуска и, стараясь игнорировать становящееся все назойливей скобление пальцев по бортам «Форты», стараясь не слышать, как жутко барабанят по дверям, обшивке моторного отсека, по решетке бокового окна крупным дождем мертвые ладони, вникнул в голос просящего харьковчанина.

К тому моменту, когда тот произносил дату записи, лицо Крысолова окаменело, стало как у человека, которому на пике его карьерного роста сообщили, что он уволен. Невыразимой маской на нем застыли и удивление, и злоба, и чувство одураченности, и желание смести в прах того, кто все это затеял.

Ариец еще рассказывал о том, в каком состоянии был проклятый, когда его обнаружили, но тот уже ничего не слышал. Он пытался найти ответ тому, что услышал, но все нужные мысли почему-то с трепетом ускользали из его рук как живая рыба, и лишь

нелепые догадки, сомнительные домыслы и бредовые гипотезы туго обвивали его разум клубком ядовитых змей.

Что делать? — отбрасывая разгадывание первопричин обмана, из-за которого они оказались на треть пути к восточной столице, и сосредоточиться на плане дальнейших действий, думал Крысолов. — Возвращаться обратно в Киев? Или продолжить экспедицию, изначальная цель которой сбор разведданных? Узнать, что творится в Харькове, будь он неладен, или катить ко всем чертям от него подальше? Что будет, если мы вернемся в Киев? Судьба людей (оставшихся ли вообще?) из Харькова навсегда останется загадкой. Что ж, судьба людей из других городов, где есть метро, не более прозрачна. Тогда что нас держит? Боязнь перед угрызениями совести? Вот уж и нет, не тот случай. На первой записи было сказано, что «...еще в прошлом году их было больше двух тысяч, сейчас же нас осталось всего шесть сотен». Теперь же было озвучено, что их осталась всего сотня. Стало быть, за первый год они потеряли почти полторы тысячи человек, за второй — четыреста человек. Если учитывать темпы их потерь, то существует ли хоть какая-нибудь уверенность, что кто-то из них сумел дожить до сегодняшнего дня? Ноль один процент вероятности, не больше. Тогда ради чего продолжать экспедицию? Поехать посмотреть, разобраться, в чем дело? Выяснить, кто это там такой там умный отправляет проклятых с записями, сделанными еще при царе Горохе? Но это ведь даже не смешно. Пускай себе дальше шлет своих ходоков, пускай они себе дальше скребутся в занавесы подземок. Нам-то что с того? Мы-то уже знаем, что никакие это не люди, укрывшиеся в харьковской подземке вопрошают о помощи, а кто-то другой пытается для чего-то приманить нас в Харьков. И зачем ему — нас теперь не волнует. Все, к дьяволу Харьков, нужно возвращаться!

Крысолов отнял от баранки левую руку, бросил на нее полный негодования взгляд, и несколько раз сжал-разжал ладонь в кулак. Но это не помогало — дрожь в пальцах, которую он в последнее время невзлюбил до такой степени, что готов был отсечь себе руку по самое плечо, как тот обувной торговец из Твин Пикса, в руку которого вселялся злой дух карлика из Черного Вигвама, не прекращалась.

— Все, Тюрьма, разворачиваемся, — устало проговорил он, взяв в руки рацию. — В Харькове нам больше ловить нечего.

— Я знал, что ты примешь правильное решение, Кирилл, — с облегчением выдохнув, согласился Тюремщик.

— Полезай-ка в люк, — Крысолов посмотрел на Арийца, большим пальцем указав на люк в крыше, и тот нервно зашевелил кадыком. — Посиди пока в вагоне, я тебя потом позову.

— Но... — Ариец переметнул взгляд на снующих вокруг машин зомби.

— Они тебя не достанут, — сказал Крысолов. — Давай, давай, тебя прикроют. — И, взяв в руки рацию, щелкнул по тумблеру «Внутренняя связь»: — Костыль, прими на время бойца. Отправляю тебе его через крышу, прикрой там если что.

— Принимаем, — охотно ответил Костыль. — Пусть влезает.

Взревели моторы. Ожились, заметались зомби, будто боясь не успеть на уходящий поезд. Некоторые «быстрые» начали предпринимать отчаянные попытки забраться на капот. «Медленные» же раньше безвредно разглаживающие гладкие поверхности бортов машин, развазывая грязь на бортах, теперь явно пытались опрокинуть машины набок. Издавая короткие, нечленораздельные, но ритмичные мычания, зомби с каждой секундой все яростнее и все более налаженными движениями, так, будто кто-то задавал им такт неслышным басом: «И р-р-раз!», взялись раскачивать Базу-2.

Но машины сдвинулись с места, давя попавшие под клин тела, развернулись на широком перекрестке с помигивающим (или нет?) светофором, и зомби не осталось ничего другого как бежать, или влачиться вслед за ними, протянув вперед руки и мыча что-то на своем языке.

Кирилл Валериевич придавил гашетку акселератора, и «Чистильщик», выбросив в ночное небо густое облако черной копоти, начал ускоряться. Стрелка спидометра наконец

поползла вверх, пройдя отметку в «60» и приближаясь к «80».

Сам же Крысолов вытянулся вперед, едва не доставая лбом ветрового стекла и, ухватившись за руль, словно за спасательный круг, не скрывал своего желания побыстрее свалить прочь из этого места. Ему хотелось опять зреть проклятую многими, но все же такую вожделенную для него сейчас пустую дорогу и пустые обочины. Хотелось не видеть эти прогнившие лица, эти посиневшие и побледневшие высохшие тела, выстроившиеся вдоль дороги, как горожане, встречающие важных гостей.

Машину сначала затрясло как в лихорадке, а позже и вовсе начало подбрасывать, как необъезженного жеребца, стремящегося скинуть неудачливого наездника. Причиной этому было то, что сбитых на скорости, затянутых под колеса полумертвых тел становилось все больше и больше. Сталкиваясь с широким клином «Чистильщика», и забрызгивая его своей чернеющей кровью — словно метя его каким-то магическим росчерком — зомби либо разлетались в стороны, либо скатывались на дорогу и попадали под нещадно давящие, огромные колеса, превращающие их иссохшие, завядшие тела в месиво.

По обыкновению, идущему впереди кортежа клину «Чистильщика» припадала львиная часть работы по очистке дороги. Еще бы — не зря ведь ему дали такое громкое имя! Но даже целому табуна лошадей под его капотом было нелегко справляться с неожиданным сопротивлением, которое ему оказывала безоружная, но от этого не менее опасная, армия зомби. Ибо если поначалу ему приходилось принимать на клин по пять-семь безумцев, и делал он это с завидной легкостью, отбрасывая их тела как профессиональный бэттер бейсбольные мячики, то с каждым последующим десятком метров, с каждой набегавшей волной атакующих, он все глубже и глубже вторгался в бескрайнее море из тысячи холодных, омертвелых тел. А те, словно отторгая присущие человеку элементарную логику и разумность, словно выражая свое нежелание быть причастным к роду людскому, или же банально не осознавая того, что смерть вторично, и в этот раз безоговорочно, приближается к ним, вместо того, чтобы освободить проезжую часть — ведь схватка шла явно не в их пользу — все плотнее и плотнее становились на пути у «Чистильщика»! Шли ему навстречу. Если бы они могли кричать, казалось они сейчас кричали бы нечто вроде: «Ну, давай, дави нас! Дави нас!!! Давай, сукин ты сын! Дави!!!» Но они не кричали. Они, все так же мерно покачиваясь и о чем-то перемикаясь между собой на своем бессмысленном языке, постепенно подтягивались к дороге, беспрекословно, и даже без тени страха в глубоких западинах глаз, становясь перед мощным загребалом «Чистильщика».

А потом они вдруг рассосались с проезжей части. Встали в обочинах, затоптались на месте, опустив руки и лишь всматриваясь в проезжающие мимо машины с нескрываемым интересом, как зрители циркового феерического шоу, терпеливо ожидающие финального выступления, обещающего потрясти их своей нетривиальностью, спецификой и эксцентричностью. Никто из них больше не пытался выйти на дорогу. Они провожали ничего не выражающим взглядом их удаляющиеся бортовые огни, и вроде бы даже не выражали при этом враждебности. Они просто смотрели, затаив давно несуществующее дыхание.

Сначала Крысолов подумал, что ему это показалось, что выхваченная желтыми лучами света фар темная груда впереди всего лишь очередное скопление зомби на дороге, но когда расстояние сократилось, стало ясно, что это не совсем так.

Возникшее на всю ширину дороги заграждение в виде ржавых каркасов больших грузовиков, типа «Монстра», автобусов и легковушек, нанизанных на бетонные столбы электроопор как шашлыки на шампур, вынудило его округлить глаза и что-то выкрикнуть в рацию.

Тормозить было поздно, Крысолов понимал это, а поэтому он лишь сильнее прижал к полу педаль акселератора и, вскинув на мгновение глаза к небу, попросил у Бога, чтобы тот укрепил клин...

На всей скорости «Чистильщик» врезался в это скопление, как потерявший управление корабль в морской причал. Первый фланг ржавчины с визгом и треском разлетелся во все

стороны, словно от мощного взрыва. Следующий ряд ржавых грузовиков, стоящий в нескольких метрах от первого, от удара «Чистильщика» клина продавило и смело назад, но такого взрывного эффекта, разумеется, уже не было. Третьему же ряду, состоящему в основном из тяжелой сельскохозяйственной техники удалось погасить скорость машины почти полностью. Колеса начали пробуксовывать, застопорившись в куче железа, и после нескольких бесполезных попыток сорваться с места, двигатель предательски чихнул и заглох.

— Валериевич, что это еще за баррикада? — зашипела рация. — Откуда они натаскали этой рухляди?

— Бешеный, ты меня спрашиваешь? Выйди, спроси у них сам.

— Небось, катили с города, — озвучил догадку Бешеный.

Крысолов опустил окно, выглянул наружу, прищурившись, всмотрелся в темень.

— Твою мать, — сплюнул он, — так и знал. — Нажал кнопку на рации: — Тут тракторный стан.

— У-у, блин, трудяги-колхозники! — выпалил Бешеный. — Что там у вас?

— Завяз я, Бешеный, — тихо ответил Крысолов. — Без «Бессонницы» ничего не будет.

— И что будем делать?

— Дай мне несколько минут, я что-то придумаю. Время есть...

Несколько зомби, не преминув воспользоваться подвернувшимся моментом, вскочили на капот «Чистильщика», а затем один, с виду кагдашний молодой, дюжий парень в обрывках черной футболки с едва проглядываемой, выгоревшей на солнце надписью «Лучшее пиво — это водка», приблизился к зарешеченному лобовому стеклу и, размахнувшись, ударил по решетке кулаком. Визуально она не подалась, но резкий всхлип, который она издала, более чем красноречиво подсказывал, что долго ей не продержаться. Второй зомби, сохранивший на себе остатки полосатой пижамы и с чудом уцелевшей копной пепельно-грязных волос с намеком на пробор с правой стороны, одной рукой ухватился за торчащую из капота выхлопную трубу, а другую протянул своему приятелю, тоже вскочившему во время минутного замешательства на клин. Их солидарность не могла не умилять.

Крысолов хмыкнул, нехотя щелкнул другим тумблером на радиомодеме, взял рацию, ткнул указательным пальцем на кнопку 1–6.

— Костыль, ко мне тут кое-кто пытается пробиться. Срежь-ка гадов. Только по машине смотри не стрелни.

— Как два пальца, командир, — весело ответил прозванный Костылем сталкер. — Не волнуйтесь, «зомбаки» это наш профиль...

Но еще до того, как Костыль забрался в свою капсулу и извлек из ящика пулемет, зомби сами слетели с капота «Чистильщика». Возникший на их месте оголенный до пояса зомби был похож на фронтмена какой-то рок-группы. Невзирая на оголенную до кости лицевую часть черепа с левой стороны, так, что левый глаз казался необычайно большим и выпученным, а желтые, надщербленные зубы словно улыбались, на его голове все еще росли волосы — длинные, черные, слипшиеся, как у не выпавшейся после вечеринки девицы. Сначала можно было так ошибочно принять его за девицу, но высокий рост, массивные, широкие плечи и твердая каменная грудь, словно две бетонных плиты, даже после стадий разложения и иссыхания сохранили в нем признаки некогда здорового мужчины. Возможно, это когда-то был атлет, тяжеловес, как Василий Вирастюк, а, может, и еще крупнее самец — кто знает? Но, во всяком случае, сомневаться в его недурственной силе не приходилось.

Все его заскорузлое, местами проеденное червями до ребер тело украшали странные татуировки. На плече это была бульдожья голова в кепке и с шипастым ошейником, на груди что-то похожее на штрих-код с товарной упаковки, вокруг шеи словно обмотана цепь, а на всю длину руки — пылающий череп и руки, удерживающие мотоциклетный руль. Что все это значило, для ничего не сведущего в этих нательных рисунках Крысолова, было полной

загадкой, но отчего-то ему подумалось, что этот парень наверняка был одним из тех чудил, что проводили свою жизнь верхом на мотоцикле, не слезая с него до тех пор, пока ревматический артрит не подкладывал им вместо удобного сиденья жесткую операционную каталку.

Он подошел к зарешеченному окну, встал на одно колено и заглянул внутрь кабины, при этом его волосы спали на лоб, уложились на теплый капот, закрыв уцелевшую, правую часть лица и оставив на виду лишь искаженную левую. Крысолов сидел, не шевелясь, и наблюдал за тем, как двигается, словно сопло дефлектора воздуходува, будто те, что были когда-то установлены над каждым креслом в автобусах дальнего следования, глаз зомби, и незаметно потянулся к запасному пистолету, воткнутому в примотанную изолентой к рулевой колонке кобуру.

«Вот и свиделись вновь, дорогой Кирилл Валериевич», прозвучал в его сознании низкий контратенор, несколько неприятный для слуха, но все же мелодичный, принадлежащий мужчине, должно быть, лет шестидесяти.

— Костыль, отбой! — выкрикнул Крысолов в рацию, и Костыль непонимающе хмыкнув, ответил «Есть, отбой».

Прикоснувшись левой рукой к рукояти «Хеклер-Коха» модели Mk.23, которая тут же удобно улеглась к нему в ладонь, он сначала испытал прилив уверенности, но уже спустя мгновение от этой уверенности не осталось и следа. Это все равно что дойти пешком до конца поля противника, но понимать, что «воскресший» ферзь, сразу же попадет под удар сразу нескольких фигур соперника.

— Опять ты? — словно пытаясь вспомнить, где же он видел раньше эту рожу, вгляделся во влажный глаз зомби Крысолов, хотя, вне всякого сомнения, этот голос он не спутал бы ни с чьим другим.

«Видишь ли, в прошлый раз у нас разговор не сложился...»

— Да неужели? А мне кажется, ты тогда все сказал, — всматриваясь в обескровленное лицо и не открывающийся частокол корявых зубов, съехидничал Крысолов. — Вот только вместо слов прощания, ты что-то другое проговорил... Дай припомнить... — Он наморщил лоб и изобразил на лице задумчивость. — Кажется, ты сказал своим четвероногим друзьям что-то похожее на «Фас!» Или, может, я не расслышал? Может, ветер, твою мать, создал помехи?

«Мне по нраву твое чувство юмора, Кирилл Валериевич. Оказывается, ты умеешь держаться, а не только хныкать как девчонка, заладив свое «пожалуйста, мы хотим уйти, мы хотим уйти, отпусти нас...» Или ты такой хитрый, потому что внутри этой железяки тебе не так боязно как один на один с собаками?

Крысолову, давно отвыкшему переживать чувство неловкости от осознания собственной слабости, давно не знавшему, что такое полыхать со стыда, показалось, что его щеки сейчас просто сгорят дотла. Давно никто не смел так подкалывать его. Даже близким друзьям он не позволял насмешничать над собой или предосудительно высказываться об его поступках, пускай даже порой нелогичных или откровенно смешных. Даже в тех немногочисленных случаях, когда он по-настоящему чувствовал за собой вину, зная, что сплошал, ему было проще позволить себя обвинить, чем дать возможность осмеять или подтрунивать даже спустя года. Может быть, именно поэтому его так взбесила хоть и на мгновение, но все же воссиявшая на лице зомби издевательская улыбка? Или это ему только показалось? Или это ныне такой улыбкой надарены все зомби, у которых сгнила и отпала часть лица, выставив напоказ свои кривые костные образования? Даже если так, то в том, что его выпуклый глаз подмигнул ему, он не имел никаких сомнений.

Ликует, сволочь! — думал он.

— Чего ты хочешь? — голосом, не выдавшим и оттенка его внутреннего состояния, спросил Кирилл Валериевич.

«Ну, для начала, чтобы ты был сдержаннее. Я вот сколько лет уже ни с кем не говорил, и то не забыл культуру общения, а ты как с цепи сорвался. Милостивее нужно быть, Кирилл

Валериевич, к окружающим, и, главное, с уважением относится к пожилым людям, пускай ты даже считаешь, что они находятся по ту сторону поля боя. А ведь я и родителей твоих постарше буду, а ты ко мне, еще не понявши что к чему, сразу с ругательствами. Нехорошо, знаешь».

— Послушай, я не знаю сколько там тебе лет, и на сколько ты старше моих родителей, но я знаю другое — кем бы ты ни был, ты называешь себя человеком, но это не мешает тебе уничтожать людей! Ты убиваешь нас, меня, моих друзей! Ты загнал меня в эту гору ржавчины! Так с какого это хрена мне относится к тебе с уважением, не скажешь?!

«Ну вот опять пылишь, Крысолов. А ведь не хуже меня знаешь, что у каждого свое назначение в этой жизни. Знаешь ведь, что не всяк волен выбирать, чем ему заниматься, верно? И разве не ошибочно твое мнение, основывающееся на том, что раз я примыкаю своими корнями к роду людскому, то значит, не могу истреблять себе подобных? Разве человек может не убивать себе равных только потому, что он тоже человек — такое же живое существо, обладающее даром мышления и речи? Вот ответ мне: разве не человек превратил эту планету в пепел?

Крысолов какое-то время молчал, опустив плечи и свесив голову, словно прилежный ученик, который первый раз в жизни не выучил домашнего задания, и даже сердце в груди, казалось, прекратило издавать свой стук. Глядя на него, можно было подумать, что ему нечего сказать в свое оправдание, что Великого Учителя загнали в угол и он предпочел молча воспринимать в свою сторону оскорбления, критику и даже ненавидимые им насмешки. Но когда время пришло, когда он собрался с духом и, подняв голову, впился колким, пронизательным, полным жгучего яда взглядом в ухмыляющееся неприкрытым оскалом лицо зомби, глаз-дефлектор того заметался во все стороны, словно он следил за скачущим по пинбольному столу шариком.

— Знаешь, пилот бомбардировщика, того самого, что сбросил когда-то на японские города по атомной бомбе, говорят, застрелился когда осознал, что натворил. Не выдержал. Ты спрашивал, не человек ли превратил эту планету в пепел? Да, он самый. Но поверь, лучше он этим уж точно себе не сделал. И даже если они еще живы — те, кто запускали ракеты — их жизни не позавидуешь. Не все способны жить в здравом уме с миллиардом призраков в своих головах. Гнев присущ человеческой природе. Гнев тогда двигал ими и их командованием, гнев и месть, а не разум. И они знают, что ошиблись. Все те, кто принимали решение первыми запускать эти хреновы ракеты, ошиблись. И пускай, черт подери, — да! — это будет самой крупной, самой глупой, самой бессмысленной и непростительной ошибкой в истории человечества, но разве человеку не свойственно допускать ошибки?! Мы ошиблись — мы платим за свои ошибки!

Вопрос тут в другом: хватит ли нам смелости признать, что если это было ошибкой, то мы ошиблись все. Все! Потому что всеми, включая последнего зомби из этого сброда, всеми двигало одинаковое желание отомстить обидчику. Всеми. Удобнее думать, что это был акт возмездия, подписанный главнокомандующим. Нет, все мы его подписали. Наше это было возмездие, наше. Пускай подсознательное, пускай не выраженное в словах, но, черт тебя дери, наше! Наше — запустить ответные ракеты! Наша злость и ненависть полетела в тех боеголовках. Поэтому вполне закономерно, что теперь мы пожинаем плоды своих ошибок...

А знаешь, чем стало для нас самое страшное наказание? Не умирать, нет, к этому и так готовы все, начиная от «цветущего» старика и заканчивая вчерашним сопляком. Самое тяжелое наказание — видеть во снах мир прежним. Дышать чистым воздухом. Слышать шелест трав. Зреть, как в мире и согласии растут твои дети. Чувствовать тепло солнца, а не зажариваться в нем, как свинья. И в этом наше проклятие, от которого нам не избавиться никогда. Мы спим и видим насколько прекрасной могла быть наша жизнь. Но стоит нам открыть глаза, как перед глазами возникают серые полукруглые, дьявол бы их побрал, тоннели, а на поверхности — руины жилых домов, в которых мы могли бы жить, и сухие берега рек, в которых могли бы плескаться наши потомки. Выжив после войны, мы думаем, что нам повезло, что мы уцелели, что мы выскребли ногтями шанс на жизнь, но жизнь ли мы

заслужили на самом деле? Жизнь ли это?! Кого мы думаем нае***ь?! Мы же смертники! Смертники! Мы уже давно стали как твои гнилозомби, только еще упорно отрицаем это. Еще считаем, что не окончательно потеряли рассудок. Да что там рассудок — мы ухитряемся заставлять себя еще и верить, что способны управлять своими жизнями! Мы планируем, что будем делать завтра, послезавтра, на год наперед. Мы погружаемся в личную жизнь, строим какие-то нелепые отношения, заводим семьи, рожаем детей. Для чего? Почему мы отбрасываем мысль о неминуемой смерти с такими лицами, будто этого вообще не никогда не случится с нами? Ведь о том, что смерть ходит за нами как тень, знают все. Но никто не думает, что однажды ей надоест собирать нас по одному. Просто слепцы не видят яму впереди себя. Они считают, что если прошли по минному полю чуть дальше остальных, то это уже значит, что они выиграли! Живи, человек, живи, ты ведь пережил Великий День Смерти! Ты теперь будешь жить вечно, ты выиграл путевку в рай и считай, что уже идешь к его вратам по красной ковровой дорожке. Ступай, и ничего не бойся, ибо ты под сенью ангелов Его.

И мало кто понимает элементарную истину: вымирать, как мухи, мы начнем уже тогда, — а я тебя заверяю, что ждать осталось не так уж и долго, — когда наверху закончатся запасы годного к рециклиции металла. Руду же мы добывать не умеем. А ведь нечего будет плавить — не из чего будет делать патроны. Оружие станет бесполезным. Без оружия мы не сможем подниматься на поверхность. Вояжеры не смогут доставать нужные запчасти к генераторам и вечно ломающимся ротаторам, которые производят сухое горючее. Без генераторов не будет электричества, без горючего — машины превратятся в груды лома. А закончится электричество — перестанет расти пшеница, или точнее то, что мы ею называем. Не станет хлеба. Не сложно поймать смысл следующего хода, не правда ли? Не сложно понять, что без хлеба, электричества, без машин, лишённые возможности подняться наружу... Я не могу с уверенностью сказать, что мы останемся людьми, что мы не станем пожирать друг друга как паразиты, не станем убивать друг друга за черствый кусок кныша!

К чему я все это веду? К тому чтобы теперь ты мне дал ответ — в чем твое хреново назначение?!! Для чего ты делаешь все это?! С какой целью?! Если ты из такого же теста, как и мы, зачем ты истребляешь нас сейчас, после всего, что с нами и с тобой произошло?! Зачем ты терзаешь нас — тех, кто рано или поздно умрет и без твоей чертова клоунской помощи?! Чего ты добьешься, когда отправишь последнего из нас на тот свет?! Кто-то усеет твою грудь медалями? Или ты будешь чувствовать себя лучше? Мы мешаем тебе, скажи?! Может, мы топчем твою территорию?! Или просто злим тебя тем, что мы есть на этой планете?!! Ну же, отвечай! Отвечай, сукин сын!

Молчание затянулось. Зомби не шевелился, став похожим на загипнотизированного, нервно двигающего усиками кролика, и время от времени проводя по пересохшим губам таким же сухим, шершавым языком. Крысолов же тяжело и нервно сопел, взмокревшей ладонью продолжая сжимать рукоять «Хеклера». Вытаращенные глаза его хоть и всматривались в изуродованное лицо зомби-байкера, на самом деле были обращены внутрь его самого. В его помрачневшую, ставшей словно чужой, душу. Случилось то, чего он боялся больше всего... Он впервые озвучил свои страхи. То, что всегда силился подавлять, не дать возможности выплеснуться наружу, не дать возможности кому-то понять какое же в сущности чудовище последние годы живет в черных недрах его души, и вот...

А позвольте же узнать, куда подевался прежний Крысолов? Тот, который всегда в шутливой форме уверял всех, что человек — это такая пакость, которая выживет всегда и везде, сколькими бы тоннами дерьма его не заливай. И что еще не выдумал дьявол таких козней, сквозь которых не пробрались бы курсанты из его «учебки». И что если верить в будущее, если начать выстраивать его хотя бы с перемены в наших душах, головах, сердцах прямо сейчас, то оно непременно наступит, если не для их детей, то хотя бы для их правнуков.

Ты умел говорить, — укорял внутренний голос. — Ты умел успокоить тысячи сердец уверениями о том, что атмосфера рано или поздно восстановится. Ты говорил, что земля

снова станет плодородной, и готов был ждать этого сто лет. Ты говорил, что люди отродят жизнь на своей земле. Начнут новый виток в истории человечества и никогда не повторят ошибок их праотцев. И где ты теперь? Где тот самый, который утверждал, что даже если бы у него отобрали все оружие, он выжил бы с луком в руках и перьями в заднице? Где тот Крысолов? Почему ты разрешил снадающему чудищу, выползшему из озера отчаянья, поглотить тебя целиком? Зачем позволил сожрать твое мужественное сердце? Ты струсил? Ты больше не веришь в себя?..

«Хорошо, Кирилл Валериевич, — наконец зазвучал в его голове все тот же низкий, но одновременно мелодичный, словно голос радиодиктора, контратенор, — Как и твой юмор, мне по нраву и твоя искренность, а еще больше одержимость. Иногда такое случается, когда живущие глубоко внутри тебя демоны прорываются наружу, да? Показывают, кем человек есть в реальности, без масок, без одежд, без ограничителей во рту. Но твои демоны особенные. С огоньком из преисподней в глазах. Таких не каждый день встретишь. Я даже готов простить тебя за твое опять-таки неуместное хамство и незаслуженно дерзкое ко мне отношение и ответить глаз за глаз, откровение за откровение, хоть мне для этого и придется нарушить кой-какие правила. Но прежде, чем я дам тебе ответы на поставленные тобой вопросы, я хочу кое-что тебе прояснить. Ты ведь еще не забыл того безумца из Яготина, верно?»

— Он-то каким боком к этому всему лепится?

«А прибор, которым он в тебя тыкал, не забыл?»

— Не забыл. Что ты еще спросишь? Или надпись на его плаще я наизусть выучил?

«К твоей радости, плащ не играет никакой роли. Но видишь ли, ты порешил горемыку и отверг его теорию, приняв ее за плод воображения умалишенного человека, а что — если я скажу тебе, что тот прибор не ошибался?»

— То есть, я — мутант?! Ты это хочешь сказать? Послушай, у меня нет времени на подобные...

«Нет, это ты меня послушай! У тебя уже дважды нет времени, если на то пошло! И выбор у тебя, если отбросить неподобающие твоему возрасту выходки, очень даже таки невелик: либо ты меня выслушаешь, и мы вместе с тобой решим, что делать дальше, либо я все решу сам и прямо сейчас!»

— Ладно, — после некоторых раздумий согласился Кирилл Валериевич, окинув взглядом бесконечную вереницу зомби-тел. — Продолжай.

«А тебя это заинтриговало, верно? — заманчиво спросил голос. — Ты и сам не прочь уже узнать, что ж такого в том приборе, а? Так что если ты немного пригнуждаешь свое раздухарившееся эго, не будешь хамить и дашь мне возможность рассказать то, что я хочу — обещаю, в конце ты получишь ответы на все волнующие тебя вопросы».

— Очень на это надеюсь.

«Для того, чтобы ты понял что я имел ввиду, когда говорил, что прибор не ошибался, я должен рассказать тебе о бункерах «первенцев» и о «Едином Смотрящем». Готов биться об заклад, ты ничего не слышал ни о первом, ни о втором.

— Бункеры «первенцев»? Не припоминаю такого. Это что-то связанное со Второй мировой?

«Опять ты за свое?»

— Прости, сорвалось, — оскалил зубы Кирилл Валериевич. — Нет, ничего не слышал о бункерах, а вот второе, смею предположить — твое имя?

«Оставим предположения на потом. Сначала совершим небольшой экскурс в историю, так сказать, к истокам произошедшего, примерно, за полгода до тех майских деньков, которые навсегда изменили нашу с тобой жизнь. Как ты сам понимаешь, слухами о грядущей войне тогда мог не располагать разве что глухонемой слепец или тот, кому было насрать, что происходит у него за дверью. Но, если посмотреть на ситуацию с противоположной стороны, получается так, что знали все, и одновременно не знал никто. Даже на самом высшем уровне. Никто не знал у кого первого сдадут нервы и он спустит те несколько рычагов. Арабы

ненавидели Америку, китайцы ненавидели Россию, Россия ненавидела еще кого-то, и все готовы были шмальнуть друг по другу в любой момент. У всех был веский повод покончить с тем, кто ему был ненавистен. Было достаточно ракет, чтобы стереть не только ненавистный народ, но и близлежащие государства, дабы никто никому уже не пришел на помощь. В это же время в некоторых европейских странах, по счастью в число которых попала и Украина, достраивались специальные убежища для VIP-персон, так называемые «укрытия» — подземные противорадиационные, многоуровневые убежища, поделенные на целые комплексы для полноценного, многолетнего жизнеобеспечения выживших — естественно, не простых смертных. Впрочем, не мне тебе рассказывать об этих подземных апартаментах. Но вот о бункерах «первенцев» знает мало кто, а, может, и вовсе никто. Уж не знаю почему они оказались столь секретными, ведь это были, по сути своей, такие же укрытия, разве что рассчитанные на персонал численностью около десяти человек, но знать о них следовало далеко не всем. Они, как и большие «укрытия», были оснащены складом полуфабрикатного провианта, мини-электростанцией, санузелом, сейфами с оружием, блоками для спецодежды и всем необходимым для того чтобы человек мог беззаботно просуществовать взаперти двадцать, а то и все тридцать лет. Как раз «первенцами» называли тех людей, которые должны были селиться в этих бункерах. Это были военные, в числе которых находились и медики, и инженеры, и биологи, и штурмовики. Десять человек, чуть реже двенадцать-тринадцать. Они проходили специальные тренинги, с ними по многу работали психологи, внушали им о полезности их задания, о высшей миссии, которую на них будет возложено, буквально программировали их, ну, чтоб у них крышу не сорвало за пару лет. Впрочем, мы говорим не о том. Смысл всей этой затеи с бункерами заключался в следующем: «первенцы» должны были исполнить роль таких себе живых пробников, которые после того, как радиационный фон понизился бы к допустимому уровню, первыми вышли бы в мир и провели начальную рекогносцировку, стали предтечами для тех, кто дожидался своего часа в основных «укрытиях». Кроме того, они должны были активировать еще до войны установленные на столбах электропередач высокочастотные датчики, которые посредством спутника передавали бы «Единому Смотрящему» информацию обо всех произошедших изменениях в биосфере. По крайней мере, так все выглядело в начальном плане. Двухтонные двери, которыми бункеры были отделены от внешнего мира, должны были открываться также со спутника и только в том случае, когда он зафиксировал бы снижение фона до уровня, при котором человек не поддавался бы заражению и последующей мутации. Оружейные сейфы должны были также открыться только по команде со спутника, ну, от греха подальше, чтобы «первенцы» в пьяной драке... Ах, да, ведь там были и запасы спиртного, которое четко дозировались, примерно, по тридцать грамм в сутки на человека. Так вот, чтобы они, собрав трехнедельную пайку, не нажрались и не начали из-за какого-то пустяка палить друг в друга, оружие также было на кодовом замке, который отпирался с того же спутника и только одновременно с дверью. Но, как я уже говорил, все это было только на бумаге. В сущности же, из четырнадцати оборудованных на Украине бункеров «первенцев», шесть каким-то образом было самостоятельно вскрыто в течении первых пяти лет после удара. Еще три — в течении десяти. В двух отсутствуют жизненные показатели — спутник доложил, что там взломаны оружейные сейфы. В одном был зарегистрирован высокий температурный скачок. Возможно, это был взрыв или пожар, в любом случае после этого биоритмы человека перестали отражаться на тепловизоре спутника. И еще в один, видимо, плохо загерметизированный, проникла какая-то зараза. Люди там еще есть, но сканер показывает лишь одно огромное пятно, оно не двигается, но признаки жизни в нем присутствуют...

Должно быть, ты думаешь, зачем я тебе все это рассказываю? Запасись терпением, еще немного и ты все поймешь. А если у тебя хорошо с математикой, ты начнешь понимать все еще раньше.

Теперь еще пару слов о «Едином Смотрящем». Пару слов, потому что многое чего я тебе сказать не могу, а многое чего не хочу, но кое-что знать ты все же заслужил. Для начала

то, что «Единый Смотрящий» — это, если выразаться понятным языком, научный проект, некий сложный нейрокомплекс, объединивший в себе человеческий ум, так называемый «Брейнцентр», и компьютер с главной программой под названием «Афта-лайф». Основной составляющей «Единого Смотрящего» был именно «Брейнцентр» — специальная камера с двенадцатью колбами, внутри которых хранились умственные начала группы ученых одного московского НИИ, пожертвовавших собой перед началом войны и отдавших во имя науки свой головной мозг. Они сделали это чтобы впоследствии мочь анализировать поступающую со спутников информацию обо всем, что происходит в мире. Звучит безумно, я знаю, но лучше существовать в таком виде, чем никак, согласен?»

— То есть, если я правильно тебя понял, ты всего лишь...

«Да-да, всего лишь лабораторная колба с серым веществом «умника», ведь так вы называете ученых? — продолжил его мысль голос, не доставив сталкеру удовольствия сыпануть на незаживающую рану добрую лопату соли. — Но, как я уже говорил, лучше так чем никак».

Наступила короткая пауза, за которую они оба, казалось бы, старались все хорошенько обдумать. Один — что ему говорить дальше, и следует ли вообще высказываться такому человеку в котором видел достаточно сильного соперника и взять которого будет не так уж и просто. А второй перелопачивал в памяти услышанное, раскладывая все по полочкам и пытаясь найти нить, невидимым образом удерживающую вместе все те слабо соотносящиеся между собой клоки пролитой «колбой» на свет информации. Но поскольку обнаружить таковую пока что не представлялось возможным, он жаждал продолжения рассказа, и голос, поняв его желание, продолжил:

«Так и срослись человеческий ум и компьютерная программа. Следует отметить, что компьютер, или как мы, ученые, его по привычке называли «робот», поначалу являлся всего лишь огромной зип-папкой, куда было вложено массу информации, и куда мы намеревались вкладывать все остальное — все, что сочли бы важным. А одной из основных функций программы «Афта-лайф» было отделять человека от так называемого неочеловека — человека будущего, который, возможно, появился бы в результате постоянного вмешательства ради в его генокод. Для этого в память робота были внесены все возможные физические и интеллектуальные данные на нормальных, не подверженных радиационному влиянию людей: от стариков, одной ногой уже стоящих в гробу, до только что родившихся младенцев, а также людей, живущих в населенных пунктах, расположенных в непосредственной близости к зонам повышенного излучения: атомным электростанциям, ядерным полигонам, специальным воинским частям или могильникам радиоотходов. Все эти характеристики и физиологические показатели относились к понятию «общий модус» и означали, что человек нормален. Если же показатели отклонялись от нормы общего модуса хотя бы на единицу, это уже значило, что перед вами неочеловек — существо, которое шагнуло на новую, несуществующую ранее степень развития и тем самым, по мнению тех самых ученых, то есть нас, вошло лишь в первую стадию многофазной мутации.

Скажу также, что изначально «Единый Смотрящий» был системой, прежде всего направленной на анализ состояния биосреды и создание архива для накопления информации для дальнейшего использования ее в научных, исторических и публицистических целях. Такой себе библиотечный сервер, на котором хранилась бы вся подробная информация о чреде событий на каждый день. У него не было рук и ног, у него не было никаких информаторов, всю информацию он добывал со спутников, но скоро немого вида сверху ему стало мало. Он все надеялся, что раскупоренные «первенцы» активизируют высокочастотные датчики, которые были установлены на улицах города, чтобы те передавали звуки и умственные колебания представителей нового мира, но «первенцы», вместо того, чтобы выполнять свою миссию, разбредались кто куда и, как правило, пропадали с экранов спутников навсегда.

Вот тогда-то и появились собаки. Я уж не упомню точно, как именно это произошло, но первый телепатический контакт был налажен как раз после нескольких

несанкционированных вскрытий бункеров и полного разочарования в «первенцах». Псы первыми почувствовали нас, и сами пришли к нам. Прошло немало времени, прежде чем мы научились полностью понимать друг друга, но потом мы все-таки сумели достичь желаемого результата. Мы указывали им, где пища, а они были нашими глазами и ушами. Они не поддавались тотальному контролю, но их преданности с лихвой хватало для того, чтобы самозабвенно выполнять многие наши команды, будь то штурм вашего «Укрытия-2» или нападение на караваны между Тбилиси и Цхинвале».

Услышав эти слова, сердце у Крысолова вдруг больно сжалось, будто кто-то прикоснулся к нему холодной иглой, к горлу подкатила целая эскадрилья крылатых слов, которые вот-вот собирались выплеснуться в глаза говорившему, но, к его самого удивлению, волна ненависти спала так же быстро, как и накатила. Интерес брал свое, и поэтому Крысолов ни единым мускулом лица, ни единым смыканием глаз не выдал взорвавшейся в нем бомбы.

«Они запросто шли на смерть, если мы внушали им, что это нам необходимо, — продолжал, будто ничего и не заметив, голос. — Со своей стороны, мы указывали им на места, где находилась их потенциальная еда, а также посвящали их в таинства тактики ведения боя. Впрочем, в этом они по большому счету, никогда и не нуждались. Вы до сих пор ведь считаете, что собаки опаснее тех же самых оборотней, так же? И, разумеется, небезосновательно. Чего уж таить, их коварность и смекалка порой и нас откровенно пугали. А со временем нам ничего не оставалось, как признать, что кроме указаний на места, где скапливались животные, которые могли бы сойти им за пищу, мы им вовсе не нужны. Обидно, конечно, но все бы ничего. Все бы отлично, если бы не одно «но».

Их становилось все больше и больше — тех, что поступали к нам, если можно так выразиться, на службу. С одной стороны, это развивало наш кругозор, но с другой — заботиться больше чем о шестнадцати тысячах особей, каждый раз указывая им где еда, стало нам не под силу. У нас не было выбора. Отказать кому-то одному, означало бы отказать всем — у них было чрезвычайно удивительное, необычайно тонко развитое единокровие. Обидел одного, значит, обидел всех. И нам не оставалось ничего другого, как перепрограммировать наш «робот», отдав его ключевой программе «Афта-лайф» частоту, на которой происходила передача сообщений с семейством псовых. С одной стороны это здорово разгрузило нас, так как компьютеру было гораздо проще считывать со спутника нужную информацию и в разы быстрее передавать ее собакам, контролируя все больше и больше этих особей посредством когдатошних вышек для сотовой связи или радаров, которые «накрывали» собой просто гигантские площади. Но с другой... Мы, «Брейнцентр», начали чувствовать себя не у дел. Гребаная «Афта-лайф» с каждым разом все больше и больше подминала под себя управление «Единого Смотрящего»! А всего пару месяцев спустя мы полностью утратили контакт с четвероногими. Те попросту нашли нового хозяина, который давал им то, что они хотели, больше и чаще! И так уже много лет, Крысолов. Мы слепы и глухи уже много лет. Спутники больше не подчиняются нам, высокочастотные датчики так ни в одном городе ни Украины, ни России не были активированы, и все, кто согласился служить нам... это зомби. Да-да, я и сам иногда не понимаю, как это может происходить фактически, ведь у них внутри голов пусто, они ни о чем нам не сообщают, у них абсолютно нет памяти, но это работает. Они не так привередливы и не так требовательны к себе, они могут подолгу оставаться без еды, но ты ведь понимаешь, нам, ученым, мало того, что видят кучкующиеся на одном месте зомби».

— Ну а при чем же здесь прибор того придурка? — поняв, что картинка все еще не складывается, встряхнул головой Крысолов.

«Хм, я знал, что ты о нем не забудешь. А притом, дорогой Кирилл Валериевич, что прибор этот и есть тот высокочастотный датчик, о котором я только что тебе рассказывал. Тот, который должен был замерять психофизическое состояние всех живых существ и отделять прежнего человека от неочеловека, отсылая все данные «Единому Смотрящему». По негласному соглашению наших государств, они должны были висеть чуть ли не в каждом

городе, где численность населения была не меньше ста тысяч. Теперь понимаешь?»

— Так это что же получается — это ты решил буду ли я человеком или мутантом? Выходит, это следуя твоим заключениям, тот урод, то яготинское чудовище полагалось на свой прибор и отстреливало всех людей, на которых твой хренов прибор шкалил?!»

«Да, Кирилл Валериевич, — тихо и как-то грустно согласился мозг ученого. — Но ужаснее всего далеко не это. Ведь чудовище на самом деле не он... — наступила нехорошая пауза, и Крысолов вдруг ощутил, что то, чем она закончится, будет звучать как приговор. И голос закончил: — А ты, Крысолов, ты.

— Что ты такое несешь?.. — проговорил он, едва открывая рот и чувствуя, как в голове появился отвратительный, пустой вой ветра. — Да как ты?..

«Я же говорил — для того, чтобы задать норму для «общего модуса» мы вложили в память «Афта-лайфа» до трех тысяч всяческих образцов физданных на человека. Образцы всех типов, начиная от больных шизофренией стариков и заканчивая вундеркиндами, которые в семь лет могли решать задачи из университетских учебников. Как бы мне не хотелось этого говорить тебе, но вы все, даже те, кто не особо шибок умом, превышаете эти показатели в несколько раз. Вы попросту не развиваете в себе эти способности, не стараетесь изучить себя. Но вместе с тем, кое-что происходит само по себе, и поэтому вы чувствуете больше, вы бегаєте быстрее, вы думаете лучше. И то, что вы все еще похожи на прежнего человека — всего лишь визуальный обман. Вы уже начали меняться. Пока что незаметно, пока что только внутри, но процесс этот давно запущен. Скоро вам станет мало обладать всего одной парой глаз и рук, скоро ваша грудная клетка станет для вас тесной... Я знаю, это звучит как бред, но так будет, поверь. Пускай на это уйдут годы, десятилетия, века, но так будет. Потому что вы — новый вид человечества, вы и есть те самые неочеловеки, и именно поэтому взбешенная «Афта-лайф» постоянно охотится на вас, постоянно прорывает ваши заслоны и стремится попасть внутрь вашего «Укрытия». И в прошлый раз, там на берегу озера, ты общался именно с ней».

— Что за бред?! — не замечая того сам, как покрывается его чело мелкой испариной, а рука поневоле снова тянется к пистолету, выкрикнул Крысолов. — Какая грудная клетка?! Какие, нахрен, неочеловеки? Ты, заспиртованное серое вещество, что ты несешь?! Что за хрень ты несешь?!

«Я знал, что твоя реакция будет таковой. Но дай мне еще сказать пару слов, прежде чем ты прострелишь моему несчастному переводчику череп, и возможно я сумею доказать тебе, что прав. — Пауза. — Я ведь не зря рассказал тебе о бункерах «первенцев». Помнишь, я еще намекнул тебе на математику? Так вот, задача здесь не так уж и сложна, считай сам: всего на Украине было четырнадцать бункеров, девять из них несанкционированно вскрыли сами «первенцы», в двух отсутствуют жизненные показатели потому как оказались вскрытыми оружейные сейфы, один сгорел, в другом «первенцы» существуют в какой-то иной форме. Всего, если ты правильно сосчитал, тринадцать. А где же еще один потерялся, Кирилл Валериевич? Ведь о нем я умолчал намеренно. Так как ты считаешь, что с ним? Что с четырнадцатым бункером?»

— Он... — Крысолов сделал вид, что задумался, но ответ так и пер из его горла как взбешенный грузовик из грозящего завалиться тоннеля. — Он... все еще не вскрыт?

«Именно, Кирилл Валериевич! Пять баллов за догадливость! Все еще не вскрыт. И не потому, заметь, что не для кого вскрывать. Да, двадцатилетние запасы пищи давно на исходе, но жизненные показатели нескольких «первенцев» в четырнадцатом бункере все еще остаются в норме. Так вот возникает резонный вопрос: почему? Почему спутник до сих пор не отворил чертову дверь? Ну же, Кирилл Валериевич, ведь это так просто. Хочешь, я тебе сам скажу? Хочешь? — и, не дожидаясь соглашения, тут же продолжил: — Да потому что не пригодна больше эта планета для жизни прежнего человека! Нет ему больше здесь места! Не протянет он тут ни в одном хитреном костюме и недели! Не сможет он дышать тем воздухом, которым дышите вы безо всяких фильтров! Ошиблись ученые, ошиблись! А, может, и умышленно скрыли правду — кто знает? Или, может, им только хотелось верить в

чудо, в то, что через двадцать лет все вернется на круги своя, и человек поднимется на свою землю и примется снова по крупицам воссоздавать потерянную цивилизацию. Да вот только не случилось никакого чуда! Обманулись мы все. Никуда все это «добро» не выветрится с этой планеты ни за двести, ни за триста лет! Не вернется человек воссоздавать никакой цивилизации. Так что вы уж не обессудьте, товарищи «первенчики», посидите, будьте добры, еще с добрых полтысячелетия, пока вам откроют. Ну да Бог с ними, с «первенцами», все равно уже не жильцы, давай лучше поговорим о тех, кого ты называешь выжившими. Кстати, позволь спросить, Крысолов, а где твой дозиметр? Почему ты и такие как ты, подымаясь наружу, больше не берут с собой эти щелкающие штуковины, ведь стрелка все еще не вышла из красной зоны? Молчишь. Тогда я сам тебе отвечу — потому что незачем. Обычному человеку и в голову не взбрело бы подняться хотя б до верхнего шлюзового заслона не проверив ауру вокруг себя «гейгером», а вы? А вам это уже не нужно. Вы, выжившие, нормально чувствуете себя при чрезвычайно низком атмосферном давлении, вы спокойно дышите обогащенным азотом воздухом, в котором кислорода осталось не больше чем воды в той реке, вы чувствуете легкую эйфорию возле жестянок на колесах, которые еще до сих пор «фонят»... Или, может, вновь скажешь, что заспиртованное серое вещество несет полную чушь? Тогда оглянись вокруг. Приглядиись к своим людям. К себе, в первую очередь. Вспомни, как ты расхаживал голым возле кратеров от взрывов, и подумай что случилось бы с простым человеком, окажись он хотя бы в стокилометровой зоне от того места. Посмотри на еще одного полуобнаженного посланника, который утверждает, что он родом из племен Майя, и задумайся ты, наконец, кто вы есть на самом деле. Кто?!»

— Зачем ты все это мне рассказал? — исподлобья глядя на так и не поменявшего ни мимики, ни позы зомби-байкера, спросил Крысолов. — Чего ты хотел добиться этим? Чтоб я осознал, что безнадежный мутант и добровольно отдался на растерзание собакам? Или мне вернуться в «Укрытие» и заложить там взрывчатку, абы наш неочеловек не продолжал порождать многоруких и многоглазых большеголовых ублюдков?! Ты этого хочешь? Ты этого добивался?

«Это забавно, конечно, но нет. Как я уже говорил, откровенность за откровенность. Я рассказал тебе о себе, но ты не увидел бы всей картины целиком, если бы я не открыл тебе кое-что новое о тебе самом. Теперь ты знаешь, кто ты, и знаешь, кто я. А если ты уже немного подзабыл, то я напому, что задачей «Брейнцентра» и, собственно, всего «Единого Смотрящего» был не поиск средств для истребления того или иного вида, пускай даже патологически измененного, а накопление информации о нем. Поэтому ты зря считаешь меня убийцей. Я — всего лишь аналитик, а вот мой сводный братец со своей «Афта-лайф»...».

— Тогда я не вижу в чем твоя проблема. Чего именно ты хочешь от меня? Ты только что зачем-то заставил меня поверить в то, что я уже не человек; потом сказал, что ты всего лишь аналитик и, стало быть, моя смерть тебя не интересует. Тогда — что? К чему все это шоу?

«Я предлагаю тебе сотрудничество, — коротко ответил голос, и после некоторой паузы добавил: — Ты обязан продолжить путь в Харьков».

Услышав это, невзирая на то, что воздух в кабине давно стал неприятно теплым, наполненным запахом гниющей плоти и прелой ткани, по рукам и ногам Крысолова прошелся щипастый морозец.

— Ради этого ты собрал всю эту орду? — кивнул на добирающихся по ржавым ошметкам к кабине «Чистильщика» зомби Кирилл Валериевич. — Чтобы заключить со мной договор? Это твоя группа поддержки или способ принуждения на случай, если я откажусь?

«Нет, к сожаленью для тебя и меня, они просыпаются без моей команды. Они учуяли ваш запах, — знаешь ли, есть у них такая особенность, — потому и проснулись. Я же могу либо приказать им атаковать вас, либо отступить, пообещав, что найду другую еду. И, кстати, все могло бы обойтись и без этой баррикады, если бы терпеливо дождался, пока проснется Иван Николаевич».

— Иван Николаевич?

«Да, заведующий в кафе «Встреча».

— Ага, только нас там какая-то девица с перемотанной головой едва киркой не порешила...

«Она — не зомби. Она их новый вид, так сказать, если тебе не будет обидно, неозомби. Они мне, к сожалению, пока не подчиняются, но мы над этим работаем».

— Ладно, — кивнул Крысолов. — Если уж на то пошло, и выходит так, что теперь ты предлагаешь мне стать моим нанимателем, — потому что лично мой интерес к Харьковскому иссяк, — позволь мне узнать о цели, ради которой стоит продолжать экспедицию? И следующий, более крамольный вопрос — что будет в том случае, если я не приму твое сотрудничество?

«Что ж, вполне ожидаемые вопросы. — Глаз зомби-байкера давно не двигался, сконцентрировавшись на точке, где-то над правым виском Крысолова, но сейчас плавно переместился, встретившись с Крысоловым взглядами. — Если я скажу тебе, что в Харькове по-прежнему есть люди, нуждающиеся в вашей помощи, тебе будет этого достаточно?»

— Интересно, как ты собираешься заставить меня в это поверить? Последняя их запись не на твою пользу.

«Последняя запись — это, как вы выражаетесь, «замануха». Проклятый ходил по кольцевой вокруг Харькова пять лет, и ходил бы еще дольше. Возможно, вплоть до своей смерти, если бы не мы — не «Брейнцентр».

— С каждым разом все интереснее, — повел подбородком Крысолов, и даже его мать не могла бы с уверенностью сказать, шутит ли он или его действительно заинтересовало сказанное голосом. — А кто его закольцевал-то? Кто-то не хотел, чтобы он добрался до Киева?

«Когда будешь подъезжать к Харьковскому — ты лучше поймешь о чем я говорю, — отрезал голос. — Харьковчане, как и обещали, взорвали вход на «Спортивную», но лаз к ним все еще существует.

— Но как они выжили пять лет под землей без тепла, воды и пищи?

«Они не только выжили, они еще и сохранили свою численность. Не удивляйся, Крысолов, человек может прожить больше тридцати лет без тех удобств, что есть у вас в «Укрытии» и при этом не превратиться, как ты говорил, в пожирающих друг друга паразитов, — в голосе послышались нотки укора. — Это у вас отбери патроны, и вы превратитесь в беспомощных котят, которые будут называть себя смертниками и жизни не помыслят без машин и электричества. У людей, десятилетия привыкших добывать огонь чирканьями камень о камень и по-настоящему охотиться с копьем в руке такая закалка, что куда твоим курсантам браться. Другое дело, что они дичают, Кирилл, дичают. Им нужны не столько ваши патроны и оружие, сколько ваша поддержка. Ты ведь слышал в чем их главная проблема — они не хотят верить в то, что остались одни. Это гнетет их хуже всякой твари. Они считают, что одиноки на белом свете, и если ты не дашь им уверенности в обратном, они умрут скорее от тоски, чем от голода.

— Я хочу тебе верить, — после нескольких долгих минут тишины, ответил Крысолов. — Но твои доводы неубедительны. Команда может не понять.

«Хорошо, а если я еще скажу, что часть «Единого Смотрящего» находится там, в Харькове — этого будет достаточно? Если скажу, что именно в Харьковском НИИ «Электроприборостроения» находится компьютер с «Афта-лайф», который управляет собаками, постоянно штурмует ими ваше «Укрытие-2» и, как ты ранее выразился, истребляет вас. Это твоя команда поймет?»

— Хм-м, — понимающе протянул Кирилл Валериевич. — Понятно теперь, откуда дым. Так ты предлагаешь заодно еще решить и твою проблему с собаками? Разрушить институт и вернуть псов под твое чуткое руководство? Интересный у нас получается поворот событий. А с какого черта этот «робот» вообще находится в Харькове?

«То место, где находимся мы — «Брейнцентр» — это московский институт

биотехнологий, и поэтому наша специфика, как ты понимаешь, это работа с живыми, так сказать, образцами. А когда проект «Единый Смотрящий» был одобрен советом ученых России и Украины, за разработку программы искусственного интеллекта под названием «Афта-лайф» и всего «робота» в целом взялся Харьковский НИИ «Электроприборостроения». Теперь понимаешь? Мы поддерживаем связь с «роботом» через спутник, заряда батареей ему хватит еще на сто лет, а отключить его через спутниковую связь не можем. Да и не нужно нам это. Мы просто хотим удалить «Афта-лайф», но сделать это можно лишь вручную. И насчет собак... Я представляю себе, как ты можешь воспринять то, что я скажу, но я даю слово — ни одной особи на всей территории Киева.

— Занятно, — усмехнувшись, потер руки Крысолов. — Если не учитывать, что последнее прозвучало как предвыборная агитация очередного кандидата в президенты.

«Как бонус к нашему договору, я отправляю десяток зомби за Андреем в Яготин. Хочешь, еще с тобой отправлю сотню особей? Сэкономишь патроны».

— Да нет, спасибо, как-нибудь уж обойдемся без них, — снова усмехнулся Крысолов. — Мне нужно посоветоваться со своими. Твои бойцы разберут эту баррикаду?

«Да-да, разумеется, советуйся, — охотно ответил тот. — Своим подручным я сейчас скажу чтобы разобрали завал. А вам, если хотите, укажу на безопасное место тут поблизости, где можно переждать остаток этой ночи и день, а вечером полным составом, с новыми силами тронетесь в путь. Это если согласитесь, конечно...»

— Ты, кстати, не ответил, что будет, если я откажусь от твоего предложения, — напомнил Крысолов.

— Да ничего не будет. Если ты намекаешь, что я должен сказать им «Фас!» или еще что-то в этом роде и указать на твою машину, то ничего подобного. Я просто дисконнектнусь от них, и тогда они и вы представитесь сами себе. Если ваша «Бессонница» прибудет вовремя — вы выиграли, если нет — не обессудьте. Честно? Думаю, что предельно честно. К тому же... Возможно, я излишне самоуверен, но мне почему-то кажется, что все же вы согласитесь».

Крысолов кивнул, но потом, помрачнев лицом, вскинул на зомби-байкера грустные глаза:

— Ладно, а с Секачом-то что? Где он? Я могу его увидеть?

«Что с Секачом? — словно бы удивился голос. — А чего ты у меня спрашиваешь? Сам у него спроси...»

И прежде, чем Крысолов успел понять, о чем говорит «голос из колбы» — как он в последнее время его прозвал — пассажирская дверь со скрипом открылась, и в кабину, сначала забросив на сиденье двустволку, втащился его напарник. По шее у него текла кровь, а тело пробивал мелкий озноб, но не это было самым странным. Лицо, еще недавно живое, румянящееся, приобрело мрачный, стальной оттенок, глаза словно протянули вглубь черепных западин, вены, все отчетливее проявляющиеся на тле побледневшей кожи, из светло-синих становились черными, а белки глаз стали мутно-желтыми, как яготинский туман.

— Списал уже меня, небось, со счетов, дружище? — хохотнул он. — Хрен ты еще от меня так просто избавишься. Ну, чего ты как неродной? Еще скажи, что не рад меня видеть!

Крысолов кивнул, но как только к нему вернулся дар речи, первым делом взял в руки рацию, и, не спуская глаз с товарища, еле ворочая языком, сказал:

— Бешеный, растопи-ка чушку топлива... И это, закуску какую-то набросай, ладно?

Глава 15

— Эй, послушай, еще раз так пошутить, и я тебе как тому дедушке с одиннадцатой квартиры! Понял?

Странное дело, но у всех оставшихся пятнадцати членов экспедиции, включая недовольного тем, что его побеспокоили по пустяку Михалыча, и молчаливо наблюдающего

за происходящим старого полковника Щукина, собравшихся на обочине вокруг уютно потрескивающего сухими поленьями костра, задорные отблески огня живо мерцали в глазах. У Секача же, стоявшего ближе всех к костру, в желтоватых белках глаз не отражалось ровным счетом ничего.

— Да чего ты, дружище? — пережевывая кусок бутерброда, распрямил к нему руки Бешеный. — Я же не со зла. Ты мне такой даже больше нравишься, честно! — он заулыбался, тряхнув ирокезом. — Уважаю неформалов! Если б, конечно, знать наверняка, что оно — как оно там называется? — зета-вирус, что он не будет развиваться дальше...

Секач поставил пустую кружку на огромную гранитную глыбу, временно служившую им столом, сделал несколько шагов прочь от скопившихся у костра людей и вскинув грустные глаза к ночному небу, тяжело выдохнул.

— Знать наверняка? — переспросил он. — А ты сам можешь хоть что-нибудь сейчас знать наверняка?

— Ладно, хватит, — вступился Крысолов. — Ты же сам знаешь, если бы вирус развивался, то он, — кивнул он на спину напарника, — таким уже точно не остался бы. Тем более что его ранил не простой, а неозомби, природа которых неизвестна нам вообще.

— Допустим, — послышался голос сходящего с пригорка Тюремщика, доселе без особого интереса наблюдающего за тем, как «умершие-ожившие» легко справляются с растаскиванием ими же возведенной на дороге баррикады. — Но ты же сам сказал — о неозомби мы не знаем ничего. Что, если процесс заражения длится не один час, а пару дней. Что, если он завершится завтра или послезавтра? И когда мы будем спать, ему вдруг захочется есть? А ты же лучше меня знаешь, что курятине зомби предпочтут человечину.

— Мне интересно послушать, как ты предложишь нам поступить, — не оглядываясь на него, озвучил первую зародившуюся в голове мысль Крысолов. — Убить его? Или бросить здесь?

— Позвольте, но он все еще человек, — ступил шаг вперед Василий Андреевич, и все тут же переключили на него внимание. — Сознательный человек. У него сохранился разум невзирая на внешние, я бы даже сказал, незначительные изменения. Какие тут могут быть предложения?

— Василий Андреевич, — Тюремщик неспешно подошел к костру, поставил свою пустую кружку к остальным. — Вы знаете, в следующем году — дай Бог, конечно, до него дожить, — будет уже двадцать лет с того часа, когда я впервые поднялся на поверхность. — Он остановился между усевшимся на камень, отрешенно топающим одной ногой, выбивая какой-то мотив Крысоловом и сложившим трубочкой, будто для свиста, губы, Леком и застывшее между сталкерами безмолвие нарушали лишь потрескивание костра да изредка долетающее с дороги рычание и ржавый стон стаскиваемой обратно на обочины мертвой техники. — Поймите, я вас очень уважаю и как человека, и как военачальника, а поэтому не хочу в ваших глазах выглядеть самоуверенным наглецом, но из всех, кто тут собрался, — за малым исключением, — о законах вживания я знаю больше и лучше. Жизнь научила меня не доверять на сто процентов даже самому себе, а уж о том, что человек мне друг до тех пор, пока он человек, я заучил как отче наш. Секач, Серега! — он повернулся лицом к ставшему в отдалении Секачу, но тот на его оклик не отреагировал. — Ты ведь знаешь, я кривить душой не стану. Я всегда считал тебя другом. Ответственным, сильным, надежным боевым товарищем. Но я не могу заставить себя верить тебе сейчас, потому что я не знаю кто ты. Ты ведь и сам этого не знаешь. Никто не может влезть в твою шкуру и почувствовать то, что чувствуешь ты, чтобы с уверенностью сказать, что ты не опасен для нас всех.

— Я тебя понял, Тюремщик, — тихо промолвил Секач, обернувшись к нему своим серым, стальным лицом с черными зрачками, как две капли мазута в желтых матовых озерах. — Я понял к чему ты клонишь, и даже в чем-то с тобой согласен. Я достаточно четко понимаю также и то, что у меня нет пути обратно. А поэтому, если твою душу терзает вопрос как со мной поступить если я буду слезно упрашивать тебя взять меня с собой в Киев или продолжить путь на Харьков, то не волнуйся. Не трать зря силы на речи, убеждая всех

по какой причине мне не следует оставаться. Удачи вам.

И он решительным шагом пошел прочь от костра. Пятнадцать сталкеров оживленно зашумели, переглянулись между собой, кто-то выкрикнул, чтобы он не глумился и возвращался, кто-то другой сказал, что всем будет лучше, если он уйдет, лицо же Тюремщика приобрело удрученное выражение, будто у человека, настроившегося на продолжительную дискуссию, а его оппонент неожиданно капитулировал, признав его точку зрения абсолютно верной.

— Эй, да что же это мы, братцы?! Он же нам жизнь не раз спасал! — покинул место у костра Лек, как никто другой чувствовавший на себе вину. — Разве так можно?

Василий Андреевич лишь сокрушенно покачал головой, протянув вперед руку, будто на расстоянии мог прикоснуться к тающему в темноте Секачу и попытаться остановить его в последний раз, словно сына, добровольцем идущего на войну.

— Секач! А-а-а-ну, сто-о-й!!! — люто ощерившись, выкрикнул Крысолов, доселе продолжавший сидеть в позе мыслителя на камне и самозабвенно долбить ботинком по земле. — Ты меня слышишь?!

Черная фигура, уже почти слившаяся с придорожными постройками, остановилась, а громко что-то обсуждающие сталкеры разом умолкли, замерли, выпучив глаза кто на распрямляющего плечи, хрустя шеей Крысолова, то на удаленную фигуру. Оглянулись, казалось, на этот окрик даже зомби, на секунду прекратив усердное очищение дороги от ржавых автомобильных скелетов. И только Михалыч смотрел на все это с таким презрением на лице, будто все люди для него были жалкими слизняками, решающими свои ничтожные, слизняковские вопросы в его присутствии.

— Мне почему-то думается, что начальником экспедиции тут пока еще числюсь я! — поднявшись на ноги, выкрикнул он в сторону практически утопшей в ночи фигуре. — Так вот я что-то не припомню, чтобы я кого-то отпускал, боец! Ну-ка живо сюда! И лучше не заставляй меня идти за тобой, — добавил он, когда понял, что фигура Секача по-прежнему остается бездвижной. — Ну!

И он вернулся. Не спеша, нехотя, будто ноги тащили его помимо его желания, как малолетнего шкодника к отцу с ремнем в руке. Намеренно остановился подальше от костра, от сгрудившихся вокруг него людей, вдруг почувствовав что за эти несколько минут между ними выросла невидимая, но достаточно плотная стена. В их взглядах он прочел, что стал им чуждым. И хотя некоторые, из остатков уважения, делали робкие попытки завуалировать свое к нему предубеждение и недоверчивость, большинство же смотрели на него с откровенной осторожностью или даже опаской.

Кого они во мне видят? — думал он. — Кто я в их глазах? Оболочка, которую еще недавно они считали своим другом, называли «Серегой», уважали и принимали за своего. Кем я стал для них теперь? Я для них больше не человек, а совершенно иное создание, лишь — как сказал бы Крысолов, — человекоподобное. Похожее на человека, но уже им не являющееся.

Секач слишком хорошо знал, о чем все они думали, потому что еще недавно сам смотрел на человекоподобных существ так же. Как на испорченную деталь, как на дешевую китайскую подделку. Все их мысли для него были на поверхности. Любопытство, соболезнование, презрение, опасность — стандартный набор чувств, который переживает человек, увидев мизерника или банкира. Теперь же они так смотрели на него.

— Кирилл, — его голос был тверд, но гнетущую его душу тоску за твердостью было не скрыть. — Я знаю, что заставляет тебя так говорить. Ты был для меня лучшим другом за все то время, что я прожил в Укрытии. Навсегда им и останешься. Но теперь все поменялось. Ты ведь сам знаешь, что я должен. Я не хочу быть средь вас изгоем, чтобы вы шарахались от меня как от тени крылача, боялись протянуть руку чтобы поздороваться. Поэтому если кого-то еще интересует мое мнение, то вот оно: я сам хочу уйти.

— Хорошо, — опустив голову, согласился Крысолов, — раз ты сам решил, ты уйдешь. Но прежде, чем ты покинешь нас, я хотел бы кое-что рассказать. Быть может, это как-нибудь

повлияет на твое решение, а также на мнение всех вас относительно тебя, — он обвел всех сталкеров долгим взглядом, в конце остановив его на своем напарнике.

Бешеный подкинул в костер несколько сухих поленьев, и внимание всех присутствующих сразу же переключилось на то, как жадные языки пламени начинают облизывать свежую пищу, неуверенно пробовать ее на вкус, и по мере съедания — расти, шириться, полыхать все ярче и ярче. Будто чтобы и Секач, стоявший от него в десяти шагах, на расстоянии, которое уже нельзя было назвать дружеским, мог почувствовать идущее тепло.

— Вот ты, Тюремщик, скажи мне, как ты считаешь, почему они разбирают завал? — повернув голову в того сторону, спросил Крысолов.

— Ты нам так этого и не рассказал, поэтому мы считали, что ты сумел договориться с их вожаком, — повел плечом он. — А что, нет?

Крысолов засмеялся.

— Ну вы, блин, даете. Вы все, что ли так считаете? — он снова обвел всех сталкеров взглядом, и те неопределенно закивали. — Эх, ну как я могу с ними договориться? Они что, говорить умеют? Или я с ними на мигах?

— Тогда будьте же так добры, объясните нам, уважаемый Кирилл Валериевич, — лицо старика выражало подлинную заинтересованность, — как вам это удалось.

И Крысолов рассказал. Рассказал о случае в Яготине, о собаках, о датчике, о «Едином Смотрящем», о бункерах «первенцев», о дозиметрах, воздухе, спутниках, «Афта-лайфе», обо всем, что узнал от одного из ученых, пожертвовавших своим мозгом ради науки. Рассказал о харьковчанах, которые сумели выжить, но все еще продолжают нуждаться в них не столько как для защиты, сколько для поднесения духа. О себе, о своих телепатических способностях. И сталкеры, не считая недоверчивого выражения на лицах Тюремщика и Михалыча, — впрочем этим удивляться не приходилось, — заморожено молчали и, не смыкая даже век, внимательно, как жаждущие новых знаний послушники, вникали в поведенное Кириллом Валериевичем.

При каких либо других обстоятельствах он уже давно отдал бы приказ и не деликатничал бы. Сказал бы продолжать путь в Харьков, значит, продолжать и отставить все трепления на эту тему. Но делать он этого не стал. Возможно, по той причине, что отдай он подобный приказ, предварительно не согласовав его с остальными членами экспедиции, и его вменяемость наряду с кристальностью рассудка могли бы встать под большой вопрос.

«Какого черта?! — могли бы возразить остальные члены экспедиции, и были бы, разумеется, правы на все сто: — С какой радости нам продолжать экспедицию? Преследовать надуманные идеи? Проверить, кто там передает нам приветы из Харькова? Да вы в своем уме, командир? У нас уже один человек числится пропавшим без вести, неизвестно где «Бессонница» со своим экипажем, а мы тут покатушки в Харьков устроим?!»

И тогда кто его знает, где он проведет остаток времени, что они будут ехать обратно? Запрут в последнем отсеке «Чистильщикова» вагона, оружие заберут, люк загерметизируют, вот и посиди, дорогой товарищ начальник в изоляции пока домой не вернемся. Так это же еще в лучшем случае. В худшем, если он сопротивляться начнет, то есть выкажет свою потенциальную опасность для остальных членов экипажа, а в дальнейшем и для всего Укрытия в целом, то и того похлеще — высадят у ближайшей деревни, автомат с рожком патронов бросят, и будь здоров, не поминай лихом, великий Крысолов.

Ведь разные случаи были. Сталкерам не привыкать к тому, что их командиры, даже самые мудрые и опытные, рано или поздно съезжают с катушек и начинают отдавать такие приказы, о выполнении которых трезвым умом никогда и не подумаешь. А посему в случай чего церемониться не будут: только учуют, что с командующим нелады, и все — прощай дорогой Крысолов, не выдержала твоя психика очередного испытания.

— Я не знаю, верите ли вы мне, — подытоживал он. — Я не знаю, верю ли сам сказанному «Единым Смотрящим», но, видит Бог, я согласен в это поверить. Пускай мне для этого придется признать себя... — он покосился на Секача, — существом, далеким от

прежнего понятия «человек»... Ну и черт с ним, главное, что мы ведь есть, что мы живы, а, значит, и будем жить. А форма наша — это всего лишь форма. Все поменялось же вокруг нас, все! Природа, атмосфера, биосфера — да все! Почему наша форма должна оставаться прежней? Возможно даже, что это и есть следующий этап эволюции! Ведь какому-нибудь неандертальцу если бы показать современного человека, он ведь тоже подумал бы, что тот выглядит как полный урод. Да и ну ее к черту, форму эту! Какой бы она там не была через двести лет, главное, что у нас останется сознание, — он постучал себя крюком указательного пальца по виску. — Мы должны его сохранить. И тогда мы сможем дальше развивать наши таланты, изучать природу, создавать новые разделы в науке, рисовать картины и писать книги о подвигах наших сталкеров. Быть может, кто-то когда-то напишет и о нас, мужики, о нашем выходе четыреста девяносто три, о том, как мы стояли на грани, но все-таки сумели удержаться одной командой! — последнее сказанное Крысолову, видимо, настолько понравилось, что он решил его повторить еще дважды: — Одной командой, мужики! Одной командой!

Тишина. Лишь далекое шуршание подошв да потрескивание навевающего ностальгию о доме костра. Никто не слышал раньше, чтобы Крысолов так говорил. Будто упрасивал. Казалось, что если кто-то решит встать ему наперекор, он преклонит перед ним колени, моля, чтобы ему поверили. Его глаза, лицо, не находящие себе места руки — словно у человека, который заметил в плотине трещину и прибежал предупредить всех, что скоро их затопит, а они смотрят на него как на умалишенного.

В этой тишине, казалось, даже было слышно, как журчат потоки мыслей в головах. Никто не переговаривался, будто каждый боялся первым озвучить свои соображения какими бы на его взгляд правильными они ни были. Все молчали и даже их взгляды не пересекались, как и прежде, сосредоточившись на заметно потускневшем пламени костра.

— Ребята, — обратил на себя внимание выглянувший из-за плеча Крысолова полковник Щукин, — а ведь это правда. И хотя мне не очень нравится это слово — неочеловек, и уж совсем не хочется признавать себя мутантом, — он снисходительно улыбнулся, — но то, о чем поведал Кирилл Валериевич, для меня, бесспорно, не новость.

На лицах молодых сталкеров застыло подлинное удивление, старики же лишь скептически повели бровью.

— Это долго скрывалось под грифом секретности, да и сейчас за разглашение этой информации можно поплатиться жизнью, но я, старый болтун, так чувствую, что проговорюсь, — он снова улыбнулся. — Я не знаю, конечно, все ли вы помните то, о чем я хочу вам рассказать, но вот что Кирилл Валериевич помнит — так это уж точно. Помните, — он оглянулся на Крысолова, — так называемые, камеры очистки? Когда каждый, кто возвращался с поверхности, должен был обязательно через них проходить, будто бы для того, чтобы не пронести в Укрытие никакой заразы? — Крысолов согласительно кивнул. — Так вот не то, что из гражданских, — из военных, — мало кто знал, что никакого очистного устройства там не было. Ему попросту неоткуда было взяться. Мы же с вами как-никак собирались безвылазно сидеть под землей лет двадцать-тридцать, пока бы «первенцы», — а об их существовании военное руководство, разумеется, отлично знало, — не обследовали бы хорошенько все вокруг, а потому никаких устройств для очистки от посторонних биоэлементов в Укрытии предусмотрено не было. Вас, тех, кто возвращался с поверхности, обдували обычным паром, да и только. На самом же деле в камерах очистки стояли сканеры, установленные учеными из «Бионики». И в сканеры эти составлялись не из чего иного, как из тех высокочастотных датчиков, о которых Кириллу Валериевичу рассказал Разум. Да, да, — закивал он сам себе, поскольку глаза остальных снова сосредоточенно изучали костер, — те самые датчики. Дело в том, что еще на заре Эпохи Выживших, когда первые сталкеры их раздобыли — а они понятия не имели, что то были за «калькуляторы» — ученые уже поняли, что за головоломные данные они выдают. Со временем, быть может, мы бы и забыли о них, ведь зачем они нужны нам, простым воякам? Мы и без них хорошо знали, кто есть кто на поверхности, но вот для этих проныр из лабораторий... — Василий Андреевич с

шлепком ударил кулаком в раскрытую ладонь. — Их хлебом не корми, дай над кем-то провести исследования. Они убрали камеры очистки, поскольку «очистка» проводилась слишком уж примитивным способом и рано или поздно могла привлечь к себе внимание, и незаметно расставили датчики по заставам. Так вот вы, братцы сталкеры, и стали для них подопытными кроликами. Они следили за состоянием каждого: и того у кого был первый выход, и того, кто подымается уже почти двадцать лет. Показатели, вынужден признаться, действительно отличались. И в том, Кирилл Валериевич, что прибор у яготинца зашкалил на вас в красную зону нет абсолютно ничего удивительного. Ученые из «Бионики» ничего не знали и не знают об «общем модуле» и о том, что учеными из московского НИИ было собрано три тысячи разных образцов физданных на человека, чтобы отделять нового человека от старого, но впервые они забили тревогу два года после того, как сканеры были установлены в Укрытии. Уже тогда они выявили рост приспособленности организма сталкеров к условиям наружной среды. К воздуху. К фону. Установили, что чем больше у человека подъемов, тем более становится у него налаженное физическое состояние, тем больше развиваются в нем способности, о которых обычному человеку из старой жизни нечего было и помышлять. Например, то, что наши дети, если бы их этому обучать, могли бы решать институтские задачи — чистая правда. Просто потребности нынче у нас другие. Вместо уроков литературы, их обучают боевым искусствам и стрельбе; их учат выживать, не так ли, Кирилл Валериевич? — но так и не дождавшись ответа, перевел взгляд на ни капли не повеселевшего Секача: — Так что, Сергей Владимирович, исходя из вышесказанного, не нахожу причин вам чувствовать себя изгоем в нашей компании, — не побоюсь теперь этого слова, — мутантов. Ведь для простых людей из прошлого мы все уже... не те.

И тишина вновь сомкнулась за спинами еще больше напоминавшими собой отрешенных зомби, усугубившихся в чувстве, что они оказались не в своей тарелке, согбенных людей.

Первым из ступора, удачно замаскированного обычно недоверчивым, кислым выражением лица, вышел Тюремщик. Стараясь не заглядывать никому конкретно в глаза, он неколеблющимся шагом подошел к камню, на котором стоял чайник с растопленным машинным топливом, подчас годившимся для приема внутрь, и разлил содержимое в стоящие там несколько кружек. Затем подошел к тем сталкерам, которые продолжали греть свои кружки в руках еще с первого тоста, и вылил им все, что оставалось в чайнике. Затем так же молча подошел к камню, взял свою кружку и только теперь поднял глаза на люд.

— Прошу, — сказал он, и сталкеры будто бы ожили. Закашлялись, переглянулись между собой, перекинулись парой слов. — За нас! За всех нас! — Тюремщик с уважением протянул вперед свою кружку, и остальные незамедлительно последовали его примеру. — За неочеловека, хрен бы мать его в нос!

И первым опрокинул горячее себе в глотку.

— За нас! — хором отозвались остальные сталкеры.

Единственной нетронутой оставалась погнутая по краям, алюминиевая кружка Секача, все стоявшего в десяти шагах от угасающего костра и лишь изредка поглядывающего то на Крысолова, то на остальных, но чаще с тоской оглядывающегося на грозно ударяющего вперед себя столбами белого света фар «Чистильщика».

— Серега, — спокойно обратился к нему Крысолов, отставив свою зеленую, эмалированную, местами покрывшейся круглыми пятнами ржавчины, кружку на импровизированный стол. — Ты не хочешь с нами выпить? Ты не поверил тому, что рассказал я и Василий Андреевич?

— Хочу верить, — тихо, почти не слышно за живым обсуждением данной на суд общественности новой темы, ответил Секач. — Но для начала мне нужно разобраться с самим собой. Я... — он сделал полуоборот, собравшись уходить, — очень хотел бы остаться в команде, но, как сказал Тюремщик, я должен для себя понять, кто я есть.

— Ладно, — зачем-то снова взял в руки свою пустую кружку Крысолов, принявшись ее разглядывать. — Если ты так решил... Ты все еще мой друг и я обязан считаться с твоими

решениями, хотя не совсем их поддерживаю. Подумай до завтрашнего вечера... — сказал он, но когда поднял глаза, в том месте, где только что стоял Секач, зияла пустота.

Опустевшими, безотрадными глазами Крысолов поводил вокруг, надеясь распознать в темноте удаляющуюся фигуру, но так и не увидев ее, добавил грустно, почти шепотом: «Надеюсь, ты вернешься».

— Вернется, — утешающее похлопал его по спине Василий Андреевич. — Конечно же вернется. Поймите, Кирилл Валериевич, он сейчас нов для себя, к тому же на него обрушилась масса информации и ему просто нужно время, чтобы все осознать. Это нормально. Он обдумает все и вернется.

— У меня вот, — Крысолов достал из внутреннего кармана костюма бутылку припасенного из кафе коньяка, — есть еще. Давайте выпьем, мужики? Тут, конечно, и по глотку не будет, но...

— Да мы не против, — отозвался спустившийся с дорожной насыпи Коран, заспанный, запухший весь так, что вместо и без того узких разрезов глаз, остались лишь тоненькие щелочки, как отверстия для заброса монет.

— О, а вот и наш спящий красавец! — радостно загудела толпа. — Доброй ночи. Как ты себя чувствуешь, мут?!

Коран остановился на полпути к камню, и брови у него удивленно поползли вверх.

— Это чего это я мут? — обиженно развел он руками, крутя головой то на одного смеющегося сталкера, то на другого. — Вы чего?

Но толпе от этого становилось только веселее. Бешеный аж подпрыгивал, так ему было смешно наблюдать за еще не полностью отошедшим ото сна, а оттого кажущимся до крайности рассеянным, нерасторопным Кораном, пытающимся хоть у кого-нибудь выпросить объяснение, почему его обозвали «мутом». Тюремщик же хоть и не так откровенно смеялся, но трясущаяся грудь с лихвой выдавала его настроение. Рыжий держался как истинный джентльмен, сдержанно посмеиваясь, прикрыв рот ладонью. А Ариец, у которого Коран все выпрашивал, по какой причине его обозвали «мутом», отвечал что-то невнятное, словно отвлекшийся студент, которого подняли и попросили повторить последние слова преподавателя.

И только Крысолов, оказавшись вне круга, никак не реагировал ни на заразный смех публики, ни на безрезультатно вопрошающего о правде Корана. Он протянул бутылку поспешившему на его кивок Арийцу, и тот принялся разливать коньяк в наставленные на него кружки.

— У нас еще остался нерешенным один вопрос, — сказал Крысолов и смех, дружеские подколы и разговоры сразу же стихли.

Глаза сталкеров, немного охмелевшие, рассеянные, улыбающиеся и выражающие приятное удивление — еще бы, ведь некоторым впервые в жизни выпадает шанс попробовать на вкус коньяк — вновь стали осмысленными, серьезными, сосредоточенно и испытующе сомкнувшись взглядами на Крысолове.

— Если ты о «Бессоннице», — шмыгнул носом Тюремщик, отведя руку в сторону, — то мне кажется, я уже слышу лязг ее гусениц. Или это у меня от пойки в башке гудит?

Словно по команде все сталкеры повернулись влево, прислушались к странной ночной тиши и всмотрелись на дорогу, туда, куда указывала рука Тюремщика. Откуда и вправду долетал едва различимый, прерывчатый, но все же до колес в сердце знакомый звук — слитые воедино звонкое бряцанье траков по асфальту и мерное рокотание двигателя, — дуэт, который не одному поколению несущих на кордоне службу солдат мешал спокойно выспаться. Такой ненавистный тогда, и такой безмерно востребованный сейчас, что, казалось, если он затихнет, навсегда затихнут и сердца тех, кто с таким чаяньем всматривается в темную даль уходящей на запад дороги.

— Слава Богу, — шепнул Крысолов, в главе угла стоящий перед остальными членами экспедиции.

— ...а если не о ней, — продолжил свою мысль Тюремщик, и Кирилл Валериевич

оглянулся на его голос, — то мы тут с ребятами посоветовались и решили, что раз уж мы выехали... — он пожал плечами. — То какого нам черта просто так возвращаться домой, не узнав, что там происходит в нашем Харькове? А? — он вышел в центр круга, и, глядя немигающим взглядом на Крысолова, поднял свою кружку. — Если нужно, мы продолжим наш путь, а не подождем хвосты и будем драпать домой! Мы — братья попавшим в беду харьковчанам, а не тюфяки, испугавшиеся большой черной дороги! Мы хотим по возвращению домой давать ответы, а не как смущенные девицы прятать глаза, когда нас спросят об успехе нашего выхода! — Его немного покачивало, как белье от легкого дуновения ветра, но взгляд оставался по-прежнему трезвым и как всегда проницательным. — В общем, если тебя волновало это, то мы готовы! Так ведь, мужики?

— Кай-й-а-а! — выкрикнул Бешеный, и его боевой клич тут же был подхвачен другими голосами, довольными выкриками и просто свистом.